

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачев**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

PhD, проф. **А. Аматиуши** (Италия, Туринский ун-т); PhD, проф. **М. Бёмиг** (Италия, Неаполитанский ун-т); PhD, проф., акад. **Р. Бентцингер** (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); PhD, проф. **Я. Вавжинчик** (Польша, Варшавский ун-т); д. ф. н., проф. **А.Л. Верлинский** (Россия, СПбГУ); PhD, проф. **Ю. Вольф** (Германия, Марбургский ун-т, Ин-т немецкой филологии Средних веков); д. ф. н., проф. **А.А. Гутин** (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); PhD, проф. **А. Лашре-Дюжур** (Франция, ун-т Западных Париж — Нантер); PhD, проф. **К. де Ландшир** (Бельгия, Антверпенский ун-т); д. ф. н., проф. **В.З. Демьянков** (Россия, ИЯ РАН); PhD, проф. **Дж. Дёйч-Корнблатт** (США, Ун-т Висконсина); д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН **А.В. Дыбо** (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. **В.И. Заботкина** (Россия, РГГУ); д. ф. н., проф. **Т.А. Золотова** (Россия, Марийский гос. ун-т); д. ф. н., проф. **О.Ю. Инькова-Манзотти** (Швейцария, Женевский ун-т); PhD, проф. **Т. Йованович** (Сербия, Белградский ун-т); PhD, проф. **М.К. Лейте** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. **Г.В. Медведева** (Россия, Иркутский гос. ун-т); PhD, проф. **Б. Мирчевская-Бошева** (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье); PhD, проф. **Э. Моттирони** (Швейцария, Женевский ун-т); PhD, проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский ун-т); д. ф. н., **А.Л. Налепин** (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. **Д.О. Немец-Игнашева** (США, Карлтон колледж); PhD, проф., акад. **Х.Г. Нессельрат** (Германия, Геттингенский ун-т); PhD, проф., акад. **Ж. Нива** (Франция, Европейская академия); PhD, проф. **А. Орландо Кавальере** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); PhD, проф. **Н.Ф. Палмер** (Великобритания, Оксфордский ун-т); д. ф. н., проф. **В.В. Полонский** (Россия, ИМЛИ РАН); PhD, проф. **Э. Раскини** (Франция, Эколь Нормаль); PhD, проф. **Дж. Робертс** (Великобритания, Лондонский ун-т); PhD, доц. **М. Ухлик** (Словения, ун-т Любляны); д. ф. н., проф. **С. Цэрэнчимэдийн** (Монголия, Монгольский гос. ун-т)

Редактор **И.В. Луканина**

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902

Телефон: +7 495 939-53-80, +7 499 391-28-31. E-mail: edit@philol.msu.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 2.11.2018. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 23,7. Тираж экз. Изд. № . Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Ганина Н. А.</i> «Deutsche Mythologie» Якоба Гримма как памятник германистической мысли	9
<i>Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И.</i> Семантические аспекты вариативной проминальности португальских и итальянских переходных глаголов	30
<i>Дедова О.В., Григорьева П.В.</i> Игровое словообразование в современном русском языке	49
<i>Берсенева Н.С., Гвишиани Н.Б.</i> Дискурсивные особенности словообразовательных стратегий в переводе терминологических единиц	65
<i>Чумаченко Е.И.</i> «Московские книги» в петербургском журнале «Современник»	76
<i>Коришкова Е.А.</i> С.Н. Дурылин о М. Горьком	86
<i>Голубцова А.В.</i> Итальянская литература рубежа XIX–XX вв. между классицизмом и романтизмом	97
<i>Сасова Е.А.</i> «Ведь я германец»: к вопросу о космополитизме Ф.М. Гримма	116

К 200-летию И.С. Тургенева

<i>Кормилов С.И.</i> Социальное положение персонажей в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»	126
<i>Ничипоров И.Б.</i> Статьи о творчестве И.С. Тургенева в контексте литературно-критической прозы И. Анненского	144

К 125-летию В.В.Маяковского

<i>Швец А.В.</i> Маяковский в международном пространстве: между искусством вещей и искусством перформанса	152
<i>Пулаки П.</i> Творчество Владимира Маяковского в литературе и литературоведении Ирана	168

Школа функционально-коммуникативной грамматики

М.В. Всеволодовой

К юбилею профессора Майи Владимировны Всеволодовой

<i>Панков Ф.И.</i> Майя Владимировна Всеволодова и ее ученики	179
<i>Всеволодова М.В.</i> Некоторые проблемы современной русской грамматики и категория грамматикализации	194
<i>Виноградова Е.Н.</i> Русские предлоги в концепции М.В. Всеволодовой (на примере одного «из»)	230

Популярная литература в глобальном и локальном культурных пространствах

<i>Зубов А.А.</i> К культурной истории жанров популярной литературы ..	247
<i>Ридер Дж.</i> Становление популярных жанров	252

<i>Киреева Н.В.</i> «Амурский текст»: популярный роман в контексте культурной географии	262

Рецензии

<i>Изотов А.И.</i> Рецензия на кн.: Š e r m á k F r., H o l u b J. Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník. Praha: LEDA, 2016	276

<i>Венедиктова Т.Д.</i> Рецензия на кн.: З е н к и н С. Н. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018	284

Научная жизнь

<i>Князев С.В.</i> Пятая Международная конференция «Современные исследования в фонетике и фонологии»	292

<i>Сорочан А.Ю.</i> Конференция «Юность как сюжет»	297

CONTENTS

Articles

<i>Ganina N.</i> «Deutsche Mythologie» by Jacob Grimm as a Milestone in German Studies	9
<i>Gurevich D., Zholudeva L.</i> Semantic Aspects of Variable Pronominality of Brazilian Portuguese and Italian Intransitive Verbs	30
<i>Dedova O., Grigoryeva P.</i> Wordplay Derivation in Modern Russian	49
<i>Berseneva N., Gvishiani N.</i> Discursive Peculiarities of Word-building Strategies in Terminology Translation	65
<i>Chumachenko E.</i> “Moscow Books” in the St. Petersburg Literary Magazine <i>Sovremennik</i>	76
<i>Korshunova E.</i> The Writer Sergey Durylin about Maxim Gorky	86
<i>Golubtsova A.</i> The Italian Literature at the Turn of the 20th Century: Between Classicism and Romanticism	97
<i>Sasova E.</i> <i>Because I Am German</i> : The Question of F.M. Grimm’s Cosmopolitanism	116

Celebrating Ivan Turgenev’s 200th Anniversary

<i>Kormilov S.</i> Social Standing of the Characters in Ivan Turgenev’s Fathers and Sons	126
<i>Nichiporov I.</i> Articles on I. Turgenev’ Work in the Context of I. Annen-sky’ Critical Prose	144

Celebrating Vladimir Mayakovsky’s 125th Anniversary

<i>Shvets A.</i> Mayakovsky Abroad: Between the Art of Things and the Art of Performance	152
<i>Poulaki P.</i> Mayakovsky’s Work in Iranian Literature and Literary Criticism	168

Celebrating Prof. Maya Vsevolodova’s School of Functional-Communicative Grammar

Celebrating Prof. Maya Vsevolodova’s 90th Anniversary and School of Functional-Communicative Grammar

<i>Pankov F.</i> Professor Maya Vsevolodova and Her Followers	179
<i>Vsevolodova M.</i> Some Challenges of Modern Russian Grammar and a Grammaticalization Theory	194
<i>Vinogradova E.</i> Russian Prepositions in M. Vsevolodova’s Theory (A Case Study of Preposition « <i>у</i> »))	230

Popular Literature in Local and Global Cultural Spaces

<i>Zubov A.</i> A Cultural History of Popular Literary Genres	247
<i>Rieder J.</i> The Emergence of Popular Genres	252

<i>Kireeva N.</i> “Amur text”: a Popular Novel in the Context of Cultural Geography	262

Reviews

<i>Izotov A.</i> Book Review: Fr. Čermák, J. Holub. Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník. Praha: LEDA, 2016	276
<i>Venediktova T.</i> Book Review: Theory of Literature in the Context of Cultural History: Zenkin S.N. Theory of Literature. Problems and Results. Moscow, 2018	284

Academic Life

<i>Kniazev S.</i> The chronicles of the V International Scientific Conference on Contemporary Research in Phonetics and Phonology: Methods, Aspects and Problems	292
<i>Sorochan A.</i> The Conference on Youth as a Plot	297

СТАТЬИ

Н.А. Ганина

«DEUTSCHE MYTHOLOGIE» ЯКОБА ГРИММА КАК ПАМЯТНИК ГЕРМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена определению места и значения фундаментального труда Якоба Гримма «Deutsche Mythologie» («Немецкая мифология») в контексте истории науки и развития германистической мысли. Прежде всего выясняются обстоятельства создания этой работы на фоне исторической ситуации в Германии первой трети XIX в. Затем с опорой на переписку Я. Гримма с немецким скандинавистом Гретером обсуждается научный ландшафт той эпохи и специфика деятельности братьев Гримм. Далее рассматриваются концепция, методика и структура труда Гримма, преимущества и недостатки его метода. Рассмотрение материала позволяет заключить, что «Deutsche Mythologie» представляет собой первопрородческую работу, стоящую у истоков современной германистики и индоевропеистики. Ее масштабное влияние очевидно во многих областях науки, причем можно выявить целый ряд основных направлений научной рецепции труда Гримма: во-первых, появление авторитетных этимологических словарей древнегерманских языков со сквозными отсылками к труду Гримма и словарей других древних индоевропейских языков с использованием сравнительно-исторического метода; во-вторых, использование гриммовской методики при создании предметно-понятийных словарей и энциклопедий германских древностей; в-третьих, возникновение целого ряда трудов по германской мифологии во второй половине XIX–XXI вв.; в-четвертых, указание перспективного направления для последующих поколений германистов и развития соответствующей тематики в разных исследовательских направлениях; в-пятых, развитие сравнительных исследований в области языка и фольклора в широком смысле. Тем самым «Deutsche Mythologie» при всех ее сильных и слабых сторонах принадлежит к классике научной мысли и занимает соответствующее место в системе преподавания исторической германистики.

Ключевые слова: Якоб Гримм; «Deutsche Mythologie»; сравнительно-историческое языкознание; германистика; германская мифология.

Ганина Наталия Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ganina@philol.msu.ru).

Обращаясь к истокам современной исторической германистики, нельзя обойти вниманием основополагающие работы Якоба Гримма (1785—1863). Особый интерес в контексте развития науки представляет «*Deutsche Mythologie*» — фундаментальный труд по германской мифологии, не утративший своего значения до настоящего времени. Работа Гримма впервые увидела свет в 1835 г. в Гёттингене [Grimm, 1835] и выдержала целый ряд переизданий: так, в 1844 г. вышло сильно переработанное и дополненное второе издание в двух томах [Grimm, 1844], в 1854 г. — третье издание (без изменений по сравнению со вторым) [Grimm, 1854]. Четвертое издание (Берлин, 1875—1878 гг.), которое подготовил индоевропеист и германист Элард Гуго Майер, включает третий том с комментариями и дополнениями Якоба Гримма, собранными за всю его долгую научную деятельность [Grimm, 1875—1878]. Книга неоднократно переиздавалась в новейшее время с предисловиями разных исследователей на основе четвертого издания 1875 г. [Grimm, 1968, репринт: Grimm, 1992, 2003, 2007, 2014].

Якоб Гримм обратился к теме германской мифологии в 1832 г. в Гёттингене. В этот прославленный университетский город Гримм переехал за два года до того из Касселя, где исполнял должность второго библиотекаря университетской библиотеки, в то время как его брат Вильгельм там же с 1814 г. исполнял должность секретаря. После смерти главного библиотекаря университетской библиотеки Касселя в 1829 г. братья Гримм оказались гораздо менее востребованными и решили продолжать свою деятельность в другом месте. В 1830 г. Якоб получил профессию в Гёттингене, став там же библиотекарем по юридической тематике, отвечавшим за новые поступления. Вильгельм с 1831 г. исполнял должность библиотекаря Гёттингенского университета, а в 1835 г. получил там экстраординарную профессию. В гёттингенском издательстве «*Dieterich'sche Buchhandlung*», в котором вышла в свет «*Deutsche Mythologie*» Якоба, еще в 1820-е годы был опубликован ряд его книг, посвященных германским древностям и эпосу [Grimm, 1821, Grimm, 1829]¹. Тем не менее пестрая политическая жизнь той эпохи помешала братьям Гримм остаться в Гёттингене. В 1837 г. они присоединились к протесту «Гёттингенской семерки» — группы гёттингенских профессоров, выступивших против отмены либеральной конституции 1833 г. в королевстве Ганновер. Наряду с Якобом и Вильгельмом Гримм в эту группу входили правовед Вильгельм Эдуард Альбрехт, историк Фридрих Кристоф Дальманн (друг Якоба Гримма, которому он в 1835 г. посвятит «*Deutsche Mythologie*»), ориенталист Генрих Эвальд,

---

¹ Здесь и далее даются ссылки на первые издания соответствующих научных трудов.

историк литературы Георг Готфрид Гервинус и физик Вильгельм Эдуард Вебер. Вследствие этого выступления король Ганновера Эрнст Август I лишил должности всех семерых участников протеста, причем Якоб Гримм, Фридрих Кристоф Дальманн и Георг Готфрид были высланы из королевства². Эти политические перипетии не помешали братьям Гримм с 1838 г. начать работу над новым фундаментальным трудом — «*Deutsches Wörterbuch*» [Grimm, Grimm 1854—1960]. Вынужденный отъезд из Гёттингена в итоге сказался на их дальнейшей судьбе положительным образом: в 1841 г. Якоб был приглашен королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV в Берлин и стал членом Берлинской академии наук с правом читать лекции в университете Фридриха Вильгельма. Таким образом, гёттингенский период жизни и творчества Якоба Гримма ознаменован прежде всего созданием «*Deutsche Mythologie*».

«*Deutsche Mythologie*» является одним из центральных трудов Якоба Гримма.³ Эта огромная работа (917 страниц в первом издании) задумана и построена как энциклопедическое обобщение всех доступных на ту эпоху сведений о германской мифологии и свидетельств о верованиях древних германцев от древнегерманских текстов до фольклорных данных XIX в. Масштаб исследования вполне соответствует первопроходческому духу гриммовских трудов и отражает научный энтузиазм той эпохи. Труд был написан и издан за три года, в то время как Гримм наряду с этим читал лекции в университете и исполнял обязанности библиотекаря. Даже при том, что университетская жизнь той эпохи была достаточно свободной и размеренной, отнюдь не все тогдашние профессора достигали столь впечатляющих результатов. У Якоба Гримма возможность интенсивных занятий тематикой германской мифологии была обусловлена целым рядом причин. Прежде всего, братья Гримм были творческими, без преувеличения гениальными исследователями, последовательно ставившими перед собой масштабные научные задачи и выполнявшими их в течение всей жизни. При этом тогдашняя

---

² Королевство Ганновер было образовано в 1814 г. после Венского конгресса и ликвидации наполеоновского королевства Вестфалия и просуществовало до 1866 г. Ввиду личной британско-ганноверской унии первым королем Ганновера был король Великобритании Георг III, который из-за психического заболевания и слепоты находился под опекой принца-регента, в 1820 г. ставшего королем Великобритании и Ганновера как Георг IV. После его смерти в 1830 г. королем Ганновера стал его брат Вильгельм IV, причем фактическим правителем Ганновера с 1816 по 1837 г. был младший сын Георга III Адольф-Фредерик, герцог Кембриджский, исполнявший должность генерал-штатгальтера (с 1831 г. — вице-короля). Со смертью Вильгельма IV в 1837 г. королем стал один из сыновей Георга III — Эрнст Август I, герцог Камберлендский. Он отменил либеральную конституцию 1833 г. и преследовал оппозицию.

³ Ср. оценку новейших исследователей: [Heizmann, 2013].

университетская обстановка вполне благоприятствовала этому, и научный дух эпохи предполагал активное освоение неисследованного материала в обширных академических трудах. Далее, Якоб еще в студенческие годы живо интересовался темой германской мифологии и исконных верований древних германцев, а Вильгельм с 1811 г. публиковал работы по этой тематике [Grimm, 1820; 1821; 1829]. Как фольклористы братья Гримм имели возможность наблюдать примечательные, зачастую уникальные реликты древнейших верований, что укрепляло Якоба в его интересе к этой тематике и создавало необходимость целостного осмысления материала. Братья Гримм действительно ощущали себя на переднем крае науки, и «*Deutsche Mythologie*» представляет собой ключевое звено в цепи их основополагающих работ и изданий — «*Kinder- und Hausmärchen*» [Grimm, Grimm, 1812–1815], «*Deutsche Sagen*» [Grimm, Grimm, 1816–1818], «*Deutsches Wörterbuch*» [Grimm, Grimm, 1854–1960].

В разработке темы германской мифологии у Якоба Гримма был целый ряд предшественников: Фридрих Давид Гретер, Иоганн Арнольд Канне, Георг Фридрих Кройцер, Франц Иозеф Моне, Фридрих Кристиан Рюс. Однако все эти работы несопоставимы с трудом Гримма либо по уровню владения германским материалом и степени его релевантности, либо по масштабу. Канне, Моне и Кройцер выступают со своими обширными трудами как сравнительные мифологи и предшественники научной индоевропеистики, Гретер и Рюс — как скандинависты, известные благодаря своим изданиям текстов, переводам и исследованиям, но не предложившие крупных работ обобщающего характера. Филолог Канне был человеком трудной судьбы (странствовал, служил в армии, был в плену) и при несомненной одаренности принадлежал по характеру скорее к стану романтиков, нежели ученых (см. [Kanne, 1805; Kanne, 1813]). Интересно отметить, что именно он еще до Расмуса Раска и Якоба Гримма сформулировал принцип, впоследствии доказанный этими исследователями как закон первого (германского) передвижения согласных [Kanne, 1804]. Моне, чье имя известно прежде всего благодаря антологии «*Lateinische Hymnen des Mittelalters*», актуальной и в настоящее время, был универсальным ученым, разрабатывавшим тематику средневековой латинской словесности и литургического творчества, индоевропеистики и кельтологии [Mone, 1813; 1822; 1822–1823; 1836; 1850; 1853–1855; 1857]. Наряду с этим он занимал должность директора Баденского генерального земельного архива в Карлсруэ и плодотворно трудился на этом поприще. Поэтому при безусловном интересе Моне к германским древностям германская мифология была лишь начальной ступенью его широких исследований и не находилась в центре его научных интересов. Философ

и филолог Кройцер, друживший с Гёте и Клеменсом Брентано и ставший невольной причиной самоубийства Каролины Гюндероде, подруги Беттины фон Арним, был мифологом-классиком в широком смысле, но не имел отношения к германистике (не случайно тома о скандинавском язычестве в его труде «Символика и мифология древних народов» были написаны Моне) [Creuzer, Mone, 1810–1812, 1819]. Историк Рюс перевел на немецкий язык «Старшую Эдду» и издал исследование о древнеисландской поэзии [Rühs, 1813], однако его работы подверглись серьезной критике со стороны филологов-скандинавистов, прежде всего, Расмуса Раска и Якоба Гримма — ср. негативный отзыв Якоба Гримма о Рюсе как ученом с указанием на критику Раска и других исследователей [Grimm, Graeter, 1877: 59].

Особняком стоит уроженец Швабии Фридрих Давид Гретер (1768–1830), фольклорист и основоположник немецкой научной скандинавистики. Гретер был первым исследователем, занимавшимся древнеисландским языком и древнескандинавской литературы на твердых научных основаниях. В 1789 г. он опубликовал первую антологию древнеисландских поэтических памятников «Скандинавские цветы» [Gräter, 1789]. Кроме того, Гретер издавал журнал по скандинавистике, в разные годы выходивший под разными названиями в романтизирующем духе: «Брагур» (по имени аса-скальда Браги), «Брага и Хермод» (по имени Браги и аса Хермода, посланного Одним в Хель для выкупа Бальдра), «Одина и Тевтона» (аллегорические обозначения скандинавистики и исторической германистики) [Bragur, 1791–1812⁴; Idunna und Hermode, 1812–1816; Gräter, 1809; 1829]. Гретер состоял в переписке с Кристофом Мартином Виландом и Иоганном Готфридом фон Гердером и принадлежал к старшему поколению тогдашних немецких германистов. На волне гиперкритицизма в германистике XX в. возникла идея о противостоянии братьев Гримм и Гретера, причем высказывалось мнение, будто братьям Гримм удалось «наглухо замолчать» заслуги этого ученого [Heinrichs, 1986]. Рассмотрим эту коллизию, поскольку взаимоотношения Якоба Гримма и Гретера позволяют наглядно представить научную позицию братьев Гримм, их исследовательскую стратегию, а также стиль работы и общения с коллегами.

Переписка Гримма и Гретера началась по инициативе Гримма во время его пребывания в Касселе. В письме от 8 августа 1810 г. Гримм задает Гретеру вопрос о том, когда выйдет в свет заявленный Гретером обобщающий труд по скандинавской мифологии⁵. Гретер отвечает не скоро и кратко (письмо от 1 октября 1810 из Бадиш-Халль,

⁴ Позднее под названиями «Braga und Hermode»; «Odina und Teutona».

⁵ Переписка Гримма и Гретера здесь и далее цит. по: [Grimm, Graeter, 1877: 9–61]. Пер. Н.Г.

«в спешке»); он давно заметил Гримма как усердного исследователя скандинавской и немецкой древности, сам же загружен различными обязанностями, письмами может заниматься лишь урывками, «пышная работа по скандинавской мифологии» появится, но состояние здоровья этому не благоприятствует. Гримм в письме от 23 октября 1810 г. из Касселя учтиво отвечает, что рад краткому письму, но надеется на более подробное. Он прочел «Скандинавские цветы» Гретера и сразу сообщает, что подаст критическую рецензию, и в ней по некоторым вопросам осмелится высказать свое иное мнение, но многое может похвалить, и похвалить откровенно. Ответа Гретера на это письмо не последовало, он вновь пишет Гримму только 1 июля 1811 г. (Швабиш-Халль). Обращение Гретера вызвано намерением Гримма издать «Старшую Эдду» (вторую часть, т.е. песни о героях) и «Рейнеке Лиса». Гретер спрашивает, планируется ли снабдить вторую часть «Старшей Эдды» глоссарием, так как глоссарий к первой части недостаточен. Но, конечно же, Гретера больше всего занимает вопрос о том, как осуществляется это издание и когда оно выйдет. Поскольку Гримм работает над изданием героических песней «Старшей Эдды» в сотрудничестве с Арнамагнеанским институтом в Копенгагене и имеет прямой доступ к рукописям, Гретер просит копию транскрипции. Далее, Гретер сообщает, что нигде не нашел обещанной Гриммом критической рецензии на «Скандинавские цветы» и в заключение просит полную библиографию Гримма. Гримм в письме от 23 июля 1811 г. (Кассель) учтиво, но решительно отвечает, что «Эдда» выйдет еще не скоро, о глоссариях и взаимодействии с Арнамагнеанским институтом заботится «уже известный датчанин Раск». Отправить Гретеру копию транскрипции не представляется возможным, так как Гримм работает с оригиналами рукописей, которые ему нужны ежедневно, а обычный писец не сможет справиться с этой задачей. Далее, Гримм подробно обсуждает затронутую Гретером в одном из писем проблему аллитерации у Гомера и древнескандинавских поэтических размеров и просит собрать для него заметки Гретера по этой тематике, опубликованные в журнале «Брагур» и разбросанные по разным номерам. Поскольку Гретер не отвечал, 10 октября 1811 г. Гримм напоминает в следующем письме, что он «незаслуженным образом» не получил на него ответа и задает ряд конкретных вопросов по интерпретации ряда мест в древнескандинавских текстах. 22 ноября 1811 г. Гретер наконец отвечает, что получил все письма, «весьма ценные для него», и прежде всего просит извинения за задержку с ответом. Далее, он указывает, что уже некоторое время назад издал в своем журнале «Одина и Тевтона» фламандскую версию «Рейнеке Лиса» и готов прислать Гримму экземпляр журнала. Все предыдущие вопросы Гримма оставлены без ответа.

За этим следует долгая пауза. Наконец, Гримм в письме от 12 мая 1812 г. (Кассель) вновь обращается к Гретеру, желая возобновить прерванную переписку. При этом Гримм откровенно указывает, что либо его свободомыслие наряду с искреннейшим почтением к заслугам Гретера (которые и без того не нуждаются в похвале), либо что-то иное позволило Гримму сделать вывод о некотором нерасположении со стороны Гретера. Далее, Гримм прямо говорит, что в ответ на свои подробные письма он получал от Гретера лишь краткие ответы «в спешке». При этом Гримм употребляет слово «конкуренция» в отношении издания «Рейнеке Лиса», но указывает, что это обстоятельство его совершенно не тяготит. Поскольку Гретер за время своего молчания в переписке успел опубликовать в своем журнале критику на Гримма, последний предлагает критический ответ для публикации в том же журнале. Гретер, против своего обыкновения, отвечает исключительно быстро (письмо от 20 мая 1812 г.), в сухом и резком тоне с обещанием публичного ответа. Явно уязвленный тем, что Гримм поставил ему на вид медлительность с ответами, Гретер специально отмечает в постскрипуме, что не успел отослать письмо сегодня с курьерской почтой и отошлет завтра. Гримм в письме от 29 мая 1812 г. (Кассель) отвечает весьма учтиво и приветствует обещанный публичный ответ Гретера. Тем не менее, как указывает Гримм, пока он не получил ничего из обещанного Гретером. Понятно, что этот строго деловой разговор должен был еще больше раздосадовать высокоученого, но не слишком дисциплинированного Гретера. Показательно, что в этом же письме упоминается Ахим фон Арним как друг и единомышленник Гримма, но, как можно понять, не Гретера. В заключение Гримм выступает с критикой отдельных мест в переводах Гретера.

Ответа от Гретера вновь не последовало, и в письме от 24 июля 1812 г. Гримм спрашивает, получил ли наконец Гретер письмо и присланные материалы. Гретер в письме от 23 августа 1812 г. (Штутгарт) отвечает Гримму весьма резко, ставя ухудшение отношений в вину Гримму: «Мы, те самые, кто с обеих сторон трудится во имя чести и распространения поэтической и мифологической старины Севера, вынуждены были по меньшей мере разделиться. Так, по крайней мере, видится это мне; и это зависело лишь от *Вас*».⁶ Ответ Гримма (28 августа 1812 г., Кассель) нехарактерно суров и краток: «После того как Ваше Высочорodie получили нашу работу о Ваших замечаниях по нашему изданию «Эдды» и на протяжении целой четверти года не напечатали, сим требую вернуть таковую вместе с одолженными Вам листами Вашей газеты и по получении сего

---

⁶ Курсив Гретера.

письма не предоставляю своих прав на это. Тем не менее, примите и проч.». Гретер на сей раз откликается очень быстро: в письме от 5 сентября 1812 г. (Швабиш-Халль) он подтверждает, что всё получил, сетует на суровый тон Гримма, но ничего не отвечает по сути. В следующем письме (19 сентября 1812, Швабиш-Халль) Гретер, до сих пор настаивавший на публичной дискуссии, неожиданным образом ставит Гримму в упрек то, что он не высказал свои критические замечания по-дружески, а захотел сделать это открыто. Затем следует еще одно письмо Гретера (4 ноября 1812 г., Швабиш-Халль), в котором он ссылается на некоего Хайнце, который будто бы всем распоряжается в журнале «Одина» и якобы всё напутал. Очевидно, что Гретер смущен и надеется своими письмами поправить дело. Ответов Гримма в переписке не содержится. В письме от 5 декабря 1812 г. (Швабиш-Халль) Гретер горячо благодарит за присылку издания «Песни о Хильдебранде», высказывает всяческие похвалы изданию, обсуждает (также с похвалами) издание Вессобруннской молитвы и предлагает свои толкования отдельных мест (к сожалению, довольно беспомощные). Экземпляра «Одины» он всё так и не может найти. Судя по этому письму, отношения не прервались радикальным образом. Гримм отвечает (9 января 1813, Кассель): «Одину» он нашел сам, посмотрел гретеровское издание фламандской версии «Рейнеке Лиса» и его же перевод эддической «Поездки Скирнира» на древнегреческий. Гримм сообщает, что они сами затеяли издание журнала по исторической германистике, а кроме того, вышло их издание сказок: «Вы, наверное, уже держали в руках и видели наши “Детские и семейные сказки”, изданные в прошлом месяце? (Берлин, Realschulb [ibliothek]). Около ста сказок, достоверно собранных из народной традиции!» В постскрипуме Гримм замечает, что Рюс (которого Гретер ценит) крайне грубо критиковал его брата, а в Дании против Рюса вышли две работы, а именно Мюллера и Раска. Ясно, что отношения Гримма и Гретера стали достаточно формальными (так, Гримм не прислал Гретеру издания сказок), хотя Гримм и демонстрирует дружелюбие. Гретер отвечает только 11 февраля 1813 г. кратким и уклончивым письмом, сообщая, что об издании сказок он уже знает. 28 февраля 1813 г. Гретер, наконец, посылает Гримму экземпляр своей «Одины», хотя в этом уже фактически нет необходимости.

Вся переписка свидетельствует о том, что в лице братьев Гримм и Гретера мы имеем дело с совершенно разными типами ученых и учености. Гретер при всех своих заслугах не может угнаться за братьями Гримм с их железной волей и необыкновенной продуктивностью. То, что у других только в планах и мечтах, у них осуществляется день за днем, и они двигаются вперед семимильными шагами. Конечно же,

это прежде всего вопрос личной одаренности и работоспособности. Тем не менее за этим стоит строгая самодисциплина: Якоб Гримм всегда в срок отвечает на письма, и безосновательное промедление с публикацией в целую «четверть года» для него дело немыслимое. Немалую роль играет и идея научного сотрудничества. Братья Гримм сами для себя выработали идею научного коллектива, но дальнейшее их достижение — способность к широкому научному взаимодействию. Они поддерживают связи со всеми ведущими исследователями в своей области, от Расмуса Раска до Ахима Арнима, в то время как Гретер — обособленный исследователь, делающий ставку на «свое» в узком научном смысле. В связи с этим братья Гримм по-настоящему современны, в то время как Гретер, безусловно, внесший большой вклад в науку, — ученый старой формации, зачастую высокопарный и разбросанный. У братьев Гримм есть сознание того, что они развивают науку, четкое понимание своих задач (как тактических, так и стратегических) и методика их выполнения. Они работают с полной отдачей, без жалоб на служебные обязанности и превратности эпохи. Гретер же по старинке называет научную деятельность «писательством» и не всегда умеет отличать главное от второстепенного (так, перевод эддической песни на древнегреческий свидетельствует о познаниях исследователя, но не имеет практической ценности для германистики). В целом же у них разные сферы и масштабы исследования: братья Гримм занимаются исторической германистикой в широком смысле, тогда как Гретер — скандинавист, именно в этом качестве вошедший в историю науки. В заключение следует отметить, что конкуренция в области германской мифологии и издания «Старшей Эдды» оказалась мнимой: Гретер так и не написал заявленный свод скандинавской мифологии, а братья Гримм, следуя своей генеральной германистической линии, не осуществили издания героических песней «Эдды». Впрочем, и в области неосуществленных планов они достигли немало — гриммовский перевод героических песней «Эдды» сохранился в их научном наследии и был издан в XX в. [Paul, 1992], а интенсивные занятия эддическими текстами отразились в материале и аргументации «Deutsche Mythologie».

Обзор немецкого научного ландшафта 1810–1830-х годов свидетельствует о том, что «Deutsche Mythologie» — работа, которую тогда мог осуществить на должном уровне только Якоб Гримм. Этот труд обобщает результаты его многообразных исследований в едином русле исторической германистики и отражает новейшее состояние науки той эпохи. Это действительно кузница тогдашней германистики, где впервые на свет является то, что потом будет использоваться всеми последующими поколениями исследователей, пусть и в иных применениях и новых интерпретациях. Это централь-

ное, объединяющее положение «Deutsche Mythologie» обусловлено научным уровнем Якоба и Вильгельма Гримма как универсальных германистов, благодаря которому они выступали своего рода высшей инстанцией в этой области. Недаром историк Георг Вайтц, открывший в 1841 г. древневерхненемецкие заговоры на форзаце латинской богословской рукописи из библиотеки соборного капитула в Мерзебурге, не стал издавать эти ныне знаменитые Мерзебургские заговоры самостоятельно, но направил их Якобу Гримму, который с согласия Вайтца опубликовал их в 1842 г., а затем включил в свое переиздание «Deutsche Mythologie» 1854 г.

Труд Якоба Гримма называется «Deutsche Mythologie», т.е. буквально «Немецкая мифология». Тем не менее этот свод обобщает мифологию всех древнегерманских племен, и термин «Germanisch» уже существовал в ту эпоху. Рассмотрим причины, по которым в название труда было вынесено понятие «Deutsch». Прежде всего именно «Deutsch» является ключевым словом для всего спектра исследований братьев Гримм — «Deutsche Sagen», «Deutsche Grammatik», «Deutsche Rechtsaltertümer», «Geschichte der deutschen Sprache», «Deutsches Wörterbuch» [Grimm, Grimm, 1816–1818; Grimm, 1819–1837; 1828; 1848; Grimm, Grimm, 1854–1960]. Далее, слово «Deutsch» в ту эпоху было паролем немецких романтиков, знаком здравого патриотизма и прогрессивности. «Deutsch» означало внимание и почтение к немецкой старине, т.е. к истории и культуре Средневековья и своей страны (Гёте, Генрих фон Клейст, Ахим фон Арним, Клеменс Брентано, Беттина фон Арним, Вильгельм Гауф, Юлиус Шнорр фон Карольсфельд и другие поэты и художники). В эпоху наполеоновских войн, когда образованные люди в Германии и России изъяснялись по-французски, а Наполеон устанавливал в Германии свои законы, «Deutsch» стало идеей сопротивления. И наконец, при тогдашней раздробленности Германии «Deutsch» было интегральным культурным термином: не «Bayerisch», не «Preußisch», а «Deutsch». При этом следует отметить, что братья Гримм, в отличие, например, от их оппонента историка Рюса, не были приверженцами национализма.

В научно-методологическом смысле «Deutsch» в гриммовском применении к мифологии древних германцев имело два значения. Во-первых, Якоб Гримм как фольклорист и историк германских древностей имел возможность наблюдать последние реликты этих древностей именно в Германии. В этом плане определение «Deutsche Mythologie» означает апелляцию именно к немецкой мифологии, которую Гримм прослеживает от ее общегерманских истоков до свидетельств средненемецкого периода и позднейших фольклорных проявлений. Это намерение исследователя воссоздать немецкую ми-

фологию как целостное явление в ее историческом развитии вполне понятно с учетом историко-культурного контекста. В процессе христианизации германских народов отношение к исконной мифологической традиции было разным в зависимости от конкретного ареала, и если в Скандинавии и древней Англии было вполне допустимо сохранение и развитие мифопоэтических составляющих исконной культуры в рамках христианства, то в Германии по объективным причинам (характер элиты и элитарной культуры, соотношение латыни и народного языка, особенности монастырской традиции) исконная мифопоэтическая концептуальная сфера оказалась тесно связана с язычеством, проявления которого воспринимались негативно или, по крайней мере, фактически не получали письменной фиксации. В этом смысле «*Deutsche Mythologie*» действительно представляет собой попытку реконструкции немецкой мифологии на теоретических основаниях германистики XIX в.

Важно отметить, что при этой весьма условной теоретической концепции в работе нет методологических искажений, т.е. Grimm не объявляет скандинавскую мифологию или данные «Беовульфа» в прямом смысле слова «немецкими» или «древнегерманскими», но лишь опирается на эти свидетельства в своей широкой реконструкции. В связи с этим суждение о том, что романтическая гриммовская германистика якобы изобрела «немецкую мифологию», которой никогда не было [Hartwich, 2000], представляется не только гиперкритичным, но и методологически неверным. Если таким образом судить начальную эпоху сравнительно-исторического языкознания и исторической германистики, то равным образом «не было» многих мифологических систем, предлагавшихся в то время (а если углубиться в историю исследования славянских древностей, градус критицизма будет только возрастать). Гриммовская «*Deutsche Mythologie*» создавалась не для «изобретения национальной религии», а для нужд исторической германистики и по сути не предполагала какого-либо общественно-практического применения.

Во-вторых (и это тоже немаловажно), понятия «*Deutsch*» и «*Germanisch*» в научном узусе 1810–1830-х годов иногда были фактически синонимичными, и современного размежевания терминов «немецкий» и «германский» во многих случаях просто не было. Так, например, Grimm нередко употребляет определение «*deutsches Wort*» там, где имеется в виду германская лексема в противопоставлении другим индоевропейским языкам. Современному филологу-германисту в таких случаях вполне ясно, что именно хочет выразить Grimm на языке тогдашней германистики, в то время как суть указания с необходимой поправкой остается верной и проницательной.

При обсуждении методологии «Deutsche Mythologie» принято ссылаться на гриммовское предисловие к работе и его положения о мифе, сказании и сказке. Однако эти теоретические положения, во многом продиктованные требованиями тогдашнего научного дискурса, не объясняют сути предпринятого труда. Метод исследования, положенный в основу «Deutsche Mythologie» — сравнительно-исторический, более того, весь этот труд представляет собой пример последовательного применения и, если можно так выразиться, победного шествия этого метода. Огромное количество приводимых германских лексем и обсуждаемых форм, обрушивающиеся на читателя с первой главы, предвосхищает будущие словари древнегерманских языков и труды по германской и индоевропейской этимологии, а лингвистическая реконструкция дает начальный импульс работам по германской и индоевропейской этимологии. При этом Гримм благодаря своему научному чутью неизменно выбирает не просто релевантный, но яркий и интересный материал (сам он определяет его в предисловии в применении к «Germania» Тацита как «so kostbare Angaben», «столь ценные данные») [Grimm, 1854: 5]. Все эти древнегерманские примеры станут классическими и будут обсуждаться во множестве книг и статей по германистике, но здесь они обобщены и исследованы впервые. В итоге перед нами подлинно энциклопедический труд, построенный на четких лингвистических основаниях, которые ввиду своей универсальности не устарели до сих пор.

Напротив, многие теоретические суждения и постановки вопросов в духе тогдашней эпохи ныне представляются устаревшими — в частности, тезис Гримма о прямых континуантах древней традиции (ср. [Shippey, 2005]). Равным образом, поскольку индоевропеистика в то время только зарождалась, исследователь еще не располагает четкими критериями и терминологическим аппаратом для обсуждения соответствий в древнегерманских и других индоевропейских языках, а также в области фольклора (термин «изоглосса» будет введен в научный обиход только в конце XIX в., а термин «изопрагма» в применении к фольклору будет последовательно употребляться уже в XX в.). Однако от этого «детского лепета» в области теории не следует отмахиваться, так как эмпирические наблюдения Гримма, как правило, верны, им лишь не хватает теоретической базы — но в то же время именно эти наблюдения и стали импульсом для последующего развития теории. Если же говорить о несомненных теоретических достижениях «Deutsche Mythologie», то именно в этом труде Гриммом были заложены основы сравнительного исследования древнегерманских заговоров.

Материалом исследования для Гримма послужила лексика древнегерманских языков, почерпнутая им из памятников, свидетельства античных и средневековых латинских авторов (Тацит и другие римские авторы, средневековые латинские жития святых), тексты средневенхненемецкого периода, немецкие заговоры, топонимы, сказки и народные обычаи. Это обобщение и упорядочение совершенно разнородного материала исследователи отмечают как одно из важных достижений Гримма (ср. [Heizmann, 2013]). При этом эмпирический, по сути, словарно-энциклопедический подход Гримма к осмыслению и подаче материала выгодно отличается от работ XIX в., в которых приоритет отдается глобальным теоретическим построениям — ср., например, позднейшие, но безнадежно устарелые мифологические труды Макса Мюллера с его тотальным сведением всех фактов к олицетворению астрономических и метеорологических явлений [Müller, 1858].

Концепция и структура труда Гримма отличается от предшествующих работ по германской и скандинавской мифологии, в которых материал распределялся в соответствии с образами отдельных божеств. Заслугой же Гримма является максимально широкий обзор древнегерманских мифологических и религиозных представлений (ср. оценку [Williamson, 2004: 104]. Работа состоит из предисловия, в котором Гримм определяет критерии и задачи своей реконструкции, введения, в котором обсуждается проблема языческой традиции и христианизации германских народов, и 38 тематических глав. Как было уже указано, начиная с издания 1875 г. к работе присоединяется третий том с дополнениями и комментариями Гримма, собранными Майером.

Тематические главы работы посвящены основополагающим понятиям древнегерманской языческой традиции и мифологии с простыми и увлекательными формулировками: «Бог», «Богослужение и празднества», «Храм и алтарь», «Жрецы», «Боги» (далее, главы по именам отдельных божеств в их древневенхненемецкой форме), «Другие боги», «Богини», «Взаимоотношения богов», «Герои», «Вещие жены», «Мифические существа (Wichte) и эльфы», «Великаны», «Творение», «Стихий», «Деревья и животные», «Небо и созвездия», «День и ночь», «Лето и зима», «Время и мир», «Души», «Смерть», «Судьба и удача» и т.д. вплоть до «Болезней», «Трав и камней», «Заговоров и заклинаний». Тем самым Гримм предлагает не просто реконструкцию мифологии («немецкой» или «германской»), но первую концептуальную реконструкцию древнегерманской модели мира.

Как уже говорилось, материал, обобщенный в исследовании, исключительно богат. Впервые введенный Гриммом в научный обиход в этих масштабах и соотношениях, в ту эпоху он был поистине бесце-

нен и в этом смысле равноценен. Однако в настоящее время ценность разных источников и примеров уже неравнозначна. Очевидно, что обобщение древнескандинавского материала у Гримма давно превзойдено благодаря развитию науки, и теперь этот материал будет черпаться современными читателями и исследователями из других источников (хотя и в этой области гриммовская расстановка акцентов иногда остается релевантной). Многочисленные примеры из античных и средневековых латинских источников также нашли свое отражение и многократно обсуждались в новейшей научной литературе. Но всё «немецкое поле» (здесь Гримм прав со своей «Deutsche Mythologie») от древнейших памятников немецкого языка до текстов среднего периода и особенно фольклорных данных и текстов XIX в. сохраняет абсолютную ценность, ибо здесь Гримму нет равных как историку языка и фольклористу. Можно сколько угодно оспаривать гриммовскую идею континуитета традиции, но за свидетельствами о немецкой Хольде (общегерм. *(un) h^u/l̥pō, продолжения которого засвидетельствованы еще в готском переводе Библии в значении ‘злой дух’), Дикой Охоте, «возделывании льна», «щуке и аисте», «болезнях, камнях и травах» и т.д. нужно по-прежнему обращаться к Гримму, потому что он наблюдал живые реликты мифологических представлений в начале XIX в. и впервые обобщил весь древнегерманский лингвистический материал по этой тематике.

Таким образом, «Deutsche Mythologie» — первопроходческая работа, стоящая у истоков современной германистики и индоевропеистики. Ее масштабное влияние очевидно во многих областях науки. Можно выделить целый ряд основных направлений научной рецепции труда Гримма. Прежде всего это создание авторитетных этимологических словарей древнегерманских и других древних индоевропейских языков, т.е. развитие сравнительно-исторического языкознания в широком смысле. Очевидно, что это направление развивалось бы, даже если бы труд Гримма по каким-то причинам не был создан или оставался неопубликованным, но «Deutsche Mythologie» раскрыла перед исследователями такую сокровищницу лексического материала и столь широкие перспективы этимологического анализа, что исследование лексики памятников и создание словарей после этого стало уже не просто желательным, но необходимым последующим шагом. Роль «Deutsche Mythologie» в этом процессе осознавалась и самими исследователями: так, например, сквозные ссылки на труд Гримма присутствуют в фундаментальных словарях древнегерманских языков, а именно в словаре древнеисландского языка Ричарда Клисби и Гудбранда Вигфуссона и словаре древнеанглийского языка Джозефа Босворта и Т. Норткота Толлера [Cleasby, Vigfusson, 1957; Bosworth, Toller, 1898]. Далее, это возникновение целого ряда

трудов по германской мифологии во второй половине XIX—XX вв. от Вольфганга Гольтера и Карла Хельма до Яна де Фриса, Хильды Эллис Дэвидсон и Рудольфа Зимека [Golther, 1895; Meyer, 1910; Helm, 1913, 1937—1953; de Vries, 1935—1937; Ellis Davidson, 1964, 1988; Simek, 2003, 2004, 2005]. Плодотворное применение гриммовской методики, а именно сочетание словарного и историко-культурного подхода, легло в основу фундаментальной энциклопедии «*Reallexikon der germanischen Altertumskunde*» Йоханнеса Хоопса (второе издание под руководством Герберта Янкуна и др., впоследствии так же, как электронный ресурс) [Hoops, 1911—1919; Jankuhn, 1973—2007; Simek, 1984, 1996]. Труд Гримма стал вдохновляющим импульсом для всех последующих поколений германистов и развития соответствующей тематики в разных исследовательских направлениях. В качестве примеров продолжения традиции можно назвать Отто Хёфлера, Рудольфа Зимека и автора этой статьи, в разные эпохи находившихся под большим впечатлением от «*Deutsche Mythologie*» и опиравшихся на нее в своих работах [Höfler, 1934, 1973; Höfler, 1992; Simek, 1992; Simek, McKinnell, Düwel, 2004; Simek, 2005; Ганина, 2001]. И наконец, этот труд обусловил развитие сравнительных исследований в области языка и фольклора в широком смысле — ср. прежде всего [Буслаев, 1848]. Тем самым «*Deutsche Mythologie*» принадлежит к классике научной мысли и занимает соответствующее место в системе преподавания исторической германистики.

Список литературы

- Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. Магистерская диссертация. М., 1848.
- Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. М., 2001.
- Bosworth J., Toller T.N.* An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth Ed. and enlarged by T.N. Toller. Oxford, 1898.
- Bragur.* Ein litterarisches Magazin der deutschen und nordischen Vorzeit. Hg. von F.D. Gräter, C.G. Böckh, J.H. Hässlein. Bd. 1—8. 1791—1812.
- Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. Oxford, 1957.
- Creuzer G.F., Mone F.J.* [Hg.] Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: in Vorträgen und Entwürfen. 4 Bde., Abb. Leipzig; Darmstadt, 1810—1812, 1819.
- Ellis Davidson H.* Gods and Myths of Northern Europe. Harmondsworth, 1964 (= *Ellis Davidson H.* Gods and Myths of the Viking Age. New York, 1980).

- Ellis Davidson H.* Myths and Symbols in Pagan Europe: Early Scandinavian and Celtic Religions. Manchester, 1988.
- Golther W.* Handbuch der germanischen Mythologie. Leipzig, 1895.
- Gräter F.D.* Nordische Blumen. Leipzig, 1789.
- Gräter F.D.* Gesammelte poetische und prosaische Schriften. Teil 1. Heidelberg, 1809.
- Gräter F.D.* Versuch einer Einleitung in die Nordische Alterthumskunde, vorzüglich für Dichter und Künstler. 2 Bde. Dresden, 1829 (Allgemeine Taschenbibliothek der menschlichen Culturgeschichte 12).
- Grimm J.* Deutsche Grammatik. 4 Bde. Göttingen, 1819–1837.
- Grimm J.* Deutsche Rechtsaltertümer. Göttingen, 1828.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. Göttingen, 1835.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. 2. Aufl. 2 Bde. Göttingen, 1844.
- Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. 2 Bde. Leipzig, 1848.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. 3. Aufl. 2 Bde. Göttingen, 1854.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. 4. Aufl. 3 Bde. Bearb. von E.H. Meyer. Berlin, 1875–1878.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. Mit einer Einführung von L. Kretzenbacher. 3 Bde. Graz, 1968 (Nachdruck Wiesbaden 1992, 2003, 2007, 2014).
- Grimm W.* Die altnordische Literatur in der gegenwärtigen Periode // Hermes. Bd. 5. 1820, S. 153.
- Grimm W.* Ueber deutsche Runen. Göttingen, 1821.
- Grimm W.* Die deutsche Heldensage. Göttingen, 1829.
- Grimm J., Gräter W.* Briefwechsel zwischen Jacob Grimm und Friedrich David Graeter aus den Jahren 1810–1813. Hg. von H. Fischer. Heilbronn, 1877.
- Grimm J., Grimm W.* Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. 2 Bde. Berlin, 1812–815.
- Grimm J., Grimm W.* Deutsche Sagen. 2 Bde. Berlin, 1816–1818.
- Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. 32 Bde. Leipzig, 1854–1960.
- Hartwich W.-D.* “Deutsche Mythologie”: die Erfindung einer nationalen Kunstreligion. Bodenheim, 2000.
- Heinrichs A.* Die Brüder Grimm versus Friedrich David Gräter — ein fatales Zerwürfnis // Württembergisch Franken. Bd. 70. 1986. S. 19–34.
- Heizmann W.* Jacob Grimms «Deutsche Mythologie». Доклад в рамках серии открытых лекций «Die Grimms... in Wort und Tat». Гёттингенский университет. 23 апреля 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hU52RbR4zQU> (accessed: 28.04.2018).
- Helm K.* Altgermanische Religionsgeschichte. 2 Bde. Heidelberg, Winter, 1913, 1937–1953.
- Höfler O.* Kultische Geheimbünde der Germanen. Frankfurt a. M., 1934.
- Höfler O.* Verwandlungskulte, Volkssagen und Mythen. Wien, 1973.
- Höfler O.* Kleine Schriften: Ausgewählte Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Religionsgeschichte, zur Literatur des Mittelalters, zur germanischen Sprachwissenschaft sowie zur Kulturphilosophie und –morphologie. Hg. von H. Birkhan. Hamburg, 1992.

- Hoops J.* [Hg.] Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 4 Bde. Straßburg, 1911–1919.
- Idunna und Hermode, eine Alterthums-Zeitung auf das Jahr...* Hg. von F.D. Gräter. Bd. 1'6. 1812–1816.
- Herbert Jankuhn* [u.a.; Hg.] Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. 35 Bde. Berlin [u.a.], 1973–2007.
- Kanne J.A.* Ueber die Verwandtschaft der griechischen und teutschen Sprache. Leipzig, 1804.
- Kanne J.A.* Mythologie der Griechen. Leipzig, 1805.
- Kanne J.A.* System der indischen Mythe, oder, Chronus und die Geschichte des Gottmenschen in der Periode des Vorruckens der Nachtgleichen, nebst einer Uebersicht des mythischen Systems als Beilage an den Verfasser. Leipzig, 1813.
- Meyer R.M.* Altgermanische Religionsgeschichte. Leipzig, 1910 (Nachdruck Hamburg, 2013).
- Mone F.J.* Einleitung in das Nibelungen-Lied zum Schul- und Selbstgebrauch. Heidelberg, 1818.
- Mone F.J.* Ueber die Sage vom Tristan, vorzüglich ihre Bedeutung in der Geheimlehre der britischen Druiden. Heidelberg, 1822.
- Mone F.J.* Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa. 2 Bde. Leipzig; Darmstadt; Leske, 1822–1823 (= *Creuzer G.F., Mone F.J.* [Hg.] Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: in Vorträgen und Entwürfen. 6. Teil).
- Mone F.J.* Untersuchungen zur Geschichte der teutschen Heldensage. Quedlinburg; Leipzig, 1836.
- Mone F.J.* [Hg.] Lateinische und Griechische Messen aus dem zweiten bis sechsten Jahrhundert. Frankfurt a. M., 1850.
- Mone F.J.* [Hg.] Lateinische Hymnen des Mittelalters/Hymni Latini medii aevi. 3 Bde. Freiburg im Breisgau, 1853–1855.
- Mone F.J.* Celtische Forschungen zur Geschichte Mitteleuropas. Freiburg im Breisgau, 1857.
- Müller M.* Comparative mythology. London, 1858.
- Paul F.* [Hg.] Heldenlieder der Edda in der Übersetzung der Brüder Grimm. Unveröffentlichte Texte aus dem Nachlass. Kassel, 1992.
- Shippey T.* A Revolution Reconsidered: Mythography and Mythology in the Nineteenth Century // *Shippey T.* [Ed.] The Shadow-Walkers: Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous. Tempe, AZ, 2005 (Medieval and Renaissance Texts and Studies, 291/Arizona Studies in the Middle Ages and the Renaissance 14). P. 1–28.
- Simek R.* Lexikon der germanischen Mythologie. Stuttgart, 1984.
- Simek R.* Erde und Kosmos im Mittelalter. München, 1992.
- Simek R.* Dictionary of Northern Mythology. Cambridge, 1996.
- Simek R.* Religion und Mythologie der Germanen. Stuttgart, 2003.
- Simek R.* Götter und Kulte der Germanen. München, 2004.
- Simek R.* Der Glaube der Germanen. Limburg; Kevelaer, 2005.

- Simek R., McKinnell J., Düwel K.* Runes, Magic and Religion: A Sourcebook. Wien, 2004.
- Vries, J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. 2 Bde. Berlin; Leipzig, 1935–1937.
- Williamson G.S.* The Longing for Myth in Germany: Religion and Aesthetic Culture from Romanticism to Nietzsche. Chicago, 2004.

Natalija Ganina

**«DEUTSCHE MYTHOLOGIE» BY JACOB GRIMM
AS A MILESTONE IN GERMAN STUDIES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article defines the place and significance of Jacob Grimm's *Deutsche Mythologie* («German Mythology»/«Teutonic Mythology») in the history of science and in the development of historical comparative linguistics and German studies. Given the historical situation in Germany in the first third of the 19th century, the paper clarifies how the book was created and discusses the research landscape of that period. Special emphasis is laid on the correspondence between Jacob Grimm and Friedrich David Gräter, the first German contributor to Nordic studies, which enables the researcher to crystalize the Brothers Grimm's approach. Of special interest is the concept, method and structure of Jacob Grimm's work. It is argued that *Deutsche Mythologie* is a groundbreaking work that opened the door to German and Indo-European studies of later times. It is claimed that it had a big influence on many fields of science, including the creation of renowned etymological dictionaries of Old Germanic languages with continuous links to Grimm's book, the development of dictionaries of ancient Indo-European languages based on the comparative-historical method, the compiling of conceptual dictionaries and encyclopaedias of Germanic antiquities, and the emergence of a great many publications and studies on Germanic mythology between the second half of the 19th century and the early 21st century.

Key words: Jacob Grimm; *Deutsche Mythologie*; historical comparative linguistics; German studies; Germanic mythology.

About the author: *Natalija Ganina* — Professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Dr. habil., Lomonosov Moscow State University (e-mail: ganina@philol.msu.ru).

References

- Bosworth J., Toller T.N. *An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth*. Ed. and enlarged by T.N. Toller. Oxford, Clarendon Press, 1898. 1 + 1302 p.

- Buslaev F.I. *O vliyanií khristianstva na slavyanskiy yazik. Opyt istorii yazyka po Ostromirovu evangeliyu*. [On the influence of Christianity on Slavic. A language history essay according to the Ostromir Gospels] MA thesis. Moscow, Moscow University Publ., 1848 (In Russ.). 211 p.
- Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic-English Dictionary*. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. Oxford, Clarendon Press, 1957. XLV + 833 p.
- Ganina N.A. *Gotskaya yazycheskaya leksika*. [The Gothic heathen vocabulary] Moscow, Moscow University Publ., 2001 (In Russ.). 173 p.
- Bragur. *Ein litterarisches Magazin der Deutschen und nordischen Vorzeit*. Ed. by F.D. Gräter, C.G. Böckh, J.H. Hässlein. Vols. 1–8. 1791–1812.
- Creuzer G.F., Mone F.J. [Hg.] *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: in Vorträgen und Entwürfen*. 4 vols., ill. Leipzig; Darmstadt, K.W. Leske, 1810–1812, 1819.
- Ellis Davidson H. *Gods and Myths of Northern Europe*. Harmondsworth, Penguin Books, 1964. 251 p. [= Ellis Davidson H. *Gods and Myths of the Viking Age*. New York, Barnes & Noble Publ., 1980. 250 p.].
- Ellis Davidson H. *Myths and Symbols in Pagan Europe: Early Scandinavian and Celtic Religions*. Manchester, Manchester University Press, 1988. XII + 268 p.
- Golther W. *Handbuch der germanischen Mythologie*. Leipzig, S. Hirzel, 1895. XII + 668 p.
- Gräter F.D. *Nordische Blumen*. Leipzig, Gräffische Buchhandlung, 1789. 397 p.
- Gräter F.D. *Gesammelte poetische und prosaische Schriften*. 1st part. Heidelberg, Mohr und Zimmer, 1809. 372 p.
- Gräter F.D. *Versuch einer Einleitung in die Nordische Alterthumskunde, vorzüglich für Dichter und Künstler*. 2 vols. Dresden, Hilscher, 1829 (Allgemeine Taschenbibliothek der menschlichen Culturgeschichte 12).
- Grimm J. *Deutsche Grammatik*. 4 vols. Göttingen, Dieterich, 1819–1837.
- Grimm J. *Deutsche Rechtsaltertümer*. Göttingen, Dieterich, 1828. XX + 970 + [2] p.
- Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Göttingen, Dieterich, 1835. XXX + 710 + CLXXVII p.
- Grimm J. *Deutsche Mythologie*. 2nd ed. 2 vols. Göttingen, Dieterich, 1844.
- Grimm J. *Geschichte der deutschen Sprache*. 2 vols. Leipzig, Weidmann, 1848.
- Grimm J. *Deutsche Mythologie*. 3rd ed. 2 vols. Göttingen, Dieterich, 1854.
- Grimm J. *Deutsche Mythologie*. 4th ed. 3 vols. Ed. by E.H. Meyer. Berlin, F. Dümmler, 1875–1878.
- Grimm J. *Deutsche Mythologie*. With an introduction by L. Kretzenbacher. 3 vols. Graz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968 (reprint Wiesbaden 1992, 2003, 2007, 2014).
- Grimm W. Die altnordische Literatur in der gegenwärtigen Periode. *Hermes*. Vol. 5. 1820, p. 153.

- Grimm W. *Ueber deutsche Runen*. Göttingen, Dieterich, 1821. IV + 326 + [2] p.
- Grimm W. *Die deutsche Heldensage*. Göttingen, Dieterich, 1829. VI + 1 + 425 + [1] p.
- Grimm J., Gräter W. *Briefwechsel zwischen Jacob Grimm und Friedrich David Graeter aus den Jahren 1810–1813*. Ed. by H. Fischer. Heilbronn, Gebr. Henninger, 1877. 61 p.
- Grimm J., Grimm W. *Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm*. 2 vols. Berlin, Realschulbuchhandlung, 1812–1815.
- Grimm J., Grimm W. *Deutsche Sagen*. 2 vols. Berlin, Nicolai, 1816–1818.
- Grimm J., Grimm W. *Deutsches Wörterbuch*. 32 vols. Leipzig, Hirzel, 1854–1960.
- Hartwich W.-D. *“Deutsche Mythologie”: die Erfindung einer nationalen Kunstreligion*. Bodenheim, Philo-Verlag, 2000. 217 p.
- Heinrichs A. Die Brüder Grimm versus Friedrich David Gräter — ein fatales Zerwürfnis. *Württembergisch Franken*. Vol. 70. 1986, pp. 19–34.
- Heizmann W. *Jacob Grimms «Deutsche Mythologie»*. Lecture. Open lecture series «Die Grimms... in Wort und Tat». University of Göttingen. 23th April 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hU52RbR4zQU> (accessed: 28.04.2018).
- Helm K. *Altgermanische Religionsgeschichte*. 2 vols. Heidelberg, Winter, 1913, 1937–1953.
- Höfler O. *Kultische Geheimbünde der Germanen*. Frankfurt a. M., Moritz Diesterweg, 1934. 357 p.
- Höfler O. *Verwandlungskulte, Volkssagen und Mythen*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 250 p.
- Höfler O. *Kleine Schriften: Ausgewählte Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Religionsgeschichte, zur Literatur des Mittelalters, zur germanischen Sprachwissenschaft sowie zur Kulturphilosophie und –morphologie*. Ed. by H. Birkhan. Hamburg, Buske, 1992. 851 p.
- Hoops J. [Ed.] *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. 4 vols. Straßburg, Karl J. Trübner, 1911–1919.
- Idunna und Hermode, eine Alterthums-Zeitung auf das Jahr...* Ed. by F.D. Gräter. Vols. 1–6. 1812–1816.
- Herbert Jankuhn [et al.] [Ed.] *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. 2nd ed. 35 vols. Berlin [a.o.], De Gruyter, 1973–2007.
- Kanne J.A. *Ueber die Verwandtschaft der griechischen und teutschen Sprache*. Leipzig, Wilhelm Rein, 1804. 270 p.
- Kanne J.A. *Mythologie der Griechen*. Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1805. LXVIII + 258 p.
- Kanne J.A. *System der indischen Mythe, oder, Chronus und die Geschichte des Gottmenschen in der Periode des Vorruckens der Nachtgleichen, nebst einer Uebersicht des mythischen Systems als Beilage an den Verfasser*. Leipzig, Weygand, 1813. 611 p.
- Meyer R.M. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Leipzig, Quelle und Meyer, 1910 (reprint Hamburg, 2013). XX + 645 p.

- Mone F.J. *Einleitung in das Nibelungen-Lied zum Schul- und Selbstgebrauch*. Heidelberg, August Oswalds Universität-Buchhandlung, 1818. VI + 90 p.
- Mone F.J. *Ueber die Sage vom Tristan, vorzüglich ihre Bedeutung in der Geheimlehre der britischen Druiden*. Heidelberg, August Oswalds Universität-Buchhandlung, 1822. 24 p.
- Mone F.J. *Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa*. 2 vols. Leipzig, Darmstadt, 1822–1823 (= Creuzer G.F., Mone F.J. [Eds.] *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: in Vorträgen und Entwürfen*. 6th part).
- Mone F.J. *Untersuchungen zur Geschichte der teutschen Heldensage*. Quedlinburg, Leipzig, G. Dasse, 1836. XII + 292 p.
- Mone F.J. [Ed.] *Lateinische und Griechische Messen aus dem zweiten bis sechsten Jahrhundert*. Frankfurt a. M., Lizius, 1850. 170 p.
- Mone F.J. [Ed.] *Lateinische Hymnen des Mittelalters/Hymni Latini medii aevi*. 3 vols. Freiburg im Breisgau, Herder, 1853–1855.
- Mone F.J. *Celtische Forschungen zur Geschichte Mitteleuropas*. Freiburg im Breisgau, Herder, 1857. XII + 347 p.
- Müller M. *Comparative mythology*. London, John W. Parker and Son, 1858. 311 p.
- Paul F. [Ed.] *Heldenlieder der Edda in der Übersetzung der Brüder Grimm. Unveröffentlichte Texte aus dem Nachlass*. Kassel, Brüder-Grimm-Museum, 1992. 62 p.
- Shippey T. *A Revolution Reconsidered: Mythography and Mythology in the Nineteenth Century* // Shippey T. [Ed.] *The Shadow-Walkers: Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous*. Tempe, AZ, 2005 (Medieval and Renaissance Texts and Studies, 291/Arizona Studies in the Middle Ages and the Renaissance 14), pp. 1–28.
- Simek R. *Lexikon der germanischen Mythologie*. Stuttgart, Kroner, 1984. 525 p.
- Simek R. *Erde und Kosmos im Mittelalter*. München, C.H. Beck, 1992. 220 p.
- Simek R. *Dictionary of Northern Mythology*. Cambridge, D.S. Brewer, 1996. 438 p.
- Simek R. *Religion und Mythologie der Germanen*. Stuttgart, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 331 p.
- Simek R. *Götter und Kulte der Germanen*. München, Beck, 2004. 128 p.
- Simek R. *Der Glaube der Germanen*. Limburg, Kevelaer, Butzon & Bercker, 2005. 158 p.
- Simek R., McKinnell J., Düwel K. *Runes, Magic and Religion: A Sourcebook*. Wien, Fassbaender, 2004. 224 p.
- Vries, J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. 2 vols. Berlin, Leipzig, De Gruyter, 1935–1937.
- Williamson G.S. *The Longing for Myth in Germany: Religion and Aesthetic Culture from Romanticism to Nietzsche*. Chicago, University of Chicago Press, 2004. 428 p.

Д.Л. Гуревич, Л.И. Жолудева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРИАТИВНОЙ ПРОНОМИНАЛЬНОСТИ ПОРТУГАЛЬСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается явление вариативной прономинальности непереходных (преимущественно антикаузативных) глаголов в португальском (на материале бразильского варианта) и итальянском языках. Исследование, проводившееся на основе данных корпусов <http://www.corpusdoportugues.org/> и <http://www.corpusitaliano.it/> и толковых словарей, показывает, что колебания по прономинальности у исследованной группы частотных глаголов, занимающих центральное положение на шкале неаккузативности/неэргативности (*acordar* ‘просыпаться’, *arder* ‘гореть’, *crescer* ‘расти’, *tudar* ‘менять (ся)’, *romper* ‘ломать (ся)’, *sentar* ‘садиться/сажать’, *virar* ‘превращаться’; *bruciare* ‘гореть/жечь’, *cambiare* ‘менять (ся)’, *improverire* ‘беднеть’, *mutare* ‘менять (ся)’, *rompere* ‘ломать (ся)’, *sciogliere* ‘таять/растопливать’ и др.), вопреки ранее высказывавшемуся предположению, в большинстве случаев не маркируют видовое противопоставление (по эвентивности¹). У некоторых лексем прономинальные и непрономинальные формы используются для противопоставления их прямых и переносных значений, но и эта закономерность не является регулярной. По-видимому, вариативность употребления данных глаголов объясняется историческими процессами, начавшимися еще в поздней латыни, и на данном этапе не закреплена за каким-либо системно реализующимся противопоставлением. При этом в португальском языке ряд глаголов, не зафиксированных в словарях как потенциально прономинальные, встречаются в корпусе в двух вариантах; в

Гуревич Дмитрий Львович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: caipira@yandex.ru).

Жолудева Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: l.zholudeva@gmail.com).

¹ Эвентивность мы, опираясь, в частности, на работу [Lindstedt, 1995: 240], понимаем как: а) ограниченность действия некими пределами и б) действие, противопоставленное состоянию. Мы не ставим задачи раз и навсегда определить понятие “event”, по-разному понимаемое в рамках различных современных теорий [Higginbotham, 2000]. Данный термин нами выбран как в определенном смысле нейтральный и широко употребительный в романской традиции.

итальянском языке ситуация обратная, т.е. глаголы, для которых в словаре указан как прономинальный, так и непрономинальный вариант, в корпусе представлены только в одном из них. В романских языках действуют разнонаправленные тенденции: в одних из них сфера вариативной прономинальности непереходных глаголов расширяется (и, возможно, может в перспективе получить функциональную, например прагматическую, нагрузку), а других, напротив, сужается из-за отсутствия в ее основе регулярного семантического противопоставления.

Ключевые слова: португальский язык; итальянский язык; гипотеза неаккузативности; антикаузативные глаголы; непереходные глаголы; прономинальные глаголы; вариативность.

1. Расщепленная непереходность в свете гипотезы неаккузативности

На волне интереса современной лингвистики к взаимосвязи синтаксиса и семантики в последние десятилетия значительную популярность приобрела гипотеза неаккузативности (Unaccusative Hypothesis, далее — УН), впервые сформулированная в работе [Perlmutter, 1978] и в дальнейшем детализованная на романском языковом материале в [Burzio, 1986] и других исследованиях (см., в частности: [Cennamo, 1999, 2000, 2007, 2008; Mendikoetxea, 2000; Sorace, 2000; Labelle, 1992, 2010]). УН предлагает структурно-семантическую интерпретацию различий в морфосинтаксическом поведении непереходных глаголов в языках с так называемой «расщепленной непереходностью» (“split intransitivity”). Эти различия, помимо актуальной для некоторых романских языков проблемы выбора вспомогательного глагола, включают довольно широкий перечень структурных особенностей, таких как: возможность построения абсолютных причастных оборотов, способность причастия прошедшего времени выступать в атрибутивной функции, способность к участию в синтаксических трансформациях с местоимением *ne/en*, некоторые закономерности, касающиеся порядка слов в предложении и др. Таким образом, УН актуальна не только для итальянского и французского, но и для языков, где отсутствует проблема выбора вспомогательного глагола.

Суть предлагаемого в рамках УН противопоставления неаккузативных и неэргативных глаголов состоит в том, что на уровне глубинной структуры субъект неаккузативного глагола имеет ту же синтаксическую роль, что и объект переходных глаголов, а субъект неэргативного — ту же, что субъект переходных глаголов [van Valin, 1990; Levin & Rappaport Hovav, 1995], чем и объясняются различия в их синтаксических возможностях. С тех пор как перечисленные выше структурные закономерности были впервые описаны синтаксистами, работающими в рамках УН, возник ряд новых

вопросов, в частности касающихся типологического сходства (и несходства) проявлений «расщепленной непереходности» в языках мира. Исследование, результаты которого представлены в данной работе, проводилось именно в таком сопоставительном ключе, на материале романских языков — португальского и итальянского, с опорой преимущественно на современный языковой материал, представленный в корпусах (<http://www.corpusdoportugues.org/> и <http://www.corpusitaliano.it/>)². Мы также ориентировались на данные авторитетных толковых словарей³.

В исследованиях, посвященных семантике и синтаксическому поведению непереходных глаголов, немало внимания уделяется закономерностям выбора вспомогательного глагола в сложных временах в языках, где таких глаголов два [Sorace, 2000; Telve, 2007; Cennamo, 2008; Aranovich, 2007]. Общим для перечисленных работ является поиск закономерностей семантического и/или синтаксического порядка, призванных объяснить, почему одни глаголы устойчиво выбирают бытийный вспомогательный глагол, другие — глагол «иметь», а третьи, набор которых отличается от языка к языку, колеблются. Одна из объяснительных моделей, получившая название иерархического принципа выбора вспомогательного глагола (Auxiliary Selection Hierarchy, далее — ASH; см. [Sorace, 2000; Cennamo & Sorace, 2007; Cennamo, 2008]), представляет непереходность как континуум: те глаголы, что колеблются в выборе вспомогательного, занимают центральное положение, а те, что однозначно выбирают вспомогательные «быть» и «иметь» соответственно, составляют противоположные полюса (см. таблицы в [Sorace, 2000: 863; Cennamo, 2008: 129, 132]). Согласно данной теории прототипически неаккузативными являются глаголы изменения местоположения, т.е. глаголы направленного движения («прийти», «уйти»), а прототипически неэргативными — глаголы контролируемой деятельности («работать»). Промежуточное положение занимают глаголы, так или иначе описывающие состояния (меняющееся, сохраняющееся, существующее: «родиться»; «оставаться»; «существовать») и неконтролируемые процессы («спать»).

На португальском материале также существуют исследования, представляющие неаккузативность/неэргативность как континуум. Поскольку для португальского языка выбор вспомогательного глагола нерелевантен, неаккузативность/неэргативность выявляется с помощью ряда других грамматических тестов [Ciriaco & Cançado, 2004].

---

² Что касается данных по португальскому языку, рассматривались только те употребления, которые маркируются корпусом как бразильские.

³ Использовались данные словарей Il Sabatini Coletti, Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli, Dicionário Houaiss, Dicionário Aurélio.

Основными признаками неаккузативности для португальских глаголов авторы считают принадлежность к семантико-аспектуальному классу достижений (*achievements*), употребление причастия в атрибутивной функции, невозможность образования существительного на *-or* (имени деятеля), а также возможность постпозиции субъекта [Ciriaco & Cancado, 2004; Cambrussi, 2009; Nascimento, 2014]. Системный подход к описанию семантико-синтаксических свойств непереходных глаголов показал продуктивность не только для сопоставления языков в синхронии, но и для описания динамики возникновения «расщепленной непереходности» в романских языках [Cennamo, 2008]. С нашей точки зрения, принцип шкалы неаккузативности может быть полезным и для интерпретации интересующего нас явления: нестабильной прономинальности неаккузативных глаголов в романских языках.

2. Вариативная прономинальность в романских языках: синхрония и диахрония

Явление «избыточной», не обусловленной диатезой⁴, возвратности непереходных глаголов (“pleonastic reflexives”) неоднократно становилось предметом внимания в работах современных синтаксистов [Cennamo, 1995, 1999, 2000; Lo Cascio & Jezek, 1999; Sorace, 2000], в том числе в связи с прагматическими функциями прономинальных конструкций [Masini, 2012]. Указанные работы М. Ченнамо посвящены функционированию «избыточных» возвратных форм в поздней латыни и на ранних этапах истории романских языков; по данным указанных исследований, в рассматриваемый период дистрибуция форм возвратного местоимения указывала на тенденцию к грамматикализации противопоставления неаккузативных и неэргативных глаголов. Приводятся данные, свидетельствующие о тенденции к прономинализации латинских неаккузативных глаголов при помощи возвратного местоимения в дательном падеже (*sibi*), тогда как неэргативные глаголы выбирали аккузатив — *se* [Cennamo, 2000: 46–47].

⁴ В данной работе мы не касаемся проблемы медиальности, понимаемой разными исследователями по-разному (см., в частности: [Cyrino, 2007; Bosque, Gutiérrez-Rexach, 2009: 420–422]). Термин «прономинальность», в отличие от термина «возвратность», был нами выбран отчасти под влиянием романской грамматической традиции, противопоставляющей возвратность = рефлексивность и прономинальность как наличие морфемы *si/se*, обладающей в романских языках широким набором функций (рефлексив, реципрок, медий (в романском понимании термина), безличность, возвратно-пассивную диатезу, аспектуальность, а также ряд прагматических функций, в том числе датив интереса). Подобным образом к выбору термина подходят, в частности, В. Ло Кашо и Е. Езек: “We prefer to talk about ‘pronominal marker’ rather than ‘reflexive marker’, because, according to our criteria, we regard the term ‘reflexive’ as too restrictive and therefore misleading” [Lo Cascio & Jezek, 1999: 253].

В дальнейшем, к VIII—IX вв., произошла конвергенция форм *se* и *sibi* [Cennamo, 2000: 48], что привело к нейтрализации наметившегося морфосинтаксического противопоставления. В староитальянском языке ряд глаголов, не являющихся возвратными в современном языке, встречался в возвратной форме или, чаще, в двух вариантах, возвратном и невозвратном (*dormirsi* ‘*cnать*’, *pensarsi* ‘*думать*’, *morirsi* ‘*умирать*’, *partirsi* ‘*уезжать*’/*dormire, pensare, morire, partire*), между которыми иногда намечалось семантическое или структурно-семантическое противопоставление [Egerland, 2010: 457—461].

В современных романских языках не обусловленная диатезой прономинальная форма встречается у двух групп непереходных глаголов.

Во-первых, речь может идти об ингерентной возвратности (*vergognarsi* ‘*стыдиться*’, *addormentarsi* ‘*засыпать*’; *arrepender-se*, ‘*разочароваться*’ *queixar-se* ‘*жаловаться*’); многие глаголы, относящиеся к этой группе, обладают одушевленным субъектом, обозначают психологическое состояние или ментальный процесс, могут иметь двухактантную структуру, управлять предложной синтагмой (*inamorar-se di* ‘*влюбляться в*’; *queixar-se de* ‘*жаловаться на*’). Возвратное местоимение в таких случаях является результатом лексикализации позднелатинских прономинальных конструкций с *verba sentiendi*, описанных в [Cennamo, 1995, 1999, 2000]. В работе К. Розен [Rosen, 2012] приводится структурное обоснование обособления данной группы глаголов с позиций грамматики отношений (RG, Relational Grammar).

Во-вторых, выделяются так называемые антикаузативы⁵ — непереходные глаголы, производные от переходных [Cambrussi, 2009: 53]. Часть таких глаголов в непереходном значении имеет только одну форму, которая может быть либо возвратной, либо невозвратной: *irritare* (v.t.) ‘*раздражать*’ — *irritarsi* (v.i.) ‘*раздражаться*’, *ricordare* (v.t.) ‘*вспоминать*’; — *ricordarsi* (v.i.) ‘*вспоминать*’; *irritar* (v.t.) ‘*раздражать*’ — *irritar-se* (v.i.) ‘*раздражаться*’, *alegrar* (v.t.) ‘*радовать*’ — *alegrar-se* (v.i.) ‘*радоваться*’ наряду с *affondare* (v.t; v.i.) ‘*погружать (ся)*’; *тонуть*’; *aquiescer* (v.t.; v.i.) ‘*нагревать (ся)*’. Другая группа антикаузативов в непереходном употреблении встречается и в возвратной, и в невозвратной формах (v.i.: *chiudere* ‘*закрывать*’/*chiudersi* ‘*закрываться*’, *bruciare* ‘*гореть*’/*bruciarsi* ‘*обжигаться*’; *quebrar* ‘*ломаться*’/*quebrar-se* ‘*ломаться*’): *La porta chiude male* ‘*Дверь плохо закрывается*’/*La porta si chiude* ‘*Дверь закрывается*’; *O vidro quebrou* ‘*Стекло разбилось*’/*O vidro se quebrou* ‘*Стекло разбилось*’. В случае с возвратными антикаузатива-

⁵ Традиция выделения этой подгруппы непереходных глаголов восходит к Л. Теньеру, который противопоставлял рефлексивную и рецессивную диатезы [Tesièrre, 1969: 272].

ми местоименная клитика иногда рассматривается как формальное выражение трансформации переходного глагола в неаккузативный в результате «адсорбирования» внешнего аргумента (анализ данной точки зрения см. в [Aranovich, 2007: 7–8; Gurevich, 2011: 76–77].

В работах В. Ло Кашо & Э. Езек [Lo Cascio & Jezek, 1999] и А. Сораче [Sorace, 2000], а также Р. Арановича [Aranovich, 2007: 15] прономинальность непереходных глаголов, не будучи основным объектом изучения, упоминается в контексте видовых противопоставлений, определяющих их синтаксическое поведение. У непереходных глаголов, имеющих как прономинальную, так и непрономинальную форму, возвратное местоимение может рассматриваться как маркер видового оттенка — эвентивности (*La porta si chiude male* ‘Дверь плохо закрылась’), тогда как отсутствие возвратного местоимения будет означать возможность двоякой (*La porta chiude male* ‘Дверь плохо закрывается’/‘Дверь плохо закрылась’: хабитуальность или эвентивность) интерпретации события [Lo Cascio & Jezek, 1999: 263–264, 268]. А. Сораче [Sorace, 2000: 272] упоминает возвратность в разделе, посвященном антикаузативным глаголам, трактуя ее как маркер, связанный с идеей предельности: возвратная форма глагола (например, *se ramollir* — ‘размягчиться’) передает идею достижения логической цели, в отличие от невозвратной формы, обозначающей процесс как таковой (*ramollir* — ‘размягчаться’). Однако стоит вновь отметить, что в указанных работах возвратная/невозвратная форма непереходных глаголов не является основным предметом внимания. При этом, с нашей точки зрения, нестабильная возвратность антикаузативов, на первый взгляд кажущаяся чисто формальной особенностью, — явление довольно любопытное и заслуживающее более детального анализа.

3. Вариативная прономинальность: португальские и итальянские глаголы состояния и изменения состояния

Сам факт колебаний (как межъязыковых, так и внутриязыковых), связанных с выбором прономинальной или непрономинальной формы антикаузативного глагола, представляется легко объяснимым, если принимать во внимание данные диахронии. Учитывая относительно позднюю тенденцию к прономинализации латинских непереходных глаголов (см. упоминавшиеся выше работы М. Ченнамо) и то, что эта тенденция не привела к образованию полноценного морфосинтаксического противопоставления неаккузативных и неэргативных глаголов, несложно предположить, что набор ингерентно возвратных и антикаузативных глаголов в разных романских языках будет совпадать лишь частично. В рамках нашего исследования

мы отобрали группу широко употребительных антикаузативных глаголов, а также глаголов состояния и изменения состояния, которые: а) согласно [Sorace, 2000], располагаются в середине шкалы неаккузативности ASH⁶; б) допускают как прономинальное, так и непрономинальное употребление; в) не обнаруживают глубоких семантических расхождений между прономинальной и непрономинальной формой. Критериями отбора лексем также послужили частотность, отражающаяся в репрезентативности в используемых корпусах, и достаточно общее значение лексемы, подразумевающее широту употребления и связанную с ней разнообразную лексическую сочетаемость. Мы рассмотрели следующие — А) португальские и В) итальянские глаголы:

А

acordar ‘просыпаться’; amarelar ‘желтеть’; aquecer ‘согреваться’; arder ‘гореть’; arrefecer ‘остывать’; avermelhar ‘краснеть’; azular ‘синеть’; embranquecer ‘белеть’; crescer ‘расти’; congelar ‘замерзнуть’; corar ‘краснеть’; derreter ‘таять’; emagrecer ‘худеть’; empobrecer ‘беднеть’; esfriar ‘остывать’; engordar ‘толстеть’; engrandecer ‘увеличиваться’; enriquecer ‘богатеть’; ferver ‘кипеть’; florescer ‘цвести’; gelar ‘замерзнуть’; levantar ‘вставать’; morrer ‘умирать’; mudar ‘меняться’; nascer ‘рождаться’; romper ‘ломать (ся)’; sentar ‘сидеться/сажать’; verdejar ‘зеленеть’; virar ‘превращаться’.

В

arricchire ‘богатеть’; bruciare ‘гореть’; cambiare ‘менять (ся)’; gelare ‘замерзнуть’; impoverire ‘беднеть’; ingiallire ‘желтеть’; ingrassare ‘толстеть’; morire ‘умирать’; mutare ‘менять (ся)’; nascere ‘рождаться’; piegare ‘гнуть, поворачивать’; raffreddare ‘замораживать’; riscaldare ‘согреть (ся)’; rompere ‘ломать (ся)’; sciogliere ‘таять’; sedere ‘сидеть’; svegliare ‘просыпаться’.

Что касается итальянских лексем *ardere* ‘гореть’, *bollire* ‘кипеть’, *crescere* ‘расти’, *dimagrire* ‘худеть’, *fiore* ‘цвести’, *nascere* ‘рождаться’, имеющих однокоренные эквиваленты в португальском языке, ни в словарях, ни в корпусе их прономинального употребления нам не встретилось.

---

⁶ Изменение местоположения — выбор вспомогательного глагола «быть» (наименьшая вариативность)

Изменение состояния

Продолжающееся нахождение в состоянии

Наличествующее состояние

Неконтролируемый процесс

Контролируемый процесс (глаголы движения)

Контролируемый процесс (глаголы, отличные от глаголов движения) — выбор вспомогательного глагола «иметь» (наименьшая вариативность)

[Sorace, 2000: 863].

Как упоминалось ранее, высказывалась точка зрения о связи между прономинальной формой глагола и предельностью. Проведенное нами исследование не вполне подтверждает это предположение, причем для обоих рассматриваемых языков. Так, в частности, лексемы *queimar*, ‘сгорать’ *romper*, ‘рваться (ся)/лопнуть’; *bruciare* ‘гореть’, *ingrassare* ‘толстеть’, *piegare* ‘гнуть, поворачивать’ обнаруживают вариативность, не связанную с аспектуальностью⁷:

1⁸. Tente você mesmo trocar a lâmpada que faz tempo **se queimou** e você não acha quem substitua ‘Попробуй сам поменять лампочку, которая давно перегорела, и не найдешь никого, кто бы поменял’ (+event); A lâmpada do quarto **queimou** e não tinha ninguém para trocar só eu e minha mãe que morre de medo ‘Лампочка в комнате перегорела, и не было никого, кто поменял бы ее, только я и моя мать, которая до смерти боится’ (+event).

2. Declan revela a Nolan que corre risco de vida e que precisa de uma prótese, pois uma artéria **se rompeu** ‘Деклан объявляет Нолан, что есть опасность для жизни и нужен протез, поскольку один из сосудов лопнул’ (+event); ela acordou bem, conversamos e rimos bastante e 2 horas depois se deitou no chão e partiu para sempre, na hora, foi a veia aorta que **rompeu**, do nada ‘она проснулась в хорошем состоянии, мы беседовали и много смеялись, а 2 часа спустя она легла на пол и ушла навсегда, сразу, у нее лопнула аорта, без причины’ (+event).

3. Quem **se queima** no verão e gela no inverno? ‘Кто обгорает летом и мерзнет зимой?’ (–event); O carvão quando **queima** também libera substâncias cancerígenas ‘Когда уголь сгорает, также высвобождаются канцерогенные вещества’ (–event).

4. A corda sempre **rompe** do lado do mais fraco ‘Веревка всегда рвется в самом слабом месте’ (–event). Quando **se rompe** a corda do pára-quedas? ‘Когда рвется веревка парашюта?’ (–event).

---

⁷ Отметим, что под аспектуальностью мы подразумеваем внешний аспект, а не характеристику действия с позиции акциональности (внутренний вид). Временная форма глагола для нас принципиального значения не имеет, так как оппозиция +/– event в романских языках может быть реализована с помощью различных морфологических средств; как уже говорилось, аспект в романских языках не грамматизован. Определенная корреляция между перфективными и имперфективными временами и выражением событийности/хабитуальности существует, но опираться на нее как на базовый критерий было бы некорректно. Так, в примере 6: *il cavallo si muta in un poderoso unicorno* (+event) мы имеем дело с «настоящим историческим», что очевидно из более широкого контекста (а значит, реализуется значение событийности). В примере 7: *per questo non si rovina mai (non si strappa, non si brucia ecc.)* (–event), где глагол также стоит настоящем времени, реализуется значение хабитуальности.

⁸ Все текстовые примеры взяты из корпусов, которые дают указания на источник, оформленные в виде интернет-адреса. Этот адрес не приводится, поскольку: а) выглядит достаточно громоздко и б) бесполезен для читателя публикации, не являющейся электронной.

5. e lì la Fenice **brucia** completamente ma da questa combustione si genera un uovo ‘и тут Феникс полностью сгорает, но, сгорая, порождает яйцо’ (+event); A Freddie, nel frattempo, **si brucia** il computer, si tingono i pantaloncini bianchi di rosa ‘у Фреди тем временем перегорает компьютер и белые трусы окрашиваются в розовый цвет’ (+event).

6. Ma il cavallo **si muta** in un poderoso unicorno ‘но лошадь превращается в могучего единорога’ (+event); Questa situazione **mutò** radicalmente grazie a Sophie Germain ‘эта ситуация коренным образом изменилась благодаря Софи Жермен’ (+event).

7. Il carbone poi **brucia** in uno strato più profondo e non richiede particolari accorgimenti ‘уголь, кроме того, горит в более глубоком слое и не требует особых премудростей’ (–event); il mantello dell’ invisibilità di Harry Potter è uno dei tre Doni della Morte e che per questo non si rovina mai (non si strappa, non **si brucia** ecc.) ‘плащ-невидимка Гарри Поттера — один из трех Даров Смерти, поэтому он никогда не портится (не рвется, не горит и т.д.)’ (–event).

8. Varie sono le tipologie adottate e le varianti in essere ma la cosa che non **muta** fra tutte le varietà di cassaforma rampante è il materiale a perdere. ‘есть много типов и разновидностей, но одно не меняется среди всего этого разнообразия переставной опалубки: речь идет о расходном материале’ (–event); Poi fu l’oro, un metallo che non **si muta**, non si corrode, non si consuma e non diminuisce mai. ‘потом появилось золото, металл, который не меняется, не ржавеет, не стирается, и его никогда не становится меньше’ (–event).

Для ряда глаголов вариативное употребление *se/si* обнаруживает некоторую упорядоченность и может быть связано с модификацией лексического значения, часто для развития переносного употребления.

9. Pois se o preço não compensar, sua empresa **quebra** ‘Потому что если цена не сравняется, его фирма лопнет (букв. «сломается»)’ (переносное значение: ‘фирма обанкротится’).

10. Uma vez que uma morena **se quebra**, seja por causa duma avalanche, terremoto, aquecimento ou outro acontecimento... ‘Как только морена разрушается, будь то по причине лавины, землетрясения или другого события...’ (прямое значение: ‘раскалывается, ломается’).

11. Invece di reprimervi Cofferati dovrebbe ringraziarvi, perché Bologna **si ingrassa** grazie a voi. ‘вместо того, чтобы вас упрекать, Кофферати нужно вас благодарить, потому что Болонья толстеет благодаря вам’ (переносное значение ‘Болонья обогащается’).

12. I vari ragazzi reagiscono in modo differente: un bambino **ingrassa** smodatamente, un altro peggiora il proprio rendimento a scuola. ‘У разных детей реакция разная: один толстеет сверх всякой меры, у другого ухудшается успеваемость’ (прямое значение: ‘ребенок толстеет’).

13. Mi tremano le gambe e il sangue mi **si gela**. ‘У меня дрожат ноги и замерзает кровь’ (переносное значение: ‘кровь стынет в жилах’).

14. Un periodo insolitamente lungo che portò il fiume Po a **gelare**, consentendo il passaggio sul ghiaccio a persone e carri. ‘необычайно длительный период [заморозков] привел к замерзанию реки По, что позволило людям и повозкам перемещаться по льду’ (прямое значение: ‘река По замерзает’).

Впрочем, эта особенность отмечается далеко не у всех глаголов с вариативной прономинальностью, а также, в ряде случаев, касается не всех переносных значений лексемы. Например, португальский глагол *acordar* (-se) в непереходном варианте употребления обозначает ‘просыпаться; спохватываться; возникать; рассветать’, где переносными значениями можно считать ‘спохватываться’ и ‘рассветать’, причем значение ‘спохватываться’ реализуется как прономинальной формой глагола, так и непрономинальной (*acordou* (-se) e *corrigiu seus erros* ‘спохватился и исправил свои ошибки’), а значение ‘рассветать’ реализуется только непрономинальной формой (*sairei antes do dia acordar* ‘я уйду до рассвета’). Есть и примеры, когда наличие/отсутствие маркера противопоставляет не прямое значение переносному, а два однотипных значения. Например, итальянский глагол *piegare* в непереходном употреблении может означать ‘гнутья’ или ‘поворачивать (об улице, дороге, реке и т.п.)’. В первом случае, в отличие от второго, он систематически снабжается возвратным маркером.

В количественном отношении, как показывают списки А и В, в португальском языке явление нестабильной прономинальности охватывает большее количество глаголов. Возможно, речь идет о том, что разные романские языки в ходе своего развития по-разному реализовали заложенные в народной латыни возможности образования плеонастических прономинальных форм (ср. напр. лат. *vacabant se*; *sibi ambulabat*). Для сравнения, в испанском языке употребление плеонастических прономинальных форм встречается даже чаще, чем в португальском, и на современном этапе развития языка представляет собой активный процесс.

15. El libro (se) cayó del estante. ‘Книга упала с полки’.

16. Las venas (se) brotan. ‘Вены проступают’.

В процессе исследования обнаружилась любопытная особенность, заключающаяся в расхождении данных словарей и корпусов в том, что касается наличия прономинальных и непрономинальных употреблений у ряда глаголов. Для итальянского языка двойное употребление зафиксировано в словарях для большего количества глаголов, чем встретилось в реальном употреблении при обращении к корпусу. В частности, у лексем *cambiare* ‘меняться’; *ingiallire* ‘желтеть’ в базе

зафиксировано употребление только в непрономинальной форме; у глагола *rompere* 'ломать (ся)' в непереходном употреблении зафиксированы только контексты с *si*; то же самое касается глаголов *improverire* 'беднеть', *arrichire* 'обогащаться', *riscaldare* 'нагреваться'. Для португальского языка соотношение данных словарей и корпуса выглядит иначе: прономинальное употребление, не зафиксированное в словарях, встречается в корпусе (иногда с существенным показателем частотности — *crescer*). В частности, лексемы *arder* 'гореть', *crescer* 'расти', *corar* 'краснеть', *nascer* 'рождаться', *virar* 'становиться' (= *converter-se* 'превращаться', *transformar-se* 'превращаться'), отмеченные словарями как непрономинальные, встречаются в контекстах, в том числе, и в прономинальной форме.

17. La sua esperienza italiana si arricchisce grazie alle stagioni passate al Brescia, Parma e Lazio. 'Его опыт пребывания в Италии становится еще богаче благодаря сезонам в Брешии, Риме и Лацио' (Cf. [Sabatini Coletti, 2007] *arricchire giocando in Borsa* 'разбогатеть, играя на бирже'; *si è arricchito rapidamente* 'он быстро разбогател'; *la città si arricchisce di spazi verdi* 'город обогащается зелеными насаждениями').

18. Dopo la conversione l'Innominato cambia completamente e coglie al volo l'occasione per fare del bene. 'Безымянный после обращения полностью меняется и хватается за любую возможность творить добро' (Cf. [Sabatini Coletti, 2007] *come ti sei cambiato!* 'как ты изменился'; *la situazione cambiò all'improvviso* 'ситуация внезапно изменилась').

19. Ma in questo modo la cultura si impoverisce sempre più 'так культура становится все беднее'; Capitalizzazione della banca scende (se la banca si impoverisce) passando dall'8% al 4%. 'капитализация банка снижается (если банк беднеет), переходя от 8% к 4%' (Cf. [Sabatini Coletti, 2007] *a causa della guerra molte persone impoveriscono* 'из-за войны многие люди обеднели'; *la mia famiglia si è impoverita rapidamente* 'моя семья внезапно обеднела').

20. e como toda cidade que se cresce, tem como principal característica, o caos no trânsito 'и, как любой растущий город, отличается хаотичностью уличного движения' (Cf. [Houaiss, Villar, 2009] *a população mundial está crescendo muito* 'городское население быстро растет').

21. O que pode mascarar um pouco essa prática é que Pelés, Maradonas, Mestis e Neymares não se nascem todos os dias. 'Эту практику может немного сгладить тот факт, что Пеле, Марадоны, Месси и Неймары рождаются не каждый день' (Cf. [Houaiss, Villar, 2009] *o menino nasceu logo (de cesariana)* 'ребенок родился сразу (благодаря кесаревому сечению)').

22. Depois disso, se vira um martírio danado para os Botafoguenses e para os lusitanos 'После этого он становится страшной пыткой для

игроков команды Боафогу и для португальцев' (Cf. [Houaiss, Villar, 2009] *virou uma linda mulher quando cresceu* 'стала красивой женщиной, когда выросла').

Многие случаи расхождения между словарями и корпусом для итальянских контекстов могут объясняться особенностями итальянской лексикографической традиции. Среди текстов, составляющих иллюстративную базу итальянских словарей, встречаются литературные произведения, созданные несколько сотен лет назад (так, у лексемы *morire* 'умирать' лексикографы выделяют возвратное употребление, в словаре Il Sabatini Coletti [Sabatini Coletti 2008] проиллюстрированное с примером из Гвидо Кавальканти, а в словаре Hoerpli [Hoerpli, 2011] — из Торквато Тассо). Возможно также, что имеет место тенденция к редукции вариативности по возвратности/невозвратности, в силу которой в современном языке фиксируется более устойчивое употребление лексемы только в одном из непреходных вариантов (возвратном или невозвратном). В староитальянском языке подобная вариативность была широко распространена и, по мнению историков языка [Rohlf, 1968: 187–188; Tekavčić, 1972: § 795.4], не обусловлена семантически. При этом уже для староитальянского периода отмечается большая частотность непроминальных форм непреходных глаголов [Egerland & Cardinaletti, 2010: 659]. В текстах XVI в., по нашим данным⁹, часто встречаются проминальные формы глаголов изменения места (*change of location*) и других прототипически неаккузативных глаголов, позднее утративших проминальный вариант употребления; глаголы состояния, занимающие на шкале ASH промежуточное положение, в проминальной форме используются реже, а у неэргативных она отсутствует. Данная закономерность может указывать на тенденцию — ограниченную во времени и вскоре сошедшую на нет — к превращению возвратного маркера у непреходных глаголов в маркер неаккузативности. Так или иначе, зафиксированные в словарях формы, подобные *morirsi*, не поддерживаемые современным узусом, могут рассматриваться как реликтовые.

Случаи расхождения в португальском языке могут объясняться закономерностью развития проминальных употреблений, поскольку иллюстративная база словарей охватывает тексты, созданные не позднее второй половины XIX в., и отражает состояние языка, вполне соответствующее современному. Характерно, что для ряда глаголов, когда корпус фиксирует проминальное употребление при непроминальном употреблении в словаре, эти контексты относятся к европейскому варианту португальского языка (например,

---

⁹ Подробнее см. в [Жолудева, 2018].

прономинальное употребление *cair-se*). Бóльшая встречаемость прономинальных употреблений в европейском варианте может быть связана с относительной архаичностью бразильского варианта, сохранившего ряд черт, характерных для языка более раннего периода развития. Уже отмечавшееся более частотное по сравнению с португальским и итальянским употребление прономинальных форм неаккузативных глаголов в испанском языке может свидетельствовать об общей тенденции к прономинальному употреблению таких глаголов в европейском варианте иберо-романских языков, что, в свою очередь, может быть связано с развитием формального показателя неаккузативности.

4. Выводы

По данным исследований [Cennamo, 1995, 1999, 2000; Sorace, 2000], антикаузативные и другие глаголы, занимающие центральное положение на шкале неаккузативности/неэргативности, обнаруживают колебания по ряду параметров: в поздней латыни колебания были связаны с выбором падежной формы рефлексивного местоимения *sibi/se*; на современном этапе в языках с двумя вспомогательными глаголами ('быть'/'иметь') колебания связаны с выбором одного из них; на уровне конкретных лексем колебания касаются функционирования прономинальной/непрономинальной форм. Если для антикаузативов проблема выбора вспомогательного глагола связана с возможностью переходной интерпретации лексемы, то нестабильная возвратность, на наш взгляд, не может быть объяснена однозначно. Высказывавшаяся точка зрения относительно связи прономинальности и аспектуального значения « $\pm$ event» не находит системного подтверждения и, возможно, определяется свойствами конкретной глагольной лексемы в конкретном языке, что лишний раз подтверждает тезис о неустойчивом соответствии между рефлексивным показателем и набором значений, которым он может соответствовать. Оппозиция прономинальной/непрономинальной формы может служить средством противопоставления прямого/переносного значения у некоторых лексем. Однако, по нашим данным, эта закономерность также не является системной. Сопоставление данных толковых словарей и корпусов обнаруживает несоответствие в употребительности прономинальных/непрономинальных форм: для итальянского языка имеет место тенденция к сужению в количестве лексем с нестабильной прономинальностью, тогда как для португальского языка тенденция скорее обратная. Резюмируя, можно сказать, что на современном этапе маркер прономинально-

сти у исследованной группы глаголов как в португальском, так и в итальянском языке не обладает устойчивым значением и у разных лексем может наделяться разными функциями. Эта функциональная нестабильность подтверждается, с одной стороны, различными данными о встречаемости прономинальных/непрономинальных форм в корпусах итальянского и португальского языков, ориентированных на современные тексты, а с другой — неоднозначностью интерпретации прономинальных/непрономинальных форм в ряде контекстов, когда, на наш взгляд, вариантивность является свободной.

Список литературы

- Гуревич Д.Л.* Морфема *se* как средство выражения внутреннего объекта у непереходных глаголов // Вопросы иберо-романистики. Т. 11. М., 2011. С. 72–77.
- Жолудева Л.И.* Прономинализация непереходных глаголов в итальянском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XXII. 2018. С. 235–244.
- Aranovich R.* Split auxiliary selection from a cross-linguistic perspective // Split Auxiliary Systems / R. Aranovich (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 1–23.
- Bosque I., Gutiérrez-Rexach J.* Fundamentos de sintaxis formal. Madrid, 2009.
- Burzio L.* Italian syntax: A government-binding approach. Dordrecht, 1986.
- Cambrussi M.F.* Alternância causativa de verbos inergativos no português brasileiro / Unpublished doctoral dissertation. Universidade Federal de Santa Catarina, Florianópolis, Brazil, 2009.
- Cennamo M.* Late Latin Pleonastic Reflexives and the Unaccusative Hypothesis // Transactions of the Philological Society. V. 97. 1999. N 1. P. 103–150.
- Cennamo M.* Patterns of ‘Active’ Syntax in Late Latin Pleonastic Reflexives // Historical Linguistics 1995. Vol. 1: General issues and non-Germanic Languages. Selected papers from the 12th International Conference on Historical Linguistics, Manchester, August 1995. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 35–55.
- Cennamo M., Sorace A.* Auxiliary selection and split intransitivity in Paduan. Split Auxiliary Systems / R. Aranovich (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 65–99.
- Cennamo M.* The rise and development of analytic perfects in Italo-Romance // Grammatical change and linguistic theory: The Rosendal papers / T. Eythórsson (ed.) Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 115–142.
- Ciríaco L., Cançado M.* Inacusatividade e inergatividade no PB. Cadernos de estudos linguísticos. V. 46. 2004. N 2. P. 207–225.

- Cyrino S.M.L.* Construções com SE e promoção de argumento no português brasileiro: uma investigação diacrônica // Revista da ABRALIN. V. 6. 2017. N 2. P. 85–116.
- Egerland V., Cardinaletti A.* I pronomi personali e riflessivi // Grammatica dell'italiano antico / G. Salvi, L. Renzi (eds.) Vol. I. Bologna: Mulino, 2010. P. 401–469.
- Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Milano: Hoepli, 2011. URL: http://dizionari.repubblica.it/italiano.php?refresh_ce (дата обращения: 28.06.2018).
- Higginbotham J., Pianesi F., Varzi A.C.* Speaking of events. Oxford: Oxford University press, 2000.
- Houaiss A., Villar M.* Dicionário Houaiss da língua portuguesa. Rio de Janeiro: Objetiva, 2009.
- Il Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana. Milano: RCS libri, 2007. [CD-rom]
- Labelle M., Doron E.* Anticausative derivations (and other valency alternations) in French // Probus. Vol. 22. 2010. N 2. P. 303–316.
- Labelle M.* Change of state and valency // Journal of linguistics. Vol. 28. 1992. N 2. P. 375–414.
- Levin B., Rappaport Hovav M.* Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge, London: MIT press, 1995.
- Lindstedt J.* Understanding perfectivity — understanding bounds // Bertinetto P.M., Bianchi V. et al. Temporal reference, Aspect and Actionality. Vol. 2: Typological perspectives. P. 239–250.
- Lo Cascio V., Jezek E.* Thematic-role assignment and aspect in Italian pronominal verbs // Boundaries of morphology and syntax: Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, Series IV, Current issues in linguistic theory / L. Mereu (ed.) Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 253–270.
- Masini F.* Costruzioni verbo-pronominali 'intensive' in italiano // Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25–27 settembre 2008 / V. Bambini, I. Ricci, P.M. Bertinetto (eds.) Roma: Bulzoni. 2012, II. C. 2. URL: http://francescamasini.caissa.it/Publications_files/masini_atti_SLI2008.pdf (дата обращения: 23.03.2018).
- Mendikoetxea A.* Relaciones de Interficie: los Verbos de Cambio de Estado // Bravo A., Luján C.I. Pérez (eds.) Cuadernos de Lingüística. Vol. VII. Instituto Universitario Ortega y Gasset, 2000. P. 125–144.
- Nascimento S.H.L.* Os verbos inacusativos do Português Brasileiro: uma proposta de categorização // DELTA: Documentação e Estudos em Linguística Teórica e Aplicada. V. 30. 2014. N 2. P. 327–256.
- Perlmutter D.M.* Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. V. 4. 1978. P. 157–190.
- Rohlf G.* Historical Grammar of Italian and its Dialects. Vol. II: Morfologia. Torino: Einaudi, 1968.

- Rosen C.G.* Dal giardino della sintassi: Florilegio grammaticale italiano. Pisa: ETS, 2012.
- Sorace A.* Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language*. V. 76. 2000. N 4. P. 859–890.
- Tekavčić P.* Historical Grammar of Italian. Vol. II: Morphosintassi. Bologna: Mulino, 1972.
- Telve S.* Essere o avere? Sull'alternanza degli ausiliari coi modali potuto, voluto (e dovuto) davanti a infiniti inaccusativi in italiano antico e moderno // *Studi linguistici per Luca Serianni* / A cura di V. Della Valle, P. Trifone. Roma, 2007. P. 313–325.
- Tesnière L.* *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1969.
- Van Valin R.D.* Semantic Parameters of Split Intransitivity // *Language*. № 2 (66). 1990. P. 221–260.

Dmitry Gurevich, Liubov Zholudeva

SEMANTIC ASPECTS OF VARIABLE PRONOMINALITY OF BRAZILIAN PORTUGUESE AND ITALIAN INTRANSITIVE VERBS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper studies the phenomenon of variable pronominality which is characteristic of anticausative and some other verbs in Brazilian Portuguese and Italian. The corpus-based study involving monolingual dictionaries shows that variable pronominality of high-frequency verbs taking the central part of the unaccusativity / unergativity scale (e.g., *acordar, arder, crescer, mudar, romper, sentar, virar; bruciare, cambiare, impoverire, mutare, rompere, sciogliere, sedere* и др.) in most cases cannot be regarded as a marker of aspectual opposition. In certain lexemes variation is used to distinguish the meaning from the metaphorical proper, however this is not always the case. It appears probable that variable pronominality, inherited by Romance languages from Late Latin, has not by far reached the state of opposition which is meaningful and consistently realized. In Portuguese, however, there are verbs that lack a pronominal variant in dictionaries while in the corpus it is attested, which suggests the ongoing expansion of variable pronominality, allegedly pragmatically-motivated at times. In Italian, the tendency is quite the opposite: the number of variably pronominal verbs shrinks, given that many of such verbs have both variants attested in dictionaries and not in the corpus.

Key words: Brazilian Portuguese; Italian; unaccusative hypothesis; anticausative verbs; intransitive verbs; pronominal verbs; variation.

About the authors: *Dmitry Gurevich* — PhD, Associate Professor at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Ibero-Romance

Linguistics (e-mail: caipira@yandex.ru); *Liubov Zholudeva* — PhD, Senior Lecturer at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Romance Linguistics (e-mail: l.zholudeva@gmail.com).

References

- Gurevich D.L. Morfema *se* kak sredstvo vyrazheniya vnutrennego objekta u neperehodnykh glagolov [The morpheme *se* as means of expressing inner object of intransitive verbs]. *Voprosy iberoromanistiki [Issues of ibero-romance philology]* M.S. Snetkova (ed.). Vol. 11. Moscow: MAKSS Press, 2011, pp. 72–77. (In Russ.)
- Zholudeva L.I. Pronominalizatsiya neperekhodnykh glagolov v ital'yanskom yazyke [Pronominalization of intransitive verbs in Italian]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indoeuropean linguistics and classic philology]*. Vol. XXII, 2018, pp. 235–244. (In Russ.)
- Aranovich R. Split auxiliary selection from a cross-linguistic perspective. In: *Split Auxiliary Systems*. R. Aranovich (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007, pp. 1–23.
- Bosque I., Gutiérrez-Rexach J. *Fundamentos de sintaxis formal*. Madrid: Akal, 2009.
- Burzio L. *Italian syntax: A government-binding approach*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1986.
- Cambrussi M.F. *Alternância causativa de verbos inergativos no português brasileiro*. Unpublished doctoral dissertation. Universidade Federal de Santa Catarina, Florianópolis, Brazil. 2009.
- Cennamo M. Late Latin Pleonastic Reflexives and the Unaccusative Hypothesis. *Transactions of the Philological Society*, 1999, V. 97, n. 1, pp. 103–150.
- Cennamo M. Patterns of 'Active' Syntax in Late Latin Pleonastic Reflexives. In: *Historical Linguistics 1995. Vol. 1: General issues and non-Germanic Languages. Selected papers from the 12th International Conference on Historical Linguistics, Manchester, August 1995*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000, pp. 35–55.
- Cennamo M., Sorace A. Auxiliary selection and split intransitivity in Paduan. In: *Split Auxiliary Systems*. R. Aranovich (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007, pp. 65–99.
- Cennamo M. The rise and development of analytic perfects in Italo-Romance. In: *Grammatical change and linguistic theory: The Rosendal papers*. T. Eythórsson (ed.) Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008, pp. 115–142.
- Ciriaco L., Cançado M. Inacusatividade e inergatividade no PB. *Cadernos de estudos linguísticos*, 2004, V. 46, n. 2, pp. 207–225.
- Cyrino S.M.L. Construções com SE e promoção de argumento no português brasileiro: uma investigação diacrônica. *Revista da ABRALIN*, 2017, V. 6, n. 2, pp. 85–116.

- Egerland V., Cardinaletti A. I pronomi personali e riflessivi. In: *Grammatica dell'italiano antico*. G. Salvi, L. Renzi (eds.) Vol. I. Bologna: Mulino, 2010, pp. 401–469.
- Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Milano: Hoepli, 2011.
URL: http://dizionari.repubblica.it/italiano.php?refresh_ce Accessed 28.06.2018.
- Higginbotham J., Pianesi F., Varzi A.C. *Speaking of events*. Oxford: Oxford University press, 2000.
- Houaiss A., Villar M. *Dicionário Houaiss da língua portuguesa*. Rio de Janeiro: Objetiva, 2009.
- Il Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana. Milano: RCS libri, 2007. [CD-rom]
- Labelle M., Doron E. Anticausative derivations (and other valency alternations) in French. *Probus*. 2010, Vol. 22, n. 2, pp. 303–316.
- Labelle M. Change of state and valency. *Journal of linguistics*, 1992, Vol. 28, n. 2, pp. 375–414.
- Levin B., Rappaport Hovav M. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, London: MIT press, 1995.
- Lindstedt J. Understanding perfectivity — understanding bounds. In: Bertinetto P.M., Bianchi V. et al. *Temporal reference, Aspect and Actionality. Vol. 2: Typological perspectives*, pp. 239–250.
- Lo Cascio V., Jezek E. Thematic-role assignment and aspect in Italian pronominal verbs. In: *Boundaries of morphology and syntax: Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, Series IV, Current issues in linguistic theory*. L. Mereu (ed.) Amsterdam: John Benjamins, 1999, pp. 253–270.
- Masini F. Costruzioni verbo-pronominali ‘intensive’ in italiano. In: *Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25–27 settembre 2008*. V. Bambini, I. Ricci, P.M. Bertinetto (eds.) Roma: Bulzoni. 2012, II.C.2. URL: http://francescamasini.caissa.it/Publications_files/masini_atti_SLI2008.pdf. (data обращения: 23.03.2018).
- Mendikoetxea A. Relaciones de Interficie: los Verbos de Cambio de Estado. In: A. Bravo, C. Luján e I. Pérez (eds.) *Cuadernos de Lingüística*. Vol. VII. Instituto Universitario Ortega y Gasset, 2000, pp. 125–144.
- Nascimento S.H.L. Os verbos inacusativos do Português Brasileiro: uma proposta de categorização. *DELTA: Documentação e Estudos em Linguística Teórica e Aplicada*, 2014, V. 30, n. 2, pp. 327–256.
- Perlmutter D.M. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. *Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1978, V. 4, pp. 157–190.
- Rohlf G. *Historical Grammar of Italian and its Dialects. Vol. II Morfologia*. Torino: Einaudi, 1968.
- Rosen C.G. *Dal giardino della sintassi: Florilegio grammaticale italiano*. Pisa: ETS, 2012.

- Sorace A. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs. *Language*, 2000, V. 76, n. 4, pp. 859–890.
- Tekavčić P. *Historical Grammar of Italian. Vol. II Morphosintassi*. Bologna: Mulino, 1972.
- Telve S. Essere o avere? Sull’alternanza degli ausiliari coi modali potuto, voluto (e dovuto) davanti a infiniti inaccusativi in italiano antico e moderno. In: *Studi linguistici per Luca Serianni*. A cura di V. Della Valle, P. Trifone. Roma, 2007, pp. 313–325.
- Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1969.
- Van Valin R.D. Semantic Parameters of Split Intransitivity. *Language*, 1990, № 2 (66), pp. 221–260.

О.В. Дедова, П.В. Григорьева

ИГРОВОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Целью статьи является уточнение понятия игрового словообразования и изучение данного явления в современном русском языке. Материалом исследования послужили тексты различных жанров: СМИ, коммерческие названия, реклама, интернет-блоги, разговорная речь. В статье рассматриваются характерные черты игровой деривации, выявляются отличия от окказионального словообразования и целенаправленного словотворчества. Анализируются механизмы словообразовательной игры, а также факторы, продуцирующие образование игровых неологизмов в современном русском языке. В результате делается вывод о том, что игровая деривация — сложный многоплановый феномен, объединяющий достаточно разнообразные явления. Часть из них даже не может быть однозначно отнесена к словообразовательной сфере («игра» с графической оболочкой слова при сохранении омонимии в устной форме; так называемые фонетические метафоры). Актуальности игрового словообразования в современном русском языке, помимо собственно лингвистических факторов, способствует целый ряд социальных и коммуникативных явлений, в первую очередь развитие Интернета. В эпоху электронной коммуникации игровые дериваты выполняют различные функции и зачастую являются проявлением метаязыковой рефлексии носителей языка.

Ключевые слова: игровая деривация; языковая игра; словообразовательная контаминация; блендинг.

Игровая деривация, игровой неологизм — термины, которые активно используются в современных лингвистических исследованиях. Они указывают на создание новой единицы, обладающей яркой, опознаваемой внутренней формой, с целью максимальной компрессии смысла и создания комического эффекта. Ввиду своей семантической емкости и «заметности» в контексте игровые дерива-

---

Дедова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ov-dedova@yandex.ru).

Григорьева Полина Вениаминовна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: paulines@yandex.ru).

ты последовательно используются в коммерческой сфере, они также могут быть элементами художественно текста (данное явление имеет давнюю традицию в русской литературе). Помимо этого игровые неологизмы могут функционировать в разговорной речи и распространяться посредством Интернета. Именно на основе рассмотрения фактов разговорной речи Е.А. Земская формулирует основные положения своей теории игрового словообразования [Земская, 2007] (см. об этом далее).

Игровые дериваты, активно создаваемые в настоящее время, относятся к разряду словообразовательных инноваций, значительное количество которых в современном русском языке заставляет говорить о настоящем «неологическом буме». «Словообразовательная сфера языка представляет собой наиболее динамичную зону языковой системы, активные процессы в области которой позволяют диагностировать концептуальное содержание и прагматическую направленность изменений, происходящих в русском языке последних лет под влиянием резко меняющейся социокультурной среды и в условиях постоянно возникающих новых коммуникативных потребностей» [Радбиль, Рацибурская, Бакич, Жданова, Торопкина, Щеникова, 2018]. Актуализация проблем, связанных с анализом инноваций, определяется «лавинообразным характером процесса неологизации русского языка на рубеже веков, его значительным влиянием на культурно-речевую ситуацию в постсоветском пространстве, образно определяемую как “праздник вербальной свободы”» [Попова, 2005: 2]. Будучи новообразованием, игровой дериват обладает рядом характерных черт окказионализма; это принадлежность к речи, ненормативность, номинативная факультативность, новизна, экспрессивность (о характеристиках окказионализмов см. [Лыков 1976: 11–35]). Вместе с тем есть существенное отличие между этими явлениями. Характерной чертой игровой деривации является **преднамеренность** создания деривата, и это отличает его от окказиональных речевых неологизмов (мы не имеем в виду авторские художественные неологизмы). Игровые дериваты создаются потому, что в силу определенных причин они являются коммуникативно востребованными в данном обществе в конкретное время (о факторах, продуцирующих образование игровых дериватов, см. ниже). Вследствие этого они не обладают такими свойствами окказионализмов, как функциональная одноразовость и зависимость от контекста [Лыков, 1976].

Ввиду «рукотворности» игровых дериватов следует указать на еще один термин, присутствующий в современных работах: целенаправленное словотворчество [Цыганкова, 2016]. С нашей точки зрения,

данные термины также смешивать нельзя, поскольку сами явления не идентичны. Целенаправленность словотворчества не обязательно имеет **игровой характер** (т.е. стремится к созданию комического эффекта), а это также отличительное свойство игрового деривата. Так, на примере проектов М. Эпштейна [Эпштейн] можно убедиться в том, что преднамеренно создание слова отнюдь не преследует создание комического эффекта, скорее даже наоборот — данный эффект стал бы его дискредитацией (например, *видеология* — ‘совокупность визуальных средств воздействия на общественное сознание; обработка умов посредством изобразительного ряда’; *овременять, овременить* — ‘делать нечто временным, вносить в ход времени; подходить к чему-то с точки зрения конкретного времени и его ценностей, историзировать’ и под.). В то же время именно комизм новообразования является основной характеристикой игровой деривации, что делает ее одной из форм более широкого явления — языковой игры. При этом игровой дериват — это не только лексическое средство, выполняющее определенные стилистические функции на уровне контекста. Будучи самодостаточным в плане выражения смысла и эмотивной оценочности, такое новообразование является результатом игрового отношения к словотворчеству и к языку в целом.

Игровая деривация как разновидность языковой игры. Языковая игра, основанная на *сознательном* нарушении узуальных норм, затрагивает самые разные сферы функционирования современного русского языка. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный — на их пределы» [Арутюнова, 1987: 6]. Несмотря на актуальность данного явления для текстов различных жанров (как устных, так и письменных) сам термин неоднозначен. Исследуя определение понятия «языковая игра», А.П. Сковородников называет его «зыбким и противоречивым» [Сковородников, 2010]. Вероятно, причина в том, что данный феномен традиционно обсуждается в русле различных научных парадигм. Достаточно распространенным является рассмотрение языковой игры как частного проявления игры вообще, в философском контексте. И в этом случае игровое использование языковых средств трактуется в контексте идей Л. Витгенштейна, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Э. Берна и других авторов, рассматривающих игру как социальный, психологический, коммуникативный и т.д. феномен. Так, В.З. Санников, указывая на расплывчатость термина языковая игра, пишет: «Начать с того, что не совсем ясно, что такое игра. Людвиг Витгенштейн в “Философских исследова-

ниях” задается вопросом: “Что свойственно всем играм?” и убеждается в том, что любой из потенциальных признаков оказывается неприменимым к некоторым видам игр. Соперничество? — но его нет в пасьянсе. Победа и поражение? — но их нет в подбрасывании мяча. Ловкость и удача? — но их нет в шахматах. Развлечение — тоже не всегда имеет место» [Санников, 2002: 14]. Мы разделяем точку зрения А.П. Сковородникова, который считает, что широкий контекст обсуждения явления не продуктивен. Это связано, по мнению автора, не столько со сложностью терминологического и понятийного содержания некоторых философских работ данной тематики, сколько с «невозможностью прямого выведения признаков понятия *языковая игра* из признаков общего понятия игры» [Сковородников, 2010: 51].

Итак, понятие языковая игра находится в русле собственно лингвистической проблематики. Одним из главных стимулов языковой игры является смех; «...это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.п.)» [Русская разговорная речь, 1983: 3]. Арсенал приемов языковой игры столь многообразен, что он затрагивает все уровни языковой организации. Сюда можно отнести «окказиональные неологизмы, фонетические игры, акцентировку звукописи, аллитерацию, игровое использование графики, сознательные нарушения орфографии и пунктуации», а также другие «манипуляции с языком — полиглотские, иноязычные и мультязычные вкрапления, сознательно не поясняемые в тексте или вступающие в игровые отношения друг с другом или с основным массивом текста...» [Рахимкулова, 2000: 34]. Таким образом, одним из основных механизмов языковой игры является структурно-семантическая «неожиданность», столкновение несопоставимого.

Игровое отношение к слову, способное выразить неожиданные смысловые коннотации и существенно расширить семантический контекст высказывания в целом, последовательно реализуется на словообразовательном уровне. Именно словотворчество, по мнению Н.Д. Арутюновой, является конечной целью языковой игры. Начальный стимул сознательного нарушения нормы ученый видит «в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации», далее явление «проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [Арутюнова, 1987: 8].

Таким образом, под игровым дериватом следует понимать такое **преднамеренно созданное производное слово, которое вследствие своей яркой внутренней формы, нацеленной на достижение комического**

эффекта, становится средством языковой игры, выполняет игровую функцию. Наличие подобных дериватов характеризует различные сферы функционирования современного русского языка, это не только разговорный узус, но и политический дискурс, коммерческие названия, реклама и т.д.

Факторы, продуцирующие образование игровых дериватов. Почему игровые дериваты постоянно возникают в различных типах дискурса? Ответ на этот вопрос неоднозначен, поскольку результаты этого интересного явления достаточно разноплановы. Актуальность данного явления в современном русском языке во многом связана с масштабным распространением Интернета, нивелировавшим различия между массовой и межличностной коммуникацией, благодаря чему любая окказиональная словообразовательная инновация может стать сверхчастотной, пусть и на время. Именно на этом основан эффект так называемых интернет-мемов, имеющих в ряде случаев особые словесные «маркеры» (см., например: *превед*, *медвед*, *ждун* и под.). «Мем — это тоже словцо, но словцо, брошенное не в какой-то уютной гостиной аристократической, а словцо, превращающее огромную аудиторию в эту гостиную. Но при этом в меме есть что-то от народного анекдота, потому что он тиражен» [Ашкерov]. Е.В. Петрухина к изменениям, спровоцированным развитием электронной коммуникации, относит «ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, расширение сферы употребления разговорно-сниженных языковых элементов и жаргонизацию современного русского языка, расцвет языковой игры, резкое увеличение потока английских заимствований» [Петрухина, 2010: 424].

При этом, конечно, игровая деривация существовала в русском языке и раньше. В художественном дискурсе подобные неологизмы обладают существенным потенциалом в плане «приращения смысла». Например, у А.С. Пушкина встречаем неологизм *кюхельбекерно* («*За ужином обѣлся я/ А Яков запер дверь оплошно —/ Так было мне, мои друзья,/ и кюхельбекерно, и тошно*»). Особый интерес к словотворчеству как к средству художественной выразительности проявляли поэты Серебряного века, тяготевшие к экспериментам с художественной формой. Так, у Игоря Северянина в едином контексте может быть нарочитое нагромождения подобных слов: «*В цветах апрелести/ В улыбках весени/ В алмазах юности/ В мечтах любви/ Пою я прелести/ И тоны плесени/ И среброструнности/ Мое, твои!*»). Как правило, подобные игровые неологизмы не выходят за границы произведения. Выполняя эстетическую функцию в конкретном тексте, они не приобретают узуального статуса и остаются авторскими окказиона-

лизмами. Несколько иная ситуация характеризует использование игровых дериватов, функционирующих в других типах дискурса, в том числе и в разговорной речи. В большинстве случаев они содержат эмотивно-оценочные компоненты значения, делающие их коммуникативно востребованными в конкретный период времени (см., например, *хрущеба*, *прихватизация* и под.). Говоря об игровой деривации, существовавшей до Интернета, нельзя не указать еще на одно явление. Мы имеем в виду русификацию заимствований на основе псевдоэтимологии. Новообразования типа *спинжак* (ср. *спина*), *полуклиника* (*полу-*), *гульвар* (*гулять*) носят диалектный и/или просторечный характер, в то же самое время, используемые как стилистически маркированные «вкрапления» в литературную речь, они могут функционировать как игровые дериваты.

Интернет, сблизивший устную и письменную формы речи, массовую и межличностную формы коммуникации сопряжен с новым этапом в развитии данного явления, поскольку любой окказиональный неологизм моментально становится общедоступным. Актуальность игрового словообразования в современном русском языке обусловлена и тем, что в эпоху персональных компьютеров, интернет-технологий, мобильной телефонии можно наблюдать огромное количество заимствований. Узус не может на это не реагировать; по мнению Е.В. Петрухиной, «в последние два десятилетия ... удельный вес производных слов с незаимствованными корнями среди неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований растет» [Петрухина, 2010: 424]. Действие адаптационных механизмов зачастую приводит к игровым номинациям на основе паронимии: *дух* (от *душман*), *дрова* (от *драйвер*) и под. М.А. Кронгауз в этом видит словообразовательную производность [Кронгауз, 2010]. С нашей точки зрения, подобные примеры можно рассматривать под разными углами зрения. С одной стороны, как результат словообразовательного процесса, а с другой — как семантическую деривацию соответствующих русскоязычных лексем. Видимо, комический эффект, необходимый для языковой игры, создается в результате взаимодействия этих двух факторов. Здесь мы имеем дело с тем, что, с нашей точки зрения, может быть названо *фонетической метафорой*, когда существующее в языке узуальное слово начинает использоваться для называния нового объекта, в свою очередь имеющего узуальное наименование, на основании созвучия этих лексических средств, вне зависимости от их значений. Когнитивная «неожиданность» результатов таких номинационных трансформаций является источником комического эффекта, что отражает их игровой характер.

Механизмы игрового словообразования. Механизмы образования игровых дериватов достаточно вариативны, в связи с чем возможны различные основания для их классификации. Безусловно, при изучении данного вопроса нельзя не учитывать значительное количество публикаций, посвященных окказиональным способам словообразования, прежде всего работы И.С. Улуканова (см., например, [Улуканов, 1996]). Но, как показывает анализ собранного материала, при игровой деривации смешанные типы словообразования количественно преобладают над чистыми (несмешанными), что существенно затрудняет их классификацию.

С нашей точки зрения, целесообразно в самом общем плане различать:

1. Новообразования, полученные в результате так называемого блендинга (см. об этом ниже) и словообразовательные неологизмы, созданные аффиксальными способами (например, *собянить*, *оливьед*).

2. Отдельно следует рассматривать подмену лексем на основании игрового паронимического сближения, «маскирующееся» под словообразовательную деривацию (фонетическая метафора): (*фотожаба* от *Фотопшоп*, *Photoshop*).

3. Также надо разграничивать дериваты, ориентированные на использование в устной/письменной и исключительно в письменной формах. Графико-орфографическая деривация активизируется в современной коммуникации и в ряде случаев рассматривается как неузуальный тип словообразования, получивший название *графиксация*. По определению В.П. Изотова, это «способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.» [Изотов, 1998: 76]. Прием активно используется в коммерческих целях и при создании доменных имен в Интернете (например, название фирмы *ФорумОК*, доменное имя: <http://forumok.com>; сеть магазинов мясных изделий «*МясКо*», <http://myasko.club/>). Формально от графиксатов, рассматриваемых В.П. Изотовым, отличны слова, созданные по тому же принципу, но с использованием латиницы (например, сериал «*ПоLOVEЕинки*»; гель для удаления синяков *СинякOFF*), однако исследователи в большинстве случаев не различают данные явления, и для обозначения последних также используется термин графиксация (см. [Попова, 2011]).

Соединение двух слов в их устной и/или письменной формах в одном новообразовании на основании паронимического сближения, — пожалуй, самое распространенное и яркое явление игровой деривации: «языковая игра реализует функцию комического, а

комизм основан на двуплановости восприятия, столкновении двух смыслов...» [Земская, 2007: 192]. По мнению З.И. Минаевой, данное явление «с позиции периферии словообразования переместилось в центр частотных и продуктивных средств передачи информации и выражения экспрессии» [Минаева, 2015: 58]. Как известно, изучая каламбурные дериваты Е.А. Земская выделяла, среди прочих, такие способы их образования, как междусловное наложение (термин, предложенный Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, 1972]) и контаминация. Их отличает то, что при контаминации часть одного из соединяемых в процессе деривации слов устраняется (например, *Розенбард* от *Розенбаум* и *бард*), а при междусловном наложении «слова накладываются, наезжают друг на друга», «конец одного является началом другого»: *Осколково* (*Сколково* + *осколки*) [Земская, 2005: 191]. Проведенный нами анализ продемонстрировал, что на основании указанного фактора контаминацию и междусловное наложение как приемы образования игровых дериватов не всегда возможно разграничить (например, *телеелевиденье* от *телевиденье* и *еле*; *Евроненавидение* от *Евровидение* и *ненавидеть*), в связи с чем описывать данное явление, исходя лишь из формальных критериев, невозможно. В процессе образования игровых дериватов взаимодействуют такие факторы, как семантика «сталкиваемых» лексем, их паронимическое сближение, псевдоэтимология. Эффект словообразовательного каламбура может достигаться за счет переосмысления структуры мотивационных слов и реализации различных языковых намеков (например, *Ксюшадь* от *Ксюша* + *лошадь*), при этом в игровом деривате наблюдается «мерцание» обоих слов. В результате указанных факторов игровое новообразование, основанное на паронимии, представляет собой предел семантической компрессии словосочетания или высказывания (ср.: ‘Ксюша — лошадь’).

Сложность и формально-семантическая многоплановость контаминационных процессов в процессе деривационной языковой игры привела к выделению так называемого *блендинга* как словообразовательного явления. По определению О.А. Хрущевой, «блендинг является самостоятельным способом словообразования, пограничным с аббревиацией и словосложением ввиду своих структурных особенностей. Блендинг характеризуется намеренным характером словопроизводства, особой стилистической окраской, окказиональным статусом большинства производных единиц — блендов» [Хрущева]. Использование данного термина нам представляется перспективным, поскольку с его помощью возможно обозначить все вышеуказанные явления в целом, не подразделяя их на отдельные виды (это сделать не всегда возможно), а, наоборот, подчеркнуть то общее, что их объединяет.

При всей актуальности тенденции к контаминации, это не единственный способ образования игровых дериватов. Стимулом их создания может быть словообразовательная аналогия (образование неологизма по конкретному образцу, по Е.А. Земской [Земская 2005]). Суть языковой игры, так же, как и в случае блендинга, состоит в сочетании несочетаемого: словообразовательные аффиксы добавляются к тем основам, соединение с которыми является неожиданным и вследствие этого комичным. Например, неологизм *оливьед* образован по образцу слов *короед*, *муравьед*, общий семантический компонент которых — указание на субъекта, употребляющего в пищу преимущественно данный продукт. Слова на -фон, такие, как *телефон*, *домофон*, послужил моделью для неологизма *яблофон*, обозначающий смартфон компании Apple (комический эффект в данном случае достигается в результате перевода коммерческого названия, являющегося словообразовательной основой).

Некоторые модели образования игровых дериватов на основе аффиксации отражают денотативную значимость определенных понятий. Так, в эпоху Интернета, приведшего к обострению общественно-политических дискуссий, становится частотным образование глагольных неологизмов, использующих в качестве основы имя собственное — фамилию известного деятеля политики, искусства и т.д. Семантическим инвариантом таких новообразований является компонент ‘совершать действия, типичные для лица, носящего данную фамилию’. Преднамеренно созданный комический эффект, являющийся основным критерием игрового характера деривата, реализуется в данном случае за счет специфики словообразовательной модели (актуальное имя собственное + глагольный суффикс), а также яркой внутренней формы новообразований. Так, от фамилии федерального канцлера Германии Ангелы Меркель образованы глаголы *меркельчичать/меркелить*: «Видать США увлеклись манипулированием Порошенко, и иногда забывают отдавать распоряжения вышеупомянутой фрау, вот она и “меркельничает” — хозяева команд-то не дают» [URL: <http://politikus.ru/events/55308-slovo-goda-germanii.html>]. Существуют также глаголы *обамить*, *трампить*, *эрдоганить*, *медведить*, *собянить* и под., их семантика активно обсуждается в Интернете. Например, *обамить* — «руководить сложной системой без малейшего понятия о том, как она фурычит» [URL: <http://hojja-nusreddin.livejournal.com/>], «жевать (жвачку) во время официального приема» [URL: <http://atkritka.com/>]; *трампить* — то же, что и троллить [URL: <http://www.apn.ru/>]; *медведить* — «совершать действия, необходимость которых сомнительна, а результат обычно отличен от желаемого». Также существуют глаголы

цететелить («пятнадцать тонн бетона с щебнем по дружбе подогнал прораб и приступает цететелить зураб» [URL: <https://www.inpearls.ru/1016970>]), *собянить* («Москвичи требуют не “собянить” столицу» [URL: <https://msk.kprf.ru/2017/05/15/27109/>]), *жириновить*, *явлинить*. Отметим, что дериват *собянить* является переходным, и это отличает его от других приведенных выше примеров.

Словообразовательные функции, реализуемые в игровых дериватах.

Наши наблюдения показывают, что в современном русском языке при игровом словообразовании действуют следующие факторы:

1. Эмоционально-экспрессивный. Дериват создается с целью реализации оценочных компонентов значения;

2. Адаптирующий (руссифицирующий). Дериват создается в процессе адаптации заимствования и, как правило, имеет жаргонную окраску; на основании паронимического сближения может восприниматься как семантическая деривация русскоязычной лексики. В последнем случае невозможно однозначно говорить о явлении словообразования, поскольку суть языковой игры состоит как раз в преднамеренном использовании в новом значении уже существующего слова (фонетическая метафора);

3. Номинативный. Дериват называет новое явление, передает новое понятие (*яблофон*);

4. Коммерческий. Дериват создается как имя собственное и используется в коммерческих целях. Денотативный и коммерческий факторы могут проявляться в одном неологизме (*Вегмени* — вегетарианские пельмени).

Эти факторы могут быть соотнесены с функциями словообразования, по Е.А. Земской. В книге «Словообразование как деятельности» она выделила номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную, стилистическую функции [Земская, 2005], на основании чего были предложены соответствующие виды словообразования. В дальнейшем Е.А. Земская называет еще одну функцию, которая может быть реализована при словообразовательной деривации, — игровую [Земская, 2007]. Выделяя игровую функцию словообразования, Е.А. Земская не исключает ее совмещения с другими, ранее описанными функциями, например, с номинативной: «... как все прочие функции словообразования, игровая функция (ИФ) выполняет и номинативную роль (игровое слово непременно именует что-либо), но в ней присутствует особое намерение говорящего — поиграть с формой речи, причем эта игра может быть и безобидной шуткой, и острой насмешкой, и злой иронией, и едким сарказмом» [Земская, 2007: 186]. Номинативная функция особенно ярко проявляется в неологизмах, которые можно

отнести к разряду так называемых ключевых слов момента («ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Русский язык конца XX столетия. 1985—1995, 2000: 92]. Так, «неуклюжая аббревиатура ГКЧП обрastaет различными саркастическими уничижительными производными. Таково произведенное скрещением с именем одного из инициаторов путча — Пуго, фамилия которого порождает выразительные ассоциации с глаголом *пугать*: *ГКЧПуга*» [там же: 93]. В настоящее время можно наблюдать, как несколько эмотивно-оценочных игровых дериватов, мотивированных одним исходным словом и имеющих вследствие этого денотативную общность, указывают на актуальность того или иного явления (социальную, политическую и т.д.): *Осколково* (*Сколково* + *осколки*), *Скольково* (*Сколково* + *сколько*).

Проведенное нами исследование подтверждает то, что игровая функция в большинстве случаев сопутствует другим, в первую очередь номинативной. Сегодня, например, это активно используется при создании коммерческих названий («*Чибупели*» от *чebурек* и *пельмень*; «*Творопыш*» от *творог* и *торопыжка/-шка*). То же явление наблюдается в разговорном узусе в случае общественной актуализации новых понятий, приводящей к образованию «ключевых слов момента» (см., например, указанные ранее дериваты типа *трампить*, *обамить*). При этом широко распространены дериваты, чье возникновение обусловлено не необходимостью обозначить новое понятие (номинативная функция), а стремлением передать оценочность и экспрессивность (*Гейропа* от *гей* и *Европа*). Поскольку игровой дериват стремится к семантической компрессии, он может реализовывать конструктивную словообразовательную функцию (*ненавидеть Евровидение* → *Евроненавидение*). Проявление этой функции можно увидеть в случае паронимического сближения исходного слова (или его части) с другой основой: *кока-кома*, *дерьмантин* и под. Как правило, денотативное значение при этом не изменяется — дериват указывает на тот же денотат, что и исходное слово, но появляются эмотивно-оценочный и коннотативный компоненты значения.

Итак, игровая деривация представляет собой многоплановое явление: различными могут факторы, продуцирующие образование игровых неологизмов, механизмы их образования и задействованные языковые средства. Являясь одним из основных видов языковой игры, игровая деривация объединяет достаточно разнородные явления, часть которых даже не может быть однозначно отнесена к словообразовательной сфере («игра» с графической оболочки слова при сохранении омонимии в устной форме, т.н. фонетические ме-

тафоры). Актуальности игрового словообразования в современном русском языке, помимо собственно лингвистических факторов, способствует целый ряд социальных и коммуникативных явлений, в первую очередь развитие Интернета. В эпоху электронной коммуникации игровые дериваты выполняют различные функции и зачастую являются проявлением метаязыковой рефлексии носителей языка.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
- Ашкеров А.* Эволюция медиа-вирусов [Электронный ресурс]: URL: <http://irsolo.ru/andrej-ashkerov-evolyucia-media-virusov/> (дата обращения: 14.06.2018).
- Земская Е.А.* Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 186–193.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 2005.
- Изотов В.П.* Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел, 1998.
- Кронгауз М.А.* Игровой механизм образования слов // Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года) / Под ред. проф. Е.В. Петрухиной. М., 2010. С. 364–376.
- Лыков А.Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
- Минаева З.И.* Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник удмуртского университета, сер. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 58–68.
- Петрухина Е.В.* Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года) / Под ред. проф. Е.В. Петрухиной. М., 2010. С. 424–442.
- Попова Т.В.* Графикация как новое явление в языке и научной когнитивности // Вестник ЧелГУ. 2011. № 4. С. 160–163.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Бакич Н.А., Жданова Е.А., Торопкина В.А. et. al* Социокультурные, лингвокогнитивные и лингвопраг-

- матические аспекты современных словообразовательных процессов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 2.
- Рахимкулова Г.Ф.* Игровая поэтика и игровая стилистика // Филологический вестник РГУ. 2000. № 1. С. 5–10.
- Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Русский язык конца XX столетия. 1985–1995. М., 2000.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- Сковородников А.П.* Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения: Коллективная монография. Красноярск, 2010.
- Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Хрущева О.А.* Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. URL: <http://www.dissertat.com/content/universalnye-i-lingvokulturnye-osobennosti-blendinga> (дата обращения: 14.06.2018).
- Цыганкова Н.Д.* Словообразовательные тенденции современного целенаправленного словотворчества // Концепция устойчивого развития науки третьего тысячелетия: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. СПб, 2016. С. 94–98.
- Энштейн М.* Дар слова. Проективный лексикон. 2000–2010. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html> (дата обращения: 14.06.2018).
- Янко-Триницкая Н.А.* Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. М., 1972.

Olga Dedova, Polina Grigorieva

WORDPLAY DERIVATION IN MODERN RUSSIAN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses derivation patterns in Modern Russian that serve playful purposes. The research materials belong to various genres: mass-media, commercial titles, advertisements, internet blogs, informal language. The analysis of contemporary linguistic theories and results of this study make it possible to define a wordplay derivative as a derivative word which is part of language play and, hence, a creator of a comic effect. The paper explores features of the wordplay derivation phenomenon contrasting it to nonce words and intentional word formation. Analyzing mechanisms of wordplay derivation and stimuli for

making wordplay derivatives in modern Russian shows that wordplay derivation is a complex linguistic phenomenon unites which is of great current interest. It is noteworthy that some patterns cannot be attributed to the derivation process at all. An example in question is “playing” on the graphical form of the word which does not destroy phonetical homonymy; such words can be called “phonetical metaphors”. Apart from linguistic factors, the wordplay derivation process in modern Russian is supported by social and communicative factors, such as the rapid development and distribution of the Internet. In modern digital communication, derivatives have various functions and indicate metalanguage reflection of native speakers.

Key words: wordplay derivation, language play, derivative contamination, blending.

About the authors: *Olga Dedova* — Dr. habil., Professor, Department of Russian Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ov-dedova@yandex.ru); *Polina Grigorieva* — PhD Student, Department of Russian Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: paulines@yandex.ru).

References

- Arutyunova N.D. Anomalii i yazyk [Anomalies and language]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1987, № 3, pp. 3–19. (In Russ.)
- Ashkerov A. Evolyuciya media-virusov [The evolution of media-viruses] URL: <http://irsolo.ru/andrej-ashkerov-evolyucia-media-virusov/> (accessed: 14.06.2018). (In Russ.)
- Zemskaya E.A. Igrovoe slovoobrazovanie [Playing word-formation]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysinu*. Moscow, 2007, pp. 186–193. (In Russ.)
- Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-formation as an activity]. Moscow, *KomKniga Publ*, 2005, 224 p. (In Russ.)
- Izotov V.P. Parametry opisaniya sistemy sposobov russkogo slovoobrazovaniya [Parameters of description of the system of Russian word-formation methods]. Orel, *Izdatelstvo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1998, 149 p. (In Russ.)
- Krongauz M.A. Igrovoi mekhanizm obrazovaniya slov [Play mechanism of formation of words]. *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: Sistema i funkcionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov* (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 24–26 marta 2009 goda) Pod red. prof. E.V. Petruhinov. Moscow, *Izdatelstvo Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2010, pp. 364–376. (In Russ.)
- Lykov A.G. Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoe okkazional'noe slovo) [Modern Russian lexicology (Russian occasional word)]. Moscow, *Vysshaya shkola Publ*, 1976, 119 p. (In Russ.)

- Mineeva Z.I. Kontaminaciya v obrazovanii nominacij cheloveka [Contamination in the derivation of nominations for people]. *Vestnik udmurtskogo universiteta, ser. Istoriya i filologiya*, 2015, 25, 2, pp. 58–68. (In Russ.)
- Petruhina E.V. Vozmozhnosti, funktsii i konkurenty slovoпроизводства v sovremennom russkom yazyke [Opportunities, functions and competitors of word production in the modern Russian language]. *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: Sistema i funkcionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov* [New phenomena in the Slavic word formation: the System and functioning: the reports of the XI International scientific conference of the Commission on the Slavic word formation of the International Committee of Slavists]. Moscow, 2010, pp. 424–442. (In Russ.)
- Popova T.V. Grafiksaciya kak novoe yavlenie v yazyke i nauchnoj kognicii [Graphixation as a new phenomenon in language and scientific cognition]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, 4, pp. 160–163. (In Russ.)
- Radbil' T.B., Raciburskaya L.V., Bakich N.A., Zhdanova E.A., Toropkina V.A. et. al. Sociokul'turnye, lingvokognitivnye i lingvopragmaticheskie aspekty sovremennykh slovoobrazovatel'nykh processov [Social and Cultural, Cognitive and Pragmatic Aspects of Current Word Formation Processes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya*, 2018, 2, pp. 127–155. (In Russ.)
- Rahimkulova G.F. Igrovaya poehitika i igrovaya stilistika [Play poetics and playing stylistics]. *Filologicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2000, 1, pp. 5–10. (In Russ.)
- Glovinskaya M. Ya., Zemskaya E.A., Kapanadze L.A., Kitaygorodskaya M.V., Krasilnikova E.V. et al. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. [Russian speaking. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ, 1983. 239 p. (In Russ.)
- Vorontsova V.L., Glovinskaya M. Ya., Golanova E.I., Ermakova O.P., Zemskaya E.A. et al. *Russkij yazyk konca XX stoletiya. 1985–1995*. [Russian language in the end of XX century. 1985–1995]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ, 2000. 480 p. (In Russ.)
- Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry [Russian language in the mirror of the language play]. Moscow, *Языки славянской культуры*, 2002. 552 p. (In Russ.)
- Skovorodnikov A.P. Ob opredelenii ponyatiya «yazykovaya igra» [On the definition of language play] // *Igra kak priem tekstoporozhdeniya: kolektivnaya monografiya*. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Sibirskogo federalnogo universiteta, 2010. 341 p. (In Russ.)
- Ulukhanov I.S. *Yedinit'sy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of word-formation system in Russian language and their lexical realization]. M., 1996. (In Russ.)

- Hrushcheva O.A. *Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blendinga. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Universal and linguo-cultural features of blending. PhD. phil. sci. abs.]. Chelyabinsk, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/universalnye-i-lingvokulturnye-osobennosti-blendinga> (accessed: 14.06.2018). (In Russ.)
- Cygankova N.D. Slovoobrazovatel'nye tendencii sovremennogo celenapravlenного slovotvorchestva [Word formation trends of modern purposeful word creation]. *Koncepciya ustojchivogo razvitiya nauki tret'ego tysyacheletiya*. Sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, *Kul'tInformPress Publ*, 2016, pp. 94–98. (In Russ.)
- Epshtejn M. *Dar slova. Proektivnyj leksikon* [Projective vocabulary]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>. (accessed 14.06.2018). (In Russ.)
- Yanko-Trinickaya N.A. Mezhduslovnoe nalozhenie [Interword overlay]. *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, 1972. (In Russ.)

Н.С. Берсенева, Н.Б. Гвишиани

**ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ
В ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается проблема коммуникативной мотивированности производной лексики, а также проблема отношений между коммуникативной интенцией автора и особенностями словообразования в научной речи. Изучается зависимость избранной переводческой стратегии от коммуникативного намерения, целей и задач переводчика, а также обусловленность выбора морфологических и словообразовательных языковых средств порождающим прагматическим контекстом и намерением говорящего. Описываются механизмы перевода терминологической лексики. На примере различных вариантов перевода авторской терминологии М.М. Бахтина исследуется вопрос об экстралингвистических процессах, лежащих в основе выбора переводческой стратегии (транслитерации или беспереводного заимствования, с одной стороны, и создания эквивалентной лексемы при использовании греко-латинских или исконно английских словообразовательных элементов — с другой), а также выбора словообразовательных моделей при калькировании и выбора формантов и морфем, используемых для «построения» нового переводного слова. Термин «разноречие», являющийся одним из центральных понятий в рамках концепции Бахтина о диалогичности речи, рассматривается в контексте возможных стратегий его перевода. Затрагивается проблема отношений переводчика, адресата и автора исходного сообщения как обуславливающих характер, тон и выбор стратегий и словообразовательных моделей в переводном сообщении. Рассматривается проблема вариативности синонимичных аффиксов и формантов, используемых для создания в языке перевода новых лексических единиц, эквивалентных лексемам из языка-источника. Описываются факторы, влияющие на выбор стратегии беспереводного заимствования при переводе терминологической лексики. Освещается дискурсивный подход к исследованию процессов словообразования и перевода. Устанавливаются причины предпочтения неоклассических греко-латинских формантов или

Берсенева Наталья Сергеевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natalijaberseneva@yandex.ru).

Гвишиани Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ngv@wdcb.ru).

исконно английских элементов при образовании новых терминологических единиц.

Ключевые слова: научный дискурс; дискурсивная прагматика; калькирование; конкурентные отношения аффиксов; переводческие стратегии.

Согласно утверждению Е.С. Кубряковой, «каждое производное слово отражает итоги речемыслительной, познавательной и номинативной деятельности человека» [Кубрякова, 2008: 21]. Возникновение новой лексической единицы всегда является **мотивированным** событием, которое происходит в определенном контексте и служит итогом целой серии когнитивных и номинативных процессов, предшествующих собственно возникновению нового слова. Следовательно, изучение производной лексики должно осуществляться в контексте, поскольку ее появление во многом обусловлено конкретными коммуникативными задачами: «структура языка не может быть успешно изучена, описана, понята или объяснена без отсылки к его коммуникативной функции» [Givon, 1979: XV]. Мотивированность производной лексики и ее тесная связь с повлиявшими на ее возникновение экстралингвистическими процессами особенно очевидна на примере научной терминологии. Поскольку создание каждого термина обусловлено конкретными целями, а язык науки в целом представляет собой конвенциональную систему, в данной области наглядно видна зависимость морфологической формы производного слова от дискурсивных характеристик высказывания.

Частный случай терминообразования — активизация словообразовательных процессов при переводе терминологических единиц и образование новых слов в языке-источнике (ИЯ) в результате переводческой деятельности. Известно, что пополнение терминосистем происходит, в том числе и за счет переводной лексики, «заново строящейся» на основе формантов языка перевода (ПЯ). Частотность терминологических «калек» и заимствований обусловлена самим характером научной деятельности и научной коммуникации, которая предполагает международное общение. Сама потребность в переводе той или иной лексической единицы всегда обусловлена необходимостью в выражении некоего понятия с помощью средств языка перевода. Следовательно, данная потребность возникает при условии наличия ряда **порождающих факторов**. Заимствование и перевод иностранных терминов стоит считать «не просто одной из возможностей номинации научных понятий, а потребностью, возникающей в процессе научной коммуникации» [Казенкова, 2013: 32].

Известно, что выбор способа перевода, а также в случае калькирования **словообразовательных стратегий и формантов** обуславливается переводческими целями и задачами. Как отмечает Т.А. Волкова,

«общая стратегия перевода в равной степени охватывает уровень коммуникации, уровень дискурса и уровень текста и определяет как процесс, так и результат перевода» [Волкова, 2010: 46]. Различные особенности дискурсивной ситуации, такие, как прагматическая интенция адресанта, жанровые и коммуникативные свойства высказывания, отношения адресанта и адресата влияют на её осмысление переводчиком. Следовательно, переводческая деятельность связана не только с самим текстом, но и с дискурсом. Изучение дискурса, в рамках которого происходит переводческий акт, выделяется рядом исследователей как необходимая часть работы переводчика. Так, О.В. Петрова называет следующие компоненты 'предпереводческого' анализа (анализа, который необходимо провести переводчику, прежде чем начинать работу с текстом): тематическая отнесенность текста, цель создания оригинала (коммуникативное назначение исходного текста), цель создания перевода, адресат, композиция текста, жанрово-стилистические характеристики текста [Петрова, 2007: 38—42]. Стратегия перевода, следовательно, всегда находится в тесной взаимосвязи с дискурсивными параметрами высказывания. «Комплексная характеристика отдельных видов институционального дискурса с учетом основных особенностей текста, дискурса, коммуникации, аспектов интердискурсивности дает переводчику возможность сформулировать стратегию перевода исходного текста» [Волкова, 2010: 48].

При выборе стратегии перед переводчиком возникает ряд практических вопросов: чем именно вызвана необходимость в переводе иностранного термина? Использование какой переводческой стратегии представляется наиболее оправданным? Как новая терминологическая единица впишется в терминосистему данной предметной дисциплины? Задача переводчика — не только предложить удачный эквивалент термина языка-источника (ИЯ), но и создать термин, который будет успешно принят местным научным сообществом и прочно войдет в состав языка перевода (ПЯ). Как утверждает А.Г. Анисимова, «создавая термин, следует стремиться к тому, чтобы он естественно входил в существующую терминологию данной области знания, а не ощущался в ней как чужеродное тело» [Анисимова, 2010: 200]. Поскольку в любой дисциплине каждый термин является членом целой упорядоченной системы, и раскрытие его значения невозможно в изоляции от других представителей данного множества, отношения, складывающиеся между терминами, крайне значимы при «встраивании» новой терминологической единицы в систему. Именно поэтому выбор стратегии перевода иностранной терминологии должен быть ориентирован на дискурсивно-прагматические особенности как исходного контекста,

так и контекста, в котором осуществляется перевод. Выбор стратегии перевода, как и выбор словообразовательной стратегии, обусловлен еще и тем, какой именно из аспектов речевого общения стремится передать автор сообщения или автор перевода. Известно, что еще в 1934 г. немецкий психолог Карл Бюлер выделил три стороны речевого общения — сторону говорящего (**Ausdruck**), сторону слушающего (**Appell**) и сторону передаваемого сообщения (**Darstellung**) [Büller, 1934: 28]. Содержание речи может включать признаки каждого из трех аспектов в различной пропорции — так, сторона сообщения, особенно его логический и содержательный компоненты, всегда отражены в рамках научной речи, но при этом сообщение может быть экспрессивным и эмоциональным. Избранная переводческая стратегия также может отражать один из данных аспектов.

Отечественные исследователи, как правило, говорят о следующих переводческих стратегиях, применяемых при переводе иностранных терминов: подбор лексического эквивалента, беспереводное заимствование (транскрипция/транслитерация), калькирование, трансформационный перевод, описательный перевод/интерпретация [Анисимова, 2010: 88]. Каждая из описанных стратегий используется для решения конкретных задач. Так, *калькирование* как способ перевода применяется тогда, когда исходная лексика не имеет соответствий в языке перевода, а внутренняя форма исходного термина представляется «прозрачной», и образованию нового переводного термина не препятствуют какие-либо затруднения.

Однако одной из проблем, с которой сталкивается переводчик, избравший данную стратегию, является **синонимия аффиксов и формантов**. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «к выражению одного и того же значения можно прийти разными путями и использовать при этом разные лингвистические средства. Это общее положение распространяется, естественно, и на образование производных слов...» [Кубрякова, 2008, с. 24]. Наличие устойчивых продуктивных словообразовательных моделей, выражающих синонимичные значения (как, например, суффиксы *-ity* и *-ness*, применяемые при образовании существительных со значением абстрактного понятия) означает *необходимость выбора* при многообразии возможных словообразовательных стратегий. На реализацию «конкурентных отношений» аффиксов и формантов влияет множество факторов: формальное и функциональное ограничение продуктивности морфем, «узкая специализация» аффикса в рамках предметного дискурса, устоявшиеся эпистемологические традиции той или иной дисциплины и др.

Все эти факторы усложняют проблему выбора словообразовательных единиц, способных адекватно отразить семантические свойства исходного термина при калькировании. Для успешного осуществ-

вления замысла и создания термина, в полной мере отражающего внешнюю структуру и внутреннюю наполненность термина ИЯ, переводчик должен учитывать не только семантику исходного термина, но и **дискурсивно-прагматические параметры высказывания**. Прагматический контекст при этом обладает «двусторонней природой»: он должен включать как «прагматику адресанта», так и «прагматику адресата». Иными словами, переводчик должен осознавать, какие цели преследовались при возникновении исходного термина (что особенно актуально при переводе авторской терминологии), и иметь четкое представление о том, как лучше передать данное намерение при переводе, а также каковы его собственные намерения, цели и задачи. В рамках динамической модели перевода принято говорить о следующих прагматических факторах, влияющих на процесс перевода: 1) коммуникативная интенция отправителя; 2) установка на получателя; 3) коммуникативная установка переводчика [Нелюбин, 2003: 243–244]. Таким образом, данные факторы, наряду с чисто языковыми проблемами сочетаемости морфем и их продуктивности, определяют внутреннюю форму производного слова-кальки.

Выбор переводческой стратегии при переводе термина можно рассмотреть на примере перевода термина *«разноречие»*, обозначающего одно из ключевых понятий в концепции М.М. Бахтина. Известно, что работы М.М. Бахтина стали доступны европейским читателям в конце 1960-х — начале 1970-х годов, а период середины 1970-х — середины 1980-х годов можно назвать временем развития западной бахтинистики [Осовский, 1993: 96–99]. Необходимость осмысления и перевода авторских терминов Бахтина становится очевидной, если учесть общественный резонанс, вызванный его работами: «...видно, сколь разителен контраст между восприятием книги [«Вопросы литературы и эстетики»] на языке оригинала и ее переводов (если на советское издание нам известна лишь одна рецензия... то каждый из переводов вызвал буквально поток откликов...)» [Осовский, 1993: 99]. Общественная дискуссия, возникшая в мире после первых переводов и публикаций работ Бахтина, привела к необходимости осмысления его теории, наименования концепций, а затем и «встраивания» новых терминов в англоязычную терминосистему литературоведения. Термин «разноречие», изначально взятый Бахтиным из нетерминологического, «общего» языка, требовалось перевести уже из-за новизны концепции, которую он отражал. Описывая диалогичность речи как одно из основных, фундаментальных свойств языка романа, Бахтин развивает идею о полифонии в художественном тексте. Идея, что язык романа разнороден и представляет собой целую «систему языков», являлась одной из наиболее значимых в творчестве Бахтина. Следовательно, термин «разноречие» как ключевой элемент его

терминосистемы требовал эквивалента, который бы запоминался читателю, отражал новаторство авторской идеи и при этом обладал бы простой для понимания внутренней структурой.

Одной из наиболее частотных стратегий при терминологическом образовании является использование формантов греко-латинского происхождения. Причиной популярности данных элементов является в том числе и то, что их использование указывает на **международный характер** терминологии. Поскольку классические элементы традиционно широко используются в научных терминосистемах, в том числе в лингвистике и литературоведении, новые терминологические единицы с подобной структурой органически «вписываются» в контекст. Традиционность данного подхода, а также устойчивое восприятие греко-латинских формантов в качестве «маркеров» научной лексики, приводит к «научообразности» нового термина, обеспечивает его ясное восприятие адресатом, а именно научным сообществом. Именно такая стратегия (калькирование при помощи греческих элементов) была использована при переводе термина «разноречие» исследователями К. Эмерсон и М. Холквистом, авторами перевода работы М.М. Бахтина «Слово в романе» на английский язык (“Discourse in the Novel”, 1981). Авторы перевели термин «**разноречие**» как “*heteroglossia*”, используя при этом греческие форманты (*hetero-* и *gloss-*) для передачи смысла русских морфем («**разно-**» и «**печ-**»). Применяв классические форманты, авторы перевода смогли «включить» авторский термин Бахтина в интернациональную терминологию, ориентированную на использование «универсальных» классических элементов.

Стоит отметить, что вариант *heteroglossia* не является единственным переводом термина, который приводят К. Эмерсон и М. Холквист: “Authorial speech, the speech of narrators, inserted genres, the speech of characters are merely those fundamental compositional unities with whose help **heteroglossia** [**raznorečie**] can enter the novel...”; “*Real ideologically saturated ‘language consciousness’, one that participates in the actual **heteroglossia** and **multi-linguagedness**, has remained outside its field of vision*” [Bakhtin, 1981: 268–275].

Использование транслитерации (**raznorečie**) для передачи термина придает переводу аутентичность, а также сближает его с оригинальным текстом в сознании читателя. По терминологии К. Бюлера, данная переводческая стратегия направлена в первую очередь на передачу авторской стороны, т.е. «стороны говорящего».

Мотивированный термин **multi-linguagedness**, характеризующийся прозрачной внутренней структурой и зеркально отражающий морфологический состав русского термина «**разноречие**», делает его понятным для адресата сообщения: т.е. в данном случае мы можем

говорить о направленности сообщения на слушающего. Понятная внутренняя структура представляет вариант переводного термина, созданный при помощи исконно английских словообразовательных моделей, как более узнаваемый для читателя, в связи с чем переводчики считают необходимым использовать его в тексте.

Стоит отметить, что в работе 1978 г. “The Heresiarch of Meta”, другой известный американский исследователь, Г.С. Морсон, предложил еще один вариант мотивированного перевода термина с прозрачной структурой: “*Language is always languages: it is defined by ‘multi-speechedness’*” (Morson, 1978: 412). При создании данной лексемы применялась уже другая словообразовательная стратегия: использование исконно английской основы *speech* (от древнеанглийского *spæc*), а также исконно английского суффикса *-ness*, являющегося крайне продуктивным при образовании абстрактных существительных.

Примечательно, что, хотя в более поздних работах Г.С. Морсон делает выбор в пользу термина *heteroglossia* («*The various languages of heteroglossia have their own ways of “accenting” and “intoning” given words, and there may be a tonality to the whole “language”*» [Morson, Emerson, 1990: 141]), нельзя сказать, что предложенный им вариант перевода не закрепился в языке и навсегда остался окказиональным вариантом. Так, сразу в нескольких публикациях лексема *multispeechedness* представлена в качестве «буквального перевода» русского термина Бахтина: “*The third type of double-voice discourse, ‘heteroglossia’ (literally, ‘multi-speechedness’) is what Bakhtin describes as multiple, interactive styles*” [Shapiro, 2013: 135], “*In Bakhtin’s own words, heteroglossia, literally meaning ‘multispeechedness’...*” [Tegmark, 1998: 50] (здесь и далее выделение наше. — Н.Б.).

Наиболее показательной в этом плане является выдержка из статьи “Heteroglossia”, представленной в энциклопедическом издании “Encyclopedia of Postmodernism”: “*The English word heteroglossia means ‘differentiated speech’ (from the Russian raznorecie which translates literally as ‘multispeechedness’)*” [Taylor, Winquist, 2003: 176]. В данном случае при описании русскоязычного понятия разноречия на языке перевода используются сразу несколько переводческих стратегий: транслитерация (“*raznorecie*”), описательный перевод (“*differentiated speech*”), калькирование, при котором также можно говорить о подборе эквивалентных элементов на морфологическом уровне (*heteroglossia, multispeechedness*).

Необходимость задействовать сразу несколько стратегий и, следовательно, привести как можно большее количество терминологических эквивалентов русскоязычного термина вызвана энциклопедическим характером данной публикации: задача автора

заключается в том, чтобы дать подробную, исчерпывающую характеристику понятия и описать его с нескольких сторон. Использование описательного перевода оправдано самими задачами жанра энциклопедического пособия: разъяснение призвано исключить возможность неполного понимания термина. Примечательно, что, прибегая к использованию двух терминов-калек, автор использует два синонимичных перевода (*multispeachedness* и *heteroglossia*), при этом первый из них приводится как буквальный эквивалент, наиболее схожий с оригинальным русским термином. Основным же термин, используемый автором энциклопедического словаря в заголовке статьи о разноречии, а также устоявшийся в итоге в англоязычной терминосистеме — *heteroglossia*, не является наиболее понятным и буквальным. Его популярность обусловлена традицией, стоящей за формированием литературоведческой терминосистемы. Таким образом, конкурентные отношения исконно английских морфем и греческих формантов реализуются в ситуации, когда за греческими формантами стоит определенная сложившаяся традиция, что обуславливает выбор переводчиков и научного сообщества.

Стоит отметить, что, хотя традиция использования классических терминоэлементов способствует «принятию» термина, в своем решении переводчики слегка отклоняются от изначального замысла Бахтина, нашедшего отражение во внутренней структуре термина. Таким образом, прагматика изначального высказывания («цель создания оригинала», по О.В. Петровой) вступает в противоречивые отношения с прагматикой переводного высказывания («целью перевода»).

Выбор конкретного термина (и, следовательно, словообразовательных стратегий, задействованных при его образовании) во многом обусловлен прагматической интенцией автора. Термины *multi-linguagedness* и *multispeachedness/multi-speachedness* воспринимаются носителями языка как наиболее точно, буквально отражающие структуру оригинального термина Бахтина и, следовательно, как наиболее прозрачные для восприятия; следовательно, их использование является целесообразным в ситуации, когда для переводчика наиболее важной задачей является понимание термина адресатом. Этимология термина *heteroglossia* представляется чуть менее очевидной, но при этом сам термин смог стать широко используемым благодаря тому, что стоящая за ним словообразовательная стратегия соответствует укоренившейся терминологической традиции. В данном случае можно говорить о **примате стороны передаваемого сообщения** (по К. Бюлеру) — хотя термин *heteroglossia* в меньшей степени отражает внутреннюю структуру оригинального термина и менее прозрачен для понимания, чем его эквиваленты, созданные при по-

мощи транслитерации или английских морфем, он воспринимается в рамках существующей международной терминологической традиции и, таким образом, его использование продиктовано конкретными задачами передачи фактической стороны сообщения.

Очевидно, что метод калькирования, при котором на переводчике лежит ответственность за создание морфологической формы переводной единицы, не является единственной переводческой стратегией, на использование которой могут повлиять прагматические факторы. В уже упомянутом переводе работы М.М. Бахтина «Слово в романе» (“Discourse in the Novel”, 1981) в заглавие вынесен термин «дискурс», который, очевидно, не мог присутствовать в оригинальном тексте, создававшемся Бахтиным в 1930-е годы.

Использование данного термина не случайно и связано с обстоятельствами «открытия» идей Бахтина западным литературоведением. Как пишет В.Л. Махлин, «Честь “открытия” Бахтина принадлежит структуралистам; однако на Западе оно приводило и приводит до сих пор к нигилистической модернизации его идей» [Махлин, 1986: 317]. Действительно, структуралисты Л. Матейка и Ю. Кристева способствовали началу международного обсуждения теории Бахтина, в результате чего «Бахтин приходил к читателю в крайне популярном структуралистском ореоле, а это не могло не исказить... реальную картину» [Осовский, 1993: 97]. В результате переосмысление и частичное искажение отразилось и на характере используемой в переводах терминологии: несмотря на развитие бахтинистики как в СССР (и позже России), так и на Западе, ассоциация со структуралистскими идеями и теориями повлияла на международное восприятие наследия Бахтина.

Как можно заключить, дискурсивные параметры высказывания диктуют необходимость выбора переводческой стратегии, а также выбор словообразовательных средств и стратегий при создании новых терминов-калек. Условия, формы и цели научного общения влияют на язык научного дискурса как на уровне словоупотребления, так и на словообразовательном уровне. Таким образом, любой переводческий акт всегда происходит в определенном дискурсивном контексте: переводческий процесс невозможно представить происходящим в отрыве от контекстуальных экстралингвистических факторов.

Список литературы

Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010.

- Казенкова А.К.* Онтология заимствованного слова: монография. М., 2013.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводческий словарь. 3-е изд., перераб. М., 2003.
- Махлин В.Л.* Наследие М.М. Бахтина в современном зарубежном литературоведении // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 4.
- Петрова О.В.* Модель предпереводного анализа текста // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: Монография. Н. Новгород, 2007.
- Bakhtin M.* Discourse in the Novel // *The Dialogic Imagination. Four Essays*. Austin, 1981. P. 268–275.
- Bühler K.* Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Givón T.* Syntax and Semantics. Vol. 12: Discourse and Syntax / Ed. by T. Givón. N.Y.; L., 1979.
- Shapiro H.* Educational Theory and Jewish Studies in Conversation: From Volozhin to Buczacz. Lanham, 2013.
- Szymanek B.* The Latest Trends in English Word-Formation / *Hand-book of Word-Formation*; ed. by P. Štekauer, R. Lieber // *Studies in Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 64. Dordrecht, 2005. P. 429–448.
- Taylor V.E., Winquist C.E.* Encyclopedia of Postmodernism. London, 2003.
- Tegmark M.* In the shoes of a soldier: communication in Tim O'Brien's Vietnam narratives. Uppsala, 1998.

Natalia Berseneva, Natalia Gvishiani

DISCURSIVE PECULIARITIES OF WORD-BUILDING STRATEGIES IN TERMINOLOGY TRANSLATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the problem of pragmatic motivation in translation of literary terminology. The main objective of the article is to show the relationship between the discursive context and the methods and strategies used by the translator, as well as the way in which translators' goals and intensions influence word-building techniques. The article focuses on Russian literary terms coined by M.M. Bakhtin and their English equivalents in various contexts. The term 'raznorecie', which represents one of the central notions in Bakhtin's theory, is examined within the context of its possible translated equivalents. The relationship between the author, the addressee and the translator is viewed as one of the factors conditioning the tone and character of the translated message. The article also discusses the problem of the so-called 'rival' synonymous affixes used to form translated lexemes and the choice of the suitable variant. The reasons for preference of neo-classical word-building units or English morphemes are outlined. Discursive

approach to translation and word-formation studies is reflected in the article. It is argued that discursive parameters of the utterance guide the choice of translation strategies, as well as the selection of word-building strategies and word-building morphological units.

Key words: Academic discourse; Discursive pragmatics; Calquing; Rival affixes; Translation strategies.

About the authors: *Natalia Berseneva* — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: natalijaberseneva@yandex.ru); *Natalia Gvishiani* — Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ngv@wdcb.ru).

References

- Anisimova A.G.* Metodologiya perevoda angloyazychnykh terminov humanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk: diss.... dok. filol. nauk. M., 2010. (In Russ.)
- Kazenkova A.K.* Ontologiya zaimstvovannogo slova: monografiya. M., 2013. (In Russ.)
- Nelyubin L.L.* Tolkovyĭ perevodcheskii slovar'. 3-e izd., pererab. M., 2003. (In Russ.)
- Makhlin V.L.* Nasledie M.M. Bahtina v sovremennom zarubezhnom literaturovedenii // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1986. T. 45. № 4.
- Petrova O.V.* Model' predperevodnogo analiza teksta // Metodicheskie osnovy podgotovki perevodchikov: nizhegorodskii opyt: monografiya. N. Novgorod, 2007. (In Russ.)
- Bakhtin M.* Discourse in the Novel. In *The Dialogic Imagination. Four Essays*. Austin, 1981, pp. 268–275.
- Bühler K.* Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Givon T.* Syntax and Semantics. Vol. 12: Discourse and Syntax, ed. by Givon T. N.Y.; L., 1979.
- Shapiro H.* Educational Theory and Jewish Studies in Conversation: From Volozhin to Buczac. Lanham, 2013.
- Szymanek B.* The Latest Trends in English Word-Formation. Hand-book of Word-Formation, ed. by P. Štekauer, R. Lieber. In *Studies in Natural Language and Linguistic Theory*: Vol. 64. Dordrecht, 2005, pp. 429–448.
- Taylor V.E., Winquist C.E.* Encyclopedia of Postmodernism. London, 2003.
- Tegmark M.* In the shoes of a soldier: communication in Tim O'Brien's Vietnam narratives. Uppsala, 1998.

Е.И. Чумаченко

**«МОСКОВСКИЕ КНИГИ» В ПЕТЕРБУРГСКОМ
ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННОК»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Цель статьи — описать семантику словосочетания «московские книги», встречающегося в переписке членов редакции журнала «Современник» конца 1840-х годов и до сих пор не привлекавшего внимание исследователей. В соответствии с целью были определены задачи: выявить контексты употребления и коннотации понятия «московские книги». Номинация «московские книги» сравнивается с «московской литературой» и «москвичами» и вводится в контекст традиционного противопоставления Петербурга и Москвы. Показано, что московская локализация и номинация «московские книги» для членов круга «Современника» имела особое значение по сравнению с петербургской или, например, ярославской. В статье обсуждается употребление «московских» наименований и рассмотрены разные примеры локализации (негативной и нейтральной). На отношение членов редакции издаваемого в Петербурге «Современника» ко всему московскому влияли «москвичи» — уважаемые и значимые сотрудники «Современника». Показано, что, поскольку большинство «москвичей» было историками, при отборе книг для рецензирования они стремились выбирать издания, связанные с исторической тематикой. Соответственно, выбор очередного рецензента зависел от профессиональных интересов «москвичей». Сначала рецензентом стал ученик Т.Н. Грановского И.К. Бабст, позже Некрасов хотел, чтобы на «московские книги» писал рецензии следивший за новой исторической литературой А.Н. Афанасьев. В ходе исследования сделан вывод, что словосочетание «московские книги» указывает на особенности отбора книг для рецензирования (важны труды по истории и косвенно относящиеся к истории издания), отражает особенности структуры редакции журнала (наличие петербургской и московской контор, стремление учесть интересы «москвичей» редакции) и выявляет стремление «Современника» Некрасова включить Москву в общее с Петербургом пространство общенациональной культуры.

Ключевые слова: «Современник»; редакция журнала; «московские книги»; московские издания; «московская литература»; «москвичи»; история; про-

---

Чумаченко Елизавета Игоревна — аспирант 3 года обучения кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: chumachenkoelizaveta@yandex.ru).

тивопоставление Москвы и Петербурга; книгораспространение; Н.А. Некрасов; В.Г. Белинский; Т.Н. Грановский; И.К. Бабст; А.Н. Афанасьев.

В эпистолярном наследии членов редакции журнала «Современник» встречаются номинации, противопоставляющие московские и петербургские реалии: «московская литература», «москвичи», «московские книги». Московская локализация не была уникальна, в переписке этого круга встречаются и «петербургские книги», и «ярославская литература»¹, однако московская локализация для членов круга «Современника» имела особое значение. Начиная издавать журнал, новая редакция «Современника» должна была определить свою позицию в традиционном противопоставлении Москвы и Петербурга. «Современник», желавший вытеснить «Отечественные записки», по определению должен был стать западничеством. Однако в «Современнике» были тенденции к объединению двух столиц Империи, к демонстрации того, что города дополняют друг друга [Мельгунов, 1847: 67]². Изучение «московских» номинаций выявляет стремление «Современника» показать единство столиц.

Исследователи отмечали свойственное «Современнику» разделение на петербургскую, московскую и провинциальную литературу. Однако если рецензирование «провинциальной» («ярославской») литературы обсуждалось в контексте книгораспространения [Мельгунов, 1997: 45–58], то понятие «московская литература» рассматривалось только с точки зрения журнальной полемики [«Современник» против «Москвитянина», 2015: 608–609], а сам факт рецензирования московских книг в петербургском издании обсуждался без анализа специфики «московских» номинаций [Нечаева, 1961: 13]. Анализ важного для изучения «Современника» в целом и отношений редакторов с «москвичами» в частности словосочетания «московские книги» указывает на сложную семантику этой номинации. Мы покажем, что номинация «московские книги», в отличие от остальных «московских» номинаций, подразумевавших отрицательную коннотацию, была нейтральной и не столько касалась противоборства столиц или литературных партий, сколько была связана с устройством редакции журнала, указывала на стремление «Современника» представить на своих страницах разбор книжной продукции второго по значимости города империи (и снять противопоставление столиц) и на намерение редакции расширить историческую библиографию (рецензировать даже косвенно относящиеся к исторической тема-

¹ Н.А. Некрасов сообщал Ф.А. Кони: «собрал также несколько уморительных книжонок, напечатанных в Ярославле. — пишу о них статью под заглавием «Яр<ославская> литература» [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 41].

² Такая тенденция к объединению видна и в «Физиологии Петербурга» (1845) [Белинский, 1953–1959, IX: 393].

тике издания), а также отчасти отражала особенности книгораспространения того времени. Хронологически наше исследование будет ограничено в основном периодом формирования журнала (условно — период «Современника» В.Г. Белинского), что обусловлено контекстом употребления словосочетания «московские книги»: появившейся необходимостью рецензировать московские издания и поиском подходящего рецензента.

Употребление номинаций «московская литература» и «москвичи» членами круга «Современника» частично обусловлено давнишним противопоставлением Москвы и Петербурга, начало которому было положено в 1800-е годы [Зыкова, 1998: 84–85]. Члены некрасовской редакции продолжали традицию противопоставления литератур и литераторов по географическому признаку, причем, по сравнению с началом столетия, к середине XIX в. в «Современнике» московская локализация была отрицательной. Важную роль в формировании образа города сыграл «смирдинский» период, поднявший с 1830-х годов репутацию Петербурга как центра книгоиздания и книжной торговли [Гриц, Тренин, Никитин, 2001: 204] и соответственно снизивший авторитет московского книгоиздания. Стремление локализовать какие-то черты было представлено и на страницах «Современника», и в переписке членов круга журнала (особенно ярко — в письмах Белинского). Если номинация «московская литература» относится к организации поля литературы в целом, то понятие «москвичи», часто встречающееся в переписке Белинского с негативными коннотациями, связано еще и с устройством некрасовского «Современника» (наличием московской и петербургской контор). В рассматриваемый нами период московскими сотрудниками журнала были П.В. Анненков, В.П. Боткин, А.Д. Галахов, А.Н. Егунов, А.И. Кронеберг, Н.А. Мельгунов, К.Ф. Рулье, Н.Г. Фролов. Особенно стоит отметить авторов исторических текстов для научного и критико-библиографического отделов — А.Н. Афанасьева, Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева. Уважение к московским сотрудникам (особенно к Боткину, Грановскому, Кавелину) не могло пересилить скептического отношения к «москвичам» вообще.

На первый взгляд, понятие «московские книги», встречающееся в переписке членов «Современника» при обсуждении разбираемых в отделе «Критика и библиография» изданий, может отсылать к «московской литературе» и намекать на разделение на петербургскую и московскую литературные партии [«Современник» против «Москвитянина», 2015: 608–609], а также характерные, по мнению членов круга «Современника», черты стиля московских литераторов. В начале 1840-х годов Белинский писал, что московские издания проигрывали петербургским по степени известности и авторитет-

ности [Белинский, 1953—1959, VI: 253; Белинский, 1953—1959, XII: 60]. Такое отношение приближало Москву к другим российским провинциальным городам по сравнению с эталонным Петербургом. Однако локализация не всегда негативно маркирована, иногда она просто обозначает место издания. Например, Белинский пишет А.А. Краевскому: «Какие книги поинтереснее есть в Москве, я готов писать рецензии <...>. Равным образом, если что есть из книг и в Питере поважнее — пришлите: мигом отхватаю» [Белинский, 1953—1959, XII: 164]. Еще один пример мы видим в эпистолярном наследии Н.А. Некрасова, который 24 июня 1847 г. писал Анненкову, Белинскому и И.С. Тургеневу: «приискан сотрудник для разбора московских книг; <...> дело в том, что Грановский назвал мне много интересных новых книг, о которых мы с Панаевым в Петербурге и во сне не видали» [Некрасов, 1981—2000, XIV (1): 72]. Итак, не все вышедшие в 1847 г. в Москве книги были известны петербургской редакции «Современника», следовательно, понадобился сотрудник-москвич для разбора московских книг.

Обычно книги появлялись в магазинах другого города позже, недели через две: это можно проследить по объявлениям Московских и Санкт-Петербургских ведомостей о только что поступивших в продажу в книжные лавки изданиях. Логично предположить, что часть книг, печатавшихся в московских типографиях, могла не доходить до книжных лавок Петербурга³ или эти издания не попадались на глаза членам петербургской редакции. Однако причин думать, что вышедшие в Москве книги, как правило, не доходили до Петербурга, у нас нет: у всех крупных книготорговцев были налажены связи между городами [Баренбаум, Костылева, 1986: 395]. Кроме того, одновременно с «Современником» те же и другие «московские» книги рецензируют и другие журналы, в частности, «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения». Очевидно, такие случаи были исключением (в начале декабря 1849 г. Некрасов писал А.Н. Афанасьеву, что делать, если в Москве Афанасьев не найдет нужного для рецензирования петербургского издания⁴, и советовал отслеживать выходящую литературу по газетным объявлениям: «Насчет добывания книг вот лучшее средство: следите за “Московск<ими> вед<омостями>”, где непременно публикуется о каждой новой книге» [Некрасов, 1981—2000, XIV (1): 127]).

---

³ В 1843 г. критик «Литературной газеты» пишет, что провинциальные издания не доходят до Петербурга [Мельгунов, 1997: 45—46]. С московскими изданиями дело обстояло лучше, но вероятность того, что нельзя было достать московскую книгу в Петербурге, была.

⁴ «Книги берите и в случае нужды покупайте у Базунова на мой счет, а чего нет в Москве, требуйте от меня» [Некрасов, 1981—2000, XIV (1): 126].

Члены редакции узнавали о новых книгах, заходя в магазины, общаясь с книготорговцами и знакомыми. Возможности узнавать о книгах из цензурного комитета, как с 1839 г. делал Галахов, рецензируя (совместно с Белинским) московские издания в «Отечественных записках» и «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» [Галахов, 1886: 317–318], у членов редакции «Современника» не было. Из книготорговцев редакция плотно сотрудничала с И.В. Базуновым, который заведовал московской конторой «Современника» и был комиссионером Московского университета с 1847 г. Некрасов, обсуждая рецензирование московских книг, а также то, где брать новые книги, подразумевает, что новый автор будет обращаться к Базунову в первую очередь, и отмечает, что автору «это дело устроить ближе и легче» [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 91].

Логично было выбрать обозревателя московских книг из живущих в Москве сотрудников. Так было, например, в случае совместной работы Галахова с М.Н. Катковым и Белинским (который тогда еще жил в Москве) у Краевского [Галахов, 1886: 317]. Однако причина, по которой выбирают конкретного рецензента, могла быть связана не только с городом, но и с кругом общения, к которому рецензент принадлежал. Сотрудник-обозреватель «московских» книг, о котором идет речь в письме, И.К. Бабст — это ученик и протеже историка Грановского, в то время занимавшийся историей. Некрасов ведет с Бабстом переписку, просит: «пожалуйста, присылайте на нынешний месяц побольше разборов моск<овских> книг — здесь <то есть в Петербурге. — Е. Ч.> книг почти не выходит, и библиография к ним будет плохая» [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 78].

Появление нового рецензента «московских» книг не изменяет соотношения рецензий на «московские» и «петербургские» издания: значительная часть обозреваемых книг — петербургские. Тем не менее доля рецензий на «московские» книги постепенно возрастает (как раз к приходу Бабста в журнал): если в первых трех номерах (за январь — март 1847 г.) было опубликовано четыре «московских» рецензии, то в последующих трех (за апрель — июнь) их уже более 10; с июля по сентябрь московских рецензий тоже более 10. При этом в майской книжке «московских» и «петербургских» рецензий почти поровну. Однако далее рецензий на петербургские издания снова больше. В «Отечественных записках» — главном конкуренте «Современника» — рецензий на петербургские книги тоже больше, чем рецензий на московские, однако и «московских», и «петербургских» рецензий было больше, чем в «Современнике»: только в январском номере московских более 10 (при этом петербургских свыше 25). Различия касались и тематики. В № 1 и 2 «Современника» за 1847 г., в отличие от «Отечественных записок» (где были рецензии

на книги разнообразной тематики), рассматривались в основном издания, касающиеся словесности. С мартовской книжки тематика обозреваемых «Современником» книг расширилась (география, история, медицина, сельское хозяйство). Тем не менее ко времени письма Некрасова о неизвестных петербургским сотрудникам московских книжках по разнообразию тематики «Современнику» еще далеко до конкурента. Видимо, Некрасова могли заинтересовать книги определенной области, которые имел в виду Грановский. Для того чтобы предположить, что это были за издания, следует обратиться к «московским» рецензиям, появившимся после начала сотрудничества Бабста с журналом [Боград, 1959: 765–766]. Среди атрибутируемых Бабсту рецензий 1847–1848 гг. семь на учебные пособия по латыни, немецкому, русскому и церковно-славянскому языкам, две книги исторической тематики («Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте» и «Записки о Екатерине Великой» А.М. Грибовского). Если учитывать профессиональные интересы историков Бабста и Грановского, можно предположить, что они обратили внимание на учебную литературу по древним языкам (грамматики, словарь) и хрестоматию по немецкому языку, в которой были цитаты из А. Гумбольдта (его работу переводил еще один ученик Грановского — Фролов). Кроме того, Грановского могли заинтересовать «Проект сухопутной экспедиции», так как Грановский читал курс по истории Франции, а также «Записки». «Записки», видимо, были интересны и Фролову: книга есть в его библиотеке⁵. Отметим, что в списке мы видим издания, о которых редакция «Современника» (особенно же московская ее часть) не знать не могла, например, «Кориолана» Шекспира в переводе «москвича» Н.Х. Кетчера и «Живописную энциклопедию», в которой были помещены статьи сотрудников-«москвичей» «Современника», Грановского и Рулье [Московские ведомости, 1847. Прибавление к № 115 (25 сент.). Отд. II: 1344].

«Московские» книги рецензировали и другие сотрудники⁶: в июне 1848 г. подключается к разбору московских изданий статистик Егунов, в июле 1848 г. — доктор П.Л. Пикулин, в апреле 1849 г. — Афанасьев и др. В декабре 1849 г. Некрасов обратился к Афанасьеву, следившему за новой исторической литературой, желая поручить ему разбор исторической литературы, выходившей в Москве и Петербурге, и всех изданных в Москве книг: «Вы, конечно, следите за

⁵ Библиотека Фролова хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова. Шифр книги: Фр. V/123.

⁶ До появления в журнале специального рецензента «московские» книги разбирали в основном Белинский и Кавелин.

всем, что выходит по русской истории, — я желал бы, чтобы о всех книгах этого рода, и о петербургских, и о московских, без исключения, писали Вы и чтобы Вы уже приняли на себя ответственность за полноту этого отдела <...>. Затем желал бы я, чтобы Вы взяли на себя вообще разборы выходящих в Москве книг» [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 126–127].

Итак, противопоставление московских и петербургских книг могло иметь под собой разные основания: давнишний спор о различии городов; особенности взаимоотношений внутри редакции; особенности книгораспространения. Но в переписке членов круга «Современника» конца 1840-х годов номинация «московские книги» была связана с профессиональными интересами «москвичей» журнала (ядро московской части редакции состояло из профессоров Московского университета, в основном — историков). Рецензирование литературы по исторической тематике было предметом особенного внимания редакции и позже и поручалось именно «москвичам» (в 1849 г. Некрасов, обращаясь к Афанасьеву с просьбой взять на себя рецензирование «московских книг», писал: «Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет» [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 127])⁷. Именно особенности состава редакции «Современника», вероятнее всего, были причиной, по которой петербургские члены редакции «Современника» считали важным при рецензировании не упустить из виду «много интересных новых книг», изданных в Москве, о которых писал Некрасов в 1847 г. [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 72]. Мы не можем сказать, какие именно книги имел в виду Грановский, их ли рецензировал в результате Бабст — или другие. Но, по-видимому, история с «московскими книгами» развивалась следующим образом: изначально планировали обозревать книги, изданные в Москве и связанные с исторической тематикой, которые считал важными ключевой сотрудник журнала историк Грановский и о которых не знали члены петербургской редакции. Затем подразумевалось, видимо, что Бабст будет разбирать все интересные московские книги: быстрее получит книгу, изданную в Москве, именно московский рецензент. Однако в результате в поле зрения Бабста попадали в основном только те московские книги, которые интересовали «москвичей» «Современника».

---

⁷ В конце 1840-х годов интерес к истории был обусловлен публикацией источников и новых исследований (в том числе и в самом «Современнике») [Евгеньев-Максимов, 1934: 198–201, 207–211]. Исторические статьи для «Современника» были на втором месте после историко-литературных. С приходом Н.Г. Чернышевского и изменением политической ситуации вводятся новые темы, однако история остается одним из приоритетных направлений журнала [Евгеньев-Максимов, 1936].

Несмотря на то что Некрасов в письмах Бабсту жалуется на неполноту петербургской библиографии [Некрасов, 1981–2000, XIV (1): 78], помимо наполняемости журнала, важным для редакции был еще один фактор. Издаваемый в Петербурге «Современник» должен был отражать стороны жизни всей страны, быть актуальным для всех, не только для столичного читателя. В этих условиях давнишний спор Москвы и Петербурга для «Современника» Некрасова и И.И. Панаева трансформировался, имел особое значение: напрямую касался редакционной жизни, особенностей структуры редакции (распределения сотрудников между городами) и взаимоотношений внутри круга «Современника». Для редакторов-петербуржцев было важно не только сохранить хорошие отношения с московскими авторами (редакция не могла пренебрежительно отнестись к московскому книгоизданию), но и представить на страницах петербургского журнала вышедшие в московских типографиях книги. При этом журнал не планировал противопоставлять города [Белинский, 1953–1959, XII: 355–356]. Как в начале XIX в. «Вестник Европы» преодолевал разрыв между провинцией и столицей [Зыкова, 1998: 84–86], так в середине века «Современник» на своих страницах хотел включить Москву в общее с Петербургом пространство: разбор «московских» книг наравне с петербургскими должен был снять противопоставление двух городов по принципу «столичный vs провинциальный».

Список литературы

- Баренбаум И.Е., Костылева Н.А.* Книжный Петербург-Ленинград. Л., 1986.
- Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959.
- Боград В.Э.* Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959.
- Галахов А.Д.* Мое сотрудничество в журналах // Исторический вестник. 1886. Т. XXVI. С. 312–335.
- Гриц Т.С., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция: Книжная лавка А.Ф. Смирдина / Под ред. Шкловского В.Б. и Эйхенбаума Б.М. [М.], 2001.
- Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» в 40–50 гг. От Белинского до Чернышевского. Л., [1934].
- Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., [1936].
- Зыкова Г.В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
- Мельгунов Б.В.* «Всеу начало здесь...» (Некрасов и Ярославль). Ярославль, 1997.

- Мельгунов Н.А. Несколько слов о Москве и Петербурге // Современник. 1847. № 4. Отд. II. С. 63–74.
- Московские ведомости. 1847. Прибавление к № 115 (25 сент.).
- Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1981–2000.
- Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Жизнь и творчество. 1836–1841. М., 1961.
- «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб, 2015.

Elizaveta Chumachenko

“MOSCOW BOOKS” IN THE ST. PETERSBURG LITERARY MAGAZINE *SOVREMENNİK*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article seeks to explore the semantics of “Moscow books” found in the correspondence between the editors of the *Sovremennik* literary magazine in the late 1840s. To this end the paper contextualizes “Moscow books” and discusses its connotations. The term is compared with the notions “Moscow literature” and “Muscovites” and is viewed in the context of an age-long opposition Moscow/St. Petersburg. It is argued that for *Sovremennik* members Moscow localization mattered more than St. Petersburg or, for example, Yaroslavl localization. The article exemplifies the so-called Moscow terms and discusses their localization which has negative and neutral connotations. It is assumed that book publishing and book distribution made an impact on the city’s image. *Sovremennik* was published in St. Petersburg and the editorial board included St. Petersburg and Moscow residents. However it is the presence of “Muscovites”, or respectable *Sovremennik* figures, on the editorial board that predetermined *Sovremennik*’s attitude to anything associated with Moscow. Given that most of the editorial members were historians, history-related books were prevalent with the reviewers. The choice of a reviewer therefore depended on professional interests of the Muscovites. At first T.N. Granovsky’s student I.K. Babst became a reviewer, then N.A. Nekrasov insisted that reviews of “Moscow books” be written by A.N. Afanasiev who monitored the new historical literature. Discussing “Moscow books” provides a better understanding of how books were selected for review (historical papers were important), exposes the structure of *Sovremennik* editorial board (the existence of offices in St. Petersburg and Moscow, the endeavor to take into account the interests of the editorial board “Muscovites”). It is concluded that *Sovremennik* helped to incorporate Moscow in the national cultural space which was shared with St. Petersburg.

Key words: *Sovremennik*; editorial; Moscow books; Moscow editions; Moscow literature; muscovites; history; opposition of Moscow and St. Petersburg; book distribution; N.A. Nekrasov; V.G. Belinsky; T.N. Granovsky; I.K. Babst; A.N. Afanas’ev.

About the author: *Elizaveta Chumachenko* — PhD Student, Lomonosov Moscow State University (e-mail: chumachenkoelizaveta@yandex.ru).

References

- Barenbaum I.E., Kostyleva N.A. *Knizhnii Peterburg-Leningrad*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986.
- Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochinenii v 13 tt.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953–1959.
- Bograd V.E. *Zhurnal “Sovremennik” 1847–1866: Ukazatel sodержaniya*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoi literatury, 1959.
- Galahov A.D. Moe sotrudnichestvo v zhurnalakh. *Istoricheskii Vestnik*, 1886, T. XXVI, pp. 312–335. (In Russ.)
- Grits T.S., Trenin V., Nikitin M. *Slovesnost' i kommertsiya: Knizhnaja lavka A.F. Smirdina. Pod red. Shklovskogo V.B. i Eihenbauma B.M.* [Moscow], Agraf Publ., 2001.
- Evgen'ev-Maksimov V.E. “Sovremennik” v 40–50 gg. Ot Belinskogo do Chernyshevskogo. Leningrad, Izd-vo pisatelei v Leningrade, [1934].
- Evgen'ev-Maksimov V.E. “Sovremennik” pri Chernyshevskom I Dobrolyubove. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo “Hudozhestvennaya literatura”, [1936].
- Zykova G.V. *Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy” (1805–1830 gg.): Raznochintsy v epohu dvoryanskoj kultury*. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1998.
- Melgunov B.V. “Vsemu nachalo zdes'...” (Nekrasov I Yaroslavl'). Yaroslavl', Verhnyaya Volga Publ., 1997.
- Melgunov N.A. Neskol'ko slov o Moskve i Peterburge. *Sovremennik*, 1847, № 4, otd. II, pp. 63–74. (In Russ.)
- Moskovskiye vedomosti. 1847. Pribavleniie k № 115 (25 sept.).
- Nekrasov N.A. *Polnoye sobraniye sochinenii i pisem v 15 tt.* Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000.
- Nechaeva V.S. *V.G. Belinsky: Zhizn' i tvorchestvo. 1836–1841*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961.
- “Sovremennik” protiv “Moskvityanina”. *Literaturno-kriticheskaya polemika pervoi poloviny 1850-h godov*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015.

Е.А. Коршунова

С.Н. ДУРЫЛИН О М. ГОРЬКОМ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Проблема творческих взаимоотношений писателей Максима Горького и С.Н. Дурылина достаточно актуальна в современном литературоведении. В последние два десятилетия начинает публиковаться и осмысляться творческое наследие Дурылина. Есть всего лишь скупое биографическое упоминание о том, что в год образования Союза писателей СССР (1934) Дурылин становится его членом — билет № 492 подписан М. Горьким. Но в советское время Дурылиным написано и издано (1930-е — 1940-е годы), около 40 литературно-критических работ о Горьком-драматурге. Основные из них опубликованы в России («Дебют Горького-драматурга» (1937), «Горький на сцене» (1902—1937)). Есть и зарубежные публикации: «М. Горький и театр» (1943), Лондон и др. Определенное внимание уделено Горькому в мемуарной книге Дурылина «В своем углу» (1924—1939). Контекстное изучение этих трех групп источников в статье и позволяет, на наш взгляд, хотя бы отчасти восстановить историю их творческих взаимоотношений.

Оценки С.Н. Дурылина в мемуарах в целом можно разделить на два типа: одобрительные и критические, в которых Горький изображен «политическим писателем», нечутким к религиозному началу и творческой свободе в целом. В этом для автора нет противоречия, так как Дурылин выделяет, говоря о личности писателя, два спорящих начала: «буревестника», революционера и «бывшего человека» Пешкова, любящего полотно М. Нестерова и сочувствующего В. Розанову. Оценки личности и творчества Горького в советских и зарубежных публикациях односторонни и вполне вписываются в советский канон. Очевидно, что советские «структуры повседневности» стали определенным препятствием в целостном осмыслении творчества М. Горького.

Ключевые слова: источник; мемуары; М. Горький; С.Н. Дурылин; советский; литературно-критический; личность; «структуры повседневности»; контекст; творческая свобода; религиозный.

Вопрос о творческих связях писателей Максима Горького и С.Н. Дурылина еще не ставился в современном литературоведении.

Коршунова Евгения Александровна — кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com).

Малоизвестна история как их творческих взаимоотношений, так и личных. Есть всего лишь скупое биографическое упоминание о том, что в год образования Союза писателей СССР (1934) Дурылин становится его членом — билет № 492 подписан М. Горьким. В связи с этим вполне вероятно, что в 1930-е годы они могли встречаться на официальных собраниях и были так или иначе знакомы. Возвращение опального священника Дурылина в советские «структуры повседневности» не могло быть простым и легким. Однако именно тогда происходят неожиданные перемены. Этим и интересен «случай» Дурылина. Заслуживает внимание тот факт, что у Дурылина наблюдается постоянный творческий интерес к наследию М. Горького. Дурылин написал и издал в 1930-е годы, по возвращении в Москву из ссылки, около 40 литературно-критических работ о Горьком-драматурге. Условно их можно разделить на два типа: отечественные публикации («Дебют Горького-драматурга» (1937), «Горький на сцене» (1902—1937)) и зарубежные («М. Горький и театр» (1943) Лондон и др.). Именно они до сегодняшнего дня могли быть известны широкому читателю. Однако совершенно очевидно, что есть еще один, до сих пор не до конца изданный источник — мемуарная книга «В своем углу» (1924—1939). Контекстное изучение этих трех групп источников и позволяет, на наш взгляд, хотя бы отчасти приоткрыть тайну о том, как писатель Горький, примирившийся с властью «советов», стал интересен «духовному реалисту» (подробнее здесь: [Коршунова, 2014] и «антисоветчику» Дурылину (писатель был арестован за контрреволюционную деятельность, как «элемент политически безусловно вредный для Советской Власти» [Торопова, 2014: 164])).

В мемуарно-дневниковых записях, наедине с самим собой, в «своем углу» Дурылин отдает дань таланту М. Горького: «Есть великая русская литература: русский роман, русская лирика <...> Никаких споров уже нет: роман — это Л. Толстой, Достоевский, Тургенев, Писемский, Лесков, Мельников-Печерский (Чехов, Горький, Мережковский, Л. Андреев — как «продолжение»)» [Дурылин, 2006: 144]. Молодой еще Дурылин пытается учиться у Горького свободе и справедливости, делая ряд замечаний о **свободном** отношении к Л. Толстому. Для Дурылина, в юности испытавшего большое влияние яснополянского старца, это было тем более важно, впрочем, как и для Горького, прошедшего «искус» толстовством. Оценивая нестеровский портрет Л. Толстого, Дурылин замечает: «Очень хорошо, потому что свободно. Так, как вы, свободно, без наклона головы и без задиранья головы, о Толстом пишет только один Горький. <...> О многом таком пишет, о чем никто, кроме него, не написал» [Дурылин, 2006: 162]. «Едва ли любит!» — вот самые умные, самые

верные слова об отношении Толстого к Христу. Просто: не любит» (о заметках Горького 1919 г. о Толстом: [Дурылин, 2006: 97]).

Дурылин восхищается степенью свободы Горького в суждениях о роли купечества в жизни России: «На театрах показывают купцов чудаками, с насмешкой. Глупость. Я всегда так думал. Островский говорит эту “глупость” в 10 томах и больше чем в 50 пьесах. Ему поверили и верят. <...> На Афоне русское монашество возрождено в 50–60-х гг. русскими купцами. Преп. Серафим, оптинские Моисей и Антоний, афонские Иероним и Макарий — люди, с которыми беседовали и пред коими повергались ниц Гоголь, Ив. Киреевский, К. Леонтьев, — были купеческие дети. <...> Стоит вспомнить возрождение “Руссика” на Афоне, создание “Нового Афона”, обновление “Оптиной пустыни”. <...> Стоит вспомнить «хлудовскую» псалтирь и библиотеку, издания и картины К. Солдатенкова, домашний театр, Абрамцево, “русскую оперу” и Архангельскую дорогу Саввы Мамонтова и множество “купеческих” — очень старых — культурных учреждений Москвы, чтобы понять, какую, действительно, “глупость” о купцах представляли и представляют доселе на сцене! <...> Воспоминания Горького о Бугрове — умны. Это, кажется, первое, что я читаю о купце без “глупости”. Помню, конечно, что без “глупости” писали Мельников и отчасти Лесков» [Дурылин, 2006: 105–106].

Одобрительные и восхищенные оценки 1924–1926 гг., представленные в первых тетрадах, очень тесно переплетаются в этих мемуарно-дневниковых записях книги «В своем углу» с ярко негативными, ироничными, в которых Горький изображен «политическим писателем», глухим к религиозному началу и творческой свободе в целом. Это часто не обусловлено хронологией, окружающими или внешними событиями. Приведем ряд таких суждений: «Горький был “на Китеж-озере”. И ничего о том, что там видел и слышал, не написал. Не по нутру ему, как и Короленке. Удивительно! Там, на Светлояре, религиозно-светло и ярко — так ярко и явно светло, что отрицать этого *прямо* нельзя, — и приходится зажмурить глаза: ничего не видел-де. Короленко и Горький оба и зажмурили» [Дурылин, 2006: 107]. По мнению Дурылина, «зажмурил» глаза Горький и на русскую действительность предреволюционной поры.

«Есть сказочные русские писатели: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, К. Леонтьев (восточные повести). В существование их в России едва веришь. Смотришь на липкую октябрьскую черноземную грязь, на старые заборы, на завалившиеся избы в деревнях, на каланчи и бывшие “присутственные места” в городах, на заплеванные хмурые полустанки, из каждой щели которой глядит белесая вошь, слышишь “мать твою” во все предметы видимого и невидимого мира, видишь широкие скулы, курносые обрубки, сенные бороды, бесцветные гла-

за, задыхаешься от густого, тягучего, черно-серого облака махорки, плывущего над Россией, обоняешь отвратительный рвотный запах самогона — и понимаешь, откуда взялись Салтыков-Щедрин, Помяловский, Глеб Успенский, Горький, Некрасов (и их критические alterego — Чернышевские, Добролюбовы, Скабичевские и проч.); *должны*¹ были быть! *не могли* не быть! *неизбежны* — при махорке, “матери твоей”, воши, “присутственных местах”, завалившихся избушках, широких, землистых скулах! Критики, говорят, объясняют писателей. Вот также махорка, вошь, самогон, сенная борода и прочее *объясняют* Глеба Успенского, Горького и проч., и проч. До Ив. Вольнова и “Деревни” Бунина (а также и всех критиков, их объясняющих). Вполне понятно. Но Пушкин, но Лермонтов, но Тютчев, но Фет, но К. Леонтьев — откуда? Кем и чем объяснить “Каменного гостя”, “Ангела”, “Silentium”, “Измучен жизнью”, “Пембе”? Сказка. Чудесная сказка, снившаяся России. Сказочные писатели» [МА МДМД. Фонд С.Н. Дурылина. Кп-265/3-4 Л. 9—10].

В последних тетрадях книги (1929—1932) оценки Дурылина становятся все острее и негативнее, хотя двойственность и противоречивость присутствует и в них: «Статьи Горького в “Известиях”. Между — “да” и “нет”. Умно — и глупо. Благородно — и подло. Иди, куда влечет тебя дорогою свободной свободный ум... Вот этого нет у него, вот чего нет теперь ни у кого. А нет этого — значит ничего нет. “Буревестник” — с трусостью, с явную “не свободую”, “буревестник” с оглядкою... на других птиц. Он — с “Уединенного” — стал все Василия Васильевича — и хвалил в письмах к нему. В 1918 г. Он давал ему денег на хлеб. Тайно. Чуть ли не через Гершензона. Но сказать: “Я, писатель Горький, — люблю писателя Розанова, он не посмел”. Какая скудость воли и мысли» [РГАЛИ ф. 2980. С.Н. Дурылин Ед. хр. 314. Л. 12].

О том же несоответствии слова и дела: «И на остров Капри, в область Тиверия, где свито “пролетарское гнездо”, — совсем не там, где вьют буревестники, — отнюдь не на голых скалах и не на ветру морском, — а там же, где населяются самые буржуазные плимутроки» [РГАЛИ, ф. 2980. С.Н. Дурылин Ед. хр. 314. Л. 12].

Или еще резче: «Все мы легко бываем свободны перед прошлым: зачеркиваем или подчеркиваем в нем то или другое, — и это хорошо: это свобода; но надо учиться быть свободным и перед современностью. Также и в нем одно зачеркивать, другое надчеркивать, — это гораздо труднее, тут-то и обнаруживается истинная свобода, истинная свобода или несвобода человека. Вот у Чехова

¹ Курсив и разрядка везде, кроме специально оговоренных случаев, автор. — Е.К.

она была: смотрите, как он пишет о Горьком, от которого в конце 20-х годов все были в визгливом восторге! — и смотрите, как его, чеховская, свобода близка оказалась к истине: смотрите, как верно его определение не только относительно Горького писателя, но и человека, и оратора... Удивительны его заключения Горькому. Это — Захарьинский диагноз Горьковской неизменной <неразб.> болезни, навсегда помешавшей ему стать большим по-настоящему писателем, — а ведь Чехов мог наблюдать только первые симптомы этой болезни. <...> Горький мне нравится, но последнее время он стал писать чепуху, чепуху возмутительную, так что я скоро брошу его читать». А что бы сказал Захарьин, прочтя “Песнь о буревестнике”, “Человека”, “Мать”, “Врагов”, статьи и прочее, и прочее!» [РГАЛИ, ф. 2980. С.Н. Дурылин. Ед. хр. 313. Л. 62].

Как же объяснить столь разные, а часто противоположные оценки Дурылиным личности и творчества Горького? Уж наивно было бы ссылаться на непоследовательность или субъективизм. Возможно, спутанность суждений обусловлена неоднозначной позицией М. Горького. На эту сложность в свое время указал П.В. Басинский, говоря о том, что в Горьком начинают существовать с определенного момента две личности: Пешков и Горький [Басинский, 2006: 159, 160]. Об этом писал и Чуковский, и Замятин.

Именно с учетом этой двойственности, соприсутствия «бывшего человека» и революционера становится понятной чуткая оценка Дурылина: «Станный человек Горький. Я много знаю его странностей, не попавших в печать: любовь к картинам Нестерова, любовь к “Уединенному” Розанова и тайную помощь ему (денежную) во время революции... Я не люблю его, но в моей “нелюбви” есть что-то, что заставляет меня остановиться и прислушиваться к нему» [Дурылин, 2006: 273–274]. Четко обозначенное «прислушиваться» почти явственно обнаруживает поиск, след, присутствие «бывшего человека» Пешкова, неслиянно существующего с подавляющим его «буревестником», человеком безудержной энергии. Заостряя разность этих двух начал, Дурылин так скажет о Горьком: «Короленку как облизал Михайловский “идеями”, так он, облизанный, и остался на всю жизнь, — чистенький, идейный пайныка. А Горький — ну, того не оближешь: тот даст себя лизнуть, а потом пошлет туда... куда Короленко, вероятно, ни разу в жизни не посылал» [Дурылин, 2006: 274]. Эта нарочитая экспрессивность подчеркивает сознательность и свободу в выборе творческого пути.

Дурылин развернуто спорит с Горьким, анализируя его статью «Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать» (газета «Известия», № 228, 1928). Дурылин критикует как определение реализма, данное в ней Горьким («реализмом именуется правдивое,

неприкрашенное изображение людей и условий их жизни»), так и вообще разделение литературы на романтизм и реализм. Дурылин развернуто поясняет свою концепцию духовного, «религиозного реализма», о которой он писал в статье «Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства» (1913) [Дурылин, 2014: 98]; рассуждает как литературовед, предвосхищая позднейшие концепции фантастического, мистического, «духовного реализма»². Известно, что в 1944 г. Дурылину была присуждена степень доктора филологических наук без защиты докторской диссертации.

«Что за глупый раздел на романтизм — и реализм! А сатира? А классика? (Греки, Расин, Кальдерон). — Что это “романтизм” или реализм? Гоголь = реалист + романтик. Да это уж 30 лет как опровергнутый вздор. Гоголь — фантаст реального и ирреального, “М. души” столь же реализм или нереализм, как “Вий” и “Вечера”. Романтик вовсе не “заслоняется” от жизни, — он углубляет и уширяет самый объем понятия “жизнь”. Достоевский давно учил дураков, что его понимание жизни более реально, чем, скажем, Писемского, потому что он заходит в такие ее углы, спускается в такие ее глубины (душа с ее подвалами, в какие они не спускаются). Вл. Соловьев и Андрей Белый, как человек, как возможный объект художественного изображения, что они — менее реальны, чем казак Ерогин? Они реальны не менее, но чтобы познать и изобразить их реальность <...>, нужно обладать более совершенным изобразительным аппаратом, чем тот, каким располагают Горькие; в их, горьковском изображении это будут не Соловьев и Белый, гностики 19 и 20 ст., а сумасшедшие, маньяки, патологические чудики, путаники, но в изображении, скажем, Новалиса, или Ибсена <...>, или Достоевского, это будут именно Соловьев и Белый, и будут реальны. <...> Ибо все зависит от ответа на вопрос, что считать реальным. <...> Вячеслав Иванов дал символизму формулу: *a realibus ad realiora* — с этой точки зрения Достоевский реальнее Л. Толстого, ибо отчетливее видит в изображении то, что в человеке относится больше уже к *realiora*, чем к *realia*. Удовлетворяться словом “реализм”, как чем-то прочно и точно найденным, и противопоставлять его “романтизму”, как наукой неопределенному, могут только люди, философски невежественные» [РГАЛИ, ф. 2980. С.Н. Дурылин Ед. хр. 314. Л. 34]. С определенной долей условности можно сказать, что Дурылин, пользуясь современным ему аппаратом (романтизм, реализм, символизм), пытается нащупать новый инструментарий для изображения духовных, онтологических взаимосвязей, определяющих сущность мира. Не отказываясь от традиционных основ реалистической ти-

² См., например: [Голубков, 2011: 7–17].

пизации, от реализма и романтизма, символизма как творческих методов, он пытается их своеобразно синтезировать в новом качестве. Символизму не хватает «реальности» в дурылинском понимании, а реализму онтологии.

В мемуарной книге «В своем углу», наедине с самим собой (тетради не предполагалось публиковать), Дурылин пытается осмыслить личность Горького во всем ее трагическом противоречии. Однако личность Дурылина также не была лишена этих противоречий. В 1920-е годы, осуждая несвободу Горького, в 1930-е годы он сам попадает в горьковскую ситуацию, хотя и отчасти. Оставшись в советской России, Дурылин стал театральным критиком и был вынужден примириться с властью. Его взгляд на Горького в официальных отечественных изданиях (журналах «Театр», «Тридцать дней», сб. «Горький и театр») теперь вписывается в отвергаемый им же соцреалистический канон. Здесь он хвалит «глупца» Островского (см. первые дневниковые оценки) и провозглашает ценность социалистического реализма. Например: “Ostrovski donne unne peinture satirique, hardie, rigoureusement vraie, de ce nouveau type de carnassier que vient remplqser les vieux loups et les vieilles louves, les habitants de la taniere delabree de la noblesse, Ostrovski, auteur satirique, ne cesse jamais d ‘etre un realiste; et sa satire, aiguisee et coloree, demeure toujours l’image fidele de la realite”³. В своей статье “Maxim Gorky and the Theatre” Дурылин, по сути, пересказывает статьи «Дебют Горького-драматурга» и «Вторая встреча МХАТ с Горьким», опубликованные на родине в 1937 и 1938 гг. Для него Горький — писатель «советского государства» прежде всего: “Thedramatist Gorky never just ‘records’ a life. His dramatic force lies chiefly in this ability to turn the most mundane purely personal affair into an affair charged with the fears and hopes of all progressive mankind. <...> It is no wonder then that Gorky’s theatre is in harmony with the stern and heroic fight now being waged by the Soviet country against the enemies of mankind” [Durilin, 1943: 82].

Теперь приведем оценки творчества Горького в отечественной периодике. По поводу письма Немировича-Данченко Горькому о чтении пьесы «Мещане» Дурылин замечает: «В этом письме ярко проступает великая писательская честность, прямота и строгость Горького к себе, которыми он отличался всегда» [Дурылин, 1937: 80]. «То, что делал в 1902–1917 годах Горький-драматург, имело смысл великого исторического деяния: своими пьесами Горький закладывал тогда прочный, несокрушимый фундамент тому велико-

³ «Островский предлагает сатирическую картину: дерзкую; строго правдивую, такого нового рода хищника, который приходит на замену старым волкам и волчицам, обитателям ветхого логова благородных дворян. Островский, сатирический автор, не перестает быть реалистом; и его сатира, острая и красочная, всегда сохраняет образ, который верен реальности» (перевод с фр. мой. — Е.К.) [Douryline, 1944: 71–73].

лепному зданию, которому имя: советский театр, — театр рабочего класса-победителя» [Дурылин, 1937: 82]. «МХАТ указал своей постановкой единственный путь, который приводит актера и режиссера к истинно творческой встрече с Горьким-драматургом. Это — путь *социалистического реализма*» [Дурылин, 1938: 120]. Приводя чеховские суждения о Горьком, Дурылин нигде не намекает на противоречивые и негативные оценки ([Дурылин, 1937: 79, 80])⁴. Этот ряд суждений, однако, не позволяет говорить о том, что Дурылин принял Горького как «советского» писателя первого ряда, отстаивавшего ценности молодого пролетарского государства. В условиях советского дискурса С.Н. Дурылин мог представить только данную «официальную» версию. Ведь книгу «В своем углу» он завершает и редактирует в Болшеве, в 1939 г., уже после издания целого ряда официальных публикаций о Горьком. Эти факты многое объясняют. Ситуация советской «несвободности» Дурылина архетипически напоминала о юродстве⁵ и о попытке сохранить личность в советских «структурах повседневности». В связи с этим можно сделать вывод о том, что речь идет не о разном и противоречивом, меняющемся со временем взгляде на личность и творчество Горького, а о разных дискурсах: приватном, потаенном и официальном, публичном⁶. Можно надеяться, что приведенные новые свидетельства могут быть использованы литературоведами на очередном этапе изучения личности и творчества М. Горького в XXI в.

Список литературы

Басинский П.В. Горький. М., 2006.

Голубков М.М. Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М.А. Булгакова // Филологическая регионалистика. 2011. № 1. С. 7–17.

⁴ Ряд подобных оценок Горького приводится и в других публикациях Дурылина, представленных в библиографии.

⁵ «И самого Дурылина <...> вполне можно считать одним из “русских китежан” XX века (термин В.Е. Хализева. — Е.К.) <...>, сопричастного традиции юродства. Подробнее об этом: [Есаулов, 2017: 394–395].

⁶ Противоречие дневниковых и официальных оценок очевидно. Для разрешения возникшего противоречия можно обратиться к биографическим данным, восстанавливающим канву жизни Дурылина в Болшеве с 1936 по 1954 г., где в данный момент находится Мемориальный Дом-музей писателя. Известно, что основательница музея, Александра Алексеевна Виноградова, сестра жены Дурылина, Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной, перед открытием музея торжественно передала в Троице-Сергиеву лавру антиминс, на котором священник Дурылин служил в своем большевском доме литургию. Для сохранения тайны священнодействия, алтарное место имело специально два входа (на случай появления полиции). Эти особенности сохранены в современном архитектурном облике дома, построенного из остатков строений Страстного монастыря в Москве.

- Дурылин С.Н.* Горький и Волга // Наша страна. 1938. № 6. С. 6–9.
- Дурылин С.Н.* Горький на сцене (1902–1937 гг.) // Горький и Сборник статей. М.; Л., 1938. С. 229–301.
- Дурылин С.Н.* В своем углу. М., 2006.
- Дурылин С.Н.* Вторая встреча МХАТ с Горьким // Театр. № 9, 1938. С. 107–120.
- Дурылин С.Н.* Дебют Горького-драматурга // Тридцать дней. № 6, 1937. С. 79–84.
- Дурылин С.Н.* В своем углу. Мемориальный архив Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина. Фонд. С.Н. Дурылина. Кп-265/3-4. Машинопись.
- Дурылин С.Н.* В своем углу. Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд № 2980. С.Н. Дурылин. Ед. хр. 313–314. Рукопись.
- Дурылин С.Н.* Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб, 2014. С. 89–90.
- Дурылин С.Н.* Сценическая история пьесы «Мещане» в советские годы // «Мещане» А.М. Горького: Лит. и сценич. история: Материалы и исслед. М.; Л., 1941. С. 264–294.
- Есаулов И.А.* Русская классика: новое понимание. СПб, 2017.
- Коршунова Е.А.* «Старинный триптих» С.Н. Дурылина и «Почему так случилось» И.С. Шмелева: поэтика христианского реализма // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. 2014. С. 556–571.
- Торопова В.Н.* С.Н. Дурылин: Самостояние. М., 2014.
- Durylin, prof.* Maxim Gorky and the Theatre // The Anglo-Soviet Journal. № 2. Vol. IV. 1943. P. 81–83.
- Douryline S.* “Loups et brebis” au Maly Theatre // La Litterature internationale. 1944. № 7. P. 71–73.

Evgeniya Korshunova

THE WRITER SERGEY DURYLIN ABOUT MAXIM GORKY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The question of interaction between the writers Sergey Durylin and Maxim Gorky has not yet been raised in contemporary literary studies. Little is known about the history of both their literary and personal relationships. There is only scant mention that in the year of the foundation of the Soviet Writers' Union (1934)

Durylin became its member getting his ID card # 492 with a signature of M. Gorky. Durylin got published in the 1930s, upon his return to Moscow from deportation. He wrote about forty literary critical essays about Gorky as a playwright. They can be divided into two types: written in Russia (“The Debut of Gorky the Playwright” (1937), “Gorky on Stage” (1902–1937)) and written abroad (“The Gorky the Playwright” published by Litterature Internationale in 1944), “M. Gorky and the Theater” (1943), London). However, there is yet another source revealing relationships between Gorky and Durylin, “In My Corner” (1924–1939), a book of memoirs by Sergey Durylin, which has not yet been fully published. A contextual study of these sources makes it possible to say how Sergey Durylin got interested in the “Soviet scribe” Maxim Gorky. It is assumed that Durylin’s vividly negative, sarcastic, remarks “In My Corner” portrays Gorky as a “political writer”, deaf to religious principles and creative freedom. Discussing Gorky’s personality, Durylin says that it has two opposing natures, the nature of a revolutionary and that of a “former human”, or Alexey Peshkov who loves paintings of the Russian artist Nesterov and sympathizes with the philosopher Vassily Rozanov. In the Soviet and foreign publications analyzed in the article Durylin depicts Gorky one-sidedly as a Soviet writer. It can be claimed that the interference of Soviet “structures of everyday life” hampered a holistic understanding of M. Gorky work.

Key words: source; memoirs; Sergey N. Durylin; Soviet; literary-critical; personality; “structures of everyday life”; context; creative freedom; religious.

About the author: *Evgeniya Korshunova* — PhD, Doctoral Student at the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com).

References

- Basinskij P.V. *Gor’kij* [Gorky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006.
- Golubkov M.M. *Misticheskij pisatel’*. Moskva i “moskovskij tekst” v modernistskoj jestetike M.A. Bulgakova [Mystical writer. Moscow and the “Moscow text” in the modernist aesthetics of MA Bulgakov]. *Filologicheskaja regionalistika*, 2011, № 1, pp.7–17. (In Russ.)
- Durylin S.N. *Gor’kij i Volga* [Gorky and the Volga]. *Nasha strana*, 1938, № 6, pp. 6–9. (In Russ.)
- Durylin S.N. *Gor’kij na scene (1902–1937)* [Gorky on the scene (1902–1937)]. *Gor’kij i teatr. sb.st.*, 1938, pp. 229–301. (In Russ.)
- Durylin S.N. *V svoem uglu* [In his corner]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 879 p.
- Durylin S.N. *Vtoraya vstrecha MHAT s Gor’kim* [The Second Meeting of the Moscow Art Theater with Gorky]. *Teatr*, 1938, № 9, pp. 107–120. (In Russ.)
- Durylin S.N. *Debyut Gor’kogo-dramaturga* [Debut of Gorky the playwright]. *Tridcat’ dnei*, 1937, № 6, pp.79–84. (In Russ.)

- Durylin S.N. *V svoem uglu* [In his corner]. Memorial'nyj arhiv Memorial'nogo Doma-muzeya S.N. Durylina. Fond S.N. Durylina. Kp-265/3-4. Mashinopis'.
- Durylin S.N. *V svoem uglu* [In his corner]. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva. Fond № 2980. S.N. Durylin. Ed. hr. 314. Rukopis'.
- Durylin S.N. Rihard Vagner i Rossija. Vagner o budushhij putjah iskusstva [Richard Wagner and Russia. Wagner about the future ways of art]. Durylin S.N. *Stat'i i issledovanija 1900–1920 godov*, 2014, pp. 89–90. (In Russ.)
- Durylin S.N. Scenicheskaja istorija p'esy "Meshhane" v sovetskie gody [Scenic history of the play "Mieshes" in the Soviet years]. "Meshhane" A.M. Gor'kogo: Lit. i scenich. istorija: Materialy i issled., 1941, pp. 264–294. (In Russ.)
- Esaulov I.A. *Russkaja klassika: novoe ponimanie* [Russian classics: a new understanding]. SPb, Izdatel'stvo Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii, 2017, 550 p.
- Korshunova E.A. "Starinnyj triptih" S.N. Durylina i "Pochemu tak sluchilos'" I.S. Shmeleva: pojetika hristianskogo realizma ["An old triptych" by SN Durylin and "Why it happened" IS Shmelev: the poetics of Christian realism]. *Problemy istoricheskij pojetiki*, 2014. Vyp. 12: *Evangel'skij tekst v russkoj literature XII–XXI vekov: citata, reminescencija, motiv, szuzhet, zhanr*, Vyp. 9, pp. 556–571. (In Russ.).
- Toropova V.N. *S.N. Durylin: Samostojanie* [S.N. Durylin: self-standing]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 384 p.
- Durilin, prof. Maxim Gorky and the Theatre. *The Anglo-Soviet Journal*, 1943, № 2, vol. IV, pp. 81–83.
- Douryline S. "Loups et brebis" au Maly Theatre. *La Litterature internationale*. 1944. № 7, pp. 71–73.

А.В. Голубцова

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА XIX–XX вв. МЕЖДУ КЛАССИЦИЗМОМ И РОМАНТИЗМОМ¹

*Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук
121069, ул. Поварская 25а*

В статье анализируется история итальянской литературы рубежа XIX–XX вв. с точки зрения взаимодействия классицизма и романтизма, понимаемых не только в конкретно-историческом смысле, но и как общие тенденции, многообразно проявляющиеся в литературе Италии указанного периода. В 1860-х годах, после объединения страны, в итальянской литературе наступает новый этап, отмеченный попытками разрыва с романтической литературой первой половины XIX в., воплощающей идеалы Рисорджименто. У ряда авторов рубежа веков борьба с «устаревшим» романтизмом парадоксальным образом приобретает классицистические формы, на первый взгляд, прочно связанные с прошлым, а не с новаторством и современностью. Однако в культурном сознании Италии, видящей себя наследницей античного мира, классицизм, ассоциируясь с древнеримской военной славой и высотами античной культуры, воспринимается как альтернатива социально-политической отсталости современной Италии. Такие авторы, как Дж. Кардуччи и Г. Д'Аннунцио, по-разному понимая классицизм, видят в восстановлении связи с античной традицией путь к созданию новой, подлинно современной итальянской литературы. Другие (скапильятура) наряду с романтизмом программно отвергают и классицизм, ориентируясь на наиболее актуальные тенденции европейской культуры. Однако и те, и другие, отвергая итальянский извод романтизма с его патриотическими и религиозными идеями, сознательно или неосознанно испытывают на себе влияние европейских романтиков. С возникновением футуризма, радикально отрицающего предшествующую традицию, полемика классицизма и романтизма, казалось бы, теряет актуальность. Однако футуризм, декларативно отвергая не только память об античной классике, но и романтические штампы, парадоксальным образом сближается с итальянским романтизмом в своем патриотическом пафосе, утверждении величия итальянской нации и стремлении возродить ее былую славу.

Ключевые слова: классицизм; романтизм; Рисорджименто; А. Мандзони; Дж. Леопарди; У. Фосколо; Дж. Кардуччи; скапильятура; веризм; декаданс;

Анастасия Викторовна Голубцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени М. Горького Российской академии наук (e-mail: ana1294@yandex.ru).

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-04-00073-ОГН «Литературный процесс первой половины XX века в Европе и Америке: направления и школы».

Г. Д'Аннунцио; Дж. Пасколи; сумеречники; Л. Пиранделло; футуризм; Ф.Т. Маринетти; символизм; фашизм.

История итальянской литературы рубежа XIX—XX столетий начинается в 1860-е годы: именно в этот период берут свое начало тенденции, которые получают свое развитие в последующие десятилетия, вплоть до XX в. В 1860-е годы, когда в общих чертах заканчивается борьба за объединение Италии (Рисорджименто), в истории страны наступает новый этап, в литературе отмеченный неоднократными попытками разрыва с традицией — прежде всего с романтической литературой первой половины XIX в. Эта литература прочно ассоциируется с периодом Рисорджименто, воплощает его идеалы и с завершением национального объединения начинает восприниматься как устаревшая. Парадоксальным образом в новую историческую эпоху борьба с «устаревшим» романтизмом поначалу приобретает классицистические формы, на первый взгляд прочно связанные с прошлым, а не с новаторством и современностью. Однако для Италии само понятие классики (трактуемой в первую очередь как античность) в силу исторических причин имеет совершенно особое значение. Италия считает себя преемницей античного мира, культурное наследие Древнего Рима (а порой и Греции) осознается как свое, и незавидная судьба страны (утрата независимости, многовековая раздробленность, экономическая и культурная отсталость) в сознании интеллектуалов сопоставляется с римской военной мощью и процветанием, с недостижимыми высотами античной культуры, являя печальный контраст со славой великих предков. Классицизм в контексте Италии следует понимать не как четко определенный период в истории литературы, а как тенденцию, которая с большей или меньшей силой проявляет себя в разные эпохи и в творчестве разных авторов. Даже итальянский романтизм оказывается тесно переплетен с классицизмом (достаточно вспомнить имена Уго Фосколо (1778—1827) и Джакомо Леопарди (1798—1837), на протяжении всего своего творчества соединявших классические топоры с романтической чувствительностью).

Одним из первых и самых авторитетных борцов с романтизмом становится поэт, критик и общественный деятель Джозуэ Кардуччи (1835—1907). Воспитанный отцом-мандзонианцем, он с детства отдавал предпочтение античным авторам перед Алессандро Мандзони (1785—1873) — крупнейшим автором первой половины XIX в. и ключевой фигурой итальянского романтизма, — о чем сам Кардуччи пишет, например, в автобиографическом вступлении к эссе 1873 г. «По поводу отдельных суждений об А. Мандзони» (*A proposito di alcuni giudizi su A. Manzoni*) [Prose., 1906: 521—594]. Еще обучаясь в

Высшей нормальной школе в Пизе, он переводит и комментирует античных поэтов, а в 1856 г. вместе с несколькими товарищами-единомышленниками создает общество «друзей-педантов» (*amicì pedanti*), ориентированное на борьбу с романтизмом, выдающим себя за подлинно современное искусство. Значительно позже он сформулирует свое кредо в стихотворении 1880-х годов «Классицизм и романтизм» (*Classicismo e romanticismo*), где противопоставит классицистическую жизненную силу, энергию и естественность чувств вялой и меланхолической сентиментальности романтизма. Впрочем, несмотря на программный антиромантизм, в творчестве Кардуччи, по справедливому замечанию А. Рикольфи, продолжается «некогда вызывавший множество споров и до сих пор до конца не разрешенный спор между классиками и романтиками» [Ricolfi, 1914: 5]. Итальянский романтизм, тесно связанный с национально-освободительными идеалами Рисорджименто и одновременно (под влиянием А. Мандзони) насыщенный католическими идеями, отличался явным преобладанием общественно-политической и нравственно-религиозной направленности. Католическая составляющая вызывала у Кардуччи резкое неприятие²; в то же время поэт воспринимал романтизм как слепое подражание иностранным образцам, засилье инокультурного влияния, что в его глазах заслоняло гражданственный пафос итальянских романтиков (в целом близкий патриотическим идеалам Кардуччи). Будучи хорошим знатоком зарубежной литературы, в том числе и романтической, Кардуччи, однако, отрицал романтические тенденции в творчестве своих излюбленных английских и немецких авторов — Гете, Шиллера, даже Байрона, связывая их имена с попытками обновления классической традиции [Ricolfi, 1914: 37, 41–42]. При этом несомненное влияние на Кардуччи оказала романтическая поэзия Гюго и Гейне: в стихах Гюго итальянского поэта привлекает в первую очередь формальное новаторство, обновление художественного языка, а с Гейне его роднит «дух бунтарства» и «инстинктивное отвращение к пошлости» [Bonardi, 1903: 6]. Впрочем, как отмечает Г. Ди Джаммарино, Кардуччи «не пожелал отдать дань признательности (*non volle pagare tributo*)» [Di Giammarino, 2004: 27] никому из романтических поэтов, непосредственно повлиявших на его творчество.

В речи «О литературном обновлении в Италии» (*Del rinnovamento letterario in Italia*, 1874 г.) Кардуччи проводит четкое различие между романтизмом вялым и сентиментальным, и романтизмом, понятым как истинное обновление литературных форм, а также между класси-

---

² В связи с этим, в частности, знаковое стихотворение молодого Кардуччи «Гимн Сатане» (*A Satana*, 1863), на первый взгляд, насыщенное бунтарским романтическим духом, может восприниматься как протест против романтизма.

цизмом формальным, «техническим», и классицизмом «вечным, являющим собой самую глубокую гармонию идеи и образа, содержания и формы, верх совершенства сдержанных умов» [Carducci, 1920: 428]. В том же эссе, говоря о Леопарди, критик называет его «классиком, более глубоким и — внутри — в большей степени новатором и первооткрывателем, чем романтики; он, скажем так, “романтизировал” чистоту греческого чувства <...>» [Carducci, 1920: 428]. Мандзони же удалось «постепенно привести к классической определенности и ясному представлению действительности туманный и смутный романтизм» [Carducci, 1920: 429]. Иными словами, Кардуччи, несмотря на собственные эстетические и идеологические предпочтения (он с гордостью называл себя “scudiero dei classici” — оруженосцем классиков), тонко отмечает неразрывность романтизма и классицизма в их лучшем проявлении. При этом надежду на преодоление культурной отсталости, на возрождение итальянской литературы и возвращение Италии достойного места среди других наций Европы поэт возлагает на отказ от «сентиментальности и болезненных фантазий или громких слов» [Carducci, 1920: 436], оправдывающих невежество, бессилие, небрежность. Поэт отстаивает необходимость изучать античную литературу и искусство и следовать классическим идеалам гармонии, умеренности и красоты. Только так Италия может не только возродить собственную культуру, но и отыскать классическую гармонию и меру (*sofrosine*), ценную для всех европейских литератур [Carducci, 1920: 435–438].

Полемическую позицию по отношению и к Кардуччи, и к романтизму занимает группа молодых писателей 1860-х — 1870-х годов, получивших название «скапильяти» (растрепанные). Скапильяти преследуют ту же цель, что и классицист Кардуччи — преодоление отсталости и провинциальности итальянской культуры, обновление литературных форм, однако воспринимают классицизм как слепое подражание древним, как заимствование античных литературных форм и формул (правда, в этом же они порой обвиняют и итальянских романтиков). Карло Досси в своих дневниках пишет: «... Фосколо (как и Кардуччи) — это просто мозаика фраз, украденных <...> у греческих и латинских классиков» [Dossi, 1988: 18]³, а позже презрительно замечает: «Кардуччи считает себя поэтом, а на самом деле он — всего лишь грамматик» [Dossi, 1988: 321]. С романтиком Мандзони скапильятуру, на первый взгляд, роднит приверженность

---

³ Кардуччи же в речи «О литературном обновлении...», повторяя свою мысль о двух «типах» классицизма, насмешливо замечает, что «скапильятура <...> просто-душно и эксцентрично выступает против пузырей академического классицизма, который никогда и не был национальным» [Carducci, 1920: 432].

«правде» — принципу, который сам Мандзони в раннем стихотворении «На смерть Карло Имбонати» (*In morte di Carlo Imbonati*, 1805) определил как “*il santo Vero*”. Однако скапильяти существенно расширяют это понятие, включая в него не только историческую и моральную правду, подразумевающую строгую обусловленность психологии персонажей историческими причинами, но и изображение противоречий современной жизни, мир страстей, мистики и бессознательных стремлений, который не мог сосуществовать с мировоззрением Мандзони, основанным на мере, равновесии и христианской морали. Если для Мандзони реальность определяется присутствием божественного провидения, то скапильяти воспринимают ее в натуралистическом и антиморализаторском ключе. Это непримиримое противоречие и заставляет поэта Эмилио Прагу в программном для скапильяттуры стихотворении «Прелюдия» (*Preludio*), открывающем сборник «Полумрак» (*Penombre*, 1864), написать, обращаясь к Мандзони:

Casto poeta che l'Italia adora,
vegliardo in sante visioni assorto,
tu puoi morir! <...>⁴

«Растрепанные» авторы стремятся ориентироваться на последние тенденции европейской культуры — Ш. Бодлера, французских символистов, Э. По. Но, как ни парадоксально, в попытке радикального обновления они привносят в итальянскую литературу все те черты немецкого и английского романтизма, которые в свое время отверг итальянский романтизм с его общественно-политической направленностью: интерес к фантастическому, мистическому, жуткому. Мечтая об искусстве будущего, скапильяттура обращается к искусству прошлого. Именно поэтому в итальянской критике принято считать, что в целом проект скапильяттуры терпит неудачу: попытка обновления литературно-художественной сферы выливается в обращение к устаревшим литературным формам. Однако своей установкой на отражение внешней и внутренней реальности во всей ее полноте и мельчайших оттенках скапильяттура предвосхищает два последующих направления итальянской литературы — веризм (специфический итальянский вариант натурализма) и декаданс. Скапильяти одновременно с веристами обращаются к творческому методу французского натурализма, основанному на позитивистском подходе к социальным и психологическим явлениям. В частности, в романе «Нана в Милане» (*Nanà a Milano*, 1880) К. Арриги напрямую обращается к опыту Э. Золя, усматривая в натурализме средство борьбы

---

⁴ «Целомудренный поэт, боготворящий Италию, // старец, погруженный в священные видения, // ты можешь умирать! <...>» (из сборника “*Penombre*”, 1864).

с заполонившими итальянскую литературу второй половины XIX в. эпигонскими «романтическими баснями» [Arrighi, 1880].

Наиболее последовательное применение принципы позитивизма и натурализма на итальянской почве находят в 1870-е годы в художественной практике и теории веризма, сочетающего строгую научность метода со стремлением творить подлинное и новое искусство. Луиджи Капуана в эссе «Ради искусства» (*Per l'arte*, 1885) — своеобразном манифесте веризма — вступает в ироническую полемику с классицистами, ссылающимися на авторитет Кардуччи: «Мы уважаем его и восхищаемся им, даже когда его благородное негодование препятствует беспристрастным наблюдениям и здравым суждениям» [Capuana, 1972: 131]. В ответ на обвинения в стилистической небрежности Капуана утверждает, что веристы делают то же самое, что в свое время делал Кардуччи — пытаются освоить новейшие достижения европейской культуры и, пересадив их на местную почву, тем самым способствовать обновлению итальянской литературы. Классицизм в глазах веристов плох не сам по себе, а лишь потому, что не соответствует современным условиям. У молодых авторов, в отличие от Кардуччи, нет времени «принимать филологические ванны», поэтому их проза — «взъерошенная, неправильная, и все же искренняя, все же живая» [Capuana, 1972: 132], именно благодаря той самой «неправильности» и «диалектальности», которую ставят в укор веристам поборники классицизма. Сам же Кардуччи упрекает веристов вовсе не в формальной небрежности — его критический взгляд проникает глубже. Он говорит об измельчании итальянской литературы, о том, что «мы больше не способны представлять в гармоничном единстве все сущности, все состояния, все формы, мы расчленим то, что с необходимостью органически связано, и приветствуем это расчленение как прогресс в искусстве» [Carducci, 1920: 434]. Для Кардуччи «реализм» (под которым он понимает, скорее, натурализм — наиболее актуальное литературное направление 1870-х годов) — не более чем подробное описание мельчайших деталей действительности, фотография, которую принимают за «вершину искусства». Критик видит за засильем натурализма недостаток воображения, неспособность к изобретению и созданию нового на основании собственных впечатлений, и выражает свою тоску по вечным, непреходящим ценностям: «В великих художниках великих эпох есть реализм и идеализм, народное и классическое, тонкий внутренний анализ и пластическая форма, они — люди своего времени и всех времен» [Carducci, 1920: 434].

Но веристы ставят перед собой одновременно более скромную и более масштабную цель — как можно быстрее создать в Италии

новую, современную литературу. В этом стремлении они полемизируют и со своими предшественниками, итальянскими романтиками. Капуана упрекает их в том, что, увлекшись политической борьбой, они забывали об искусстве: «Они устраивали заговоры, сражались, были патриотами <...>, но искусства, простого и чистого искусства не было. Когда ушла политическая актуальность, что осталось от множества работ? Ни единой страницы, ни единой сцены, ни единой строфы» [Capuana, 1972: 128]. Единственное исключение здесь — Мандзони и Леопарди. Как и в случае с классицизмом, сурово критикуя эпигонов, веристы с почтением — пусть и несколько ироничным — относятся к наиболее выдающимся фигурам того и другого направления.

Позже, в 1890-е годы, Капуана, осмысляя веристский опыт в сборнике эссе «Литературные хроники» (*Cronache letterarie*, 1899), называет романтизм «химерой» наряду с натурализмом, веризмом и символизмом, тем самым признавая все эстетические идеалы ликами изменчивой химеры, притягательной, но бесплодной [Capuana, 1899: 154–155]. Чуть раньше, в сборнике «Современные “измы”» (*Gli ismi contemporanei*, 1898 г.), он выражает разочарование в современных авторах и признает жизненность и «современность» классицизма: «Елена, Андромаха и Навсикая до скончания века будут давать больше пищи для размышлений и обсуждений, чем любой из наших современных символов» [Capuana, 1898: 32]. Однако здесь Капуана понимает классицизм слишком узко, не так, как трактовал его, в частности, Кардуччи. В сущности, классицизм, понятый не как слепое подражание классическим авторам, а как эстетическая тенденция, основанная на понятии гармонии, меры, органической связи с традицией, не вступает в противоречие с веризмом. Джованни Верга (1840–1922) во вступлении к новелле «Любовница Граминьи» (*L'amante di Gramigna*) из сборника «Жизнь полей» (*Vita dei campi*, 1880), выдвигая в качестве эстетического идеала «объективное» искусство, где рука художника совершенно незаметна, а история словно бы сама по себе вырастает из реальности, называет среди признаков такого рассказа или романа «общность и связность всех его частей», создающую впечатление естественности, совершенную гармонию форм, «искренность» реальности, логичность и необходимость происходящих событий [Verga, 1992: 157]: здесь один из главных представителей веризма сознательно или — скорее — неосознанно описывает именно идеал классицистического искусства. А нарочитая объективность писателей-веристов на ином уровне преследует те же цели — реалистическое отражение современной действительности и ее актуальных проблем и противоречий — что и гражданские и

политические высказывания в лирике Кардуччи (например, полемический сборник «Ямбы и эподы» (*Giambi ed Epodi*), где собраны стихотворения 1867–1879 гг.). Только Кардуччи, который к тому времени принимает на себя роль итальянского «poeta vate» (поэта-пророка), интересуется судьба не отдельного обездоленного и несчастного человека, а всего итальянского народа, измельчавшего, забывшего о славе предков и великом прошлом среди жалкого настоящего: поэт использует классицистический инструментарий для того, чтобы вернуть итальянцам былую мощь и энергию, пробудить в них гордость и гражданское сознание.

На рубеже XIX–XX вв. ведущим направлением в литературе Италии становится декаданс: на смену веристской объективности и сосредоточенности на фактах (даже психологию героев писатель-верист стремится показать через ее внешние проявления) приходит углубленный анализ мельчайших движений души, тонких проявлений бессознательного, недавно «открытого» психоаналитической теорией. В стремлении к правдоподобию отражению внутренней жизни героев итальянский декаданс в определенной степени является наследником скапильятуры, а через нее опосредованно — европейского романтизма, в то время как религиозный и патриотический пафос романтизма итальянского остается ему глубоко чуждым. Ключевые фигуры итальянского декаданса, являющие собой как бы два лика этого направления — Габриэле Д’Аннунцио (1863–1938), шумный, эпатажный, строящий свою жизнь как произведение декадентского искусства в рамках ницшеанской идеи сверхчеловека, и Джованни Пасколи (1855–1912) со своей тихой интимной лирикой.

Декаданс, как и другие художественные течения в Италии рубежа веков, стремится создать подлинно современную итальянскую литературу, и на этом пути неизбежно сталкивается с проблемой осмысления классического наследия и выработки собственного отношения к нему. Д’Аннунцио во вступлении к роману «Триумф смерти» (*Trionfo della morte*, 1894), рассуждая о современной литературе, предлагает литераторам обращаться к «древним» авторам (античным, средневековым, возрожденческим) в поисках образцов тонкого психологизма, богатого и музыкального языка. Особое значение для Д’Аннунцио имеет античная классика — именно там лежат истоки лучших образцов итальянской словесности: «Наши величайшие мастера слова унаследовали внимание к ритму от латинского красноречия. В Риме и говорили, и писали словесной музыкой <...>. Как Марк Туллий Цицерон выводил почти певчими устами свои периоды, чтобы пробудить в душах слушателей страстные порывы, — так же и Тит Ливий в Декадах состязался с поэтами, чтобы

возвысить величие римской души в деяниях, изложенных его стилем. Оба они знали, что слоги, помимо идеального значения, обладают волнующим и чарующим действием, заключенным в звуках, из которых они состоят» [D'Annunzio, 1903]. Идеал современного искусства для Д'Аннунцио — это синтез всех непластических искусств (поэзии, музыки, танца), который некогда представлял собой античный (греческий) театр. Д'Аннунцио, как и герои его романов (творцы — поэты и драматурги), стремится создать новый, по-настоящему современный поэтический язык и под явным влиянием Ницше видит эстетический идеал современности в классической поэтике — но не в слепом подражании классикам, а в возрождении принципов и духа античного искусства на современной почве. Однако если классицизм в понимании Кардуччи основывается на идеалах меры и гармонии и воплощает собой аполлоническое начало, то «классицизм» Д'Аннунцио пронизан духом дионисийства. Итальянского декадента интересует, в первую очередь, архаический миф, мистерия, и даже в творчестве римских авторов он ценит не строгость и гармоничность формы, не ясность содержания, а музыкальность (ведь музыка, по Ницше, — самое «дионисийское» из искусств), погружающую читателей и слушателей в экстатическое опьянение, пробуждающую в их душах бурные страсти и порывы. Такое отношение к античности особенно отчетливо заметно в романе «Огонь» (*Il fuoco*, 1900), герой которого пишет трагедию, проникнутую античным духом. Это не столько подражание классикам, сколько попытка воплотить в современном мире античную мистику: «Трагедия сняла свою неподвижную маску и показала обнаженное лицо. <...> души чувствуют, что древний ужас живет в настоящем <...> Прошлое совершается сейчас. Иллюзия Времени пала. Жизнь едина» [D'Annunzio, 1900]. Явные и неявные отсылки к античной мифологии, рассыпанные по пространству текста, и сама ирреальная атмосфера романа словно бы целиком превращают его в современное воплощение древнего мифа. Д'Аннунцио и Кардуччи пытаются прийти к одной и той же цели — обновлению итальянской литературы через восстановление связи с античностью — двумя разными путями. Аполлонический классицизм Кардуччи, в сущности, противоположен дионисийскому «классицизму» Д'Аннунцио, обращенному к архаическим, долитературным, мифологическим слоям античного наследия: «Нужно <...>, чтобы миф возродился, чтобы мы сумели создать новое искусство» [D'Annunzio, 1900].

Пасколи, обозначая свою связь с классицизмом, тоже обращается к мифу, но для него понятие классики тесно связано с личным «мифом» о ребенке (*fanciullino*), который скрыт в каждом человеке. Прибегая к образу ребенка, Пасколи, с одной стороны, отрекается

от роли поэта-пророка (*vate*)⁵, органически близкой и Кардуччи, и Д'Аннунцио, с другой — утверждает исключительность роли поэта, поскольку только поэт может слышать голос внутреннего ребенка, посмотреть на мир его удивленными, ясными глазами и отразить в стихах обновленное, очищенное мировидение. Этот «ребенок» стар, как старо человечество, но мир для него остается вечно новым и удивительным: под покровом привычных вещей он прозревает иную реальность, иные смыслы (здесь Пасколи отчетливо сближается с символизмом) и откровенно высказывает свои чувства. Античная классика для Пасколи — это мифический золотой век, детство человечества, время, когда поэзия непосредственно соприкасалась с реальностью и отражала ее с поразительной простотой и ясностью: «... если бы кто-то решил нарисовать Гомера, его следовало бы изобразить как слепого старика, ведомого за руку ребенком, который беспрестанно говорит, оглядываясь вокруг» [*Pensieri...*, 1907: 5].

Одновременно Пасколи в своих стихах акцентирует пессимистический аспект античной культуры, выделенный Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки», но не отрефлексируемый ни Кардуччи, очарованным античной гармонией, ни Д'Аннунцио, охваченным дионисийским мистериальным экстазом. В сборнике «Застольные стихи» (*Poemi conviviali*, 1904), целиком основанном на античной топики и отчасти поэтических формах (само название содержит отсылку к традиции греческих симпозиев), Пасколи, подобно Д'Аннунцио, возрождает на новой почве архаический миф — его трагическую сторону. Главная идея, проходящая через весь сборник, — неизбежность страданий и смерти, сводящая на нет прогрессистские мифы позитивизма, а единственным средством противостояния неумолимому року мыслится поэзия и любовь к ближнему, объединяющая людей в их общем несчастье.

Для сумеречников (*crepuscolari*) — продолжателей итальянской поэтической традиции рубежа веков — равно чуждыми оказываются и отживший романтизм, и классицизм в духе Кардуччи, и декаданс. Течение получило свое название благодаря нелестному отзыву в газете «*La Stampa*» от 10 сентября 1910 г., опубликованному писателем и журналистом Дж. А. Борджезе, который говорит о новой поэзии как о сумерках итальянской литературы: «Поскольку огромное поле нашей поэзии сжали золотыми серпами, они мнут ее на обочине дороги, подбирая, как колоски, остатки романтизма и

---

⁵ «Поэт — это поэт, а не оратор или предсказатель, не философ, не историк, не наставник, не трибун или демагог, не государственный деятель и не придворный. <...> Поэт — тот, кто произносит слово, которое было у всех на устах и которое никто не сказал бы. Но он не залезает на стул или на стол, чтобы обратиться к публике с речью» [*Pensieri...*, 1907: 35].

отбросы классицизма; у Пасколи они понимают только заикание, у Д'Аннунцио — "Райскую поэму"⁶. Если Кардуччи протягивал бокал Пию IX, они воспевают монашек <...>» [Цит. по: Farinelli, 2005: 17]. Презрительное прозвище становится названием нового течения (зародившегося несколькими годами ранее), точно отразив его основные черты. Сумеречники, в чьих стихах преобладает настроение усталости и грусти, вступают в полемику с Кардуччи и Д'Аннунцио, а также с романтиками, отвергая особую роль поэта — пророка и патриота. В первых строках программного стихотворения Серджо Кораццини (1886—1907) «Отчаяние бедного сентиментального поэта» (*Desolazione del povero poeta sentimentale*) выражено представление сумеречников о месте поэта в мире:

Perché tu mi dici: poeta?
Io non sono un poeta.
Io non sono che un piccolo fanciullo che piange⁷.

Отвергают они и близкий, на первый взгляд, подход Пасколи. В их понимании поэт, пусть даже не претендующий на роль «poeta vate», не обладает особым зрением, не видит вещей, недоступных обывателю. Сумеречники отказываются от масштабных тем и обращают свой взгляд к повседневности, за которой (в отличие от поэзии Пасколи) уже не просматривается высшая реальность символизма. Пытаясь выработать адекватное поэтическое воплощение этой скромной, убогой повседневности, сумеречники доводят до предела «революцию», начатую еще Пасколи: они привносят в поэзию простой, почти разговорный язык, подчеркнуто бытовые сравнения, резко противопоставляя себя всей классической традиции итальянской литературы.

Однако вопрос отношения к классике не теряет своей остроты и в этот период. В первое десятилетие XX в., когда поэты-сумеречники пытаются выработать новый поэтический язык, язык повседневности, и самым своим творчеством утверждают полное преодоление классической традиции, крупнейший итальянский прозаик и драматург рубежа XIX—XX столетий Луиджи Пиранделло (1867—1936) вновь поднимает вопрос актуальности классики в программном эссе «Юморизм» (*L'umorismo*, 1908), посвященном исследованию форм юмора в литературе. В этом программном тексте Пиранделло рассматривает ставшее к тому времени общим местом противопоставление искусства классического (*classico*, оно же античное — an-

---

⁶ "Poema paradisiaco" (1893) — сборник стихов Д'Аннунцио, проникнутый печалью и усталостью, близкий поэтике П. Верлена и М. Метерлинка, а также «сумеречникам», находившимся под влиянием тех же авторов.

⁷ «Почему ты говоришь мне: поэт? // Я не поэт. // Я всего лишь маленький плачущий мальчик» (из сборника "Piccolo libro inutile", 1906).

tico) и современного (moderno), на первый взгляд, приравнивая это различие к борьбе классицизма и романтизма. Здесь классицизм и классика воспринимаются как синонимы, а романтизм выступает как наиболее близкое и актуальное проявление современного искусства. В эссе повторяются вполне традиционные представления об отличиях классики и романтизма: «... мраморное спокойствие, полное достоинства равновесие, внешняя красота древнего (antica) искусства против возбужденности чувств, неясного, бесконечного (l'infinito)⁸, неопределенности стремлений, меланхолии, ностальгии, внутренней красоты современного искусства» [Pirandello, 1994: 13]. При этом Пиранделло связывает классику с поэтической «наивностью» и непосредственностью и акцентирует интеллектуалистский аспект романтизма, одновременно подчеркивая связь классики и веризма⁹ — возможно, понимаемого здесь в расширительном смысле, как отражение правды жизни: «с одной стороны, низменные темы веризма наивной поэзии (le bassure del verismo della poesia ingenua), с другой — туманные абстракции и интеллектуальное головокружение сентиментальной поэзии» [Pirandello, 1994: 13]. Однако автор прямо указывает, что все это — лишь повторение общих мест литературоведческой и критической мысли того времени («Эти аргументы хорошо известны...» [Pirandello, 1994: 13]), служащее исключительно полемическим целям. Прежде всего, Пиранделло четко разделяет классику и классицизм, характеризуя последний как слепую имитацию классиков — порождение риторики¹⁰, которая воспринимается как набор правил и шаблонов, препятствующих свободному творчеству, а значит, и выражению основополагающей для Пиранделло литературной категории — «юморизма» (особой формы юмора, соединяющей в себе комическое и трагическое начала): «...когда ярмо интеллектуалистской поэтики классицизма было разбито вмешательством чувства и воли, свойственных романтизму, писатели, имевшие естественную предрасположенность к юморизму, начали

---

⁸ Вероятно, аллюзия на знаменитое стихотворение Дж. Леопарди «Бесконечность» (L'infinito, 1818—1819). Сам Леопарди определил это произведение как «идиллию», но, несмотря на жанровое именование, отсылающее к античности, стихотворение, близкое романтической поэтике, не столько опирается на классическую традицию, сколько полемизирует с ней. «Бесконечность» Леопарди — это не пасторальная картина сельской жизни, а выражение меланхолического мироощущения поэта, вдохновленное созерцанием природы.

⁹ Пиранделло начинал свою писательскую деятельность в лоне веризма; его первые романы и новеллы написаны в веристском духе — главным образом под влиянием Л. Капуаны. Однако здесь он снабжает замечание, касающееся веризма, ссылкой на G. Muoni, *Note per una poetica storica del romanticismo* (Milano, Società Ed. Libr., 1906).

¹⁰ Почти в тех же выражениях Пиранделло критикует риторику в более раннем эссе «Un critico fantastico» (1905), посвященном писателю А. Кантони.

выражать ее в своих произведениях не путем имитации, а спонтанно» [Pirandello, 1994: 38]. А противоречие между классикой (понимаемой и как определенная историческая эпоха, и как современная тенденция, порожденная искусством той эпохи) и современностью, в том числе романтизмом, разрешается через понятие «юморизма»: автор доказывает, что именно «юморизм» снимает различия между классическим и современным и вовсе лишает данное противопоставление смысла, поскольку встречается в равной степени «как у древних, так и у новых» [Pirandello, 1994: 25] и равно свойствен всем эпохам и нациям. При этом Пиранделло резко выступает против навешивания литературоведческих «ярлыков»¹¹ и бездумного подражания каким-либо образцам — классическим или современным иностранным, привнесенным в итальянскую культуру романтиками. В эссе «Субъективность и объективность в повествовательном искусстве» (*Soggettivismo e oggettivismo nell'arte narrativa*, 1908) он отмечает, что главная проблема итальянской литературы — склонность к имитации — не связана с конкретной традицией или течением: после долгого периода подражания классическим образцам, «когда так называемая классическая традиция была прервана вторжением романтической школы, подражание <...> не прекратилось. Произошло только обновление образцов для подражания...» [Pirandello, 1994: 213] — притом, что и романтизм, и классицизм изначально преследовали одну и ту же цель — возрождение итальянской нации и национальной литературы.

Пиранделло не занимается подробным осмыслением взаимоотношений романтического искусства и классической традиции и словно бы не придает этому вопросу особого значения, однако сам факт появления данной оппозиции в его программных теоретических работах свидетельствует о том, что даже глубоко современному писателю, отразившему в своих романах, новеллах и пьесах особенности мироощущения человека конца XIX — начала XX в., опыт классицизма и романтизма не представляется преодоленным и изжитым.

Своеобразным «рубежом» в итальянской литературе, явлением, завершающим одну эпоху (прошедшую под знаком полемики с романтизмом) и открывающим другую (эпоху авангарда и последующего «возврата к порядку»), становится футуризм. Самим своим названием он указывает на обращенность в будущее, на радикальный разрыв с традицией — как классической, так и романтической. «Первый манифест футуризма» (*Manifesto del Futurismo*, 1909) содержит знаменитый пассаж о гоночной машине, более пре-

---

¹¹ Здесь автор ссылается прежде всего на Л. Капуану (в частности, на упоминавшееся эссе «Современные "измы"»).

красной, чем Ника Самофракийская, и призывает к разрушению музеев, библиотек и академий [I manifesti..., 1914: 7] — мест, ассоциирующихся с сохранением прошлого, прежде всего — античной классики. Манифест под названием «Убьем лунный свет!» (Uccidiamo il Chiaro di Luna!, 1909) описывает героическую борьбу против романтической эстетики — нежных грез, навеваемых луной¹². Культурная традиция в футуризме неизменно ассоциируется со смертью — с мертвящей косностью классицизма и безжизненной вялостью романтизма. «Точкой пересечения» обеих традиций становится топоним кладбища (музея-кладбища, библиотеки-кладбища и т. п.): для классицизма кладбище — это напоминание о древней славе, о великих деяниях предков, для романтизма — место меланхолического созерцания. Для футуризма же — предмет ненависти, символ отжившего прошлого, подлежащего разрушению. Смерть, воспеваемая футуристами, связана не с медленным разложением, не с застывшими формами ложного идеала красоты, а с динамизмом, насилием и войной, с героическим самопожертвованием: в «Первом манифесте» футуристы объявляют о готовности погибнуть от рук своих молодых последователей («Они столпятся вокруг нас, задыхаясь от тревоги и презрения, и все вместе <...> набросятся на нас, чтобы убить» [I manifesti..., 1914: 9]); в манифесте «Убьем лунный свет!» они проливают кровь в борьбе за утопический идеал будущего («Нашу кровь?.. Да! Всю нашу кровь, потоками, чтобы вновь окрасить больные зори Земли!» [I manifesti..., 1914: 22]); в романе Маринетти «Футурист Мафарка» (Mafarka le futuriste, 1909), который также можно считать своеобразным манифестом, главный герой — жестокий и безжалостный дикарь, идеал футуристского сверхчеловека — славит «насильственную Смерть, венчающую молодость, Смерть, которая забирает нас, как только мы становимся достойны ее божественных ласк» [Marinetti, 2003: 165], и погибает, чтобы вдохнуть жизнь в свое «дитя», механическую птицу Газурмаха, нового бога и хозяина мироздания.

Несмотря на декларативный разрыв с традицией, футуризму не удалось полностью освободиться от влияния романтизма. Первые литературные опыты Маринетти лежат в русле символистской поэзии, и в футуристский период он по-прежнему использует

---

¹² «... Сияющая и жаркая улыбка луны излилась из разрыва в облаках <...> Тогда в опьяняющем потоке ароматов мы увидели, как вокруг нас вырос бескрайний сказочный лес, чьи изогнутые листья казались обессиленными слишком вялым дуновением ветерка. В них колыхалась горькая нежность <...> Сладостный сон медленно окутывал воинство безумцев, и те закричали от ужаса. Стремительные звери бросились им на помощь. Трижды, свившись в прыгучие клубки, когтистые тигры с взрывной яростью бросались на невидимых призраков, кишевших в глубине этого леса наслаждений...» [I manifesti..., 1914: 17–18]

символистскую образность, которая опосредованно связывает его и с европейским романтизмом. Так, отчетливый символистский отпечаток несет на себе призыв Маринетти покинуть декадентские апартаменты¹³ и выйти наружу: «Вскоре мы узрим рождение Кентавра и полет первых Ангелов! <...> Вот над землей встает самая первая заря! Ничто не сравнится с сиянием красной шпаги солнца, впервые пронзающей наши тысячелетние сумерки!...» [I manifesti..., 1914: 4]¹⁴. Между эстетическими теориями символизма и футуризма также существует генетическая связь: «... Теории Малларме об аналогиях, лингвистический анархизм Рембо <...>, мечта Р. Гиля и других символистов о создании art total» [Futurismo] претворились в футуристские эксперименты с поэтической формой (в том числе в представление об аналогии как средстве создания максимально насыщенных синтетических образов¹⁵) и в идеологию «прямого действия», выражением которой стали шумные публичные акции (Маринетти и его сторонники ездили по городам Италии и Европы и устраивали «футуристские вечера», где декламировали свои стихи и манифесты, читали лекции и обращения, устраивали выставки, театральные представления и дискуссии, как правило, кончавшиеся драками и скандалами).

Еще более тесная и прямая связь прослеживается между футуризмом и специфическим итальянским романтизмом, сформировавшимся в эпоху Рисорджименто и сосредоточенным на темах патриотизма, освободительной борьбы и национальной идентичности. Футуризм, на словах резко отделяя себя от романтизма, обращается

---

¹³ «Мы провели без сна всю ночь — я и мои друзья — под лампами, похожими на мечети с латунными куполами, усыпанными звездами <...>. Мы долго попирали на роскошных восточных коврах свою атавистическую лень <...>» [I manifesti..., 1914: 3].

¹⁴ Несмотря на символистское звучание фрагмента, следует отметить, что мифологические фигуры кентавров и ангелов здесь обретают новый смысл, указывающий на сращение человека с машиной и полет аэропланов. Прежние мифологемы становятся элементами нового прогрессистского мифа, футуристской утопии, связанной с мечтой о новой цивилизации и новом антропологическом идеале — бессмертном «механическом человеке с заменяемыми частями» [I manifesti..., 1914: 96].

¹⁵ Роль аналогии в футуризме изложена в «Техническом манифесте футуристической литературы» (Manifesto tecnico della letteratura futurista, 1912) и в манифесте «Разрушение синтаксиса. Беспроволочное воображение. Слова на свободе» (Distruzione della sintassi. Immaginazione senza fili. Parole in libertà, 1913). По мысли Маринетти, аналогические связи между словами должны были прийти на смену устаревшим грамматическим связям. Аналогия, основанная на интуиции, в почти барочном духе соединяющая, на первый взгляд, далекие и несочетаемые в смысловом и стилистическом отношении понятия, тем самым обнаруживая глубинную связь между ними, мыслилась как главный способ познания мира, который позволит обеспечить необходимую скорость восприятия и выражения смысла, соответствующую современной эпохе (см. [I manifesti..., 1914: 89–92, 137–145]).

к той же тематике — величию итальянской нации и стремлению возродить ее былую славу. Желая «прославить войну — единственную гигиену мира — милитаризм, патриотизм, <...> прекрасные идеи, за которые можно умереть» [I manifesti..., 1914: 6], футуристы, в сущности, идут по стопам итальянских романтиков времен борьбы за независимость и объединение Италии. По мысли футуристов, именно Италия — некогда колыбель европейской культуры — освобожденная от «зловонной гангрены профессоров, археологов, экскурсоводов и антикваров» [I manifesti..., 1914: 7], должна стать средоточием новой футуристской цивилизации, источником «разрушительной и поджигательной» силы. Лозунги, прозвучавшие в 1913 г. в манифесте «Политическая программа футуристов» (*Programma politico futurista*), являются продолжением и доведением до абсолюта романтических идеалов Рисорджименто: «Италия — абсолютная повелительница. Слово Италия должно стать выше, чем слово Свобода. <...> Более сильный флот и более сильная армия; народ, гордый именем итальянского, ради войны, единственной гигиены мира, и ради величия Италии, развитой, сельскохозяйственной, индустриальной и торговой» [I manifesti..., 1914: 167]. В 1914–1915 гг. футуристы активно выступают за участие Италии в Первой мировой войне, многие из них, включая Маринетти¹⁶, лично участвуют в боевых действиях. В 1915 г. выходит в свет книга «Война как единственная гигиена мира» (*“La guerra sola igiene del mondo”*) — сборник речей и воззваний Маринетти с патриотическими и милитаристскими лозунгами, которые звучали еще в первых манифестах. Впоследствии националистические и милитаристские лозунги футуризма войдут в программу фашистской партии, а основанная в 1918 г. «футуристская партия» открыто примкнет к фашизму (в 1920 г. Маринетти выйдет из политического союза с Муссолини, но сохранит симпатию к фашистской идеологии). Так романтические идеалы, декларативно отвергаемые футуризмом, в преобразованном доведенном до крайности виде оказываются поставлены на службу фашизму, который, в свою очередь, открыто обращается к классицизму, в пропагандистских целях стремясь возродить в официальном искусстве образ Римской Империи.

¹⁶ Ранее принимавший участие в качестве военного корреспондента в итало-турецкой войне 1911–1912 гг. и Первой балканской войне 1912–1913 гг., с началом Первой мировой войны Маринетти записывается добровольцем в мотоциклетный батальон, затем продолжает службу в рядах альпийских стрелков. Его военные впечатления находят свое художественное отражение в произведениях, написанных в технике «слов на свободе» (*parole in libertà*), таких как «Битва Тяжесть + Запах» (*Battaglia Peso+Odore*, 1912), «Дзанг Тумб Тууум. Адрианополь октябрь 1912» (*Zang Tumb Tuuum. Adrianopoli ottobre 1912*, 1914) и др.

Список литературы

- Arrighi C.* Nanà a Milano. Milano, 1880. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/9302/pg9302.html> (accessed: 09.07.2018).
- Bonardi C.* Enrico Heine nell'opera di Giosuè Carducci. Sassari, 1903.
- Capuana L.* Gli 'ismi' contemporanei (Verismo, Simbolismo, Idealismo, Cosmopolitismo) ed altri saggi di critica letteraria ed artistica. Catania, 1898.
- Capuana L.* Cronache letterarie. Catania, 1899.
- Capuana L.* Scritti critici. Catania, 1972.
- Carducci G.* Pagine di storia letteraria. Bologna, 1920.
- D'Annunzio G.* Il fuoco. Milano, 1900. URL: http://www.classicitaliani.it/D%27annunzio/prosa/Il_Fuoco.htm (accessed: 10.07.2018).
- D'Annunzio G.* Il trionfo della morte. Milano, 1903. URL: http://www.classicitaliani.it/D'annunzio/prosa/trionfo_morte.htm (accessed: 10.07.2018).
- Di Giammarino G.* Carducci traduttore di Heine // Rivista di Studi Italiani. Anno XXII, n° 1, Giugno, 2004. P. 25–40.
- Dossi C.* Note azzurre. Milano, 1988.
- Farinelli G.* “Perché tu mi dici poeta?": storia e poesia del movimento crepuscolare. Roma, 2005.
- Futurismo // Enciclopedia del Novecento. 1978. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/futurismo_\(Enciclopedia-del-Novecento\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/futurismo_(Enciclopedia-del-Novecento)) (accessed: 09.07.2018).
- I manifesti del futurismo. Firenze, 1914.
- Marinetti F.T.* Mafarka il futurista. Milano, 2003.
- Pensieri e discorsi di Giovanni Pascoli, 1895–1906. Bologna, 1907.
- Pirandello L.* L'umorismo e altri saggi. Firenze, 1994.
- Prose di Giosuè Carducci, MDCCCLIX-MCMIII. Bologna, 1906.
- Ricolfi A. G.* Carducci e il romanticismo. Genova, 1914.
- Verga G.* Novelle. Milano, 1992.

Anastasia Golubtsova

THE ITALIAN LITERATURE AT THE TURN OF THE 20th CENTURY: BETWEEN CLASSICISM AND ROMANTICISM

*Gorky World Literature Institute, Russian Academy of Sciences
Povarskaya str. 25a, Moscow, Russia, 121069*

The article analyzes the history of Italian literature at the turn of the 20th century as an interplay between Classicism and Romanticism. The 1860s witnessed the end of Risorgimento (unification of Italy) and the beginning of a new period in Italian literature. The new age saw various attempts to break up with the Romantic tradition

conveying the Risorgimental ideals of the first half of the 19th century. Ironically, a number of authors of the time fought against the “obsolete” Romanticism using Classicist principles commonly associated with the past rather than with the new and the modern. However Italian intellectuals, viewing their country as an heir of classical antiquity, regarded Classicism (associated with Roman glory and high classical culture) as an alternative to socio-political and cultural backwardness of modern Italy. Some authors, like G. Carducci and G. D’Annunzio, despite their different philosophical, cultural and aesthetic views, tried to reconnect with the Classical tradition for the sake of creating a new, truly modern Italian literature. Others, for example the Scapigliati, rejected both Classicism and Romanticism, focusing on the most recent trends of European culture. However all of those who rejected Italian Romanticism with its patriotic and religious ideals, experienced conscious or unconscious influence of European Romanticism. The age of Futurism seemed to put an end to the polemics of Classicism and Romanticism. Nevertheless, while programmatically rejecting both Classical tradition and Romantic clichés, Futurism still remains close to Italian Romanticism, sharing its patriotic and nationalist ideas. At the same time it reunites with Classicism through Fascist ideology reviving the image of the Roman Empire.

Key words: Classicism; Romanticism; Risorgimento; A. Manzoni; G. Leopardi; U. Foscolo; G. Carducci; Scapigliatura; Verismo; Decadence; G. D’Annunzio; G. Pascoli; Crepuscularism; L. Pirandello; Futurism; F.T. Marinetti; Symbolism; Fascism.

About the author: *Anastasia Golubtsova* — PhD, Senior Researcher at the Gorky World Literature Institute, Russian Academy of Sciences (e-mail: ana1294@yandex.ru).

References

- Arrighi C. *Nanà a Milano*. Milano, Ambrosoli Ed., 1880. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/9302/pg9302.html> (accessed: 09.07.2018).
- Bonardi C. *Enrico Heine nell’opera di Giosuè Carducci*. Sassari, Tip. e Leg. Elia Scanu, 1903.
- Capuana L. *Gli ‘ismi’ contemporanei (Verismo, Simbolismo, Idealismo, Cosmopolitismo) ed altri saggi di critica letteraria ed artistica*. Catania, 1898.
- Capuana L. *Cronache letterarie*. Catania, Ed. Niccolò Giannotta, 1899.
- Capuana L. *Scritti critici*. Catania. Ed. Niccolò. Giannotta, 1972.
- Carducci G. *Pagine di storia letteraria*. Bologna, Ed. N. Zanichelli, 1920.
- D’Annunzio G. *Il fuoco*. Milano, Treves Ed., 1900. URL: http://www.classicitaliani.it/D%27annunzio/prosa/Il_Fuoco.htm (accessed: 10.07.2018).
- D’Annunzio G. *Il trionfo della morte*. Milano, Treves Ed., 1903. URL: http://www.classicitaliani.it/D’annunzio/prosa/trionfo_morte.htm (accessed: 10.07.2018).
- Di Giammarino G. Carducci traduttore di Heine. *Rivista di Studi Italiani*, Anno XXII, n°1, Giugno, 2004, pp. 25–40.
- Dossi C. *Note azzurre*. Milano, Adelphi Ed., 1988.

- Farinelli G. *“Perché tu mi dici poeta?”: storia e poesia del movimento crepuscolare*. Roma, Carocci Ed., 2005.
- Futurismo. Enciclopedia del Novecento*. Treccani, 1978. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/futurismo_\(Enciclopedia-del-Novecento\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/futurismo_(Enciclopedia-del-Novecento)) (accessed: 09.07.2018).
- I manifesti del futurismo*. Firenze, Edizioni di “Lacerba”, 1914.
- Marinetti F.T. *Mafarka il futurista*. Milano, Mondadori Ed., 2003.
- Pensieri e discorsi di Giovanni Pascoli*, 1895–1906. Bologna, Ed. N. Zanichelli, 1907.
- Pirandello L. *L'umorismo e altri saggi*. Firenze, Giunti Ed., 1994.
- Prose di Giosuè Carducci, MDCCCLIX-MCMIII*. Bologna, N. Zanichelli, 1906.
- Ricolfi A. *G. Carducci e il romanticismo*. Genova, Tip. Carlini, 1914.
- Verga G. *Novelle*. Milano, Feltrinelli Ed., 1992.

Е.А. Сасова

**«ВЕДЬ Я ГЕРМАНЕЦ»:
К ВОПРОСУ О КОСМОПОЛИТИЗМЕ Ф.М. ГРИММА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье ставится вопрос о восприятии космополитизма в литературной личности Фридриха Мельхиора Гримма (1723—1807), которого принято называть одним из «образцовых» космополитов Просвещения. По причине множества различных трактовок этого феномена в XVIII в. сложно вписать космополитизм Гримма в рамки той или иной концепции. Наиболее близка ему — точка зрения принца де Линя, утверждавшего, что у него «шесть или семь родин». Примером этому может служить его отношение к родной Германии: в работе изучается формирование образа немца/германца в переписке Гримма с графами Н.П. и С.П. Румянцевыми, с которыми он познакомился при дворе Екатерины II в 1773 г. Особенно интересно то, как Гримм использует возможности галантной эпистолярной игры с присущей ей игрой масок: описывая себя как «жалкого» немца, он навязывает собеседнику образ «высокомерного русского». Это позволяет ему выйти на дорогие его сердцу темы: проблему разобщенности немецкой культуры, ее недооцененность на европейском фоне. Используя латинизированные формы *Germanie* и *German*, он подчеркивает важность объединения Германии для развития немецкого гения. Таким образом, в переписке Гримма очевидно его глубоко личное, эмоциональное отношение к Германии, противопоставленной другим странам. Тот факт, что подобное чувство он испытывает и по отношению к России и Франции и что он всегда подчеркивает лишь одну часть своего космополитичного сознания, приводит к парадоксальному выводу о том, что безусловный космополит Гримм являлся в то же время и страстным патриотом своих нескольких родин.

Ключевые слова: Фридрих Мельхиор Гримм; Румянцев; космополитизм; эпистолярная игра; литературная личность.

Не счесть количество определений слова «космополитизм» в Век просвещения, когда каждый по-своему трактовал это многогранное понятие. Французская академия давала космополитам нелестную оценку: «Тот, кто не имеет родины. *Космополит — плохой гражданин*»

Сасова Елена Александровна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sassova.elena@gmail.com).

[Dictionnaire de l'Académie française, 1762], а словарь Треву называл космополитом человека, не имеющего собственного жилья [Trévoux, 1721]. Опубликованная в 1751 г. книга Фужере де Монброна «Космополит, или Гражданин мира» пропагандировала пессимистический космополитизм и призывала пользоваться благами той или иной страны, не привязываясь к ней; понятие родины исключалось из жизни космополита, так как все государства одинаково достойны презрения. «Рассуждение о нравах этого века» (1751) Ш. Дюкло поднимает космополита над неразумной толпой: «Достойные люди, к какому бы народу они не принадлежали, составляют единую нацию. Они лишены незрелого национального тщеславия, они оставили его недалеким людям, которые, не имея личной славы, вынуждены похвалиться заслугами своих соотечественников» [цит. по: Suratteau, 1983: 382]. Вольтер также приветствовал универсализм и космополитизм, противопоставляя им патриотизм — агрессивное чувство, направленное против других государств; единственной родиной культурного человека должен быть разум и просвещение [Voltaire, 1994: 342–344]. Руссо же, напротив, восхищался страстным патриотизмом Рима и Спарты, видевших врага во всяком инородце [Руссо, 1969: 158].

В этом калейдоскопе противоположных точек зрения непросто понять, каким должен быть «идеальный космополит» — статус, который принадлежит многим деятелям Просвещения, например, Фердинандо Галлиани, Иоганну Риффенштайну или Фридриху Гримму. Ф.М. Гримм (1723–1807), по словам А.Ф. Строева, воплощает самый тип космополита XVIII в.: русский дипломат немецкого происхождения, пропитанный французской культурой [Stroev, 2004: 59]. Говорящим является и название статьи Й. Шлобаха: «Величие и нищета культурного посредника: Фридрих Мельхиор Гримм, русский, немец, француз» [Schlobach, 2004: 37–55]. Но открытым остается вопрос, был ли Гримм космополитом-универсалистом или же он, по совету Монброна, пользовался благами каждой страны, не привязываясь ни к одной из культур (на чем, в частности, настаивает А.Ф. Строев [Stroev, 2004: 60]). Наиболее близкими позиции Гримма представляются слова его современника принца де Линя: «У меня шесть или семь родин: [Священная Римская] Империя, Фландрия, Франция, Австрия, Польша, Россия и почти что Венгрия» [цит. по: Suratteau, 1983: 382]. Действительно, Гримм ощущал себя одинаково причастным и к Германии, и к Франции, и к России и придавал особое значение каждой национальной составляющей своего образа. Анализ литературной личности Гримма (этим термином, вслед за Ю.Н. Тыняновым, мы называем динамичную совокупность образов автора, нашедших отражение в его

произведениях, в том числе и переписке [Тынянов, 1977: 255–270]) свидетельствует о том, что «национальные» образы-этосы играли значительную роль в его переписке и служили полем для развития тех или иных идей. Особенно важно то, что один образ вытеснял другой, что исключает универсализм: Гримм не стремился подняться над государственными и политическими границами и даже не был чужд «незрелого национального тщеславия». В данной статье будет проанализирована лишь одна из частей того калейдоскопа образов, который Гримм создает в своих письмах, а именно — образ немца и роль немецкой культуры в его письмах Н.П. и С.П. Румянцевым в 1770–1780 гг. Большая часть писем Гримма графам Румянцевым хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Все цитируемые письма принадлежат фонду 255 (Румянцевы); дата и шифр хранения приводятся в скобках.

Гримм родился и вырос в Германии, получил образование в Лейпцигском университете, и свои первые шаги на литературном поприще он совершил под руководством И.К. Готтшеда, одного из виднейших представителей немецкого классицизма. Именно Готтшеду юный Гримм адресовал свои первые немецкие стихи [Grimm, 2009: 5–68], позже он учился под его руководством в Лейпциге. В 19 лет Гримм написал «Азиатскую Банизу» (*Die asiatische Banise*) — трагедию в классицистическом ключе по мотивам одноименного романа Г. Фон Циглера (1689); она была опубликована Готтшедом в 1743 г. Произведение было плохо принято немецкой публикой, поэтому Гримм оставил сочинительство и сосредоточился на изучении классической филологии. Позже он объяснил свое решение учителю: «Недостаток природного таланта, с одной стороны, и мое [финансовое] положение — с другой, привели меня к решению оставить поэзию и стихосложение почти в самом начале моих университетских штудий» [цит. по: Scherer, 1887: 31–32].

Как и в XVII в., в эту эпоху Германия была разделена на три сотни княжеств, герцогств и баронств со своими этническими, лингвистическими, конфессиональными и социальными особенностями. Но внутри этого разрозненного ансамбля уже вызревала идея о германском единстве. Как пишет Г. Эрме, немцы стремились к объединению, «но не очень понимали, как», ведь «хоть они и осознавали уже цельность своей нации, не существовало еще государства, с которым они могли бы коллективно идентифицировать себя» [Hermet, 1996: 116]. Действительно, «не очень понимая, как», Гримм с юности грезил о единой Германии, и эта тема нашла свое отражение в его первых работах, написанных в Париже: «Письмо о немецкой литературе»

(1750) и «Письмо о литературе» (1751). Это была первая попытка Гримма познакомить французского читателя с немецкой культурой, но за этим просветительским порывом проступает более широкое размышление о политической судьбе Германии. Политическая и территориальная раздробленность выступают в качестве факторов, мешающих расцвету немецкой культуры: «Причину невысокого положения, которое занимает сейчас немецкая литература, следует искать в политическом устройстве государства, а вовсе не в недостатке гения» [цит. по: Schlobach, 2004: 40]. Гримм никогда не делает различий между государственными образованиями на территории Германии и говорит о единой немецкой культуре, сохраняя «свою удивительно сильную веру в Германию» [Schlobach, 2004: 40].

Эта «вера» и, можно сказать, любовь к Германии нашла отражение в переписке Гримма с Румянцевыми. В письмах Николаю Петровичу он неоднократно говорит о своей «бедной Германии» и радуется успехам графа в немецком языке. Он включает в письма небольшие фразы или отдельные слова по-немецки, например, он жалуется в 1784 г.: «Во Франкфурте меня бы назвали ein geplagter und geschorner Mann [измученный и жалкий человек]» (20 декабря 1784, д. 29, л. 34). Это можно рассматривать как признак высокой интимности, ведь вся корреспонденция Гримма велась на французском, и даже поздние письма к Готтшеду он пишет по-французски, хотя их переписка была немецкой с 1741 по 1752 г. Такие же «рудименты» немецкого можно найти и в его письмах к Екатерине II, где они выступают в качестве элементов интимной эпистолярной игры и своего рода кода, объединяющего корреспондентов [Scharf, 2016: lv-lxiii]. «Немцем» показывает себя Гримм и в переписке со своим соотечественником, проживавшим в Риме Иоганном Риффенштайном, благодаря которому Екатерина II приобрела многие работы итальянских и немецких мастеров. М. Пино-Соренсен отмечает, что они много обсуждают немецких художников и ищут возможности представить их императрице; речь идет об Анжелике Кауфманн, Антоне Менгсе, Иоганне Тишбейне [Pinaul-Sørensen, 2004: 115–116].

Более интересно тема Германии и немецкого языка разработана в письмах Гримма к графу Сергею Румянцеву. Он затевает эпистолярную игру, где создает продуманную оппозицию: он, «германец», противопоставляет высокомерному «русскому» (самому Румянцеву), для которого Германия — это «пугало»/bête noire (23 января 1775, д. 40, л. 4). Он иронически описывает неудачи своей молодости: «Если вернуться к тому, что я имею общего с великим мужем [С.П. Румянцев], то надо вспомнить, что в юности взбрело мне в голову сочинить прескверную трагедию, отправить ее в Лейпциг очень известному

тогда человеку. Он, если верить его словам, желал меня поощрить и потому ее напечатал. Поэтому, когда я приехал в Лейпциг на учебу, Эрнести <...> и другие ученые колпаки уже считали меня человеком конченным, годным только на сочинение немецких стихов. <...> Однако в Лейпциге я бросил сочинительство и мечтал только об одном — стать великим человеком, и это снова роднит меня с моим Сережкой. Но моя мечта, в отличие от его, не сбылась, ведь я германец, и это помешало мне возвыситься» (6 марта 1775, д. 40, л. 16). Гримм иронически противопоставляет стремление к «величию» своему положению «германца», чтобы высмеять предрассудки собеседника, который «никогда не прислушается к тому, что исходит из Германии и из немецких уст» (24 марта 1775, д. 40, л. 18). Вывод о «германстве» выглядит тем более абсурдным, что Гримм намеренно описывает свою юность, как историю самого Румянцева: ранние поэтические опыты, оцененные выдающимся человеком (стихи Румянцева заслужили похвалу Вольтера [Крестова, 1964: 91–128]), первые разочарования и учеба в университете, но при этом Сергей Петрович уже стал «великим мужем», а Гримм при тех же условиях остался заурядным «германцем», писавшим «немецкие стихи» (сам Румянцева сочинительствовал на французском). Сарказм Гримма прозрачен, даже несколько груб, он словно «стыдит» своего собеседника за его несправедливость по отношению к немецкой культуре. Немаловажным является и упоминание «Эрнести и прочих ученых колпаков»: Гримм сетует на педантичность университетской учености, которая препятствует проявлениям самобытного гения. Таким образом, 20 лет спустя он возвращается к идеям «Письма о немецкой литературе» и вновь повторяет мысль о пагубной политической и культурной раздробленности страны, где разные центры пропагандируют свою модель культуры.

Гримм непоследователен в своей терминологии и наравне использует два обозначения: и «германец» (*germain*), и «немец» (*allemand*). В 1775 г. он пишет С.П. Румянцеву: «... и все-таки получается, что этот германец, невзирая на его происхождение, в какой-то степени тоже великий муж» (без даты, д. 40, л. 130), и чуть позже: «... каким бы я ни был немцем» (без даты, д. 39, л. 5). Определение *Germain* является, безусловно, более многогранным, чем нейтральное *Allemand*; он употребляет и название *Germanie*, из чего можно сделать вывод, что латинизированные формы ассоциируются в представлении Гримма с объединенной немецкой культурой, с чем-то большим, чем географическое *Allemagne*. Наконец, термин *germain* гораздо чаще используется в эпистолярной игре, и именно он противопоставлен образу высокомерного русского.

В том же 1775 г. он вновь выступает в защиту своей родной страны: «Я прочитал ваше последнее письмо, великий и прославленный Серж, и теперь моя немецкая фамилия стала, наверное, еще более унижительна. Хотя, признаю, вы превратили ее в самую прелестную на свете, назвав меня Grimchen, к тому же и mein Liebchen происходит из того же варварского языка и той же варварской страны. Вы туда ездили, вы досконально ее изучили. <...> великим мужам вроде mein Liebchen нужен особый мир, в котором не будет существовать ни Германии, ни германцев» (23 января 1775, д. 40, л. 30). Тон Гримма вновь резко саркастичен, что является характерной чертой «германца». Когда речь заходит о «защите и прославлении» немецкой культуры, он легко вступает в полемику со своим собеседником, причем нисколько не заботясь об умеренности слога, напротив, он нарочно низводит ее до уровня язвительной пикировки. В первую очередь в глаза бросается едкое замечание о «доскональном» знании страны, которого у Румянцева не могло быть. Во время их поездки из Петербурга в Лейден Румянцевы и Гримм посетили пять немецких городов, расположенных в разных государственных образованиях. Этот этап их путешествия занял меньше четырех месяцев: они посетили Дрезден (конец мая — 10 июня), Берлин и Потсдам (между 10 и 30 июня), Карлсбад (10 июля — 5 августа), Лейпциг (середина августа), Гота (с конца августа до середины сентября) [Karp, 2002: 15; Куракин, 1898: 306–329; Grimm, 2009: 282–289]. Как можно судить, путешествие было достаточно долгим для первого знакомства со страной, но недостаточно полным, чтобы приобрести «доскональные» знания. Затем Гримм выдвигает на первый план непоследовательность графа, пользующегося «варварским» языком, чтобы выразить свое нежное отношение к Гримму, и напоминает, что прозвище mein Liebchen, которое так нравится Сергею Петровичу, тоже заимствовано из немецкого.

Свидетельство о том, что в своих письмах (до нас, увы, не дошедших) Румянцев-младший не чурался немецких выражений, которым научил его Гримм, подтверждает идею о том, что развернутая Гриммом полемика — это часть их совместной эпистолярной игры. Мы можем только предполагать содержание писем Румянцева и возможные выпады в адрес немецкой культуры. Однако достаточно обоснованной представляется мысль о том, что образ «высокомерного» русского был введен в переписку самим Гриммом в качестве антипода «германцу», и эта игра, вероятно, была подхвачена собеседником. Таким образом, в эпистолярном пространстве возник игровой «конфликт», который дал Гримму возможность развивать дорогие его сердцу идеи о немецкой культуре и языке как способе создать национальное единство.

Изучение литературной личности и составляющих ее образов дает возможность расширить рамки восприятия исторической фигуры, что особенно важно в случае Гримма, оставившего колоссальное эпистолярное наследие. В поле интимного общения с Румянцевыми его связь с Германией предстает более глубокой и рельефной, чем роль ловкого агента, сбывающего немецкое искусство, а его интерес выходит за границы нейтрального наблюдения космополита-универсалиста. Гибкость эпистолярной формы позволяет ему создать целый спектакль, где он распределяет роли между собой и собеседником, а его идеи о величии и роли немецкой культуры обрамляют эту игру. Он затевает двойственную полемику, одновременно серьезную и шутивную, где, словно в миниатюре, представляет современное ему положение немецкой культуры: не признанной «высокомерными» соседями, отрицающими ее величие. Наконец, особенно важно то, что Гримм смотрит на ситуацию «изнутри»: называя себя германцем, он лично и эмоционально переживает насмешки собеседника, что, с одной стороны, исключает универсализм из его модели космополитизма, а с другой — дает повод рассматривать его привязанность к Германии как национальное чувство, а не утилитарное использование принадлежности к какой-либо стране. Подобное чувство он будет испытывать и по отношению к России, и, пусть и в меньшей степени, — к Франции, подтверждая слова принца де Линя о существовании множества родин у «образцового» космополита.

Список литературы

- Архив князя Ф.А. Куракина. Саратов, 1898.
- Крестова Л.В.* С.П. Румянцев — писатель и публицист (1755–1838) // XVIII век. Сборник VI. Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма / Под ред. П.Н. Беркова. М., 1964. С. 91–128.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М, 1969.
- Тынянов Ю.Н.* Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–270.
- Dictionnaire de l'Académie française, 4ème édition, 1762. [Chicago], ARTFL Project. URL: <http://artflx.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=cosmopolite#ACAD1762> (accessed: 15.03.2018).
- Dictionnaire universel françois et latin de Trévoux, 1721. [Tours], CNRTL. URL: http://www.cnrtl.fr/dictionnaires/anciens/trevoux/resultat/affichimage.php?image=jpg/DUT02_0459.jpg (accessed: 15.03.2018).
- Grimm F.M.* Correspondance privée de Frédéric-Melchior Grimm: 1723–1807. Genève, 2009.
- Hermet G.* Histoire des nations et du nationalisme en Europe. Paris, 1996.

- Karp S.* Le questionnaire de Diderot adressé à Catherine II: quelques précisions // *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2002. № 33. C. 9–61.
- Pinaul-Sørensen M.* Grimm, amateur d'art, critique et courtier // *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIII siècle*. Ferney-Voltaire, 2004. C. 99–130.
- Scharf C.* La langue allemande // *Catherine II, Grimm F.M. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières*. T. 1. 1764–1778 / Под ред. С.Я. Карпа. Ferney-Voltaire. М., 2016. C. lv-lxiii.
- Scherer E.* Melchior Grimm: l'homme de lettres, le factotum, le diplomate. Paris, 1887.
- Schlobach J.* Grandeur et misère d'un médiateur culturel: Friedrich Melchior Grimm, russe, français et allemand // *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIII siècle*. Ferney-Voltaire, 2004. C. 37–55.
- Stroev A.* Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755–1804 // *La Culture française et les archives russes Archives de l'Est*. Ferney-Voltaire, 2004. C. 55–81.
- Suratteau J.-R.* Cosmopolitisme et patriotisme au siècle des Lumières // *Annales historiques de la Révolution française*. 1983. № 253. C. 364–389.
- Voltaire*. Dictionnaire philosophique. T. II. Oxford, 1994.

Elena Sasova

BECAUSE I AM GERMAN: THE QUESTION OF COSMOPOLITANISM OF F.M. GRIMM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the phenomenon of cosmopolitanism in a literary personality. An example in question is Freidrich Melchior Grimm (1723–1807) who is normally considered as an ideal cosmopolite of the Enlightenment. Although cosmopolitism had several interpretations in the 18th century, it is still challenging to view Grimm's cosmopolitanism as belonging to this or that paradigm. The most successful interpretation belongs to the Prince de Ligne who said that he had six or seven homelands. Take, for instance, Grimm's attitude towards his native Germany, which he had left at the age of 26 but which he had always kept in his heart. This article studies how Grimm creates the *ethos* of a German in his correspondence with counts Rumiantsev, whose acquaintance he made at the court of Catherine II in 1773. Of special interest is how Grimm uses the potential of a galant epistolary game with an interplay of masks. Describing himself as an

miserable German he imposes on his correspondent the role of an arrogant Russian. This enables him to start discussing something that truly worries him, namely lack of unity in German culture and its low status in the European cultural landscape. By using the Latin terms *Germanie*/*Germain* he emphasizes the importance of unity for developing the German *génie*. This correspondence therefore shows his deeply personal, emotional attitude toward Germany which is presented in his opposing view toward other states. The fact that he has the same attitude toward Russia and France and that he always underlines only one part of his cosmopolitical conscience produces a fascinating conclusion: the cosmopolite Grimm was also an ardent patriot of his several homelands.

Key words: Friedrich Melchior Grimm; Rumiantsev; cosmopolitanism; epistolary; literary personality.

About the author: *Elena Sasova* — PhD Student at the Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sassova.elena@gmail.com).

References

- Arhiv knjazja F.A. Kurakina, t. 7 [Archive of prince Kurakin, t. 7]. Saratov, *Pechatnja S.P. Jakovleva Publ*, 1898. 535 p. (In Russ.)
- Krestova L.V. [S.P. Rumiantsev, writer and pamphleter (1755–1838)]. XVIII vek. Sbornik VI. Russkaja literatura XVIII veka. Jepoha klassicizma [XVIII century. Volume VI. Russian Literature of the XVIII century. Classicism], 1964, no. 6, pp. 91–128. (In Russ.)
- Rousseau J. — J. Traktaty [Tractates]. Moscow, *Nauka Publ*, 1969. 703 p. (In Russ.)
- Tynyanov Yu.N. Literaturnyy fakt [Literary Fact]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literary History. Cinema]. Moscow, *Nauka Publ*, 1977, pp. 255–270. (In Russ.)
- Dictionnaire de l'Académie française, 4ème édition, 1762. [Chicago], ARTFL Project. URL: <http://artflx.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/publico1look.pl?strippedhw=cosmopolite#ACAD1762> (accessed: 15.03.2018)
- Dictionnaire universel françois et latin de Trévoux, 1721. [Tours], CNRTL. URL: http://www.cnrtl.fr/dictionnaires/anciens/trevoux/resultat/affichimage.php?image=jpg/DUT02_0459.jpg (accessed: 15.03.2018)
- Grimm F.M. Correspondance privée de Frédéric-Melchior Grimm: 1723–1807. Genève, *Slatkine*, 2009. 487 p.
- Hermet G. Histoire des nations et du nationalisme en Europe. Paris, *Editions du Seuil*, 1996. 309 p.
- Karp S. Le questionnaire de Diderot adressé à Catherine II: quelques précisions. *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*, 2002, № 33, pp. 9–61. doi: 10.4000/rde.76
- Pinaul-Sørensen M. Grimm, amateur d'art, critique et courtier. *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIII siècle*.

- Ferney-Voltaire, *Centre internationale d'étude du XVIIIe siècle* 2004, pp. 99–130.
- Scharf C. La langue allemande. Catherine II, Grimm F.M. *Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières, Tome 1, 1764–1778*. Ferney-Voltaire, *Centre internationale d'étude du XVIIIe siècle*, 2016, pp. lv-lxiii.
- Scherer E. Melchior Grimm: l'homme de lettres, le factotum, le diplomate. Paris, Calaman Levy, 1887. 477 p.
- Schlobach J. Grandeur et misère d'un médiateur culturel: Friedrich Melchior Grimm, russe, français et allemand. *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle*. Ferney-Voltaire, *Centre internationale d'étude du XVIIIe siècle* 2004, pp. 37–55.
- Stroev A. Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755–1804. *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle*. Ferney-Voltaire, *Centre internationale d'étude du XVIIIe siècle* 2004, pp. 55–81.
- Suratteau J.-R. Cosmopolitisme et patriotisme au siècle des Lumières. *Annales historiques de la Révolution française*, 1983, № 253, pp. 364–389. doi: 10.3406/ahrf.1983.1057
- Voltaire. Dictionnaire philosophique. T. II. Oxford, Voltaire Fondation, 1994. 727 p.

К 200-ЛЕТИЮ И.С. ТУРГЕНЕВА

С.И. Кормилов

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

«Отцы и дети» — роман идеологический, но не социально-политический, он отражает не противостояние, а сближение сословий уже в начале реформ Александра II. Писатель не придает большого значения родовой знати: графов в романе нет, история любви нетитулованного аристократа Павла Кирсанова к княгине Р. отнесена в прошлое, старая княжна из разорившегося рода Х.....х — эпизодический персонаж (приживалка), едва упоминается княжна Дурдолеосова, выходящая замуж за Ситникова — единственного в романе разночинца, происходящего, по-видимому, из купцов. Чинов генеральского достоинства немного: Матвей Ильич Колязин, отец братьев Кирсановых, губернатор по прозвищу Бурдалу. Помещики — разных состояний: крупные (Одинцовы), средние (Кирсановы), мелкие (мать Базарова, столбовая дворянка, чьим имением управляет муж, военный лекарь, выслуживший потомственное дворянство), не живущая в своем поместье Кукшина. Есть в романе мещане (содержатели постоялых дворов, Фенечка, возможно, Петр) и крестьяне, в том числе дворовые, — образы эпизодические, но выразительные.

В центре повествования — недоучившийся студент Евгений Базаров, дворянин во втором поколении, живущий жизнью, типичной для разночинцев, но как убежденный нигилист отрицающий сословия вообще и потому не считающий себя ни дворянином, ни разночинцем. Дворянский либерал Тургенев сумел дать высокую нравственную оценку герою — своему же идейному противнику.

Ключевые слова: сословия; аристократы; титулы; чины; помещики; разночинцы; мещане; крестьяне; слуги.

Роман «Отцы и дети» в советское время трактовали, а иногда и сейчас трактуют как главным образом показ столкновения либеральных дворян с «разночинцем» [Криницын, 2017: 332]. Между тем

Кормилов Сергей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: profkormilov@mail.ru).

для Тургенева «отцы» и «дети» — это ближайшие «родственники», хотя пока и не понимающие друг друга. И сословия в эпоху реформ Александра II не столько противостояли, сколько всё больше сближались. Это и показано в романе.

Несмотря на небольшой объем в нем затронуты разные социальные слои. В российском бюрократическом государстве мало что значила родовитость, гораздо важнее были чины и материальное благосостояние. Тургенева в «Отцах и детях» не интересуют знатные выскочки, получившие жалованный титул графа. Поначалу «с пожалованием этого титула соединялось и пожалование большого состояния, так что при Петре I бедняков-графов еще не оказывалось, тогда как в противоположность тому было множество не только убогих, но и нищенствовавших князей. Поэтому, вероятно, и до сих пор еще <1886> в народе с названием «граф» соединяется понятие о знатности и богатстве <...>» [Карнович 1991: 194–195]. Таких персонажей в романе нет.

Зато с княгиней Р. на равных общается нетитулованный, но аристократически воспитанный Павел Кирсанов, чье состояние едва дотягивает до состояния среднепоместного дворянина. У богатой, но тоже нетитулованной помещицы Одинцовой приживалкой обретается ее тетка княжна Х.....я из древнего разорившегося рода. Внешне ей оказываются знаки всяческого уважения, но не в самых важных вопросах: «известие о предстоящем браке» племянницы Кати старую деву «привело в слезливую ярость» [Тургенев, 1976: 315]¹, так как девушка устраивала свое счастье, не спросив ее согласия, а умерла злая старуха, «забытая в самый день смерти» (XXVIII, 331). Единственному из действующих в романе лиц разночинцу Ситникову, очевидно, вышедшему из купеческого сословия (отец — богатый откупщик), предстояло «пресмыкаться перед своей женой потому только, что она была урожденная княжна Дурдолеосова» (XIII, 210). В отличие от западных буржуазных стран в России не было более презируемого сословия, чем купеческое. В глазах всех остальных сословий «любой толстосум обладал презумпцией виновности и воспринимался как носитель неправды и зла. <...> Развитие капитализма в России ассоциировалось не с ростом производительных сил страны, а с мошенничеством и несправедливой наживой» [Экштут, 2012: 19, 21], поэтому Ситников «очень стыдился своего происхождения и не знал, чувствовать ли ему себя польщенным или обиженным от неожиданного *тыканья* Базарова» (XIII, 211). Он вынужден считаться и с отцом, и с женой. «Отец им помыкает по-преж-

---

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием главы романа и страницы.

нему, а жена считает его дурачком... и литератором» (XXVIII, 333). «Звание» литератора или стихотворца отнюдь не было почетным, особенно для людей, претендовавших на светскость. Еще Пушкин в «Отрывке» 1830 г. писал: «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание, прозвище, коим он заклеимен и которое никогда его не покидает. Публика смотрит на него как на свою собственность, считает себя вправе требовать от него отчета в малейшем шаге» [Пушкин, 1978, VI: 391]. Но за наследника большого состояния княжна вышла, потеряв титул, поскольку случилось и гораздо хуже. «Упадок русско-княжеских родов дошел до того, что существовавшие в своей древней княжей отчине, Боровске, ныне уездном городе Калужской губернии, князья Боровские числились в ряду тамошних посадских, и в сороковых годах нынешнего <XIX> столетия последняя представительница этой Рюриковской отрасли, княжна Боровская, <...> вышла замуж за одного боровского мещанина. Когда император Николай Павлович узнал о таком браке, то приказал выдать бывшей княжне Боровской, на обзаведение, 10,000 рублей ассигнациями, чем молодая чета была чрезвычайно довольна» [Карнович, 1991: 178].

Впрочем, княжна по фамилии Дурдолеосова вряд ли могла быть Рюриковной. Е.П. Карнович в 1886 г. констатировал, что большинство «княжеских родов — татарского, мордовского и грузинского происхождения, и в общей сложности они, по крайней мере, в десять раз превышают по своей численности княжеские роды русского происхождения», так как «в XVI и преимущественно в XVII веках русские государи, и между ними в особенности царь Алексей Михайлович, ревнуя о распространении православия между татарами и мордвою, приказывали принимавших православную веру татарских мурз и мордовских “панков” писать княжим именем, а между ними, не говоря уже о татарах, только среди одной мордвы набралось до 80 мордовских родов, более или менее обрусевших и пользующихся на законном основании, наследственным княжеским титулом, хотя большинство их и живет, как живут простые крестьяне, занимаясь, между прочим, и извозничьим промыслом в Петербурге» [Карнович, 1991: 176]. В «Накануне» у Анны Васильевны Стаховой были родственники по матери «князья Чикурасовы», правда, богатые (III, 17).

Упомянуто в «Отцах и детях» и историческое лицо с высшим для нецарственного рода титулом: Василий Иванович Базаров «у князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал!» (XX, 254). Фельдмаршал П.Х. Витгенштейн был даже светлейшим князем (титул только жалованный). Но для сына дьячка и просто князь — величина огромная. Возможно, он имеет в виду вообще знаменитости, раз Жуков-

ского называет наряду с Витгенштейном. Однако неизвестно, кого он в Жуковском ставит выше — поэта или воспитателя наследника, особу, приближенную к императору.

Наиболее чиновное лицо в «Отцах и детях» — Матвей Ильич Колязин, сановник, приехавший ревизовать губернию и милостиво приглашающий своих родственников, братьев Кирсановых, в город на встречу с ним. Пусть отставной, но аристократ Павел Петрович гордо отказывается ехать: «<...> черт с ним! будет с него губернского фимиама, обойдется без нашего. И велика важность, тайный советник! Если б я продолжал служить, тянуть эту глупую лямку, я бы теперь был генерал-адъютантом» (X, 190). Тайный советник — чин 3-го класса, статский «генерал-лейтенант». С таким чином в принципе можно было стать министром и сенатором, но Матвей Ильич пока не стал. Кроме того, из военных и статских чинов одного класса военные официально считались выше. Чтобы стать генерал-адъютантом, т.е. адъютантом императора в генеральском чине, надо было иметь военный чин не ниже генерал-лейтенанта. Тот, кто попадал в свиту царя, становился значительно выше других генерал-лейтенантов, не говоря уже о тайных советниках.

Тургенев отказался от служебной карьеры и в правилах чиновнической службы разбирался неважно. Колязину «недавно минуло сорок лет, но он уже метил в государственные люди и на каждой стороне груди носил по звезде» (XII, 202). Однако сроки обычного чинопроизводства были установлены такие, что срок «нормального продвижения по службе от коллежского регистратора до статского советника составлял для дворян с высшим образованием 24 года, со средним — 30 лет и с низшим — 37 лет <...>» [Раскин, 2000: 756]. От статского советника до тайного — еще два чина. Правда, окончившие университет поступали в службу не коллежскими регистраторами (14-й класс), а коллежскими секретарями (10-й класс) и за особые заслуги по усмотрению императора чинопроизводство могло быть ускорено, так что при исключительном везении к сорока годам вырасти до тайного советника, наверно, было можно. С орденами же у Тургенева явная неувязка. Одна из звезд Матвея Ильича «была иностранная, из плохоньких» (XII, 202). Иностранные ордена часто давались по дипломатическому этикету и ценились невысоко. Но из российских орденов на правой стороне груди носилась только звезда (знак высшей степени) ордена св. Анны. Чтобы получить ее, нужно было иметь отечественную звезду более низкого достоинства — ордена св. Станислава. Тургенев, как и Пушкин, Лермонтов, Толстой, не ценил официальные внешние знаки отличия и потому не стремился быть в отношении них скрупулезно точным. Равным образом он наградил сразу орденом св. Владимира Василия Ивано-

вича Базарова, наверняка не имевшего нескольких степеней низших орденов св. Станислава и св. Анны.

Есть в романе и обобщенный образ важной персоны: «Сановники наши вообще любят озадачивать подчиненных», например, «сановник вдруг перестает понимать самые простые слова, глухоту на себя напускает. Он спросит, например: какой сегодня день?

Ему почтительнейше докладывают: «Пятница сегодня, ваше с... с... с... ство».

— А? Что? Что такое? Что вы говорите? — напряженно повторяет сановник.

— Сегодня пятница, ваше с... с... ство.

— Как? Что? Что такое пятница? какая пятница?

— Пятница, ваше с... ссс... ссс... ство, день в неделе.

— Ну-у, ты учить меня вздумал?» (XII, 203).

Матвей Ильич не был «его сиятельством», т.е. князем или графом, но «все-таки был сановник, хоть и считался либералом» (там же). На балу у губернатора этот важный столичный туз «потрепал по спине Аркадия и громко назвал его “племянничком”, удостоил Базарова, облеченного в староватый фрак, рассеянного, но снисходительного взгляда вскользь, через щеку, и неясного, но приветливого мычания, в котором только и можно было разобрать, что “я...” да “сьма”; подал палец Ситникову и улыбнулся ему, но уже отвернув голову; даже самой Кукшиной, явившейся на бал безо всякой кринолины и в грязных перчатках, но с райскою птицею в волосах, даже Кукшиной он сказал: “Enchanté”»² (XIV, 212).

Второе по важности чиновное лицо в романе — ретроспективно вспоминаемый «Пiotр Кирсанов, генерал-майор», как он подписывал письма сыновьям, «испещренные размашистым писарским почерком» (I, 152), т.е. продиктованные. Он был «боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русский человек <...>» (I, 151). Таких тогда находилось немало, Пушкин в пропущенной XI строфе третьей главы «Евгения Онегина» свидетельствовал о недавних временах: «Бывало, храбрый генерал // Служил и грамоты не знал» [Пушкин 1978, V: 438]. Даже не генерал-майор, а генерал от кавалерии М.И. Платов, прославленный атаман Войска Донского, в скором времени граф, писал, например, так: «Неудивляйтесь, ваше сиятельство, что пленные безрубашек и голые; некозаки рубашки сняли, а оне сами их уже в лагире в виду моем, подрали наперевяску ран, ибо голстины нет <...>» [1812–1814: Секретная переписка..., 1992: 63]. Старший Кирсанов командовал дивизией и стоял выше губернатора, которому полагался чин действительного статского

---

² «Очарован» (франц.).

советника — того же 4-го класса, что и генерал-майор, но статский, а не военный. Поэтому в провинции генеральша чувствовала себя первой дамой. Она «в церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много», но после отставки и смерти мужа «скоро за ним последовала: она не могла привыкнуть к глухой столичной жизни; тоска отставного существования ее загрызла» (I, 152). Николай Петрович успел немного послужить в министерстве уделов, ведавшем имуществом царских родственников, «куда по протекции отец его записал», но «еще при жизни родителей и к немалому их огорчению» влюбился «в дочку чиновника Преполовенского, бывшего хозяина его квартиры», «женился на ней, как только минул срок траура» (там же) и вышел в отставку. Преполовенский наверняка был в невысоком чине и «подрабатывал» сдачей квартиры. Судя по «церковной» фамилии, он происходил из духовного сословия, почитаемого немногим больше, чем купеческое, был «жеребьячьей породы». Неудивительно, что после смерти своей Маши Николай Петрович влюбился и вовсе в мещанку Фенечку, а в конце романа и женился на ней.

Павел Петрович смолоду служил в гвардии. «На двадцать восьмом году от роду он уже был капитаном; блестящая карьера ожидала его» (VII, 174). Казалось бы, что особенного? Были и генералы, не достигшие тридцати лет. Но то в военное время, а в гвардии чин капитана соответствовал армейскому подполковнику. Впоследствии неудавшаяся жизнь побуждает Павла Петровича оценивать службу как «эту глупую лямку» (X, 190). Живя в деревне, он «редко видался с соседями и выезжал только на выборы, где он большею частию помалчивал, лишь изредка дразня и пугая помещиков старого покроя либеральными выходками и не сближаясь с представителями нового поколения. И те и другие считали его гордецом; и те и другие его уважали за его отличные, аристократические манеры, за слухи о его победах (над женщинами. — С.К.); за то, что он прекрасно одевался и всегда останавливался в лучшем номере лучшей гостиницы; за то, что он вообще хорошо обедал, а однажды даже пообедал с Веллингтоном у Людовика-Филиппа; за то, что он всюду возил с собою настоящий серебряный несессер и походную ванну; за то, что от него пахло какими-то необыкновенными, удивительно “благородными” духами; за то, что он мастерски играл в вист и всегда проигрывал; наконец, его уважали также за его безукоризненную честность» (VII, 177). Хотя предполагается, что историю Павла Петровича рассказывает уважающий дядю Аркадий, фактический повествователь, автор, не удержался от иронии над человеком, который «мастерски играл в вист и всегда проигрывал». В этом контексте иронически звучит и сообщение о том, что Павел Петрович один раз обедал с самим победителем Наполеона при дворе французского короля (это

не «щупал пульс» у знаменитостей!); естественно, что «безукоризненная честность» упоминается лишь «наконец», ведь передается восприятие провинциальных помещиков.

Накануне реформ Александра II появилось немало прогрессивных губернаторов, большинство из которых, впрочем, было отправлено в отставку после покушения Д. Каракозова на императора в 1866 г. [Зайончковский, 1978: 210]. Но Тургенев уже в 1862 г., когда печатался его роман, не уповал на губернаторов «из молодых» наподобие получившего прозвище Бурдалу от слова «бурда» (XII, 201, 204), «прогрессиста и деспота, как это сплошь да рядом встречается на Руси. Он, в течение первого года своего управления, успел перессориться не только с губернским предводителем, отставным гвардии штабс-ротмистром, конным заводчиком и хлебосолом, но и с собственными чиновниками» (XII, 201–202). Приехавших в город Аркадия Кирсанова и Евгения Базарова он принял «приветливо, но не посадил их и сам не сел. Он вечно суетился и спешил; с утра надевал тесный вицмундир и чрезвычайно тугой галстук, недоедал и недопивал, все распоряжался» (XII, 204). Потом сосед Одинцовой Порфирий Платоныч, съездив в город, «сообщил, что губернатор, Бурдалу, приказал своим чиновникам по особым поручениям носить шпоры, на случай если он пошлет их куда-нибудь, для скорости, верхом» (XIX, 243).

На устроенном им балу «Матвей Ильич был настоящим “героем праздника”, губернский предводитель объявлял всем и каждому, что он приехал, собственно, из уважения к нему, а губернатор даже и на бале, даже оставаясь неподвижным, продолжал “распоряжаться”» (XIV, 212). Выборная должность губернского предводителя дворянства с 1831 г. считалась в 4-м классе [Раскин 2000: 670], т.е. формально предводитель был равен губернатору, но такого рычага власти, как чиновничий аппарат, не имел, и Бурдалу к своему недоброжелателю, видимо, относился как к отставному гвардии штабс-ротмистру (этот кавалерийский чин на ранг ниже капитанского). Из видных чиновников в романе упомянут председатель казенной палаты (финансового органа губернии). Ему полагался чин статского советника [Раскин, 2000: 826–827], соответствовавший отмененному Павлом I военному чину бригадира (5-й класс). Он явился с визитом к Колязину. «Слуга вошел и доложил о приезде председателя казенной палаты, сладкоглазого старика с сморщенными губами, который чрезвычайно любил природу, особенно в летний день, когда, по его словам, “каждая пчелочка с каждого цветочка берет взяточку...”» (XII, 204). К сановнику, как полагалось, он не пришел, а приехал в карете.

Шире, чем чиновники, в «Отцах и детях» представлены помещики. Они подразделялись на крупнопоместных (имевших свыше 500 крепостных душ, т.е. женатых мужиков: семья «правила тягло»), среднепоместных (от 100 до 500 душ) и мелкопоместных (меньше 100 душ). Тогда «право непосредственного участия в выборах было предоставлено дворянам, имевшим в данной местности не менее 100 душ крепостных мужского пола или 100 человек поселян, живущих на его земле по условию, а также имеющему не менее 3000 десятин земли, хотя бы и незаселенной» [Раскин, 2000: 668]. У братьев Кирсановых имение не разделено (VII, 177). Занимается им Николай Петрович, у которого, сказано сначала, «хорошее имение в двести душ, или, как он выражается с тех пор, как размежевался с крестьянами и завел “ферму”, — в две тысячи десятин земли» (I, 151). Такие дворяне выбирали своих губернского и уездных предводителей, судью; уездную полицию (но не городскую: там был назначаемый полицеймейстер, или городничий) «возглавлял избиравшийся дворянством капитан-исправник. При этом для постоянного присутствия в земском суде оставался старший непреременный заседатель, также избиравшийся дворянами. Дворянские собрания могли также указывать губернским правлениям кандидатов на должности станowych приставов» [Раскин, 2000: 665].

Отец Анны Сергеевны Локтевой промотал большое состояние, но на ней женился «некто Одинцов, очень богатый человек лет сорока шести», который «пожил с ней лет шесть и, умирая, упрочил за ней все свое состояние» (XV, 217). В ее имении Никольское «Базарову не нравилась эта размеренная, несколько торжественная правильность ежедневной жизни; “как по рельсам катишься”, — уверял он: ливрейные лакеи, чинные дворецкие оскорбляли его демократическое чувство. Он находил, что уж если на то пошло, так и обедать следовало бы по-английски, во фраках и в белых галстуках. Он однажды объяснился об этом с Анной Сергеевной. <...> Она выслушала его и промолвила: “С вашей точки зрения, вы правы — и, может быть, в этом случае, я — барыня; но в деревне нельзя жить беспорядочно, скука одолеет”, — и продолжала делать по-своему» (XVII, 229). И в такую «барыню» Тургенев заставил влюбиться своего демократического героя, подвергнув его тем самым особенно тяжелому испытанию. Аркадию и тому неловко в таком имении делать предложение сестре Одинцовой Кате. Но она сказала:

«— Да ведь я не богатая.

Аркадий изумился и не сразу понял Катю. “И в самом деле, имение-то все сестрино!” — пришло ему в голову; эта мысль ему не была неприятна» (XXV, 302). Ситуация, практически невозможная в западных литературах. На вопрос, пошла ли бы она замуж за богатого

человека, Катя отвечает: «Если б я его очень любила... нет, кажется, и тогда бы не пошла», потому что «и в песне про неровнюшку поется» (там же). Потом Аркадий говорит ей: «<...> я и не богат и чувствую, что готов на все жертвы...» (XXVI, 312). Буквально через страницу Базаров, глядя на дело со своей точки зрения, советует Одинцовой «благословить молодых людей. Партия во всех отношениях хорошая; состояние у Кирсанова изрядное, он один сын у отца, да и отец добрый малый, прекословить не будет» (XXVI, 313). Когда доктор осмотрел раненного на дуэли Павла Петровича, «Николай Петрович сказал ему, что брат сам себя поранил по неосторожности, на что доктор отвечал: “Гм!” — но, получив тут же в руку двадцать пять рублей серебром, промолвил: “Скажите! это часто случается, точно”» (XXIV, 292—293). А в доме родителей Базарова «и понятия не имели о счете на серебро...» (XXI, 269). Когда их навестил сын с другом, Василий Иванович «каждое утро» «совещался с Тимофеичем и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацию за другою, поручал ему разные закупки, особенно налегая на съестные припасы и на красное вино, которое сколько можно было заметить, очень понравилось молодым людям» (XXI, 271—272). Помещики в провинции пили не покупное вино, а домашние настойки и наливки. По особому случаю даже на непокупной продукт пришлось тратить-ся, «за одни грибы бабы получили сорок две копейки медью» (XXI, 269). Курс серебряного рубля к бумажному с 1839 г. был установлен как 1:3,5 [Федосюк, 2002: 57]. «Все официальные сделки велись на ассигнации» [там же: 56]. Базаровым, по-видимому, трудно было себе представить, что существует какой-то другой рубль, в несколько раз более дорогой, чем им привычный.

Однако это не повод записывать их в разночинцы, как делается в последних изданиях учебного пособия «Русская литература XIX—XX веков» [Криницын, 2017: 332], тем более Арину Власьевну, которая «была настоящая русская дворяночка прежнего времени; ей бы следовало жить лет за двести, в старомосковские времена» (XX, 257). Она действительно принадлежит к древнему роду. Василий Иванович по поводу того, что лечит крестьян бесплатно, говорит Аркадию: «Впрочем, мне не в диво: я ведь плебей, homo novus — не из столбовых, не то, что моя благоверная...» (XXI, 259). «**Столбовыми дворянами** называли себя потомки древних знатных родов, владевших вотчинами, и в XVI—XVII веках записанные в родословные книги — **столбцы**, то есть списки в виде склеенных свитков» [Федосюк, 2002: 144]. Но хотя Василий Иванович — сын дьячка (XVI, 221), который сам «землю пахал» (X, 194), он тоже дворянин: награждение орденом св. Владимира, согласно его статуту 1845 г., давало потомственное дворянство чиновникам-недворянам и духовным лицам [Яблочков,

2003: 557]. Вероятно, Тургеневу и понадобилось наградить старшего Базарова высоким орденом для того, чтобы младшего Павел Петрович мог вызвать на дуэль, с недворянином аристократ стреляться бы не стал. Евгений спрашивает отца про орден: «— <...> Кстати, отчего ты его не носишь?

— Ведь я тебе говорил, что я не имею предрассудков, — пробормотал Василий Иванович (он только накануне велел спороть красную ленточку с сюртука) <...>» (XXI, 269). Он стесняется перед вольнодумцем-сыном награды, удостоверяющей не только его заслуги, но и дворянский статус их обоих. На вопрос Аркадия: «— Сколько у твоего отца душ?» (значит, он не сомневается, что Василий Иванович является потомственным дворянином, поскольку недворяне владеть крестьянами не имели права) — Евгений отвечает:

«— Имение не его, а матери; душ, помнится, пятнадцать.

— И все двадцать две, — с неудовольствием заметил Тимофеич» (XX, 252).

Старый верный слуга хочет подчеркнуть, что его господа, так сказать, не хуже людей. Это соответствовало действительности. Большинство российских помещиков влачило жалкое существование. Если они не служили, их благосостояние «не отличалось существенно от среднекрестьянского, поскольку производимая «прибавочная стоимость» позволяла десятерым содержать на том же уровне еще только одного неработающего, а уже по 8 ревизии (1834 г.) менее 20 “душ” имели 45,9% дворян-помещиков (а значительная часть вовсе их не имела)». Разорение дворян продолжалось, и «к 1850 г. из 253068 человек потомственных дворян 148685 человек вообще не имели крепостных, 23984 имели менее 10 душ и при этом 109444 человека лично сами занимались хлебопашеством <...>» [Кирилов, 1990: 152].

Действие «Отцов и детей» происходит в 1859 г., а «в 1858—1859 гг. 1.400 богатейших помещиков империи, составлявшие 1,4% всех крепостников, владели тремя миллионами крестьян, тогда как 79 тысяч беднейших помещиков, или 78% крепостников, владели всего двумя миллионами душ» [Пайпс, 1993: 230]. В 37 собственно российских губерниях (из которых некоторые сегодня — области Украины) более чем тысячей душ владел 1,1% помещиков; от 501 до 1000 душ имели 2,0%, от 101 до 500 душ — 18,0%, в совокупности богатых и зажиточных было 21,1%. От 21 до 100 душ имели 35,1% помещиков, а 43,8% — меньше 20 душ [там же: 235], причем «38.173 дворянина, у которых насчитывалось менее 20 душ, в среднем владели 7 крепостными мужского пола каждый» [там же: 236]. Так что базаровские 22 души — это еще относительно приличное состояние, ведь почти 44% помещиков было беднее. Но все равно доход не только этих

44%, а большинства дворян «был так мал, что они не могли дать детям образование или приобрести какие-либо атрибуты аристократического образа жизни, к которому они стали теперь стремиться» [там же: 231]. Вот почему Василий Иванович с гордостью за сына говорит Аркадию, что «другой на его месте тянул бы да тянул с своих родителей; а у нас, поверите ли? он отроду лишней копейки не взял, ей-богу!» (XXI, 260). Евгений старше Аркадия, но, в отличие от него, диплом еще не получил. Значит, несколько лет зарабатывал на свое высшее образование.

Хотя Базаров и не желает, чтобы его считали дворянином, он горд не меньше любого дворянина. Вот он перед отъездом прощается с богатой аристократкой Одинцовой. «Горькая усмешка подергивала его бледное лицо. “Этот меня любил!” — подумала она — и жалко ей стало его, и с участием протянула она ему руку.

Но и он ее понял.

— Нет! — сказал он и отступил на шаг назад. — Человек я бедный, но милостыни еще до сих пор не принимал. Прощайте-с и будьте здоровы» (XXVI, 313).

Считая дуэль «рыцарской» нелепостью, он тем не менее принимает вызов Павла Петровича, ибо отказ мог обернуться тяжким оскорблением с еще более тяжкими последствиями. Он вслух восклицает: «Фу ты, черт! как красиво и как глупо! Экую мы комедию отломали! Ученые собаки так на задних лапах танцуют. А отказать было невозможно; ведь он меня, чего доброго, ударил бы, и тогда... (Базаров побледнел при одной мысли; вся его гордость так и поднялась на дыбы.) Тогда пришлось бы задушить его, как котенка» (XXIV, 286). Лишь старый лакей Прокофьич, который, «по-своему, был аристократ не хуже Павла Петровича» (X, 188), оценивает Базарова исключительно по внешнему виду и поведению, а после дуэли толкует, что «и в его время господа дирывались, “только благородные господа между собою, а этаких прошелыг они бы за грубость на конюшне отодрать велели”» (XXIV, 295).

Базаров живет в обществе, пока являющемся по преимуществу дворянским. Именно в этой среде он и показан. У него есть привычки, позаимствованные у дворян. Перед сном он надевает халат (IV, 163). Его отец так же одет с утра: «В бухарском шлафроке, подпоясанный носовым платком, старик усердно рылся в огороде» (XXI, 258). Кстати, сановный Матвей Ильич Колязин принимает визитеров, «подбрасывая кистями своего великолепного бархатного шлафрока» (XII, 203), а у Базарова для губернского бала нашелся фрак, правда «староватый» (XIV, 213). Ситников ведет его и Аркадия после двух визитов — к Колязину и губернатору — на «завтрак» с аристократическим шампанским к одержимой «прогрессивной»

модой помещице Кукшиной. Столь поздний завтрак соответствует второму завтраку у французов, когда они пьют не кофе, а вино (в гоголевском «Ревизоре» так позавтракал в богоугодном заведении Земляники Хлестаков, который до этого в трактире пусть плохо, но пообедал — по-русски рано). Французы поздно обедают и не ужинают. И Павел Петрович Кирсанов «никогда не ужинал» (IV, 163). Он еще и англоман. Но Базаров замечает даже определенный недостаток бытовой культуры в доме, где живет этот аристократ: «В моей комнате английский рукомойник, а дверь не запирается» (IV, 164). Правда, потом Тургенев забыл эти слова своего героя, потому что в родительском доме отец, по-видимому, постоянно входил к нему без спроса. «У вас, по крайней мере, запереться можно, — говорит он теперь Аркадию. — А то здесь отец мне твердит: “Мой кабинет к твоим услугам — никто тебе мешать не будет”; а сам от меня ни на шаг. Да и совестно как-то от него запирается» (XXI, 270), — добавляет он, вспомнив, как любят его родители и как сам он их любит. Это уже не связано с теми или иными сословными нормами поведения.

Впрочем, Василий Иванович заботится о том, чтобы и слуги вели себя при дорогих гостях так, как положено в настоящих дворянских домах. «— Танюшка, — обратился он к босоногой девочке лет тринадцати <...>, — принеси барыне стакан воды, — на подносе, слышишь?» (XX, 251). Обедать сели «одни молодые люди: хозяева давно пообедали», в русских традициях рано. «Прислуживал Федька, видимо обремененный необычными сапогами, да помогала ему женщина с мужественным лицом и кривая, по имени Анфисушка, выполнявшая должности ключицы, птичницы и прачки» (XX, 256). Но Евгений уехал всего через три дня. «С утра уже все приуныло в доме; у Анфисушки посуда из рук валилась; даже Федька недоумевал и кончил тем, что снял сапоги» (XXI, 272). Торжество кончилось.

Есть в «Отцах и детях» также собирательные характеристики провинциального дворянства. Либерального Николая Петровича «во всей губернии красным величают <...>» (X, 189). Перед отменой крепостного права он «попал в мировые посредники» и «не удовлетворяет вполне ни дворян образованных, говорящих то с шиком, то с меланхолией о *манципации* (произнося *ан* в нос), ни необразованных дворян, бесцеремонно бранящих “евту *мунципацию*”. И для тех и для других он слишком мягок» (XXVIII, 331). Мягок, конечно, к крестьянам.

Базаров перед смертью имеет в виду уже не провинциалов, говоря Одинцовой о своих родителях: «Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать...» (XXVII, 328).

В доме Кукшиной гостей встречала «какая-то не то служанка, не то компаньонка в чепце — явные признаки прогрессивных стрем-

лений хозяйки» (XIII, 206). Компаньонка в принципе могла быть бедной дворянкой, но здесь она малоотличима от служанки. Старики Базаровы охотно принимают в своем «обществе» священника отца Алексея.

Упомянут «соседний однодворец», т.е. владелец своего рода поместья без крепостных; он, «с самым благообразным лицом», Николаю Петровичу «подрядился доставить жнецов по два рубля с десятины и надул самым бессовестным образом <...>» (XXII, 275). Наверняка мещанками были содержательница удивительно чистого постоялого двора в уездном городе, которую Николай Петрович взял к себе в экономки (VIII, 182—183), и ее дочь Фенечка, ставшая содержанкой барина, а потом его женой. Аркадий в разговорах называет мать своего сводного брата сначала уменьшительным именем, словно привилегированную служанку, но перед Базаровым поправляется, добавляя полное имя, а тот хочет обращаться к ней на равных, с отчеством:

«— Как бишь ее зовут? — спросил Базаров.

— Фенечкой... Федосьей, — ответил Аркадий.

— А по батюшке? Это тоже нужно знать.

— Николаевной» (IX, 186).

Содержатель другого постоялого двора Федот, который сам запрягает лошадей для Базарова (XIX, 247), — возможно, тоже мещанин, но скорее всего богатый крестьянин. Эта неясность — один из признаков сближения сословий. Свободный (не крепостной) слуга Николая Петровича Петр если не изначально принадлежит к мещанскому сословию, то, может быть, перейдет в него, женившись на дочери городского огородника, «которая отказала двум хорошим женихам только потому, что у них часов не было: а у Петра не только были часы — у него были лаковые полусапожки» (XXVIII, 332). Повидимому, из наиболее солидных мещан управляющий в Марьине, человек «с сладким чахоточным голосом и плутовскими глазами, который на все замечания Николая Петровича отвечал: “Помилуйте-с, известное дело-с”, — и старался представить мужиков пьяницами и ворами» (VIII, 178). Потом он «вдруг обленился и даже начал толстеть, как толстеет всякий русский человек, попавший на “вольные хлеба”». Завидя издали Николая Петровича, он, чтобы заявить свое рвение, бросал щепкой в пробегавшего мимо поросенка или грозился полунагому мальчишке, а впрочем, больше все спал» (XXII, 275).

Крестьяне в «Отцах и детях» показаны лишь в эпизодах, впрочем, весьма выразительных. Отношение автора к ним по преимуществу критическое. Хозяйство в Марьине разваливается. «Возня с наемными работниками становилась невыносимой. Одни требовали расчета или прибавки, другие уходили, забравши задаток; лошади

заболевали; сбруя горела как на огне; работы исполнялись небрежно <...>; половина скотного двора сгорела, оттого что слепая старуха из дворовых в ветреную погоду пошла с головешкой окуривать свою корову...» (там же). И главный герой «“народным заступником” (Н. Некрасов) вовсе не выступает, к крестьянству и его укладу (общине, патриархальной семье) относится так же критически, как и к другим “постановлениям” в современном русском быте, “семейном или общественном”, заслуживающим, по его словам, “полного и беспощадного отрицания”. Это ему, Базарову, принадлежат отзывы: “И добрые наши мужички надуют твоего отца всенепременно. Знаешь поговорку: “Русский мужик бога слопаёт””; “...мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке” <...>» [Недзвецкий, 2008: 93]. В отношении крестьян движение сословий навстречу друг другу отнюдь не происходит. Ближе к концу романа Тургенев показывает, что Базаров, упрекавший Павла Петровича в неумении говорить с мужиком (X, 194), тоже мог оказаться в таком положении. Когда Базаров спросил мужика-возницу про его жену: «Ну, а она тебя бьет?» — тот «задергал вожжами.

— Эко слово ты сказал, барин. Тебе бы все шутить... — Он, видимо, обиделся» (XIX, 249). Здесь — определенно распространенная в XX в. ошибка корректора. «Видимо» — не вводное слово, запятыми его выделять не надо. В литературе XIX в. это — наречие, обычно имеющее смысл «заметно» или «достаточно сильно». У мужика своя гордость есть. «Барину» следовало бы знать, над чем шутить неуместно. Отправляясь из дома родителей «на деревню», Базаров в разговоре с другим мужиком иронизирует над крестьянскими представлениями и представлениями славянофилов о простом русском народе. Крестьянин иронии не улавливает и отвечает соответственно тому, как, по его мнению, следует отвечать барину. На вопрос же еще одного мужика: «— О чем толковал? <...> О недоимке, что ль?» — ответ в другом тоне: «— Какое о недоимке, братец ты мой! <...> так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?

— Где понять! — отвечал другой мужик, и <...> оба они принялись рассуждать о своих делах и нуждах. Увы! — восклицает писатель, — презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...» (XXVII, 317–318).

Итак, Евгений Базаров — дворянин во втором поколении, а вовсе не разночинец. Разночинцы — это люди умственного труда недворянского происхождения, не состоящие на государственной службе (относящиеся к «свободным профессиям») и благодаря

своему образованию освобожденные от налогов подобно привилегированным сословиям [Саннинский, 1977: 232–240; Вердеревская, 2000: 452–462; Кормилов, 2013: 389–393, 396, 398–399]. Но сознание и поведение Базарова — типично разночинские. Фенечка «бессознательно чувствовала в Базарове отсутствие всего дворянского, всего того высшего, что и привлекает и пугает» (XXIII, 279). Слуги в Марьине «привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки свой брат, не барин» (X, 188). Дуняша даже вздыхала по нему. Сам он отрешивается от дворянства. Навсегда расставаясь с Аркадием, он говорит: «Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки» (XXVI, 314).

«Переберите все наши сословия да подумайте хорошенько над каждым <...>» (X, 197), — предлагает он Павлу Петровичу, по сути, отрицая сам принцип разделения людей на сословия. Оттого и не считает себя ни дворянином, ни разночинцем.

Что удивительно, не аргументацией, а силой своего духа он все-таки повлиял на аристократа Кирсанова. Уговаривая брата жениться на его содержанке, тот признается: «Я начинаю думать, что Базаров был прав, упрекая меня в аристократизме. <...> Да и действительно, что за касты *au dix-neuvième siècle*?³» (XXIV, 298). Он по дворянской привычке вставляет в свою речь французские слова, но по сути выражает здесь главную мысль Тургенева, который никак не хотел столкновения сословий, а рассчитывал на мирную прогрессивную эволюцию общественной жизни в России.

«Отцы и дети» — роман безусловно идеологический, но не социально-политический, каким он до сих пор выглядит в некоторых интерпретациях.

Список литературы

- Вердеревская Н.А.* О разночинцах // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 2000. С. 452–462.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- Карнович Е.П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М., 1991 (репринт издания 1886 г.).
- Кирилов С.* Нас унижающий обман // Глагол. Альманах. М., 1990. С. 149–160.
- Кормилов С.И.* Базаров — не разночинец! // И.С. Тургенев и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции... Ереван, 2013. С. 389–400.

---

³ «в девятнадцатом веке» (франц.).

- Криницын А.Б.* И.С. Тургенев (1818–1883) // Русская литература XIX–XX веков. Учебное пособие для поступающих в вузы: В 2 т. Т. I: Русская литература XIX века. М., 2017. С. 300–348.
- Недзвецкий В.А.* И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. Курс лекций. М.; Стерлитамак, 2008.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М., 1993.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. V, VI.
- Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 2000. С. 662–830.
- Саннинский Б.* Кто такие разночинцы? // Вопросы литературы. 1977. № 4. С. 232–240.
- Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1976.
- 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии. М., 1992.
- Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 5-е изд., испр. М., 2002.
- Экштут С.А.* Закат империи. От порядка к хаосу. М., 2012.
- Яблочков М.* История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003.

Sergey Kormilov

SOCIAL STANDING OF THE CHARACTERS IN TURGENEV'S FATHERS AND SONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Turgenev's *Fathers and Sons* is an ideological novel, and not a socio-political one. It reflects not the confrontation, but the convergence of estates at the beginning of the reforms of Alexander II. The writer does not attach much importance to nobility. There are no counts in the novel, the love story of the untitled aristocrat Pavel Kirsanov and Princess R. is a fact of the past. A bankrupt old princess H... h is an episodic character, she is *prizhivalka*, or the one who is heavily dependent on a family that provides her with food and board at no charge. The author mentions in passing Princess Durdoleosova who marries Sitnikov, the only *raznochinets* in the novel a 19th-century Russian intellectual not belonging to the gentry, who apparently comes from the tradesmen. There are very few generals: Matvei Ilyich Kolyazin, the father of the Kirsanov brothers, and the governor nicknamed Burdal. Landowners are of high, medium, and low social standing: high

(Odintsov), medium (Kirsanov), low (Bazarov's mother, a noblewoman, whose estate is run by her husband, a military doctor who has been granted a hereditary noble title), and a Kukshina who does not live in her estate. There are several 'bourgeois gentilhommes' (inn-keepers, Fenechka, and apparently Peter) and peasants in the novel, they are episodic characters, but expressive. At the center of the narrative is a half-educated student, Yevgeny Bazarov. He is a nobleman in the second generation, living a life of *raznochinets*. But as a convinced nihilist who denies the estate in general and therefore does not consider himself a nobleman or *raznochinets*. Liberally minded Turgenev managed to give a high moral assessment of the hero — his own ideological opponent.

Key words: estates; aristocrats; titles; ranks; landowners; *raznochinets*; petty bourgeois; peasants; household.

About the author: *Sergey Kormilov* — Dr. habil., Professor at the Department of the History of newest Russian literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: profkormilov@mail.ru).

References

- Verderevskaia N.A. O raznochintsakh [On commoners]. Iz istorii russkoi kul'tury. T. V (XIX vek). M., 2000. S. 452–462. [From the history of Russian culture. Vol. V (XIX century). M., 2000, pp. 452–462.]
- Zaionchkovskii P.A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v. M., 1978. [Government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]
- Karnovich E.P. Rodovye prozvaniiia i tituly v Rossii i sliianie inozemtsev s russkimi. M., 1991 (reprint izdaniia 1886 g.). [Generic names and titles in Russia and the merging of foreigners with the Russians. M., 1991 (reprint of 1886 edition)]
- Kirilov S. Nas unizhaiushchii obman. Glagol. Al'manakh. M., 1990. S. 149–160. [Deception that humiliates us. The Verb. An Almanac]
- Kormilov S.I. Bazarov — ne raznochinets! [Bazarov is not a commoner!]. I.S. Turgenev i natsional'nye literatury. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii... Erevan, 2013. S. 389–400. [I.S. Turgenev and national literature. Materials of international scientific-practical conference]
- Krinitsyn A.B. I.S. Turgenev (1818–1883). Russkaia literatura XIX–XX vekov. Uchebnoe posobie dlia postupaiushchikh v vuzy: V 2 tt. T. I: Russkaia literatura XIX veka. M., 2017. S. 300–348. [Russian literature of the XIX–XX centuries. Tutorial for those who prepares for universities: In 2 volumes vol. I: Russian literature of the XIX century]
- Nedzvetskii V.A. I.S. Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroia. Kurs leksii. M., Sterlitamak, 2008. [Turgenev: the logic of creativity and hero's mentality. Course of lectures]
- Pipes R. Rossiia pri starom rezhime [Russia under the Old Regime]. Per. s angl. Vladimira Kozlovskogo. M., 1993.

- Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. 4-e izd. L., 1978. T. V, VI. [Complete works: In 10 vol. 4th ed. L., 1978. Vol. V, VI]
- Raskin D.I. Istoricheskie realii rossiiskoi gosudarstvennosti i russkogo grazhdanskogo obshchestva v XIX veke. Iz istorii russkoi kul'tury. T. V (XIX vek). M., 2000. S. 662–830. [Historical realities of Russian statehood and Russian civil society in the XIX century. From the history of Russian culture. Vol. V (XIX century). M., 2000, pp. 662–830]
- Sanninskii B. Kto takie raznochintsy? Voprosy literatury. 1977. № 4. S. 232–240 [Who are commoners? Problems of literature. 1977. N 4, pp. 232–240]
- Turgenev I.S. Sobr. soch.: V 12 tt. T. 3. M., 1976. [Works: In 12 vol. Vol. 3] 1812–1814: Sekretnaia perepiska generala P.I. Bagrationa. Lichnye pis'ma generala N.N. Raevskogo. Zapiski generala M.S. Vorontsova. Dnevniki ofitserov Russkoi armii. M., 1992. [1812–1814: The Secret Correspondence of General P.I. Bagration. Personal Letters from General N.N. Rayevsky. Notes of General M.S. Vorontsov. The Diaries of Russian Army Officers. M., 1992]
- Fedosiuk Iu.A. Chto neponiatno u klassikov, ili Entsiklopediia russkogo byta XIX veka. 5-e izd., ispr. M., 2002. [What is not Understandable in Classics, or The Encyclopedia of Russian XIX Century Life. 5th ed. M., 2002]
- Ekshtut S.A. Zakat imperii. Ot poriadka k khaosu. M., 2012. [The decline of Empire. From Order to Chaos. M., 2012]
- Iablochkov M. Istoriia dvorianskogo sosloviia v Rossii. Smolensk, 2003. [The History of Nobility in Russia. Smolensk, 2003]

И.Б. Ничипоров

**СТАТЬИ О ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ И. АННЕНСКОГО**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена последовательному рассмотрению двух работ И. Анненского о позднем творчестве И.С. Тургенева: «Умиравший Тургенев. Клара Милич» и «Белый экстаз. Странная история, рассказанная Тургеневым», — которые соответственно вошли в состав «Книги отражений» (1906) и «Второй книги отражений» (1909). Размышления критика Серебряного века о Тургеневе соотнесены с интуициями о психологии творчества, парадоксах индивидуальности художника, соотношении метафизического и телесного опыта. Анализируются особенности литературно-критического метода и стиля Анненского: разнообразный контекст автобиографических ассоциаций, лейтмотивная структура статей, совмещение в них аналитизма и художественности, «вживание» и «перевоплощение» критика в сознание и психофизические состояния писателей и их персонажей, элементы импрессионистского письма. Рассмотрены значимые для эстетической позиции Анненского лейтмотивы красоты, искусства, любви, болезни, «страха жизни» и «страха смерти». Привлекается контекст эстетических идей начала XX в., а также статей Анненского о Лермонтове, Достоевском, Гончарове, Горьком, Бальмонте, Андрееве: «Юмор Лермонтова», «Символы красоты у русских писателей», «Господин Прохарчин», «Бальмонт-лирик», «Драма на дне», «Драма настроения. Три сестры», «Гончаров и его Обломов», «Виньетка на серой бумаге к «Двойнику» Достоевского» и др. В подходе Анненского к художественной реальности произведений Тургенева обнаруживаются черты символистского дуализма в восприятии природы творчества, звучат отголоски концепции теургии. Делается вывод о том, что в утонченной образной и словесной ткани поздних повестей и рассказов Тургенева, в его концепции личности, любви, искусства, в развитом у него мистическом чувстве предвосхищается эпоха модернизма.

Ключевые слова: Тургенев; Анненский; литературная критика; Серебряный век; психология творчества; творческая индивидуальность.

Ничипоров Илья Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: il-boris@yandex.ru).

Отдельные характеристики творчества Тургенева рассредоточены у Анненского по различным статьям, при этом поздний художественный опыт писателя привлекал его особое внимание и стал предметом развернутой рефлексии в работах «Умиравший Тургенев. Клара Милич» и «Белый экстаз. Странная история, рассказанная Тургеневым», которые соответственно вошли в состав «Книги отражений» (1906) и «Второй книги отражений» (1909). Раздумья о Тургеневе вписываются в контекст литературных оценок Анненского, его представлений о творческой индивидуальности художника и сущности искусства.

Статья о повести «Клара Милич» (1882) примечательна характерными для критики Анненского автобиографическими включениями, создающими эффект личной причастности судьбе писателя и его образному миру: «Теперь я отлично понимаю ту связь, которая раз навсегда сцепила в моей памяти похороны Тургенева с его последней повестью»¹. Возникающие в экспозиции мемуарные зарисовки прощания с Тургеневым в Петербурге «22 года тому назад» выводят к сквозной для Анненского теме *экзистенциального «пограничья»*, которым определяется течение творческого процесса в его потаенных связях как с телесным, так и с метафизическим измерениями: «Тургенев написал “Клару Милич” в Буживале в октябре 1882 г., а меньше чем через год после этого ученый ботаник в распушенных седирах говорил над его могилой речь о давно погасших звездах...» Импрессионистская воссоздаваемая силой воображения картина работы художника над закатным произведением приоткрывает *драму разъятости творящего духа между манящим к себе, но оскудевающим тленным миром и пугающей беспредельностью*: «Вот и в то утро, когда Тургенев дописывал свою “Клару Милич”, — в окно, верно, смотрела осень, южная, может быть золотая, но все же осень, и притом последняя, — и он это чувствовал. — В цветах, но уже осужденная; еще обаятельная, но уже без зноя...»

Критик на мгновение «перевоплощается» в художника и «изнутри» улавливает исходный для произведения творческий импульс, предвещающий момент «еще не смерти, но уже мечты, которая о ней знает и которую она застит, — эта осень и была его последней повестью: то серой, то розовой, еще старательно-четкой и в мягких, но уже застывших контурах». Поэтика подобных «перевоплощений» свойственна литературно-критической манере Анненского и, в частности, ярко отразилась во вживании его авторского «я» во внутренние миры Голядкина («Виньетка на серой бумаге к “Двойнику” Достоевского») [Ничипоров, 2015] и Печорина-Лермонтова («Юмор Лермонтова») [Ничипоров, 2005].

¹ Статьи И. Анненского приводятся по изданию: [Анненский, 1988].

Повестью «Клара Милич» в позднем творчестве Тургенева усилена, по Анненскому, «нота физического страдания», привнесенная автором, который теперь оставил прежние амплуа «зоркого охотника», «чуткого собеседника», «рассказчика» или «одинокого холостяка» и «уже свыкся со своей бессменной болью», претворил телесное страдание в «интерес художника» и «юмор терпеливой старости». Драма и гибель Аратова трактуются в статье как прозрение художника о неотвратимом разрушении самозамкнутого, «окруженного анахронизмами» частного существования. В Аратове «растет не страсть, а недуг», который из области соматики переходит в прозрение ужаса и иллюзорности бытия, провоцирует «чуткость и боязнь жизни в этом хрупком теле». Тургеневский персонаж увиден Анненским в различных мифопоэтических «зеркала»: это и Фауст, «только забывший помолодеть», и еврипидовский «Ипполит без Артемиды», и «Ромео, которому Джульетта передала в поцелуе моровую язву», но, самое главное, эти горестные откровения «едва ли принадлежат Аратову», ибо в Аратове «расположился старый больной Тургенев... Это — горький вкус болезни во рту у Тургенева...»

Любовный сюжет повести прочитывается Анненским как *уточенная иллюзия*, преднамеренное авторское «задание», продиктованное тем, что «Тургенев хотел уверить нас, что Аратов боролся с любовью² и что эта любовь в конце концов его одолела и заставила себя испытать. Но что-то мешает нам ему поверить. Нет, это не та сладкая мука, которая только похожа на болезнь и от которой излечивают поцелуи... а та, которая в сырой вечер подкарауливает старость, с распухшими ногами и в бархатных сапогах, и любит вместе с нею часами смотреть на цветы обоев и клетки байкового одеяла». Мистика позднего Тургенева, о которой, соотнося с Достоевским, критик вспоминал в «Господине Прохарчине», а также запечатленная в его произведениях разных лет «изящная психология страха» проистекали не только от субъективных пристрастий, от того, что «Тургенев пошел купаться и напугался на десятки лет», а «Гончаров свет объехал и потом ничего страшного не рассказал» («Гончаров и его Обломов»), но и от близкого Анненскому постижения *болевого опыта как неотъемлемого фермента эстетической деятельности*.

Болевое переживание красоты, обнажающее уязвимость индивидуального «я» перед «страхом жизни» и «страхом смерти» и бросающее вызов утешающим миражам, образует сквозной сюжет эстетических построений Анненского. Он вслушивается в тревожные ноты, которые звучат в лермонтовских образах красоты, пронизанных «зоркой и иронической мыслью» («Символы красоты у русских писателей»,

---

² Здесь и далее в цитатах сохранен курсив И. Анненского.

«Юмор Лермонтова»); размышляет о том, как Достоевский «болел... проблемой творчества» («Юмор Лермонтова») и создал повесть о «непосильной для наивной души борьбе со страхом жизни», довел страдания своих персонажей «до прямо-таки фантастического разнообразия» («Господин Прохарчин»); о присущей автору пьесы «На дне» «комбинации чувства красоты с глубоким скептицизмом» («Драма на дне»)...

В повести же «Клара Милич» *болевая доминанта картины мира* актуализирует онейрическое измерение. Искусно выкладывая мозаику сновидческих лейтмотивов произведения («Вот новый для Тургенева, реальный сон... Или такое начало сна... Или...»), Анненский подмечает «новые черточки тургеневского реализма», проступившие в том, что на авансцену выдвигается здесь «не действительность, похожая на сон, как это было раньше, — а сон, в который пробивается действительность». В менявшемся отношении героя к обстоятельствам смерти Клары критик усматривает, что «последние силы Аратова-Тургенева уходят на разрушение иллюзий», а на поврежденное сознание Аратова, который «выносит ряд опустошений в душе и кончается», автор наложил печать своего «утомленного ума, который не хочет более тешить себя романтизмом, потому что сквозь его театральную мантию не может не видеть тела, обреченного разлагающей его животной муке».

Диалогический потенциал статьи Анненского обнаруживается не только в *собеседничестве критика с писателем и его художественным миром* («Было время, когда, читая “Клару Милич”, я слышал музыку... Но игрушка сломана, и я не заметил даже, когда это произошло»), но и в *апелляции к читательскому «я»*, не способному миновать универсалий психосоматического и эстетического опыта: «Испытывали ли вы когда-нибудь во сне это наступление лихорадки, когда она именно что-то кричит вам на ухо; когда крик этот болезненно пробегает по вашему телу и вы переходите к впечатлениям окружающего под угрозой болезни, этой убедительнейшей из реальностей?» Подобно тому, как в «Трех сестрах» Чехов, по убеждению Анненского, «показывает мне и вас, и меня... Это не сестры. Это мы вопрошаем и ждем, что наша обетованная земля придет за нами сама» («Драма настроения. Три сестры») [Ничипоров, 2006]; как лирика Бальмонта становится откровением о «нашем “я”» — с «темным миром бессознательного, миром провалов и бездн» («Бальмонт-лирик»); как в «безобразии и неразрешимости» андреевского Иуды выразились «*наша мука, наше безобразие и наша неразрешимость*» («Иуда, новый символ»), — так и Аратов иллюстрирует собой «наше изменившееся “я”», в отчаянии ощутившее бессилие «набора колесиков от карманных часов» перед утекающим временем жизни.

Преломление «моего “я”» критик распознает и в образе *Клары Милич*, которой впрочем, «почти нет» — она «только скользит по рассказу... ни разу не является нам будничной». Интересуясь жизненными истоками этого образа, коллизиями судьбы актрисы Евлалии Кадаминой, Анненский предпочел, однако, не столько психологическую, сколько *обобщенно-символическую интерпретацию* *Клары Милич* как выражения, с одной стороны, все более драматичного для Тургенева «ощущения непознанного, только манившего и так дерзко отвергнутого», а с другой — «трагизма красоты, которая хочет жизни и ждет воплощения», но оказывается беззащитной перед «сплошной бессмыслицей» жизни. Чертами *символистского дуализма* отмечены раздумья Анненского о красоте *Клары* как «ускользающем целом», призванном преобразить мир и прикасающемся к нему другое «я», но обреченном на то, чтобы остаться лишь «тоскливым осадком жизни, в которой было столько неосуществившихся возможностей, столько непонятных и брошенных задач, легкомысленно забытых обещаний, незамеченных движений перламутрового веера около розовых губ, — вот первый абрис *Клары*».

Развернутая в статье «Бальмонт-лирик» антиномия «абсурда цельности и абсурда оправдания» распространяется Анненским на размышления о разрывающих душу тургеневской героини «желании и невозможности не быть Аратовым», о том, как «отрицающая аратовщину... осуждена любить Аратова». Драма отношений персонажей истолковывается в работе как производная от авторского переживания *страха перед бытием*, поскольку сердце Аратова «боялось красоты в жизни и тем более не вынесло красоты-идеи, красоты-силы». Финал статьи, построенный на импрессионистских ассоциациях, выдвигает антиномичную трактовку ухода *Клары* в качестве *трагедии так и не обретшей воплощения красоты* и одновременно как *просветляющего предвестия будущих, неуничтожимых порывов к ней человеческого духа*: «И вот еще раз уходит от людей Красота, невоплощенная и нелюбимая. Уходя, она не уверяет нас в нашем бессмертии... Но когда она уходит, то после нее остается в воздухе тонкий аромат, грудь расширяется и хочется сказать: да, стоит жить и даже страдать, если этим покупается возможность думать о *Кларе Милич*».

В статье «Белый экстаз. Странная история, рассказанная Тургеневым» героини поздних произведений писателя («Несчастливая», «Странная история», «Клара Милич») — с их «экстазами и обидами», «жуткой *одинокостью*», оскорбленностью «своей неудачной попыткой *быть как все*» — вырастают, по мысли Анненского, из драматичного мирочувствия художника, знаменуя в то же время сверхличное «тревожное воспоминание о неоправданной жизни».

Обращаясь к «Странной истории» (1869), Анненский посредством импрессионистских образов, спонтанных параллелей прикасается к сфере психологии творчества и лабиринтам писательской памяти, из которых осенью 1868 г., при созерцании дождливого пейзажа из окон виллы в Баден-Бадене, из неясных силуэтов «случайных пешеходов», «из забытья» — перед взором художника «запечатлелась та девушка, которой ему стало когда-то до боли *жалко*». Порвавшая с дворянской средой и ставшая спутницей юродивого Софи олицетворяет для критика-символиста «эстетизм высшего порядка», движение к «радости небытия», «искания исключительной, выше наслаждения ею и выше даже ее понимания стоящей Красоты». *Отголоски теургической концепции, символистского панэстетизма* звучат в суждении Анненского о тургеневской героине, которая «разрешила для себя задачу высшего из искусств, искусства жизни». Явленная в судьбе Софи, в ее рано и таинственно угасшей жизни антиномия «*неразрешимости* муки» и «хотя бы минуты торжества» на путях обретения Красоты приводит Анненского к *определению сущности искусства, отражающему коренные черты модернистского миропонимания*: «В основе искусства лежит такое же, как и в жизни Софи, обоготворение невозможности и бессмысленности. Поэт всегда исходит из *непризнания жизни...*»

Статьи и попутные замечания И. Анненского о произведениях И.С. Тургенева входят в широкий круг раздумий критика рубежа веков о мистике и антиномическом характере творческого процесса, обращенного к поиску «ускользающей», нередко подменяемой миражами красоты. Болевой опыт в искусстве и в авторской картине мира раскрывается им на пересечении метафизических устремлений и телесных состояний писателя и его персонажей. В изысканной образной ткани поздней тургеневской прозы критик прозревает предвестия модернистской эстетики, развитое мистическое чувство, откровение об антропологическом опыте современности.

Список литературы

- Анненский И. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. Л., 1988.
- Ничипоров И.Б. «Лучезарный поэт нашей совести»: Ф.М. Достоевский в литературно-критических статьях Иннокентия Анненского // Пушкинские чтения — 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX Междунар. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб, 2015. С. 162–169. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/47702.php>.

Ничипоров И.Б. М.Ю. Лермонтов в творческом сознании Иннокентия Анненского // Тарханский вестник. Т. 18. Пенза, 2005. С. 67–73. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37267.php>

Ничипоров И.Б. «Чеховиана» Иннокентия Анненского // Литература в движении эпох: межвуз. сб. науч. тр. Элиста, 2006. С. 57–64. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37303.php>

Ilya Nichiporov

ARTICLES ON I.S. TURGENEV'S PROSE IN THE CONTEXT I. ANNENSKY' CRITICAL PROSE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper discusses two articles by the Russian literary critic and poet Innokenty Annensky on the later work of the Russian writer Ivan Turgenev, “Dying Turgenev. Clara Milich” and “White Ecstasy. A Strange Story Told by Turgenev” which became part of “The Book of Reflections” (1906) and “The Second Book of Reflections” (1909) respectively. Reflections of the Silver Age critics about Turgenev correlated with ruminations about the psychology of creative, paradoxes of the author’s individuality, a correlation between metaphysical and physical experiences. The article analyzes characteristics of Annensky’s literary-critical method and style: combining analytical and aesthetic, diversifying contexts of autobiographical associations, featuring impressionistic writing, sticking to the leitmotif structure in the article, penetrating into the consciousness and psychophysical state of the writer and his character. Special emphasis is laid on the leitmotifs of art, love, illness, fear of life and fear of death, typical of Annensky’s aesthetic stance. The article revises the context of early-20th century aesthetic ideas, including Annensky’s articles about Lermontov, Dostoevsky, Goncharov, Gorky, Balmont, and Andreev: *The Humour of Lermontov, Symbols of Beauty in Russian Writers, Mister Prokharchin, Balmont the Lyricist, A Drama in the Lower Depths, The Three Sisters. A Drama of Moods, Goncharov and His Oblomov, A Vignette on Grey Paper to The Double by Fyodor Dostoevsky*, to name just a few. Annensky’s approach to Turgenev’s fiction features symbolist dualism in the perception of the writer’s language and even echoes the concept of theurgy. It is concluded that the refined symbolism in Turgenev’s later novels and stories, his attitude to man, love, and art, and his developed sense of mystical were harbingers of modernism.

Key words: Turgenev; Annensky; literary criticism; Silver age; psychology of creativity; creative individuality.

About the author: *Iliya Nichiporov* — Dr. habil., Professor at the Department of the History of newest Russian literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: il-boris@yandex.ru).

References

- Annenskii I. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], sost., vstup. st., koment. A. Fedorova [Comp., intr., comment. by A. Fedorov]. L., 1988.
- Nichiporov I.B. “Luchezarnyi poet nashei sovesti”: F.M. Dostoevskii v literaturno-kriticheskikh stat’iakh Innokentii Annenskogo [“The radiant poet of our conscience”: F.M. Dostoevsky in Innokentij Annensky’ critical articles]. *Pushkinskie chteniia — 2015. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy KhKh mezhdunar. nauch. konf.*, pod obshch. red. V.N. Skvortsova; otv. red. T.V. Mal’tseva. SPb., 2015. S. 162–169. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/47702.php> [Pushkin readings-2015. Artistic strategies of the classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the XX int. science. Conf. under the general editorship of V.N. Skvortsov; resp. edited by T.V. Maltseva, St. Petersburg, 2015, pp. 162–169].
- Nichiporov I.B. *M. Ju. Lermontov v tvorchestvom soznanii Innokentii Annenskogo* [M. Yu. Lermontov in creative consciousness of Innokentij Annensk73]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37267.php>
- Nichiporov I.B. “Chekhoviana” Innokentii Annenskogo [Innokentij Annensky’ “Chekhoviana”]. *Literatura v dvizhenii epokh: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Elista, 2006. S. 57–64. [Poetry in the motion of ages. Elista, 2006, pp. 57–64] URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37303.php>

К 125-ЛЕТИЮ В.В. МАЯКОВСКОГО

А.В. Швец

МАЯКОВСКИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕЖДУ ИСКУССТВОМ ВЕЩЕЙ И ИСКУССТВОМ ПЕРФОРМАНСА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье будет рассмотрена книга-коллаборация Маяковского и Лисицкого «Для голоса», вышедшая в Берлине в 1923 г. Эта книга — попытка Маяковского утвердиться на международной сцене. «Для голоса» как эстетический продукт предлагает нам творческий профиль поэта и представление его поэтического проекта не только для русского, но и для интернационального читателя. Самопредставление Маяковского в книге осложнено медиацией Лисицкого — оформителя и дизайнера конечного продукта. Окончательный облик поэта и очертания его поэтического проекта изменены вмешательством коллаборатора.

В соотнесении деятельности Маяковского и Лисицкого с более широким социо-эстетическим контекстом будет показано, что Маяковский берет курс на деэстетизацию искусства, совпадающий с ключевыми установками конструктивизма, и призывает заменить вещами слово, обратиться к утилитарному труду жизнеобустройства. Лисицкий же — активный посредник в распространении конструктивистской парадигмы — трансформирует конструктивистскую идеологию, несколько ее эстетизируя. Он лишает парадигму конструктивизма утилитарно-бытовой составляющей, предлагает концепцию произведения искусства как целесообразной и нематериальной вещи, посредством которой изобретается новая форма, позже входящая в практическую жизнедеятельность.

Анализ текста книги и его визуального оформления показывает, что деэстетизирующая, радикально конструктивистская программа Маяковского преобразуется за счет оформительской работы антиутилитариста Лисицкого. В итоге прожект замены слова вещью остается частично не реализованным и усилиями Лисицкого осуществляется — парадоксальным образом — как художественный перформанс, в котором изображение «исполняет» стихотворение (что противоречит конструктивистскому послыу «разрушения искусства»).

Ключевые слова: авангард; конструктивизм; Маяковский; Лисицкий.

Швец Анна Валерьевна — аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ananke2009@mail.ru).

«Для голоса»: специфика замысла

Коллаборация В. Маяковского и Э. Лисицкого «Для голоса» (1923) была напечатана в Берлине¹, когда поэт испытывал сложности с публикацией в СССР². Одной из задач книги было продвижение Маяковского не только в отечественном, но и в международном литературном поле³. В сотрудничестве с Лисицким Маяковский представлял себя и свой творческий проект интернациональной аудитории. При этом самопредставление поэта и его творческого видения преобразованы медиацией оформителя-дизайнера.

«Для голоса» сочетает две не совсем однонаправленные интенции⁴. Драма текста в «Для голоса» — движение от искусства слов к искусству вещей. Посыл оратора — в самом гипостазированном виде — призвать к отказу от искусства ради труда по устройению жизни: «Мастера, / А не длинноволосые проповедники / нужны сейчас нам! <...> Пока канителю, спорим, / Смысл сокровенный ища: / “Дайте нам новые формы!” / несется вопль по вещам». Однако

¹ В 1920-х издание книг русских писателей за рубежом (и затем — экспорт книг в Россию) было распространенной практикой — в силу плачевного состояния печатной индустрии многие издатели выкупали производительные мощности печатных станков за рубежом, в частности — в Германии, где из-за гиперинфляции печать стояла очень дешево [Bowlt, 2014; Цфасман, 2008].

² Так, посланные Маяковским рукописи лежали в очереди на печать месяцами и не возвращались автору. В частности, так случилось с поэмой «150 000», публикацию которой «Госиздат» затаил на целый год (вышла в апреле 1921 г.), отказавшись возвращать автору рукопись в ответ на настоятельное требование [Jangfeldt, 2014: 160]. К тому же эта же поэма получила негативный отзыв В.И. Ленина: «Как не стыдно голосовать за издание “150 000 000” Маяковского в 5000 экз.? — писал глава государства комиссару Народного Просвещения А. Луначарскому. — Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь в 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков» [цит. по: Наумов, 1958: 210]. К тому же Маяковский подвергался нападкам в прессе — в частности, в опубликованной в «Правде» (сент. 1921) статье Л. Сосновского «Довольно “маяковщины”!»

³ Об этом также свидетельствует тот факт, что до отъезда в Берлин в 1923 г. Маяковский предпринял попытку опубликоваться за рубежом при посредничестве Л. Брик, выезжавшей за границу в 1922 г. Так, пытаясь получить британскую визу в Риге, чтобы воссоединиться со своей матерью в Лондоне, Брик наладила контакты с рижским книгоиздателем по фамилии Зив. В переписке с Маяковским было решено создать издательство «МАФ» (Московская ассоциация футуристов), которое бы располагалось в Риге и отправляло книги Маяковского, Пастернака, Крученых в Москву, а также создавало облик русского футуризма на международной сцене. Этому не суждено было случиться, поскольку Зив в итоге отказался печатать стихи футуристов, мотивировав это низкой окупаемостью подобного проекта [Jangfeldt, 2014: 194–195].

⁴ Стихи и визуальное оформление, по свидетельству художника, не дублировали друг друга, но скорее находились в контрапункте. «[О]формленные... страницы соотносятся со стихотворениями так же, как игра пианино — с игрой виолончели, — говорил Лисицкий в интервью. — Подобно тому, как поэт объединяет понятие и звук, я пытался создать эквивалент этого единства, используя стихотворение и типографскую технику» [Lissitzky, 1992a: 95].

художник-оформитель придерживается иной стратегии: превращает книгу в эстетизированный объект, вещь, которой создается артистический перформанс, отделенный от реальной действительности.

В драме «Для голоса» посыл утилитарного толка выходит на первый план. При безусловном поэтическом потенциале текстов, их интенция — стереть границы между искусством и действительностью, разомкнуть искусство в реальность построения нового общества. В драме «для глаза», напротив, оформитель книги обращает наше внимание на поэтическую текстуру стихотворения, настраивает нас на восприятие приема и техники. Граница между ситуацией восприятия искусства и действительностью восстанавливается. Именно этот посыл воспринимается читающим, который знакомится со стихотворением через призму визуального оформления.

Изводы конструктивизма: производство вещей и производство новых форм

В 1920-е годы и Маяковский, и Лисицкий испытали влияние становящегося направления — конструктивизма. Площадкой деятельности и будущих конструктивистов, и Маяковского с Лисицким, стало Общество Молодых Художников (ОБМОХУ)⁵. Работа ОБМОХУ «напоминала деятельность “окон РОСТА” и заинтересовала Маяковского, заходившего в мастерскую ОБМОХУ, советовавшего, спорившего» [Крусанов, 2010: 143]. Лисицкий также был знаком с их разработками: он посещал выставки ОБМОХУ, что отражено в его статье 1922 г. «Выставки в России» [Lissitzky, 1922]. Многие члены ОБМОХУ (братья Стернберги, К. Йогансон, К. Медунецкий) параллельно посещали заседания «Рабочей группы конструктивистов» Института художественной культуры (ИНХУКа) вместе с А. Родченко, В. Степановой, А. Ганом, теоретиком группы.

Неконструктивистское искусство, по Гану, индивидуалистично, предлагает ценностное обобщение эмоциональных состояний отдельного человека, взятое отдельно от целерациональной практической деятельности в обществе. Такое искусство лишено практически-утилитарных, бытовых приложений (от искусства «отвлечена» общественная функция).

«Самое содержание произведений искусства — **индивидуалистическое** <...> Обособленный в своем сознании индивидуум, явно или скрыто, бывает постоянным героем этих произведений <...>

Отвлеченный фетишизм заключается не в том, что мысли или образы отвлечены, а в отвлеченной точке зрения на них, напр., когда <...> произведение искусства рассматриваются, как нечто имеющее значение всецело само по себе, безо всякого отношения к обществу <...> как если

---

⁵ Как структурное подразделение ОБМОХУ стихийно возникло в 1919 г. в рамках Отдела изобразительных искусств Народного Комиссариата Просвещения.

бы от них [мыслей и образов. — *А.Ш.*] был “отвлечен” их действительный смысл — их общественная функция» [Ган, 2016: 881].

Конструктивистское искусство же ориентировано на коллектив, обладает «общественной функцией». Новое искусство — «художественный труд, материалистически осмысленный», «интеллектуально-материальное производство» [Ган, 2016: 894], нацеленный на решение актуальных задач, в том числе утилитарного толка. Новое искусство — творчество, понятое как организованная деятельность по проектированию-созданию новых форм общественной жизни не только на эмоциональном, но и на материально-бытовом уровне, на уровне быта как культуры совместной жизни.

Конструктивизм стал известен в Европе благодаря посредничеству Лисицкого, ключевой фигуры в процессе диссеминации идеологии конструктивизма⁶ [Lodder, 2003]. Конструктивистские принципы в интерпретации Лисицкого трансформировались⁷ — и рецепция конструктивизма на Западе не обошлась без потерь и приобретений культурного «перевода».

Лисицкий разделял практико-ориентированный подход конструктивистов. Конструктивистские симпатии Лисицкого обозначены в написанной с И. Эренбургом статье «Блокада России кончается», вышедшей в их общем журнале «Вещь» в Берлине:

Основной чертой современности мы почитаем ТОРЖЕСТВО КОНСТРУКТИВНОГО МЕТОДА <...> «ВЕЩЬ» за искусство конструктивное, не украшающее жизни, но ОРГАНИЗУЮЩЕЕ ее [маяюкул и выделение текста в оригинале сохранены. — *А.Ш.*] [Лисицкий, Эренбург, 1922: 2].

Однако Лисицкий не разделял утилитарный уклон конструктивистов: «Для нас искусство — СОЗИДАНИЕ новых ВЕЩЕЙ... но...не следует полагать, что под вещами мы подразумеваем пред-

⁶ Осенью 1922 г. Лисицкий был направлен в Берлин Луначарским «для налаживания связей с иностранными художниками и пропаганды нового русского искусства» [Крусанов, 2010: 161]. Выучившийся в Дармштадте, свободно говоривший по-немецки, художник быстро вошел в иностранные артистические круги Берлина: сообщество вокруг дадаистского журнала Курта Швиттерса «Merz» и журнала Тео фон Дуйсбурга «De Stijl». Помимо этого художник также был вхож в литературно-артистические сообщества русских эмигрантов. Так, Лисицкий исполнял роль посредника, осуществлявшего трансфер артистических стилей из одной творческой среды в другую и наоборот [Lodder, 2003].

⁷ Примечательно, что в целом о работе ОБМОХУ Лисицкий отзывался скорее положительно, видя в ней конструктивное зерно, которое можно разве что модифицировать, — в «Выставках в России» читаем: «Выставки “ОБМОХУ” новы по форме. Здесь мы видим не только произведения искусства, которые висят на стенах, но главный образ — такие работы, которые заполняют пространство комнаты. Эти юные художники собрали в себе опыт предыдущих поколений, исправно работают, тонко чувствуют специфические черты текстуры и конструируют пространственные работы. Они пытаются пробиться вперед, колеблясь туда-сюда между техникой инженеров и “бесцельной целесообразностью” (ziellosen Zweckmäßigkeit) искусства» [Lissitzky, 1922: 19].

меты обихода» [маюскул оригинала. — *А.Ш.*] [Лисицкий, Эренбург, 1922: 2]. «[М] ы не хотим ограничивать производство художников утилитарными вещами... — заявляют Лисицкий и Эренбург, — мы далеки от поэтов, в стихах предлагающих перестать писать стихи или от художников, пропагандирующих с помощью картин, отказ от живописи» [пунктуация оригинала. — *А.Ш.*] [Лисицкий, Эренбург, 1922: 2]. Так, «вещи», создаваемые искусством, включают и поэмы, и картины — предметы нематериального производства. Определяющее качество, на основании которого «вещь» искусства может воплощать конструктивистский метод, — ее «целесообразность», подчиненность и устремленность к определенному эффекту, который потенциально преобразует жизнь.

Для Лисицкого производство новых форм общественной жизни искусством не обязательно предполагает перевод искусства в сферу задач по обустройству быта. Искусство разрабатывает новые формы выражения и новые формы чувственности, полезные в практическом плане и потенциально имплементируемые в действительности, но не обязательно осуществляет это на уровне технологически-материального производства.

«Для голоса»: творческие стратегии поэта и оформителя

Композиционно стихи в «Для голоса» образуют единый речевой акт — представление перед аудиторией. Порядок стихов в книге задает достаточно связный «сюжет» перформанса — последовательное перешагивание за границы искусства, переход в сферу повседневной жизни, которая должна подвергнуться активному преобразованию. Эта драма происходит на уровне интенции, в коммуникации поэта и читателя — за счет таких риторических стратегий, как прямое обращение к аудитории, референция к существующим реалиям, акт демонстрации какого-либо социального явления.

В первых трех стихотворениях («Марш», «Наш марш», «Мой май») оратор при помощи прямых обращений к аудитории пытается превратить ее в сообщество, обладающее единством целей и коллективной идентичностью. В следующих пяти стихотворениях («Сволочи», «Третий интернационал», «Приказ по армии искусств», «Приказ № 2 по армии искусств», «А вы могли бы?»⁸) говорящий

---

⁸ Любопытно, что в контексте книги «А вы могли бы?», раннее, футуристическое стихотворение, в общем чуждое тенденциям конструктивизма, воспринимается иначе. Если само по себе это стихотворение можно воспринять как пример эстетизации действительности (звук водосточных труб превращен в ноктюрн), то в контексте книги оно может быть прочитано иным образом: как призыв к переходу от искусства к творчеству в реальной жизни — создание мелодии посредством водосточных труб, а не инструментов.

адресует сообщество, провоцирует его и призывает к действию, обозначая программу — и в области повседневной жизни, и в области искусства. В последних пяти стихотворениях («Сказка о красной шапочке», «Сказ о том, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», «Военно-морская любовь», «Хорошее отношение к лошадям», «Необычайнейшее приключение, бывшее с Владимиром Маяковским...») оратор дает образец «нового» искусства.

Сообщество, которое говорящий стремится создать, отличается тем, что в нем зачастую «дело» перевешивает — или должно, *в идеале*, перевесить — «слово». В перспективе поступок предпочтен словесному высказыванию — должен заместить ТУЖ («Разворачивайтесь в марше! / Словесной не место кляузе! / Тише, ораторы! / Ваше слово, товарищ Маузер», — в «Левом марше»). Говорящий четко определяет образ «Другого», внеположного сообществу, систему ценностей сообщества. «Другой» — так называемая буржуазия, с которой связаны такие национальные катастрофы, как массовый голод и каннибальство в Самаре («Сволочи»). Ценности сообщества — это отделение от индивидуалистического этоса, создание нового образа жизнедеятельности, в котором действовал бы не индивид, а весь коллектив («Мой май»). Искусство в таком сообществе переходит в трудовую деятельность, а не существует в суверенной автономии: «песнь громит вокзалы», «улицы» — это «кисти» художников, «площади» — их «палитры».

В стихах-образцах «нового» искусства даны повседневно-бытовые приметы обыденной жизни, современной слушателям оратора. Это — политические партии, вроде конституционно-демократической («Сказка о красной шапочке»), инфляция послереволюционных лет («Сказ о том, как кума о Врангеле толковала...»), военные действия на море («Военно-морская любовь»), реалии жизни и труда в новом государстве («Военно-морская любовь», «Необычайное приключение...»). Стихотворение как художественная форма используется в утилитарно-функциональном ключе: при помощи поэтической речи автор привлекает обращается к тем или иным аспектам действительности, формулирует социально-критическую позицию («Сказка о красной шапочке», «Сказ о том, как кума о Врангеле толковала...»). Иногда оратор обращает внимание читателя на повседневные, не примечательные стороны жизни, обнаруживая в них скрытое эмоционально-аффективное измерение («Военно-морская любовь», «Хорошее отношение к лошадям»). Наконец, в последнем стихотворении («Необычайное приключение...») оратор предлагает нам простой сюжет, в котором читается перспективная программа. История о визите солнца может толковаться как метафора отношений поэта и с вышестоящими инстанциями, и с его читателями.

«Солнце» —покровитель поэта и поэт сходятся на том, что оба заняты продуктивной, трансформирующей общество деятельностью — программа в области искусства, очерченная в предыдущих стихах, получает реализацию.

Лисицкий как художник-оформитель действует иначе. В его иллюстрациях воспроизводится поэтическая текстура стихотворения, один из приемов, организующих текст. Если оратор в стихах подчиняет поэтический потенциал языка разрушению грани между ситуацией искусства и действительностью и заставляет нас временно забыть о поэтическом в акте перехода, то Лисицкий обращает наше внимание на поэтическую технику, выносит ее на первый план.

Адаптируя стихотворение изображением, Лисицкий высвечивает одну из стратегий, употребленных поэтом в выстраивании поэтического высказывания. В иных стихотворениях Лисицкий привлекает наше внимание к игре с означающим, звуковым потенциалом языка. В других он переходит на уровень означаемого и адаптирует воображаемый референт, событие, к которому отсылает и которое разворачивает перед нами поэтическое высказывание (это может быть конкретная история или эмоциональное переживание). Наконец, в иных стихах оформитель книги перемещается на более интегративный уровень речевого акта и воспроизводит жест говорящего, действие, нацеленное на создание эффекта, — обращает наше внимание на то, что говорящий делает, чтобы произвести событие.

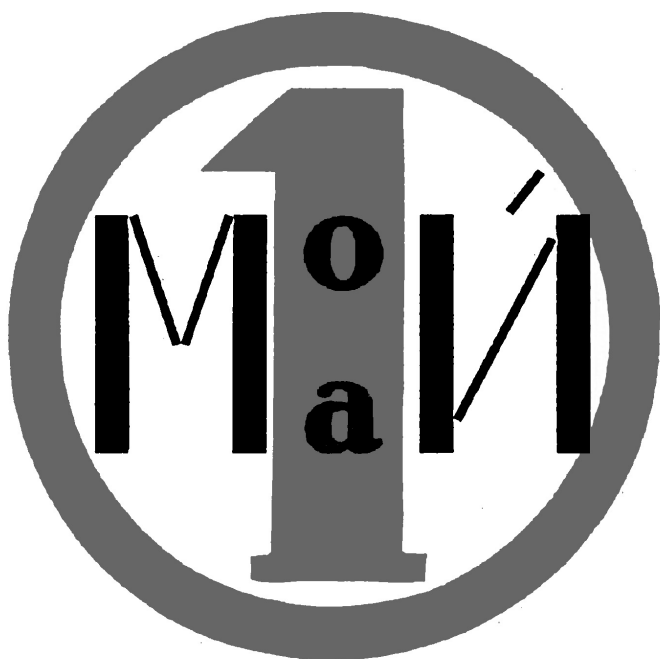
К первой группе стихотворений относятся «Наш марш», «Мой май» и «Хорошее отношение к лошадям». В этих трех стихотворениях Лисицкий использует один и тот же прием — звуковая игра на уровне означающего адаптируется при помощи буквенной идеограммы, визуального образа, в котором два слова совмещены в одно⁹. К таковым относятся иллюстрации «б (е/о) й» («бей» и «бой») в «Нашем марше», «м (о/а) й» («мой» и «май») в «Моём мае», «г р (и/а/о/у) б» («гриб», «грать», «гроб», «груб») в «Хорошем отношении» (илл. 1, 2, 3).

Каждая идеограмма адаптирует общий для трех стихотворений прием: задействование звуковой формы слова, зачастую в обход его семантики, для создания поэтического эффекта. Так, в «Нашем марше» очень часто используются одно- или двусложные короткие слова, комбинация которых в строфе создает характерный рваный, частый ритм, подобный стаккато: «Дней бык пег. / Медленна лет

⁹ Более точное определение идеограммы как поэтического метода можно найти в монографии Л. Гефина. Идеограмма, по Гефину, — в первую очередь такая техника письма, которая полагается на соположение нескольких образов, их наложение друг на друга. Подобное совмещение разных визуальных образов в одной плоскости автор термина Паунд приписывает иероглифу как визуальному знаку и далее — имажистской поэзии [Géfin, 1982: xii].

б^ео^й

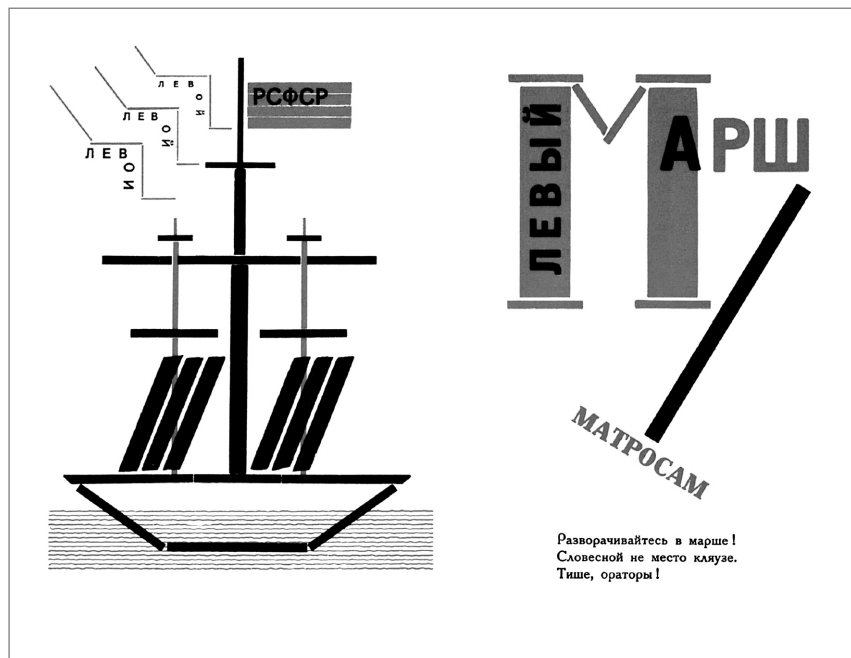
Всем
на улицы вышедшим,
тело машиной измаяв.
Всем
молящим о празднике
спинам,
землею натруженным —
Первое мая
Первый из маев.

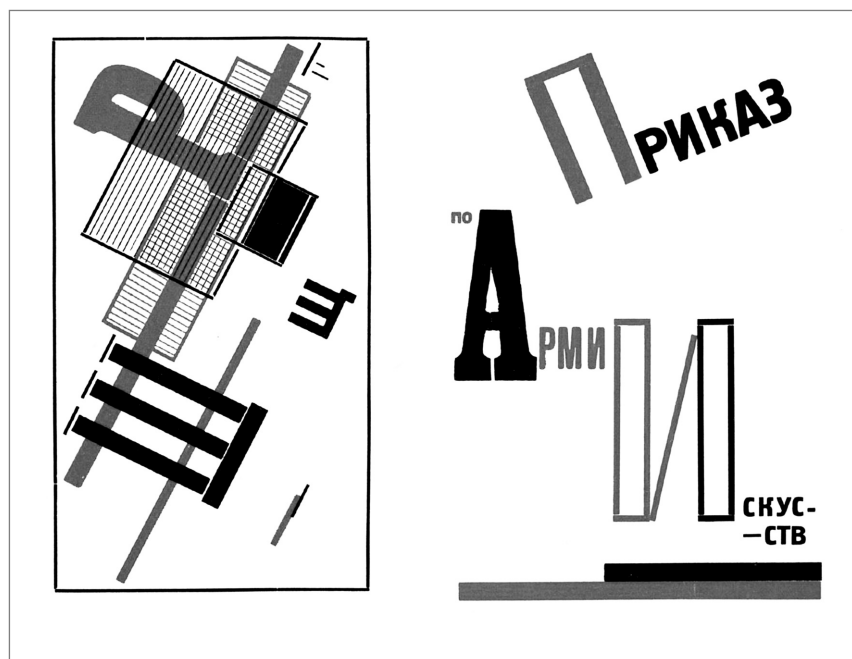
арба. / Наш бог бег. / Сердце наш барбан» [орфография оригинала сохранена. — *А.Ш.*]. Такой ритм призван произвести конкретный эффект: захватить потенциального слушателя, увлечь его стремительным темпом, вовлечь в действие марша. В ритмические структуры зачастую включены императивы, односложные и короткие подстегивающие слушателя к активным действиям, сообщающие ему чувство возбуждения. Зачастую читатель не отдает себе отчет, что оратор воздействует на него при помощи императивов, поскольку императивы «сливаются» с другими моносиллабическими словами, которые поставлены с ними рядом в силу звукового подобия: «Сердце бей бой!», «Зеленю ляг луг», «Радуга, дай дуг [лет быстролетним коням]». Семантическое значение в такой комбинации похожих односложных слов зачастую уходит на второй план, будучи вытеснено эффектом, который производит ритм (так, словосочетание «дай дуг [лет...]» предстает не только как осмысленное предложение, но в первую очередь как последовательность звуков, имитирующих ритм марша). Идеограмма «б (е/о) й» делает зримым приём эксплуатации звукового потенциала языка — показывает, как два односложных слова сближаются на основе звукового, но не смыслового подобия, и порождают ситуативный эффект.

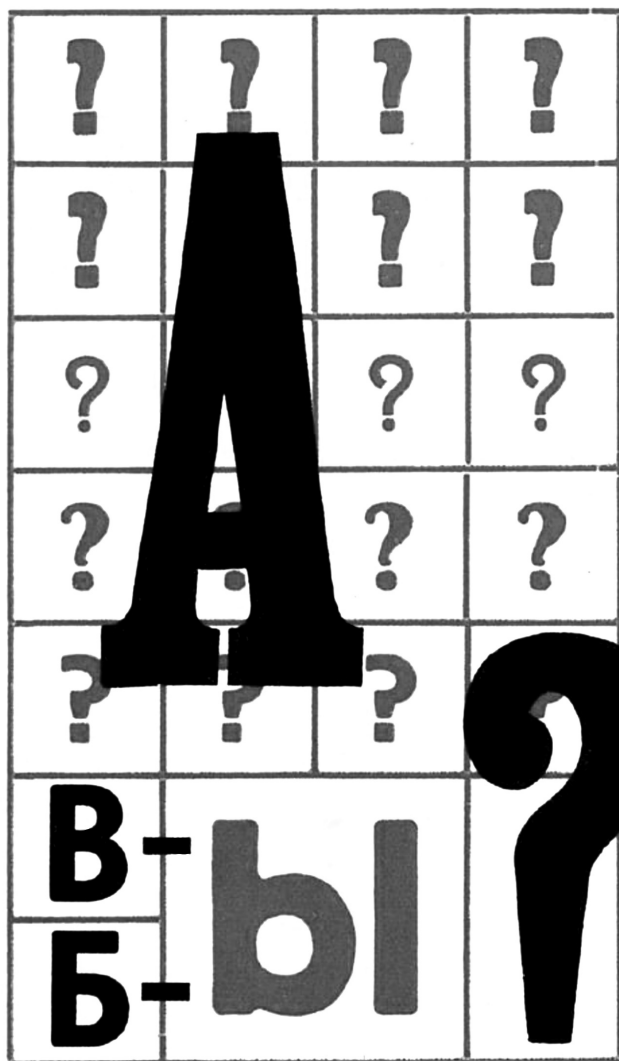
Во второй группе стихов («Левый марш», «Сволочи», «Третий Интернационал», «Сказ о том, как кума о Врангеле толковала...», «Военно-морская любовь», «Приказ по армии искусств») в центре внимания оформителя — событие, происходящее в рамках поэтического высказывания, динамическая структура переживания, предлагаемая читателю. Так, в «Левом марше» изображение корабля с зигзагообразными надписями «Левой! Левой! Левой» (илл. 4) на первый взгляд отсылает к одному из контекстов произнесения стихотворения — на трибуне перед матросами¹⁰. Однако при этом изображение также схватывает смысловую динамику стихотворения, передавая ее при помощи особого визуального ритма, который направляет наше чтение иллюстрации. Серия резких зигзагообразных линий уравнивается последовательностью горизонталей и вертикалей, образующих несколько крестообразных фигур, а затем снова переходит в череду зигзагов, что задает характерную модель: движение — остановка — движение. Подобная модель выдерживается и в самом тексте, в котором говорящий то призывает к действию аудиторию («Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляузе!»), то резко подрывает этот посыл, пригвозждая аудиторию на месте («Ваше слово, товарищ Маузер!»).

¹⁰ Таков биографический контекст этого стихотворения.

Наконец, в нескольких стихотворениях художник-оформитель воспроизводит не только динамику события, но и сам жест поэта, которым событием создается. К таким стихам относятся, например, «Приказ по армии искусств», «А вы могли бы?» (илл. 5, 6). В речевом акте, который осуществлен в «Приказе по армии искусств», говорящий стремится уничтожить границу между действительностью и произведением, обращаясь не к оторванной от реальности «зауми» футуристов, а к таким высказываниям, которыми можно, по Хармсу, «разбить стекло»: «Если песнь не громит вокзала, / то к чему переменный ток? / Громоздите за звуком звук вы / и вперед / поя и свища. / Есть еще хорошие буквы / эР / Ша / Ща». На иллюстрации мы видим буквы «Р», «Ш», «Щ», расположенные по разные стороны от плавающих в пространстве плоскостей. Двумерные символы в соседстве с разноудаленными от зрителя плоскостями обретают объем и становятся почти что реальными физическими объектами (так, «Ш» превращена в сооружение из трех колонн). С одной стороны, в этой иллюстрации Лисицкий осуществляет жест, почти идентичный жесту поэта, — превращает букву в предмет, символ — в вещь. С другой стороны, мы не забываем об условности этого превращения — о том, что это перформанс, что превращение случается в модальности «как если бы». Плавающие в пространстве буквы двумерны и условно раз-

делены двумерными же плоскостями. Именно за счет столкновения двух двумерных феноменов (букв и плоскостей) создается иллюзия объема, однако она в любой момент может быть снята при помощи взгляда на рамку, которой обведена композиция. Рамка напоминает нам о двумерности холста и акцентирует ирреальный, нефизический характер изображенных форм.

Сходная игра с границей между искусством и действительностью наблюдается в оформлении стихотворения «А вы могли бы?» В самом стихотворении говорящий осуществляет жест стирания границы между текстом и действительностью, поэзией и жизнью: стихотворение начинается со «смазывания» карты будня, смешения реального и вымышленного — ресторанного меню («карты») и рисунка кляксы на ней, «блюда студня» и воображаемого океана, чешуи рыбы на тарелке и неосязаемого «зова» «новых губ», «водосточных труб» и угадываемого в их звучании ноктюрна. Похожий жест повторен в иллюстрации: идеограмма «А (в/б) ы?» помещена напротив изображения решётки, заполненной вопросительными знаками. Решётка представляется ограниченным и предсказуемым пространством, конвенциональным и искусственным, а идеограмма на её фоне воспринимается как нечто, выходящее за границы этого пространства. «Вы» и «бы» вписаны в расчерченную сетку, но «А» и вопросительный знак изображены поверх решетки, за ее рамками. Так, художник показывает нам, как емкий визуальный образ, передающий вопрос-провокацию («А вы могли бы?»), «взламывает» конвенциональное изобразительное пространство изнутри. При этом сам эффект выхода за рамки опять же иллюзорен: мы осознаем, что рамка — и сама искусственная структура решетки — не уничтожаются до конца. Напротив, они существуют как необходимое условие для создания эффекта «взлома». Повторяя за поэтом жест, Лисицкий обнажает его подоплеку, деконструирует его, обнажая его условность и превращая его в перформанс, существующий в отдельном, не смешивающемся с жизнью измерении.

Список литературы

- Ган А. Конструктивизм // Формальный метод. Т. 1. М.; Екатеринбург, 2016. С. 867–908.
- Крусанов А.В. Русский авангард 1907–1932: исторический обзор: В 3 т.: Футуристическая революция. Т. 2. М., 2003.
- Лисицкий Э., Эренбург И. Блокада России кончается // Вещь. 1922. № 1–2. С. 1–4.
- Наумов Е.И. Ленин о Маяковском (Новые материалы) // Новое о Маяковском. М., 1958.

- Цфасман А. «Русский Берлин» начала 1920-х годов: издательский бум // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34. С. 102–107.
- Яacobson P.O. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
- Bowl J.E. Art in Exile: The Russian Avant-Garde and the Emigration // Art Journal. 1981. № 3 (41). P. 215–221.
- Güfin L. Ideogram, history of a poetic method. Austin, 1982.
- Jangfeldt B. Mayakovsky: A Biography. Chicago, 2014.
- Lissitzky E. From an Interview // Voices of the Revolution. Collected Essays. Cambridge, Mass., 2000. P. 35–37.
- Lodder C. El Lissitzky and the Export of Constructivism // Situating El Lissitzky: Vitebsk, Berlin, Moscow / Ed. N. Perloff, B.M. Reed. Los Angeles, 2003. P. 27–47.

Anna Shvets

MAYAKOVSKY ABROAD: BETWEEN THE ART OF THINGS AND THE ART OF PERFORMANCE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper focuses on the book *For the Voice* jointly written by Vladimir Mayakovsky and El Lissitzky and published in 1923 in Berlin. This book was supposed to establish Mayakovsky as an international poet. *For the Voice* therefore offers the reader an outline of Mayakovsky's poetic project and his self-presentation as a poet. Mayakovsky's self-presentation nevertheless is transformed by Lissitzky's mediation as he edited the final product. The collaborator modified the poet's aesthetic vision and image. Putting Maykovsky and Lissitzky within a broader socio-aesthetic context, the paper argues that Mayakovsky defends anti-aesthetic, pro-Constructivist view of art urging the reader to replace words with deeds, poems with things, spiritual labor with utilitarian labor. Lissitzky, as a key figure in the dissemination of the Constructivist paradigm, transforms Constructivist ideology, imparting some aesthetic flavor to it. He gets rid of the utilitarian emphasis and puts forward a peculiar conception in which a work of art is an expedient yet immaterial object, inventing a new form, capable of spawning new practical applications. Analyzing the book and its visual design the paper shows how the anti-aesthetic, Constructivist program espoused by Mayakovsky is altered by Lissitzky's intervention as a designer. As a matter of fact, the project of replacing poems with things remains a utopian ideal and, due to Lissitzky's efforts, is paradoxically realized as a performance in which the image performs the poem as a sovereign and self-contained entity (which contradicts the Constructivist vision).

Key words: avant-garde; Constructivism; Mayakovsky; Lissitzky.

About the author: *Anna Shvets* — PhD Student at the Discourse and Communication Studies Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananke2009@mail.ru).

References

- Gan A. *Konstruktivizm. Formalny metod*. Moscow; Ekaterinburg, 2016, pp. 867–908.
- Krusanov A. *Russki avangard 1907–1932. Futuristicheskaya revoliutsia*. Moscow, 2003.
- Lissitzky E., Ehrenburg I. *Blokada Rossii konchaetsia. Veshch*, May 1922, no 1–2, pp. 1–4.
- Naumov E. Lenin o Mayakovskom [Lenin on Mayakovsky]. *Novoe o Mayakovskom*. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 1958.
- Tsfasman A. “Russki Berlin” natchala 1920-kh godov: izdatelsky bum [Russian Berlin in the 1920s: Publishing Boom]. *Vestnik Cheliabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2008, no. 34, pp. 102–107.
- Jakobson R. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm “za” i “protiv” [Structuralism: For and Against]*. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230.
- Bowl J.E. *Art in Exile: The Russian Avant-Garde and the Emigration*. *Art Journal*, 1981, no 3 (41), pp. 215–221.
- Géfin L. *Ideogram, history of a poetic method*. Austin, University of Texas Press, 1982. 182 p.
- Jangfeldt B. *Mayakovsky: A Biography*. Chicago, University of Chicago Press, 2014. 601 p.
- Lissitzky E. From an Interview. *Voices of the Revolution. Collected Essays*. Cambridge, Mass., MIT Press, 2000, pp. 35–37.
- Lodder C. El Lissitzky and the Export of Constructivism. *Situating El Lissitzky: Vitebsk, Berlin, Moscow*. Los Angeles, Getty Research Institute, 2003, pp. 27–47.

П. Пулаки

ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ ИРАНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье дается обзор ряда концептуально значимых работ иранских переводчиков и исследователей популярного в Иране творчества Маяковского. Переводы произведений Маяковского начали осуществляться с языка оригинала относительно недавно (прежде переводили в основном с французских, английских, армянских переводов). Сам выбор произведений для перевода мог быть разным, что определяло образ Маяковского для иранского читателя (стихи ранние или стихи после 1917 г., стихи о любви или стихи «политизированные»). Поэзия Маяковского, ее темы, характер лирического героя, особенности стиха и способов графического оформления текста («лесенка»), повлияли на некоторых значительных иранских поэтов (прежде всего на А. Шамлу). Интерес представляет попытка иранских литературоведов увидеть общее между европейской визуальной поэзией XX в. (в частности, поэзией Маяковского) и графикой традиционной средневековой поэзии, написанной на фарси.

Ключевые слова: В.В. Маяковский; А. Шамлу; иранская литература; компаративистика; литературное влияние; визуальная поэзия; художественный перевод.

Произведения Маяковского, как известно, переведены на многие языки (к 2010 г. — на 98) и оказали влияние на литературу разных стран, в том числе и Ирана, где поэту были посвящены труды многих переводчиков, критиков, литературоведов, поэтов и писателей.

Несмотря на большой интерес к Маяковскому, до сих пор вопрос рецепции его творчества в Иране не был предметом специального изучения. На наш взгляд, начать такое исследование необходимо с краткого обзора ключевых этапов истории Маяковского в Иране.

На другие иностранные языки переводы произведений Маяковского были сделаны гораздо раньше, чем на фарси. Переводческая деятельность в Иране всегда находилась под влиянием обществен-

---

Парване Пулаки — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: parvanepoulaki33@gmail.com).

ной ситуации, она была идеологически обусловлена, и в условиях политического давления писатели прибегали к переводу зарубежных текстов, затрагивающих важные и для Ирана темы [Мирабедина, 1987: 13–14]. Это относится и к переводам произведений русской литературы.

Волна популяризации русской литературы в Иране началась в 1940–1950-е годы. Количество переводов, исследований и статей, связанных с русской литературой на протяжении 1941–1953 гг., было так велико, что многие иранские литературоведы и критики считают, что в эти годы русская литература стала господствующим культурным интересом страны [Моради, 2015: 35]. В Иране произошел «переводческий бум» [Хождасте, Шабан, 2012: 45–51], на персидский язык были переведены 94 произведения 13 русских писателей, в том числе Пушкина, Лермонтова, Крылова, Гоголя, Л.Н. Толстого, Чехова, Горького, Н. Островского, К. Симонова, И. Эренбурга, Л. Соболева.

В иранской периодической печати публиковались статьи о жизни и творчестве русских писателей, устраивались литературные вечера, выставки, радиопередачи, посвященные русской литературе. Особая роль принадлежала Иранскому обществу культурных связей с Советским Союзом (основано в 1943) и его ежемесячному журналу «پیام نوین» (Payame novin, i.e. “New message”). Первый номер издания вышел в августе 1944 г.

Творчество Маяковского дошло до иранского читателя к середине XX в. У власти тогда была партия коммунистического типа «Тудэ» (действовала с 1941), поддерживавшая премьер-министра М. Моссадека в деле национализации нефти, что позволило «Тудэ» определять доминирующую идеологию. Члены «Тудэ» играли важную роль в знакомстве иранского общества с русской литературой. Один из ее основателей, Эхсан Табари (1917–1989), был выдающимся писателем и переводчиком с русского языка (всего владел семью языками). С 1945 до 1958 г. Табари жил в СССР, получая образование в Академии общественных наук в Москве и работая на московском радио. Интерес к творчеству Маяковского в 1950-е годы развился именно благодаря переводам Табари [Шафии-Кадкани, 2011: 512]. На страницах «Журнала для народа» в 1941 г. появился перевод поэмы «Флейта-позвоночник», сделанный Табари. Табари принадлежит большое количество переводов с русского языка, однако перевод поэмы Маяковского, по утверждению известного иранского литературоведа М. Шафии-Кадкани, был сделан с французского: «Этот перевод был настолько влиятелен, поскольку был сделан именно Табари с французского языка, а если бы кто-то перевел его с русского языка, может быть, он бы повлиял по-другому...»

Знаменитый поэт А. Шамлу посвятил стихотворение “حرف آخر” (Harfe akhar, i.e. “The last word”) тем, «кто постарается сохранить господство над старыми кладбищами», «Владимиру Маяковскому в честь годовщины его смерти» [Шамлу, 1957: 347].

Я не Ферейдун <иранский поэт, современник Шамлу>,
И не Владимир,
Который пулей поставил точку в предложении,
завершившем историю его жизни,
Я не поверну назад
И не умру,
Потому что я — А. Собх <то есть Утро — псевдоним Шамлу>,
Совсем недавно победивший в себе чужака,
Я как могучий дуб на пересечении дорог в пустыне,
И совсем недавно я победил в себе чужака,
Как Владимир победил себя в себе самом.
Вам на карточный стол, о содержатели
сборников вычурных стихов,
я бросаю туз, карту души моей поэзии,
потому что вы,
тупо издевающиеся над Нима <основоположник новой поэзии в Иране>,
потому что вы,
убивающие всех Владимиров,
на этот раз столкнулись на поле битвы с непокорным поэтом,
смело прокладывающим себе путь сквозь скопище диванов.

Перевод В. Кляшториной

Как говорит сам автор, Маяковский помог ему выразить ненависть к старому порядку и противникам новой поэзии в Иране [Шамлу, 1973: 11]. Воздействие облика и стихов Маяковского на Шамлу было очень существенным, наряду с влиянием других больших европейских поэтов XX в., прежде всего Лорки, Арагона, Л. Хьюза: «... Не случайно иранская критика указывала, что отдельные стихи Шамлу есть переводы из Маяковского. Образ Маяковского помогал поэту сформировать свое отношение к пошлости жизни и косности литературного эпигонства. На этот образ опирался Шамлу в поисках надлежащей интонации для разговора с широкой аудиторией и установления контакта с современниками» [Кляшторина, 2003: 377].

В 1949 г. Э. Абаси и Дж. Рошандел опубликовали отдельной брошюрой перевод статьи Маяковского «Как делать стихи?», сопровождавшийся биографией поэта. Впоследствии эту статью переводили на фарси еще несколько раз (см.: [Гаэди, Эфтехаридад, 2005]), в книге М. Рахими об экзистенциализме под названием “کشتار عام” (Koshtare aam, i.e. “Mass murder”). В сборнике статья Маяковского соседствует с текстами Сартра и Камю.

До начала 1950-х годов европейские литературные и произведения переводились на фарси в основном с французского, а большинство

тех, кто получал высшее образование за границей, получал его именно во Франции. После августовского переворота 1953 г. французский язык начал вытесняться английским ([Камали, 2013]); в 1969 г. поэт М. Аташи, который серьезно занимался переводом стихов иранских поэтов на английский язык, опубликовал перевод поэмы «Владимир Ильич Ленин» с английского языка; при посредничестве английских переводов были переданы на фарси пьесы «Клоп» и «Баня» (А. Нурианом в 2002 г.; первый тираж книги, в которую были включены эти пьесы, составил 2200 экз., и ее переиздание также имело большой успех; книга также содержала комментарии переводчика и перевод фрагментов воспоминаний Эльзы Триоле). На формирование образа Маяковского в Иране в некоторой степени влияли англоязычные литературоведческие работы о Маяковском (так, в 1996 г. опубликован выполненный М. Мохтари с английского перевод книги В. Терраса). Иногда в качестве посредников выступали и другие языки: так, в 1984 г. В. Дарсахакян с армянского языка перевел «Мое открытие Америки» (использован перевод Е. Маликияна с русского).

А. Шафии переводил стихи Маяковского о любви и занимался биографией поэта, автобиографическими элементами в творчестве поэта; в частности, он перевел с шведского и издал (в 2004) воспоминания В.В. Полонской под названием “من عاشق مایاکوفسکی بودم- خاطرات معشوقه ی او” (Man asheghe mayakovsky budam, i.e. “I was in love with Mayakovsky”), а позднее, также со шведского, книгу Б. Янгфельдта «Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг» и издал этот перевод под названием “لی لی و مایاکوفسکی” (Liliya va Mayakovsky, i.e. “Lily and Mayakovsky”); как приложение в книгу вошла переписка Маяковского с Бриками, письмо Л. Брик Сталину и ответ последнего.

В конце XX — начале XXI в. интерес к русской литературе усиливается, и количество переводов произведений Маяковского также значительно возрастает. Во многом это было связано с работой М. Кашигара, к которому пришла популярность благодаря переводу поэмы Маяковского «Облако в штанах» (переиздавался 7 раз). Кашигар занимался Маяковским уже давно: еще в 1977 г. он выпустил книгу “مایاکوفسکی، کار و زندگی” (Mayakovsky, kar va zendegi, i.e. “Mayakovsky, life and creativity”), в которую вошли переведенные с французского языка отрывки из «Я сам», избранные стихи, рисунки Маяковского, биографический очерк и некоторая библиография. По словам Кашигара, своими переводами 1970-х годов он был так недоволен, что на целых 10 лет оставил переводческую деятельность. Но однажды, когда ему подарили перевод «Облака в штанах» на французский, выполненный Б. Корели, он понял, что интерес к Маяковскому в нем еще жив. Следующие 18 месяцев после полу-

чения этого подарка он посвятил переводу стихотворений поэта, и в 1999 г. вышла книга “ابر شلوارپوش” (Abre shalvarpush, i.e. “Cloud in Pants”); кроме одноименной поэмы, в сборник вошли также «Флейта-позвоночник» и «Юбилейное», — переводы, созданные на основе сравнения нескольких переводов на французский и английский языки (русским языком Кашигар не владел).

В конце XX в. «Облако в штанах» переводил также Х. Фердоси (с английского); его работа оказалась не так востребована, как версии Кашигара (переводы Фердоси выходили под названиями «Я сам» (1999) и “ابر” (Abr, i.e. “Cloud”) (2000), в состав книг «Облако в штанах», «Ночь» и «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»). Наконец, недавно перевод поэмы был осуществлен с языка оригинала известным переводчиком Х. Аташбарабом (он перевел с русского также, в частности, стихи и прозу Пушкина и произведения Куприна).

А. Эфтехари-Рад, ссылаясь на слова П. Октавио о том, что поэзия непереводаема, но можно передать ее смысл, считал, что переводы некоторых иностранных поэтов на фарси очень свободные, приближенные к менталитету и реалиям Ирана. К таким переводам относится и перевод «Облака в штанах» М. Кашигара, в целом оцененный критиком очень высоко ([Эфтехари-Рад, 2017]).

Назвав имя Кашигара, переводившего стихи Маяковского о любви, заметим, что облик поэта для иноязычных читателей прямо зависел не только от качества и характера перевода, но и от выбора произведений: выбор Кашигара очень заметно отличается от выбора некоторых других иранских переводчиков, обращавшихся прежде всего к поздней политической публицистике Маяковского. Конечно, мы понимаем, как тесно и сложно связаны у самого Маяковского социальная и интимная темы (например, в «Облаке в штанах»), и тем не менее выбор определенного корпуса текстов обуславливает дальнейшую рецепцию творчества автора.

С языка оригинала Б. Шахабом были переведены 30 стихотворений (издано в 2009 г.), из них 27 «дооктябрьских» и только шесть послереволюционных — сборник “ساده چون صدای گاو” (Sade chon sedaye gav, i.e. “Simple As Mooing”). Шахаб стремился избегать отражения идеологических установок поэта и при переводе сделал всё возможное, чтобы выбрать те формы и выражения, которые были ближе к вкусам современных иранцев. По его словам, он, как настоящий хирург, своим ножом лечил и украшал все стихи, которые были повреждены русской историей XX в., чтобы они выражали то нежное чувство, которого ожидает иранская аудитория от поэзии [Шахаб, 2009]. Перу Б. Шахаба принадлежит «Антология русской поэзии», где поэзия России представлена со времен Державина и до

Серебряного века включительно, а также сборник “آتش سرد” (Atashe sard, i.e. “The cold fire”), где были помещены еще несколько стихотворений Маяковского.

Переводы из Маяковского могут быть использованы как средство леворадикальной пропаганды. Так, на протяжении 2010–2013 гг. три сборника переводов Маяковского, выполненных Ш. Аташкар, выпустило издательство «Мир», чьей целью является распространение коммунистических идей в Иране. Первая книга, «Обращайся к Маяковскому и зажги старую традицию», включала переводы «Пощечины общественному вкусу», «О футуризме», программы «ЛЕФа». Переводчик подчеркивал, что Маяковский — это воплощение ненависти к старому порядку, он сторонник революции, разрушения, обновления; Аташкар призывал обращаться к творчеству поэта, отбрасывая все старое [Аташкар, 2010: 12]. Вторая книга, подготовленная Аташкар, состояла из 16 стихотворений и поэмы «Во весь голос». В предисловии к ней переводчик критиковал Б. Шахаба и М. Кашигара за то, что они сосредотачивались на стихах Маяковского о любви, избегая других, не менее важных для русского поэта тем, и отмечал, что намеренно выбрал стихи, отражающие революционную идеологию поэта [Аташкар, 2011: 8]: «А Вы смогли бы?», «К ответу!», «Левый марш», «Наш марш», «Приказ по армии искусств», «Стихи о советском паспорте».

Третья книга Аташкара, «Кем быть?», вышла в свет в 2013 г. (в ней были использованы иллюстрации П. Асеева, входившие в издания переводов поэмы Маяковского на разные языки и выходивших в издательстве «Прогресс» в 1970–1980-х годов).

С. Абуталеби, одна из молодых переводчиков Ирана, тоже занималась переводом стихотворений В. Маяковского и в 2011 г. опубликовала сборник, в который было включено более 25 стихотворений поэта, в том числе и поэма «Во весь голос». На презентации издания присутствовали Ш. Аташкар и М. Ахмадпур (последний известен своими переводами лирики Ахматовой и Цветаевой на персидский язык). Читая перевод «Во весь голос», Ахмадпур отметил, что, несмотря на то, что перевод был сделан с языка посредника (английский), качество этого перевода несомненно, он будет иметь успех и слово одного из самых великих поэтов России иранской поэтессой понято и точно передано [Джадиди, 2017].

В последние годы в Иране по мере возрастания количества переведенных произведений Маяковского возникает необходимость теоретического осмысления и оценки его творчества. В исследованиях литературоведов Ирана не раз была рассмотрена техника «лесенки» Маяковского (см., например: [Каболи]). Анализируя графику поэзии XX в. (в частности, технику «лесенки», используемую Маяковским),

иранские исследователи указывают на существование сопоставимых явлений в древнеперсидской поэзии, вспоминают технику, которая привлекалась с целью усиления визуального эффекта: слова располагались в определенном порядке, и получалась форма дерева, птички, животных и т.д. [Вахидиан-Камяр 2000].

К графическому разделению строки прибегали такие поэты, как Фирдоуси, Саади и Гафиз. Они делали акцент на паузах, подбирая слова, при чтении которых автоматически возникает необходимость сделать паузу, что увеличивало время «развертываемости» предложения. Приведем пример из стихотворения Фирдоуси:

Наконец, все ложимся на землю, которая приносит нашу душу
Всевышнему.

Такая горизонтальная разбивка для традиционной персидской поэзии была классической. В XX в. в персидской поэзии вертикальное рассечение строки, подобное «лесенке» Маяковского, впервые встречается в стихотворении «فتح برلين» (Fathe berlin, i.e. “Victory over Berlin”), написанном М. Шибани в 1935 г. Другие поэты тоже использовали такой метод, но популярной техника стала благодаря творчеству А. Шамлу, который стал обращаться к ней с 1949 г. [Сахба, Омранпур, 2007].

В современном иранском литературоведении отмечается большой интерес к вопросам взаимодействия творчества Маяковского и других поэтов, активно разрабатывается проблема влияния его поэзии на персидскую литературу [Яхьяпур, Карими-Мотахар, Эсмаили, 2010, 2013]; в частности, анализируются идеи Шамлу, которые были схожи с взглядами футуристов. Для работ последних лет характерно внимание к раннему футуристическому творчеству Маяковского и футуризму как таковому [Мохаммади, 2012].

Обилие и разнообразие уже существующих переводов произведений Маяковского на фарси делает сами эти переводы важной темой литературоведческого исследования. Хотя, как мы уже заметили выше, обобщающих работ о Маяковском и иранской литературе нет, работы, посвященные отдельным переводам, появляются (см., например, защищенную в 2014 г. диссертацию Д. Нарееи о произведениях «Мое открытие Америки» и «Я сам», где обсуждается, в частности, вопрос об адекватности переводов этих текстов на фарси).

Поэзия Маяковского, которую изначально популяризировали в Иране по идеологическим соображениям, оставила заметный след в персидской поэзии. Футуристическая экспрессивность и подчеркнутая визуальность его стихотворений были активно восприняты иранскими поэтами. Интерес к творчеству Маяковского сохраняется до сих пор, но теперь он, как правило, редко связывается с политическими установками.

Список литературы

- Абаси Э., Рошандел Дж. Как делать стихи. Тегеран, 1949. [На фарси]
- Аташкар Ш. Кем быть? Тегеран, 2013. [На фарси]
- Аташкар Ш. Другой Маяковский. Тегеран, 2011. [На фарси]
- Аташкар Ш. Обращаясь к Маяковскому, бороться с традициями. Тегеран, 2010. [На фарси]
- Бехруз М. Бунтовщики-идеалисты: конец левого движения в Иране. Тегеран, 2001. [На фарси]
- Вахидиан-Камьяр Т. Бадии с художественной точки зрения. Тегеран, 2000. [На фарси]
- Газди А., Эфтехарирад А. Как делать стихи. Тегеран, 2005. [На фарси]
- Дад С. Словарь литературных терминов. Тегеран, 1999. [На фарси]
- Джадиди Л. Новости недели. URL: <http://www.iran-nabard.com/n321/honari321.htm> (дата обращения: 15. 11. 2017). [На фарси]
- Идиатуллина Л.Т. Переводы Маяковского в отечественных и зарубежных исследованиях // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2010. № 3. С. 118–123.
- Кабולי И. Ритмология и аруз. Тегеран, 1987. [На фарси]
- Камали М. История переводов с французского на фарси. Мешхед, 2013. [На фарси]
- Кашигар М. Поэт, который умирал три раза. URL: <http://www.shargh-daily.ir> (дата обращения: 10. 11. 2017). [На фарси]
- Кляшторина В. «Шаги тихой воды»: две волны вестернизации в персидской поэзии XX века // Новое литературное обозрение. 2003. № 62. С. 373–387.
- Мирабеддини Х. Сто лет творчества и история повествовательной формы в Иране. Тегеран, 1987. [На фарси]
- Моради Ф. Анализ переводов, выполненных в Иране с 1950-х по 1970-е гг. 2015. [На фарси]
- Мохаммади З. Анализ поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах» как одного из ярких образцов русского футуризма // Журнал, посвященный исследованиям современной мировой литературы. 2012. № 12. С. 167–177. [На фарси]
- Сახба Ф., Омранпур М. Членение строки в современной иранской поэзии // Журнал литературных исследований. 2007. № 15. С. 81–111. [На фарси]
- Фердоси Х. Облако. Тегеран, 1976. [На фарси]
- Ходжасте Рахими Р., Шабан М. Изучение литературных переводов в Иране // Мехнаме. 2012. № 7. С. 45–51. [На фарси]
- Шамлу А. Собрание переводов великих поэтов мира. Тегеран, 1973. [На фарси]
- Шамлу А. Свежий воздух. Тегеран, 1957. [На фарси]
- Шафии-Кадкани М. Исследование истории современной иранской поэзии. Тегеран, 2011. [На фарси]
- Шахаб Б. Простое как мычание. Тегеран, 2009. [На фарси]

- Эфтехари-рад А. // Восток. 2017. 18 авг. URL: magiran.com/n3607385 (дата обращения: 20.03. 2018. [На фарси]
- Юсефи Г. Золотая бумага. Тегеран, 1984. [На фарси]
- Яхьянур М., Карими-Мотакхар Дж., Эсмаили С. Взгляды А. Шамлу и В.В. Маяковского на поэзию и образ их жизни // Вестник Таджикского национального университета. 2013. № 4–3 (113). С. 246–252.
- Они же. О влиянии В.В. Маяковского на творчество современного иранского поэта А. Шамлу // Русский язык за рубежом. 2010. № 4 (221). С. 76–81.
- Они же. Традиции В.В. Маяковского и современная иранская литература // Вестник Евразии. 2010. № 42 (5). С. 77–84.

Parvaneh Poulaki

V. MAYAKOVSKY'S WORK IN IRANIAN LITERATURE AND LITERARY CRITICISM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article reviews the most prominent translations into Iranian of poems by the Russian poet Vladimir Mayakovsky. Unlike French, English and Armenian translators, Iranian masters took to Mayakovsky quite recently. However it is the translations of his love poems and political poems that define the audience's attitude toward the poet. It is argued that Mayakovsky's poetry with its topics, characters, special features and 'stairways' technique has made a strong influence on some of the outstanding Iranian poets, primarily A. Shamlou. Drawing upon Iranian literary studies, an attempt is made to see similarities between 20th century European visual poetry, particularly Mayakovsky, and medieval poetry written in Farsi.

Key words: Vladimir Mayakovsky; A. Shamlou; Iranian poetry; comparative analysis; literary influence; visual poetry; literary translation.

About the author: *Parvaneh Poulaki* — PhD Student at the Department of the History of newest Russian literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: parvanehpoulaki33@gmail.com).

References

- Abasi E., Roshandel Dzh. *Sher chegune sakhte mishavad* [How to make poems]. Tegeran [Tehran], 1949. [In Farsi]
- Atashkar Sh. *Che kare shavam* (Whom to be?). Tegeran [Tehran], 2013. [In Farsi]
- Atashkar Sh. *Mayakovskye digar* (Another Mayakovsky). Tegeran [Tehran], 2011. [In Farsi]

- Atashkar Sh. *Mayakovsky ra daryab kokhnegi ra besuzan* (By addressing to Mayakovsky, fight with traditions). Tegeran [Tehran], 2010. [In Farsi]
- Bekhruz M. *Shureshiyane arman khah-Nakamiye chap dar iran* (The rebels-idealists: The collapse of the left in Iran). Tegeran [Tehran], 2001. [In Farsi]
- Vakhidian-Kamiar T. *Badii az nazare zabanshenasan* The aesthetic aspect of badii. Tegeran [Tehran], 2000. [In Farsi]
- Gaedi A., Eftekhariad A. *Sher chegune sakhte mishavad* (How to make poems). Tegeran [Tehran], 2005. [In Farsi]
- Dad S. *Farkhange estelakhate adabi* [Dictionary of literary terms] Tegeran [Tehran], 1999. [In Farsi]
- Dzhadidi L. *Ruidadhaye hafte*. [The news of the week] URL: <http://www.iran-nabard.com/n321/honari321.htm> (accessed: 15. 11. 2017). [In Farsi]
- Idiatullina L.T. *Perevody Maiakovskogo v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh* [Russian and foreign studies of Mayakovsky in translations]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts] 2010. № 3. S. 118–123. (In Russ.)
- Kaboli I. *Vaznshenasi va uruz*. [Ritmology and “ARUZ”] Tegeran [Tehran], 1987. [In Farsi]
- Kamali M. *Tarikhe tarjome az zabane faranse*. [The history of translation from French to Farsi] Meshkhed [Mashhad], 2013. [In Farsi]
- Kashigar M. *Shaeri ke se bar mord*. [A poet who has experienced death three times] URL: <http://www.sharghdaily.ir> (accessed: 10. 11. 2017). [In Farsi]
- Kliashtorina V. “*Shagi tikhoi vody*”: *dve volny vesternizatsii v persidskoi poezii XX veka* [“Steps of quiet water”: two waves of Westernization in Persian poetry of the 20th century], Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2003, № 62, pp. 373–387. (In Russ.)
- Mirabedini Kh. *Sad sal dastan nevisi dar iran*. [One hundred years of creation and development of the story genre in Iran] Tegeran [Tehran], 1987. [In Farsi]
- Moradi F. *Tahlile bordoiye tolidate adabi beine salhaye 20–45 ba dar nazar gereftane koneshi tarjome*. [Analysis of translations made from the 1950s to the 1970s in Iran, based on the idea of P. Bordi] 2015. [In Farsi]
- Mokhammad Z. *Barresi va tahlile abre shalvar pushe mayakovsky be onvane bareztarin nemuneye shere futuristi* [Analysis of the poem “Cloud in Pants” by V.V. Mayakovsky as one of the brightest representatives of Russian Futurist poetry], Majale motaleye adabiyate moaaser [The journal for the study of modern world literature], 2012, № 1, pp. 167–177. [In Farsi]
- Sakhba F., Omranpur M. *Boreshhaye darun mesraee dar shere moasere farsi*. [The act of cutting a line into pieces in modern poetry in Iran] Majale pajuheshhaye adab. [The journal of literature studies] 2007, № 15, pp. 81–111. [In Farsi]
- Ferdosi Kh. *Abr*. [Cloud]. Tegeran [Tehran], 1976. [In Farsi]
- Khodzhaste Rakhimi R., Shaban M. *Motaleye tarikhe targime dar iran*. [A study of the literary translation process in Iran] Mehname, 2012, № 7, pp. 45–51. [In Farsi]

- Shamlu A. *Majmue targome shaerene bozorge jahan*. [The collection of translations of several great poets of the world] Tegeran [Tehran], 1973.
- Shamlu A. *Havaye taze* [The fresh air] Tegeran [Tehran], 1957. [In Farsi]
- Shafii-Kadkani M. *Ba cheragho aine dar jostejuye tahavjllate shere emruze farsi* [In search of a study of the history of the chdnging contemporary of Iranian poetry] Tegeran [Tehran], 2011. [In Farsi]
- Shakhab B. *Sade cho sedaye gav* [Simple as Mooing] Tegeran [Tehran], 2009. [In Farsi]
- Eftekhari-rad A. *Mayakovsky be zabane mediya kashigar* [Mayakovsky in terms of Kashigar], Shargh [The Eastern], 2017, Aug. 18. URL: magiran.com/n3607385 (accessed: 20.03. 2018). [In Farsi]
- Iusefi G. *Kaghaze zar*. [The golden paper] Tegeran [Tehran], 1984. [In Farsi]
- Yahjyapur M., Karimi-Motahar Dzh., Esmaili S. *Vzglyady A. Shamlou i V.V. Mayakovskogo na poeziyu i obraz ih zhizni* [Views of V.V. Mayakovsky and A. Shamlu on poetry and their way of life], Vestnik Tadzhikskogo nacionalnogo universiteta [Bulletin of the Tajik national University]. 2013. № 4–3 (113), pp. 246–252. (In Russ.)
- Yahjyapur M., Karimi-Motahar Dzh., Esmaili S. *O vliyanii V.V. Mayakovskogo na tvorchestvo sovremennogo iranskogo poeta A. Shamlou* [About Vladimir Mayakovsky' influence contemporary Iranian poet A. Shamlou work], Russkij yazyk za rubezhom. [Russian language abroad] 2010, № 4 (221), pp. 76–81. (In Russ.)
- Yahjyapur M., Karimi-Motahar Dzh., Esmaili S. *Tradicii V.V. Mayakovskogo i sovremennaya iranskaya literature*. [Traditions of V.V. Mayakovsky and modern Iranian literature] Vestnik Evrazii [Bulletin of Eurazia], 2010, № 42 (5), pp. 77–84. (In Russ.)

ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ М.В. ВСЕВОЛОДОВОЙ

К юбилею профессора Майи Владимировны Всеволодовой

Ф.И. Панков

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА ВСЕВОЛОДОВА И ЕЕ УЧЕНИКИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена юбилею М.В. Всеволодовой, профессора филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Шестидесятисемилетний творческий путь М.В. Всеволодовой, достижения ее научной школы составляют целую эпоху в отечественной и зарубежной лингвистике, в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. В статье освещаются основные этапы жизни и творчества М.В. Всеволодовой с момента окончания средней школы до работы в качестве профессора кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ. Кроме того, кратко рассмотрены достижения некоторых из учеников М.В. Всеволодовой, перечислены их наиболее значительные научные и учебно-методические публикации.

Ключевые слова: Майя Владимировна Всеволодова; русский язык как иностранный; функционально-коммуникативная грамматика; функциональный синтаксис; лингводидактическая модель языка; научная школа М.В. Всеволодовой.

Коллектив кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, представители российской и международной русистики и лингводидактики 26 июня 2018 г. отметили юбилей доктора филологических наук, заслуженного профессора МГУ, почетного профессора Шанхайского университета иностранных

Панков Федор Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pankovf@mail.ru).

языков Майи Владимировны Всеволодовой. В любой точке земного шара вряд ли найдется специалист в области преподавания русского языка, который не знал бы имени этого ученого, труды которого стали классикой в сфере анализа грамматики и семантики языковых единиц в лингводидактическом аспекте. Ученики, «птенцы гнезда Всеволодовой», разлетелись по всему миру.

1. Начало пути. Описание жизни в науке Майи Владимировны достойно не статьи, а отдельной книги. Ее творческий путь составляет целую эпоху в отечественной и зарубежной лингвистике в целом, русистике и полонистике в частности, а также в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. После окончания московской средней школы в послевоенном 1946 г. она как медалистка поступила без экзаменов на славянское отделение филологического факультета Московского университета. Ее курс называли «золотым», что объясняется очень просто: на него поступили исключительно льготники — золотые и серебряные школьные медалисты, а также, естественно, вернувшиеся к мирной жизни участники Великой Отечественной войны. Среди выпускников «золотого» курса — известные лингвисты, литературоведы, журналисты, психологи: Ю.А. Бельчиков, Т.В. Булыгина, И.Ф. Волков (декан филологического факультета МГУ в 1980–1991 годах), Т.Я. Елизаренкова, В.В. Иванов, А.А. Камынина, Е.С. Кубрякова, Н.М. Лариохина, В.Я. Лейчик, А. Макарова (псевдоним А.М. Селькиной), Ю.Ф. Поляков, Ю.Б. Рюриков, В.Н. Топоров, Н.И. Формановская и многие другие.

А пока юная Майя была студенткой 3 курса и с усердием училась на кафедре славянской филологии, овладевая премудростями польского языка, в 1948 году при кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в то время возглавляемой академиком В.В. Виноградовым, была открыта секция по преподаванию русского языка как иностранного (РКИ), которая в декабре 1951 года была трансформирована в первую в Советском Союзе кафедру русского языка для иностранных учащихся с заведующей — молодым доцентом Галиной Ивановной Рожковой. В том же году аналогичные кафедры были открыты в Ленинградском и Киевском государственных университетах.

2. Первые публикации. В 1951 г. славянское отделение окончила и М.В. Всеволодова. Она планировала посвятить свою жизнь преподаванию польского языка, однако на филологическом факультете не оказалось ни одной вакансии для преподавателя польского языка русским, но появилось место для преподавателя русского языка полякам, которое и было предложено Майе Владимировне. Так

благодаря счастливому случаю началась ее долгая и плодотворная научно-педагогическая жизнь.

Потребности послевоенного времени, приезд на учебу в СССР большого числа иностранных учащихся из социалистических стран, обобщение индивидуального и коллективного опыта преподавания русского языка вызвали к жизни новое, прикладное направление в русистике — РКИ. В 1953 г. ввиду большого наплыва учащихся кафедра русского языка для иностранцев разделилась на две: на одной из них стали обучаться студенты гуманитарных, на другой — естественных факультетов. На последней до 2009 г. и проработала преподаватель, старший преподаватель, доцент, а затем и профессор М.В. Всеволодова.

На кафедре русского языка для иностранцев, а позже — на кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов М.В. Всеволодова с первых дней работы не только преподавала русский язык нашим зарубежным друзьям и коллегам, но и обобщала накопленный индивидуальный и коллективный опыт в научных и методических статьях, учебных пособиях, учебниках, монографиях и диссертациях. В них как на русском материале, так и на основе сопоставительного анализа самых разных языков была сделана попытка взглянуть на родной язык по-новому, глазами не только носителя языка, но и иностранца («инофона», как его Майя Владимировна станет именовать позже), который сталкивается с трудностями овладения русской языковой системой.

Потребности практики требовали внимания к самым разным уровням языка, что отвечало и широте профессиональных интересов М.В. Всеволодовой. В частности, она создала одно из первых и одновременно лучших пособий по русской звучащей речи — «Фонетические упражнения по русскому языку для поляков» (1960), а в соавторстве с Л.П. Юдиной ею был написан также «Учебник русского языка для поляков» (1963). Обе книги остаются актуальными и по сей день, потому что, в отличие от множества издававшихся в советскую эпоху учебников и учебных пособий, не были перегружены политизированными текстами, а представленный в них языковой материал не устарел до сих пор.

3. Защита диссертаций. Под руководством профессора Т.П. Ломтева в 1966 г. Майя Владимировна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Временные конструкции современного польского языка (прямое время)», посвященную анализу средств выражения временных отношений в польском языке, а в 1983 г. — докторскую диссертацию на тему «Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации» [Всеволодова, 1983], где дано

описание фрагмента одной из важнейших грамматико-лексических категорий русского языка — времени.

Майя Владимировна поражает широтой своих научных интересов, однако главное направление деятельности ее фундаментальной научно-педагогической школы — теория функционально-коммуникативного синтаксиса и практика преподавания грамматики русского языка. Исследования М.В. Всеволодовой посвящены различным аспектам парадигматики (системы парадигм) предложения, анализу лексико-синтаксических категорий времени, пространства, причины, синтаксических фразеологизмов, вопросам аспектологии. Среди ее лучших работ — монографии «Способы выражений временных отношений в современном русском языке» 1975 г. [Всеволодова, 1975], «Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке» 1982 г. (в соавторстве с Е.Ю. Владимирским, 2-е изд. — 2008, 3-е — 2009) [Всеволодова, Владимирский, 1982], «Причинно-следственные отношения в современном русском языке» 1988 года (в соавторстве с Т.А. Ященко, 2-е изд. — 2008 г., 3-е изд. — 2013) [Всеволодова, Ященко 1988].

4. Рождение функционально-коммуникативной грамматики.

М.В. Всеволодова вместе со своими учениками и коллегами обратила внимание на то, что научить иностранного учащегося, носителя другого языка, общению на русском языке, опираясь на данные лишь традиционной формально-описательной грамматики, очень трудно или даже совсем невозможно. Для обучения иностранцев практическому русскому языку требуется совершенно иная, новаторская по своей сути грамматика, которая бы описывала, во-первых, содержательное пространство языка, включающее объективные (диктумные, или диктальные в терминах Ш. Балли) и субъективные (модусные, или модальные по Ш. Балли) смыслы; во-вторых, совокупность средств их выражения вне зависимости от принадлежности к тому или иному языковому уровню; в-третьих, типологию этих средств и их функционирование в речи; наконец, в-четвертых, языковые механизмы, определяющие использование языковых средств, адекватное потребностям субъекта и адресата речи.

В связи с этим возникла необходимость в принципиально новой, прикладной по своему характеру грамматике, ориентированной на овладение языком, а не на анализ искусственных, придуманных, подчас взятых с потолка абстрактных примеров. Таковую грамматику М.В. Всеволодова назвала **функционально-коммуникативной**. Именно ею впервые были использованы сами термины — «функциональный» и «коммуникативный» применительно к грамматическому строю русского языка и самому описанию этого строя, причем эти термины используются М.В. Всеволодовой и ее учениками не

как синонимы: функциональной грамматика является потому, что стремится ответить на вопросы «Как функционирует язык?», «Как функционируют в речи все уровни и единицы языка?». Коммуникативной она является потому, что ориентирована на решение коммуникативных потребностей субъекта речи — говорящего или пишущего.

Мысль о необходимости создания такой функционально-коммуникативной грамматики не только для ученика, но и для преподавателя (в том числе будущего) позволяющей увидеть весь объем языкового материала, данного в строгой системе, которая содержала бы объяснение языковых закономерностей, выявляющихся в речи, т.е. имела бы «выход» непосредственно в методику преподавания русского языка как неродного, была высказана М.В. Всеволодовой еще тридцать лет назад — в статье 1988 г. «Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка» [Всеволодова, 1988]. Такое новое грамматическое направление основано на практике, истинность его выводов проверяется в учебной иностранной аудитории.

5. Лингводидактическая модель языка. Университетская функционально-коммуникативная грамматика не просто одно из направлений русистики, это этап в развитии лингвистики в целом, включающий достижения самых разных направлений и школ. И наличие в рамках этой грамматики целостной модели языка, ориентированной на его преподавание, закономерно. Потребности практики вызвали к жизни ту модель языка, которая получила название «лингводидактической» (ее называют также «прикладной», «педагогической», а в последнем издании своего учебника М.В. Всеволодова назвала её также «фундаментальной»). Эта модель, с одной стороны, объединяет сферы, разрабатываемые представителями так называемого академического направления функциональной грамматики (например, Г.А. Золотовой и А.В. Бондарко), в некоторую единую систему, а с другой — базируется на опыте преподавания РКИ [Амиантова и др., 2001].

Практические потребности привели также к необходимости глубокого теоретического осмысления и переосмысления как фактов языка, так и методики их анализа и описания. Был выработан совсем другой взгляд на язык, создана иная система ценностей в представлении языковых фактов. Изложению теоретических основ одного из разделов функционально-коммуникативной грамматики — синтаксиса, посвящен опубликованный в 2000 и переизданный в 2017 г. учебник М.В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка» [Всеволодова, 2000; 2017]. Однако

функционально-коммуникативная грамматика не ограничивается исключительно прикладными задачами. Являясь грамматикой открытой, она использует также достижения других школ и направлений.

Функционально-коммуникативная грамматика, или «грамматика речи», включает гораздо более широкий круг вопросов, нежели традиционная формально-описательная «грамматика языка», поскольку практика потребовала обращения и к тем языковым фактам, которые при чисто теоретическом подходе к языку не относятся к числу изучаемых объектов или оцениваются многими как периферийные. Например, в «сферу интересов» функционально-коммуникативного синтаксиса вошли и лексика как его материальная часть, и собственно грамматика как часть идеальная: 1) семантическое пространство языка и его структуры: функционально-семантические поля, функционально-семантические категории, системы значений, типовые ситуации, лексемы, лексико-семантические варианты слов, семы; 2) формальные единицы и объекты функционально-коммуникативного синтаксиса: синтаксемы, словосочетания, предложения-высказывания, синтаксические фразеологизмы, тексты; 3) языковые механизмы: коррекционные, включая смысловые и формальные, а также коммуникативные, включая актуализационные и интерпретационные [Всеволодова, 2017].

6. Ученики. Работая на филологическом факультете, М.В. Всеволодова с первых лет буквально «обросла» учениками, каждый из которых развивает то или иное направление лингвистической науки. Среди них трое защитили докторские диссертации (В.В. Красных, 1999; Д.Б. Гудков, 2000; Ф.И. Панков, 2009), сорок четыре — кандидатские, множество магистерских, а также дипломных работ бакалавров и специалистов. Последователи Майи Владимировны преподают русский язык и занимаются научной деятельностью в самых разных уголках мира, работают на кафедрах русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, гуманитарных и естественных факультетов.

Одно из направлений научной школы М.В. Всеволодовой — изучение свойств описательных предикатов (ОП), важнейшего языкового средства, позволяющего субъекту речи (говорящему или пишущему) оптимальным образом выразить свое коммуникативное намерение; определение природы ОП, их описание на разных языковых уровнях — формальном, семантическом, коммуникативном. Результаты исследований в области функционально-коммуникативной грамматики обеспечили реальную возможность для типологии ОП и их аналогов. В работах В.А. Кузьменковой (в том числе в защищенной в 2000 г. кандидатской диссертации под научным руковод-

ством М.В. Всеволодовой «Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке»), базирующихся на системе представлений о предложении как о единой многоуровневой системе, впервые было дано целостное описание поля ОП как фрагмента русской языковой системы, а также показано, что ОП и их аналоги составляют множество единиц, объединенное общим денотатом. В дальнейшем ею была разработана классификация ОП по семантическому и структурному признакам. В частности, были выделены семантически тождественные и близкие однословному предикату дескрипции, а также две принципиально различающиеся модели — ОП-1 (непредикативная) и ОП-2 (предикативная). Был представлен список слов-классификаторов в составе ОП, исследованы принципы контекстпартнерства глагольного и именного компонентов, систематизирован и описан в первом приближении корпус глаголов-экспликаторов, наиболее регулярно и продуктивно участвующих в образовании различных групп функционально-семантического поля ОП. В.А. Кузьменкова показала механизм функционирования ОП в тексте, позволяющий создавать семантическую парадигму предложения. Это позволило признать ОП текстовой категорией.

Некоторые из учеников Майи Владимировны стали заниматься особенностями русской лингвокультурологии, языковой картины мира, межкультурной коммуникации и проблемами прецедентности. Это, в частности, В.В. Красных и Д.Б. Гудков.

Так, В.В. Красных, нынешний профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ, почетный профессор Шанхайского университета иностранных языков, Хейлунцзянского университета (г. Харбин, КНР), под руководством М.В. Всеволодовой защитила в 1992 г. кандидатскую диссертацию «Сопоставление вариативных рядов собственно-вопросительных предложений в русском и шведском языках», в 1999 г. — докторскую диссертацию «Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст)». В.В. Красных разработала основы комплексного лингво-когнитивного подхода к изучению дискурса и коммуникации, предложила методику комплексного психолингвистического анализа текста. Она принимала участие в разработке концепции системы прецедентных феноменов, предложила систему ментефактов как репрезентантов культурного пространства, выдвинула концепцию фрейм-структур сознания как конфигуративной содержательной формы хранения информации, передаваемой знаками языка. В.В. Красных предложила концепцию нового направления исследований — психолингвокультурологии — и разработала его основы. Она автор более 200 публикаций, в том числе около 20 книг — монографий, словарей, учебных пособий. Среди

них назовем, с нашей точки зрения, наиболее значимые: «Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии» (2016), «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» (2003), «Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация)» (1998) и многие другие.

Тема докторской диссертации другого профессора — кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ Д.Б. Гудкова — «Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации». Сферой его научных интересов стали лингвокультурология, теоретические проблемы межкультурной коммуникации, лексикография единиц кодов русской культуры, лингвистические аспекты российского политического дискурса. Он исследовал семантику и функционирование прецедентных имен, структуру русской когнитивной базы, дал анализ особенностей актуализации в речи ядерных единиц русского культурного пространства, предложил методы лексикографического описания единиц соматического кода русской культуры, является одним из авторов словаря русского культурного пространства и лингвокультурологического словаря русских фразеологизмов. Основные его труды: «Теория и практика межкультурной коммуникации» (2003), «Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс» (2000), «Прецедентное имя и проблемы прецедентности» (1999) и многие другие. За научные достижения в 2001 г. Д.Б. Гудков получил премию имени И.И. Шувалова.

Еще один ученик М.В. Всеволодовой — Ф.И. Панков — доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. Под руководством своего Учителя в 1997 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Наречная темпоральность и ее речевые реализации», в 2009 г. — докторскую диссертацию на тему «Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия». Сфера научных интересов Ф.И. Панкова — функционально-коммуникативная грамматика русского языка, анализ русской звучащей речи. Он автор более ста публикаций, в том числе: «Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия» (2008), «По-русски — с хорошим произношением» (2008, 2-е изд. — 2015, в соавторстве с Е.Л. Бархударовой). Ф.И. Панков предложил концепцию категориальных классов слов (ККС) — выделяемых на основе словоизменительных потенций грамматических разрядов лексем. Это более конкретные и частные морфологические разряды по отношению к частям речи как к более общим грамматическим суперклассам. Кроме того, им была разработана методология анализа русских наречий. Так, под руководством Ф.И. Панкова были

защищены четыре кандидатские диссертации, посвященные тем или иным аспектам анализа адвербиальных лексем различных семантических разрядов.

Часть работ М.В. Всеволодова написала в соавторстве со своими учениками. Так, в 1989. была опубликована коллективная монография «Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка» в соавторстве с О.Ю. Дементьевой, В.Т. Марковым, М.Н. Михайловым, Т.Е. Чаплыгиной, С.А. Шуваловой и др. [Вопросы, 1989]. В 1997 г. в соавторстве с О.Ю. Дементьевой вышла книга «Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума)» [Всеволодова, Дементьева, 1997]. Совместно с Ф.И. Панковым в 1999 г. ею был подготовлен информационно-аналитический обзор «Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам» [Всеволодова, Панков, 1999], а в 2005 г. издана рабочая тетрадь «Практикум по курсу “Теория функционально-коммуникативной грамматики”» [Всеволодова, Панков, 2005].

7. Сопоставительные исследования. Важным направлением научно-педагогической школы М.В. Всеволодовой являются сопоставительные исследования. Они нередко проводятся с участием ее учеников и коллег из Белоруссии, Болгарии, Ирана, Китая, Кореи, Польши, Украины, Японии и многих других стран мира. Только за последние 15–20 лет были опубликованы такие замечательные книги, как «Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка)» 1998 г. (в соавторстве с Мадаени Али, 2-е изд. — 2010 г.) [Всеволодова, Мадаени, 1998], «Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка)» 1999 г. (в соавторстве с Го Шуфень) [Всеволодова, Го Шуфень, 1999], «Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки» 2002 года (в соавторстве с Лим Су Ён) [Всеволодова, Лим Су Ён, 2002], «Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка)» 2002 года (в соавторстве с Ким Тэ Чжином, 2-е изд. — 2008 г., 3-е — 2015 г.) [Всеволодова, Ким Тэ Чжин, 2002].

8. Грамматика предлога. Сейчас профессор М.В. Всеволодова устремлена в будущее. Значительно опередила наше время ее концепция функционально-коммуникативной грамматики русского предлога, ставшая началом подлинно научного изучения этого

служебного категориального класса слов. Под ее руководством был создан структурированный реестр русских предложных единиц, которых оказалось более семи тысяч. В частности, вышли в свет два тома монографии «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления»: в 2013 г. — книга «Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Реальное употребление» (в соавторстве с О.В. Кукушкиной и А.А. Поликарповым) [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013]; в 2018 г. — «Реестр русских предложных единиц: А — В» (в соавторстве с Е.Н. Виноградовой и Т.Е. Чаплыгиной) [Всеволодова, Виноградова, Чаплыгина, 2018].

9. Вместо выводов. Интерес к научным трудам профессора М.В. Всеволодовой не ослабевает. Ее книги стали библиографической редкостью. Неудивительно, что крупные издательства вновь и вновь обращаются к Майе Владимировне с просьбой о публикации ее уже формально «старых», но никогда не стареющих работ. Только за последние годы было переиздано (конечно, с исправлениями и дополнениями) около десяти ее книг. Планируются и новые переиздания раритетов, автором которых она является.

Гармонично сочетаются у Майи Владимировны таланты ученого и преподавателя. В течение нескольких десятилетий она вела практические занятия по русскому языку с иностранцами, на отделении РКИ читает лекционные курсы «Функциональный синтаксис» и «Теория функционально-коммуникативной грамматики», ведет спецсеминар «Проблемы функционально-коммуникативной грамматики», пользующиеся неизменным интересом со стороны студентов, аспирантов и преподавателей-практиков.

Материальным и организационным воплощением научно-педагогических идей М.В. Всеволодовой и ее ближайших коллег стала открывшаяся в 2009 г. на филологическом факультете кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного (заведующая — профессор Е.Л. Бархударова). В создании этой кафедры Майя Владимировна приняла самое активное участие в качестве идейного вдохновителя, на нее же и перешла работать с кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов. Основной задачей новой кафедры является обучение будущих бакалавров, магистров, а также аспирантов в области преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

В оставшееся «свободное» время профессор М.В. Всеволодова принимает активнейшее участие в работе диссертационных советов филологического факультета МГУ. Многогранная деятельность

Майи Владимировны в самых разных областях не осталась незамеченной. В 1970 г. она была награждена медалью «За доблестный труд», в 1984 — «Ветеран труда», а в 2002 году — медалью имени А.С. Пушкина МАПРЯЛ.

Созданная профессором М.В. Всеволодовой подлинно университетская научно-педагогическая школа отличается необычайной многогранностью, даже энциклопедичностью, поэтому исчерпывающе осветить в небольшой статье все её достижения просто невозможно. Но самое главное — эта школа оказалась жизнеспособной, и, возможно, лучшие ее свершения еще впереди.

Список литературы

- Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 215–233.
- Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М., 1989.
- Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова М.В. Категория именной темпоральности и закономерности её речевой реализации: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Всеволодова М.В. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. М., 1988. С. 26–36.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М., 2017.
- Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А — В (объективная грамматика). М., 2018.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. (2-е изд. — 2008, 3-е изд. — 2009, 4-е изд. — 2014).
- Всеволодова М.В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со

- статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
- Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.
- Всеволодова М.В., Ким Тэ Чжин.* Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка): Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. М., 2002. (2-е изд. — 2008, 3-е изд. — 2015).
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предложения и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М., 2014.
- Всеволодова М.В., Лим Су Ён.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М., 2002.
- Всеволодова М.В., Мадаени Али.* Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М., 1998. (2-е изд. — 2010).
- Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам (информационно-аналитический обзор). М., 1999.
- Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебное пособие. М., 2005.
- Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988. (2-е изд. — 2008, 3-е изд. — 2012, 4-е изд. — 2014).

Fedor Pankov

**PROFESSOR MAYA VSEVOLODOVA
AND HER FOLLOWERS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is a tribute to Maya Vsevolodova, Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, whose sixty-seven years of fruitful academic life have brought about a scientific school with its numerous students and followers. It wouldn't be an exaggeration to say that Maya Vsevolodova is an epoch in domestic and international linguistics, particularly in theory and practice

of teaching Russian as a foreign language. The article highlights the main stages of Maya Vsevolodova's professional life from high school years to work as professor at the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The paper briefs on achievements of M.V. Vsevolodova's followers, listing their major publications.

Key words: M.V. Vsevolodova; Russian as a foreign language; functional-communicative grammar; functional syntax; linguo-didactic model of the language; scientific school of M.V. Vsevolodova.

About the author: *Fedor Pankov* — Dr. habil., Professor of Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pankovf@mail.ru).

References

- Amiantova E.I., Bitekhtina G.A., Vsevolodova M.V., Klobukova L.P. Funktsional'no-kommunikativnaja lingvodidakticheskaja model jazyka kak odna iz sostavljajushchikh sovremennoj lingvisticheskoy paradigmy (stanovlenie spetsial'nosti «Russkij jazyk kak inostrannyj») [Functional-communicative linguodidactic model of language as one of the components of modern linguistic paradigm (formation of specialty «Russian as a foreign language»)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2001, № 6, pp. 215—233. (In Russ.)
- Voprosy kommunikativno-funktsional'nogo opisanija sintaksicheskogo stroja russkogo jazyka. Pod red. M.V. Vsevolodovoj i S.A. Shuvalovoj [Questions of communicative and functional description of the syntactic system of the Russian language. Ed. M.V. Vsevolodova and S.A. Shuvalova]. Moscow, 1989. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Sposoby vyrazhenija vremennykh otnoshenij v sovremennom russkom jazyke [Ways of expressing temporal relations in the modern Russian language]. Moscow, 1975. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Kategorija imennoj temporal'nosti i zakonomernosti jeje rechevoj realizatsii [Category of nominal temporality and regularities of its speech realization]. Dis. ... doc. philol. sciences. Moscow, 1983. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Osnovaniya prakticheskoy funktsional'no-kommunikativnoj grammatiki russkogo jazyka [Foundations of practical functional-communicative grammar of the Russian language]. *Jazykovaja sistemnost' pri kommunikativnom obuchenii* [Language system in communicative learning]. Moscow, 1988. P. 26—36. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Teorija funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli jazyka: Uchebnik [Theory of functional-communicative syntax. Fragment of applied (pedagogical) language model: Textbook]. Moscow, 2000. (In Russ.)

- Vsevolodova M.V. Teorija funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment fundamental'noj prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli jazyka [Theory of functional-communicative syntax. Fragment of fundamental applied (pedagogical) language model: Textbook]. Moscow, 2017. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Vinogradova E.N., Chaplygina T.E. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Reestr russkikh predlozhnykh edinits. Kniga 2: A — V (ob''ektivnaya grammatika) [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional-grammatical description of real usage: An inventory of Russian prepositional units. Book 2: A — V (fact-based grammar)]. Moscow, Editorial URSS, 2018. 800 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Vladimirskij E. Ju. Sposoby vyrazhenija prostranstvennykh otnoshenij v sovremennom russkom jazyke [Ways of expressing spatial relations in the modern Russian language]. Moscow, 1982. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Go Shufen. Klassy modelej russkogo prostogo predlozhenija I ikh tipovykh znachenij. Modeli russkikh predlozhenij so statal'nymi predikatami I ikh rechevye realizatsii (v zerkale kitajskogo jazyka) [Classes of Russian simple sentence models and their typical values. Models of Russian sentences with static predicates and their speech realization (in the mirror of the Chinese language)]. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Dementjeva O. Ju. Problemy sintaksicheskoy paradigmatiki: kommunikativnaja paradigm predlozhenij (na materiale dvusostavnykh glagol'nykh predlozhenij, vkluchajushchikh imia lokuma [Problem of syntax paradigmatic: communicative paradigm of sentences (based on the simple verbal sentences, including name of lokum)]. Moscow, 1997. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Kim Te Chzhin. Sistema znachenij i upotreblenij form nastojashchego vremeni russkogo glagola (v zerkale korejskogo jazuka): Fragment funktsional'no-kommunikativnoj prikladnoj grammatiki [The system of meanings and uses of the forms of the present Russian verb (in the mirror of the Korean language): a fragment of functional-communicative applied grammar]. Moscow, 2002. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob''ektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits. Kn. 1 [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials for functional-grammatical description of real usage. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Book 1]. Moscow, Editorial URSS, 2014. 304 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Lim Su Jon. Printsipy lingvisticheskogo opisanija sintaksicheskikh frazeologizmov: na materiale sintaksicheskikh frazeologizmov

- so znacheniem otsenki [Principles of linguistic description of syntactic phraseological units: by the material of syntactic phraseological units with the meaning of evaluation]. Moscow, 2002. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Madaeni Ali. Sistema russkikh pristavochnykh glagolov dvizhenija (v zerkale persidskogo jazyka) [The system of Russian prefixal verbs of motion (in the mirror of the Persian language)]. Moscow, 1998. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Pankov F.I. Funktsional'no-kommunikativnoe opisanie russkogo jazuka v tseliakh jego prepodavanija inostrantsam (informatcionno-analiticheskij obzor) [Functional and communicative description of the Russian language for the purpose of teaching it to foreigners (information and analytical review)]. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Pankov F.I. Praktikum po kursu "Teorija funktsional'no-kommunikativnoj grammatiki": Rabochaja tetrad': Uchebnoe posobie [Workshop on the course "Theory of functional and communicative grammar": workbook: textbook]. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Jashchenko T.A. Prichinno-sledstvennyye otnoshenija v sovremennom russkom jazyke [Cause-effect relations in the modern Russian language]. Moscow, 1988. (In Russ.)

М.В. Всеволодова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ И КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассмотрены некоторые факты современной русской грамматики, как бы нарушающие установленные правила функционирования языковых единиц разных уровней, но вместе с тем системные для речи естественного общения, для языка СМИ и для научной литературы и не воспринимаемые как нарушение нормы. О некоторых из них грамматики вообще не пишут, некоторые же лингвисты относят к фразеологизмам.

В статье дается отличная от принятой в современной грамматике структуризация некоторых категорий: полноты / краткости прилагательных, управления, количественности (в частности, числительных), нулевой формы и словосочетания, а также парадигм предлогов и связочных глаголов. Выводы автора проиллюстрированы многочисленными примерами и сделаны на основе сопоставления как с языками близкородственными, так и относящимися к другим языковым группам. Подобное видение этих фактов и предлагаемое объяснение их относится к собственно теоретическому аспекту лингвистики.

В работе представлено также новое понимание термина «грамматикализация» — принятие языком, казалось бы, неправильных форм и структур в состав грамматики — и вводится понятие «деграмматикализации» как выхода некоторых единиц из грамматической системы языка.

Ключевые слова: статус языка; модели языка; функционально-коммуникативная модель; объективная грамматика; грамматикализация; русский язык в сопоставительном аспекте.

1. Основы подхода к материалу. Современная лингвистика вообще и русистика в частности, как и вся наука, развиваются. Уровень и структуру современной русистики нельзя сопоставить даже с уровнем 1980-х годов, хотя именно тогда были замечены некоторые реализа-

---

Всеволодова Майя Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mauya133@mail.ru).

¹ Редколлегия сочла возможным оставить без изменений отличающиеся от общепринятых определение и трактовку автором некоторых понятий (в частности, понятия «грамматикализация»).

ции, казалось бы, не типичные для категорий, которые они воплощают. Но сейчас мы можем объяснить эти случаи и понимаем, что нашим предшественникам объяснить их в те годы было еще трудно. Мы вернемся к этим случаям далее. Развивается и меняется и Язык вообще², и каждый конкретный язык. Представим то видение современного состояния и русистики, и Языка, которое сформировалось у нас в результате более чем 60 лет работы по преподаванию русского языка как иностранного и связанного с этим анализа языковых явлений. Практически все рассматриваемые в статье языковые факты в свое время были представлены в наших статьях (см., например: [Всеволодова, 2015; 2016а]). Но сейчас нам важно синтезировать все эти явления в рамках одной категории.

Примечание. Говоря об уровнях лингвистики 1980-х годов и современной, мы не оцениваем лингвистику тех лет как плохую. Это вопрос развития самой лингвистики, в том числе и с учетом того, что сделано нашими учеными в прежние времена. Важно иметь в виду, что есть и такие случаи, когда уровень лингвистики еще не способен понять концепцию какого-либо конкретного ученого. Думается, что именно так обстояло дело с «новым учением о языке (яфетическая теория)» Н.Я. Марра, о котором писали, что его положения не подтверждаются лингвистикой. Марр первым заговорил о языковой картине мира, пусть и в других терминах. В те годы в его статьях удивляло, что, описывая какой-нибудь язык, он описывал в первую очередь не глаголы и формы слов, а специфику понимания носителями данного языка окружающего нас мира, а потом отражение такого понимания в грамматике. Еще И.И. Мещанинов — ученик Марра — в 1945 г. писал, что восприятие каждым народом окружающего его мира отражается в первую очередь в грамматике его языка [Мещанинов, 1945]. Сейчас, когда пишут о языковой картине мира, в первую очередь говорят о семантике лексики и не вспоминают грамматику. Но наши исследования показали, что основные различия отражаются в содержании бинарных оппозиций одного уровня, формирующих в каждом языке те или иные функционально-семантические категории, например, именной темпоральности или именной локативности.

2. Модель языка. В процессе решения конкретных задач у каждого лингвиста формируется определенное представление о языке — модель языка. Понятие и термин «модель языка», а конкретно «функциональная модель языка», было введено и на начальном этапе разработано, как известно, Бюлером в 1934 г.

Модель, в его концепции, не может быть неправильной, она может быть другой, что, разумеется, не исключает возможных конкретных ошибок в любой модели, в том числе и в нашей, обнаружив

---

² Наша работа и постоянный по необходимости выход в другие языки — языки наших учащихся — убедили нас в том, что все языки мира имеют в основе одну структуру, одну единицу мироздания — Язык (с большой буквы), что не отвергает уникальности каждого отдельного языка. Лингвистические универсалии и фреквенталии подтверждают эту точку зрения.

которые мы всегда об этом говорим, потому что это важно в первую очередь для наших коллег — иностранных преподавателей русского языка. В отличие от прошлых времен сейчас даже в рамках одного направления может быть несколько моделей, несколько вариантов. Мы уже писали о функциональном направлении в России, содержащем, по крайней мере, четыре модели³. Мы работаем именно в этом направлении, и функциональной нашу грамматику мы называли еще в 1951 г., когда термин «функциональная» в русистике вообще еще не употреблялся. Конкретно — это функционально-коммуникативная дидактико-лингвистическая модель⁴. Наша модель — открытая, и мы активно используем положения других моделей, если они оказываются адекватными для анализа языка. Наша работа заставляет нас всякий раз «выходить в другие языки», что оказалось очень полезным и позволяющим увидеть в русском языке очень интересные и характерные именно для него особенности.

3. Характеристика нашей модели. Поскольку нашей задачей является обучение активному общению на русском языке, а адекватного для наших задач описания русского языка в русистике не было, мы должны были заняться анализом и описанием всего языкового материала, который формирует нашу речь, включая языки разных профессий и специальностей и механизмы функционирования языка. И наша, казалось бы, прикладная модель всегда выводила и выводит нас на фундаментальный уровень языка, который позволяет и заставляет нас увидеть не только «норму», но и систему русского языка, которая в русистике еще не представлена. И, как оказалось, многие языковые явления, которые в теории считаются «периферией» языка, в действительности составляют очень важные, иногда уникальные категории русского языка. В языке периферий нет.

Мы постоянно имеем дело и с живым языком, и с языком СМИ, и с самой разной литературой. Нам приходится объяснять и вводить в речь наших учащихся необъяснимые в рамках традиционной грамматики явления, которые в наших школах не изучаются, поскольку носитель языка их получает, можно сказать, с рождения, и никто над ними не задумывается. Но если носителю другого языка — инофону — такие конструкции, как *поднялась детская рука* и *поднялись детские руки* будут понятны на основе, можно сказать, элементарной

---

³ Напомним, это наша функционально-коммуникативная дидактико-лингвистическая модель, модель А.В. Бондарко, модель Г.А. Золотовой и воронежская семантико-функциональная модель. См., например, [Всеволодова, 2015; 2016а].

⁴ Это название дал нашей модели Ю.В. Рождественский, и он настаивал именно на такой формулировке: дидактико-лингвистическая, а не лингво-дидактическая, как говорят некоторые.

грамматики, то как объяснить соотношение форм в предложении *поднялись* (мн.ч.) / *поднялось* (ед.ч. ср.р.) *две/двадцать три/сто четыре детские* (мн.ч., именительный падеж) / *детских* (мн.ч. родительный падеж) *руки́* (ед.ч. родительный падеж)? Где здесь логика? И почему это так? Как и почему, покажем далее, но то, что такие, на первый взгляд, необъяснимые сочетания форм являются правилом, есть результат того, что в свое время были основания и наше языковое осмысление ввело их в правила грамматики. Мы считаем, что это результат грамматикализации, принятия языком, казалось бы, неправильных форм и структур в состав грамматики. Ниже мы представим наше понимание такого употребления данного термина. Но сначала покажем, на какое понимание самого Языка, сформировавшееся в современной лингвистике, мы опираемся.

4. Статус Языка и Мироздание. Одним из важнейших, с нашей точки зрения, положений лингвистики, выработанным не только на основе наших языков, но и с учетом выводов биологов, является признание наличия Языка у всего живого, включая животных и растения. Мы уже писали об этом [Всеволодова, 2015; 2016а; 2016б] и не будем здесь конкретизировать этот факт. А это, в свою очередь, подтверждает принадлежность Языка к единицам Мироздания, основными структурами которых являются поля и дискретные единицы, образующие множества, пересекающиеся между собой. Что касается полей, то задолго до этого вывода Йост Трир ввел понятие семантического поля для лексики, а потом А.В. Бондарко ввел понятие функционально-семантических полей (ФСП), или функционально-семантических категорий (ФСК). Последнее оказалось не совсем точным, поскольку каждое ФСП формируется несколькими ФСК, каждая из которых представляет категорию языковых единиц определенного уровня [Всеволодова, 2009]. Но, работая на этой основе, оказалось необходимым выделить и функционально-грамматические поля (ФГП), формируемые одной функционально-грамматической категорией (ФГК), например, ФГК предложных единиц [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014], ФГК полных и кратких прилагательных [Всеволодова, 2013]. И именно ФГК полностью соответствуют гениальному определению А.В. Бондарко, что Язык есть двуединство поля и категории. Категории — это объективация нашего мышления. И в самом языке тоже есть свои единицы. Это категории, соответствующие полям Мироздания, и парадигмы, соответствующие множествам дискретных единиц, пересекающихся между собой. Но и категории тоже пересекаются, чем подтверждается полевой характер языковых структур и самого Языка как единицы мироздания. Именно этим

объясняются некоторые положения наших выдающихся лингвистов недавнего прошлого, которые, с одной стороны, могли бы в ряде случаев вызывать возражения, но, с другой стороны, показывают, что они видели эти «полевые» характеристики наших парадигм и категорий, но в то время объяснить определенную двойственность языковых разрядов было трудно или даже невозможно. Покажем это на нескольких примерах.

4.1. В свое время Н.Ю. Шведова перевела дробные числительные из разряда частей речи (ЧР) — числительных — в словосочетания (с/с) на том основании, что там можно употребить союз *и*: *ноль целых и три десятых*. Но во всех южнославянских языках в составных числительных названия единиц присоединяются к предшествующему числительному этим союзом, ср. сербский: *двадесет и едан, сто и пет*. В наших языках не один разряд числительных образуется двумя или тремя самостоятельными числами, ср.: *частица с энергией свыше десять в двадцатой степени; строение объемом порядка двадцать на десять и на пятнадцать метров; раствор крепостью не более один к пяти* и др. Мы объединили все такие разряды в класс *комплексных числительных*, у которых есть свои грамматические особенности, не отмечаемые в наших грамматиках, в частности, способность выступать в Им.п. после предлогов, управляющих Род.п., что видно уже на приведенных примерах [Судзуки, 2007]. И значит, все составные числительные и все комплексные, несомненно, будучи числительными, т.е. определенной ЧР, в то же время входят в состав синтаксических единиц — словосочетаний. И Н.Ю. Шведова увидела это раньше, но оставить их в составе ЧР тот уровень грамматики не позволял.

Н.Ю. Шведова увидела, что падежная форма именных структур, относившихся к мотивированному управлению, не зависит от управляющего слова и соответственно не должна входить в состав такой категории, как управление, относимой к подчинительному типу синтаксических связей. Она перевела их в разряд именного примыкания. Сейчас мы располагаем данными двух или даже трех разных моделей языка, которые оправдывают, с одной стороны, такое понимание, а с другой — объясняют его. Но и ставят некоторые новые проблемы. Е.С. Скобликова еще в 1971 г. показала, что управление — это не подчинительная связь, а способ вхождения существительных в предложение [Скобликова, 1971]. И соответственно, падежная форма существительного в предложении может определяться разными условиями. В 1973 г. Г.А. Золотова вслед за А.М. Мухиным ввела в русистику понятие *синтаксемы*, т.е. синтаксической формы слова [Мухин, 1964; Золотова, 1973], но до нее Т.П. Ломтев, говоря о функционировании слова в предложении,

выделил два уровня формы слова: 1) словесная форма — морфологическая форма ЧР с соответствующими служебными единицами: предлогами, отрицанием, частицами, если они есть, но без указания на само слово, т.е., например, «инфинитив + бы», «на + П⁵», «не + глагол СВ»; 2) словоформа — конкретная форма конкретного слова в предложении, например: *ехать бы, на работе, не присел*. Понятие синтаксемы — это третий, основной, собственно функциональный уровень слова в языке: в словаре слова «спят», а «работают» они в синтаксисе. Во многих языках нет морфологического изменения слов, соответственно, нет форм конкретного слова, но синтаксемы есть во всех языках. Синтаксемы — лексическая универсалия, и в нашей модели языка это понятие оказалось очень важным. Мы увидели, что понятия и термины «словоизменение» и «формообразование», употреблявшиеся некоторыми лингвистами как синонимы, — это названия разных механизмов. В славянских языках действует механизм словоизменения, которое и создает грамматическую парадигму данного класса слов, данной ЧР. В тюркских, иранских, корейском, китайском языках действует категория формообразования, когда само слово не изменяется, но к нему в виде предлогов или послелогов, или других формантов присоединяются языковые элементы, определяющие его форму и значение. Так, в тюркских языках к существительному присоединяется послелог — показатель падежной формы — один и тот же для всех слов, показатель числа — ед. или мн. ч., но при наличии числительного при существительном никаких формантов количественности нет, поскольку эта характеристика слова названа числительным. Это интересный и очень важный факт, подтверждающий правоту болгарских лингвистов, выделивших в категории числа существительных три формы; единственное, множественное и счетное множество. Это тоже должна быть лингвистическая универсалия. А для русского языка учить инофонов склонению квантитатива гораздо труднее, чем просто склонению. В китайском языке сочетание *студент читать* (даем кальку) равнозначно нашему *студент читает*; но при наличии после слова *студент* частицы *de* то же сочетание *студент de читать* равно нашему *чтение студента* («студента чтение»), при невозможности вообще построить с/с типа *чтение книги*. Словоформа *студент de* — синтаксема. Это проблемы языковых механизмов разных языков, и в практике преподавания русского языка инофонам, и при представлении грамматики русского языка как неродного их нельзя не учитывать.

---

⁵ Названия падежей даются их начальными заглавными буквами и полужирным шрифтом: именительный — **И**, родительный — **Р**, дательный — **Д**, винительный — **В**, творительный — **Т**, предложный — **П**.

4.2. Но введение синтаксемы выявило еще одну проблему. В принципе, понятие синтаксемы работает для всех полнозначительных ЧР. Синтаксемы у Г.А. Золотовой представлены тремя разрядами: 1) свободные синтаксемы — семантически самостоятельные, форма которых не зависит от других слов, например: *в мае, на улице, уходи*; 2) обусловленные, форма которых определяется структурой предложения, как, например, в предложении *Брату завтра сдавать экзамен*, — где и **Д** субъекта и **Vinf** предиката синонимичны модели предложения с модальным значением: *Брат завтра должен сдавать экзамен*. Уже эта модель показывает, что понятия субъект и предикат у нас далеко не всегда выражаются подлежащим и сказуемым их нельзя отождествлять, это единицы разных уровней предложения; 3) зависимые, форма которых определяется другим словом: *Я читаю интересную книгу*, где форма глагола *читаю* определена личным местоимением 1-го лица ед.ч. *я* в позиции подлежащего, **В** дополнения *книгу* определен требованиями переходного глагола *читать*, а форма прилагательного *интересную* — грамматическим родом, числом и падежом определяемого существительного. Грамматики синтаксем у нас еще нет. В словарях указывается обычно форма зависимой именной словесной формы существительного при представлении глаголов. Вместе с тем как раз именные свободные и обусловленные синтаксемы представляют в определенной степени специфику каждого из славянских языков, в том числе и русского.

4.2.1. Синтаксема — лингвистическая универсалия. Как показал опыт описания разных ФСП, именно свободные именные синтаксемы участвуют в формировании соответствующих именных ФСК каждого ФСП. Но как показал наш уже достаточно богатый материал, именно свободные именные синтаксемы показывают, что мы имеем дело с гораздо более сложными единицами. Так, при описании ФСК именной темпоральности и именной локативности было выявлено, что формы существительных в определенных значениях могут выступать в нескольких синтаксических вариантах, что зависит от выражаемого ими значения и от лексического класса существительных. Еще до введения в русистику понятия синтаксемы мы при описании этих категорий ввели понятие «именная группа» (ИГ). Как оказалось, объем понятий «синтаксема» и «именная группа» не всегда совпадают. Покажем выявленные нами варианты употребления этих единиц.

1. В ФСК именной темпоральности при выражении прямого времени, не полностью занятого действием, названия дней недели и месяцев могут выступать как без определения, так и с определением: *позвоню в среду — в следующую среду, приехал в мае — в прошлом мае*; то же для названий частей суток и времен года: *утром звонил — этим утром звонил, это было весной — то было раннею весной*.

Примечание. Эти два лексических класса слов — названия частей суток и времен года в творительном падеже без предлога во многих словарях и грамматиках относят к наречиям, хотя и приводят примеры с определением. Операциональные методы определения перехода одной ЧР в другую, выделенные в свое время Т.С. Тихомировой [Тихомирова, 1972], показали, и мы об этом уже писали, что все эти словоформы, кроме словоформы *днем* и только в одном ЛСВ слова *день* со значением ‘одна четвертая часть суток с 12 до 16 часов’⁶, являются свободной именной синтаксемой, во-первых, сочетающейся с прилагательным: *ранним утром, поздним вечером, темной ночью*⁷; во-вторых, не выпавшей из своей падежной парадигмы, ср.: *утром, с утра, к утру, до утра; к вечеру, до вечера, с вечера, по вечерам, весной, к весне, с весны, за весну*; но не: **к дню пришел, *с дня сижу жду, *спал до дня*. Соответственно, здесь налицо пересечение в одной позиции словоформ разных ЧР: категорией имени и наречия, что подтверждает полевую структуру языка. Это и один из элементов грамматикализации, понимание которой в нашей модели будет представлено далее.

2. Существительные таких классов слов, как названия единиц времени: *секунда, минута, час, день* (‘сутки’), *сутки, неделя, декада, месяц, квартал, год, век*, и названия определенных отрезков времени: *пятидневка, десятилетие, столетие, тысячелетие* — в том же значении прямого времени, не полностью занятого действием, выступают обязательно с определениями разных лексических классов; *в первую секунду, в эту минуту, в последний час, в майский день, на следующие сутки, на прошлой неделе, в летнем месяце июля, в третьем квартале, в первый военный год, в год начала войны, в двухтысячном году, в следующем веке, в первую пятидневку мая, в первом столетии до нашей эры, в IV тысячелетии до нашей эры* и т.п. Употребляясь без определения, эти словоформы имеют другое значение, причем разное для разных слов, ср.: *Приду к тебе на следующей неделе в субботу или в воскресенье — Я в субботу и воскресенье не смогу, приду к тебе на неделе. В эту минуту он закончил решение задачи — Он решил задачу в минуту*.

3. В ИГ **в+В.п.** при указании на количество событий в каждый из повторяющихся отрезков времени названия временных единиц и определенных отрезков времени выступают в ед.ч. или в квантитативе (числительное + имя) всегда без определения: *Экзамены сдаем два раза в год; В неделю у нас два выходных дня; Мы встречаемся несколько раз в месяц. Нашу библиотеку посещает больше ста человек в день*.

4. При выражении пространства, времени, объектных отношений в ИГ выступает сочетание двух словоформ одного слова с предлогом между ними, и это целостная единица: *день за днём, неделя/неделю*

⁶ Ср.: *5 часов утра — 11 часов утра; 12 часов дня — 4 часа дня, 5 часов вечера — 11 часов вечера, 12 часов ночи — 4 часа ночи*.

⁷ В примерах типа *Этим тёплым днём с раннего утра и до позднего вечера работали в саду; ясным днем и темной ночью* представлен другой ЛСВ слова *день*.

за неделей, дверь в дверь, ребенка за ребенком и т.п. (напр., *Они год за годом анализировали этот материал; Наши дома стоят стена к стене; Мы живем с ним дверь в дверь; Они объезжали магазин за магазином, Врач осматривал ребенка за ребенком*).

Возможны и словоформы разных слов: *стоять спиной к двери, лежать головой к окну*.

5. Наконец, системны ИГ с двумя предложными словоформами: *ходил из дома в дом, полз от дерева к дереву; птица перелетала с куста на куст; звонит изо дня в день, придет с минуты на минуту, число посетителей от недели к неделе увеличивается*.

Если в первом и третьем случаях можно говорить о словоформе существительного как свободной синтаксеме, то во всех остальных ее нельзя представить как самостоятельную единицу. Нашему *в прошлом году* есть соответствующая единица во всех языках, с предлогом, послелогом или без них, но нигде нельзя опустить эквивалент нашего *прошлый*. В речи естественного общения тоже вполне системна ИГ без предлога, ср. *Прошлый год я нигде не ездил*. Словоформы *спиной* и *к стене* в предложении *он стоял спиной к стене* нельзя представить по отдельности в словаре синтаксем в этом значении, поскольку их нельзя употребить в предложении самостоятельно, ср.: **он стоял спиной* и **он стоял к стене*. То же в ИГ *день за днём, дверь в дверь, стена к стене, нога на ногу*. Это случай, не представленный в наших грамматиках, когда первичный предлог управляет двумя словоформами.

Это, кстати, член парадигмы первичных предлогов, где выявляются функции первичного предлога, тоже не указываемые в наших грамматиках. А как оказывается, там есть случаи, когда первичные предлоги десемантизируются и употребляются как чисто формальные компоненты в постпозиции ко вторичному полнозначному предлогу, системно выступающему и без них в своем же значении, ср. структурную парадигму предлога **близ**: *близ окна — близ до окна — близ к окну — близ от окна — близ с окном — близ у окна*.

Можно сказать, что здесь налицо тоже явление грамматикализации. Возможно, что это одна из характеристик славянских языков, и русского языка в частности, — стремление говорящего усилить тот или иной смысловой компонент высказывания за счет его неоднократного выражения в составе соответствующей грамматической единицы. В парадигме некоторых синонимичных предлогов есть редупликаты — единицы, состоящие из двух синонимичных предлогов, ср. выше *близ у чего* и *дерево у дома/близ дома; работать для ради детей; к вопросу чего* («К вопросу китайской революции». И. Сталин) и: *к вопросу о чём, к вопросу насчёт чего, к вопросу про что, к вопросу по поводу чего, к вопросу касательно/касаемо чего, к вопросу относи-*

тельно чего; в стиле а-ля Толстой, в стиле а-ля Толстого; ср.: Вам бы только стихи писать **в стиле а-ля Ван Гог**. Кому-то будущий флаг видится помпезным **в стиле а-ля французских королей**.

Последние два примера иллюстрируют еще одну специфическую черту нашей категории управления, поскольку в норме сам предлог **в стиле** управляет только **Р**, но в речи естественного общения есть и **в стиле+И**: *Дом в стиле «Лев Толстой»*. В редупликate «работают» и **И**, и **Р**. Но есть такие единицы, которые выступают в **И** даже после предлогов, где все остальные слова выступают в косвенном падеже. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Соответственно, встает вопрос о статусе таких единиц, о способах их представления в соответствующих словарях. Это явление Языка, тоже относящееся к грамматике. Некоторые русисты относят их к фразеологизмам. Челябинская лингвистическая школа относит к фразеологическим предлоги, где первичный предлог стоит в постпозиции, типа *длинной до двух метров*⁸. С этим трудно согласиться, и для нас важно четко разделить фразеологизмы и грамматические единицы разных уровней.

5. Фразеология и грамматика. Фразеологизация и грамматикализация. По нашему мнению, в лингвистике есть две основные категории — Грамматика (включающая и лексикологию, и фонетику, и интонацию) и Фразеология. По отношению к фразеологии существует термин «фразеологизация», обозначающий переход словоформ, словосочетаний и предложений во фразеологизмы. Но по отношению к грамматике такого термина официально пока нет, поэтому в русистике очень часто называют фразеологизмами такие явления, которые с точки зрения грамматики объяснить трудно или которые представляются автору нарушением грамматики. Но со временем такие структуры в силу своего систематического употребления входят в школьные грамматики и учебники и не требуют объяснения, поскольку для носителей языка они с детства воспринимаются как нормативные и правильные единицы. Постараемся найти принципиальные различия между фразеологией и грамматикой.

5.1. Фразеология и фразеологизмы. Нам представляется, что фразеологизмы всегда суть метафоры и, как правило, со значением оценки события, состояния, явления, лица, предмета. Фразеологические предложения, т.е. пословицы, типа *Баба с возу — кобыле легче; Тише едешь — дальше будешь; Цыплят по осени считают; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Работа не волк, в лес не убежит* и др. —

---

⁸ Здесь словоформа *длинной* выполняет функции предлога, не выходя из своей части речи, и может быть изъята из предложения: *нужны доски от одного до двух метров*. Это коррелирует предлога [Судзуки, 2007; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014].

это всегда оценочная реакция на сообщение или на факт. Фразеологические с/с всегда, даже будучи носителями новой информации, употребляются тоже как своего рода характеристика, оценка: *Ученые Москвы и Петербурга **работают над этой проблемой плечом к плечу***, где налицо фразеологизм — оценочная метафора. В предложении *Солдаты **в шеренге стоят плечом к плечу*** ни метафоры, ни фразеологизма нет, это сообщение о характере построения солдат. Они могут стоять лицом к лицу, спиной к спине. Во фразеологизме нельзя изъять или заменить хоть одно слово. Их лексика — закреплена. Там, где возможно по той же синтаксической модели построить структуры с разными словами: *с минуты на минуту, с часу на час, со дня на день, с недели на неделю*, налицо грамматическая структура, имеющая для носителей языка значение ‘очень скоро’. Употребить словоформы *со дня, с недели, с минуты* без определений как свободные синтаксемы невозможно. С определениями типа *с этого дня, с той недели, с первой минуты* те же словоформы имеют принципиально другое значение, как и словоформы *на минуту, на час, на день, на неделю*. То же наблюдаем в ФСК именной локативности. Одна и та же словоформа в разных условиях употребления имеет разные значения. В случаях *Он вошел в дом — Он вышел из дома; Он подошел к дереву — Он отошел от дерева* и в случаях *Он ходил из дома в дом по всей деревне, Он буквально полз от дерева к дереву* словоформы *в дом, к дереву* и словоформы *из дома, от дерева* в первых примерах называют единичный локус, а в других — неопределенное множество поочередно посещаемых или достигаемых локусов, причем обязательно в соотношении друг с другом. Здесь нет метафоры, нет оценки, и это — сообщение, передача новой информации. То, что в других языках может не быть таких структур, хотя слова со значением ‘дом’ и ‘дерево’, конечно, есть, действительно говорит о семантической специфике ИГ данного типа. Но это грамматические единицы. Когда они появились и закрепились в русском языке со «скрытым» значением, мы не знаем, но это не фразеологизмы.

Наша практика показала, что не отмеченные ни в словарях, ни в грамматиках единицы часто оказываются системными для той или иной профессиональной модели языка. Мы не можем выпустить иностранного студента-медика уже на первом курсе в анатомический практикум без предлогов **кнутри от + Р** и **кнаружи от + Р**, которых нет в словарях, см.: *Бедренная вена проецируется **кнутри от** артерии, а бедренный нерв — **кнаружи от** нее*.

Как можно грамматически обосновать, что с подлежащими, выраженными существительными типа *двойка, пятерка, десятка, сотня, тысяча*, возможны три формы глагола в прош. вр.: *прошел десяток лет — прошло десяток лет — прошли десяток лет; пришло*

пяток ребятишек — пришел пяток ребятишек — пришли пяток ребятишек? А как, исходя из собственно грамматических правил, можно объяснить носителю другого языка, что форма прошедшего времени глагола согласуется с существительным не по лицу, как в формах наст. и буд. вр., а по грамматической категории рода, которой во многих языках вообще нет?

Разумеется, мы, лингвисты, объяснить это можем, входя в историю языка, в языковую картину мира, но это тоже случай, когда в грамматике наблюдаются противоречия или нарушения более общих правил, вошедшие в грамматику и ставшие правилами.

5.2. Грамматикализация. Мы будем употреблять термин “грамматикализация” для обозначения процесса, в результате которого языковые структуры, которые трудно объяснить с точки зрения нормативной грамматики или которые представляются нарушением грамматических правил, в силу своего систематического употребления со временем входят в грамматику. Мы знаем, что за термином «грамматикализация» уже закрепилось другое значение: процесс приобретения неграмматической единицей языка грамматической функции, сопровождающийся утратой ею лексического значения. Но лучшего термина для наших целей подобрать нельзя. Наличие у одного и того же термина разных значений — обычное явление даже в рамках одной науки. Главное, чтобы было ясно, в каком из значений используется термин в том или ином случае.

5.3. Деграмматикализация. Но, как показала наша работа над предлогами и предложными единицами, в языке есть и обратный процесс — **деграмматикализация**. Так, в ФСК именной локативности у нас выявляется своего рода триада — ИЛГ, отвечающие на вопросы куда? — где? — откуда?, ср.: *поставить стакан на стол — стакан стоит на столе — взять стакан со стола; поставить книгу в шкаф — книга стоит в шкафу — взять книгу из шкафа; к дому — у дома — от дома, за дом — за домом — из-за дома, под стол — под столом — из-под стола*. Но для некоторых случаев эта «тройственность» исчезла, например, с предлогами **над**, **перед**, хотя, например, в западнославянских языках сохранилась, ср. польск.: *powiesić lampę nad stół — lampa wisi nad stołem — zdjąć lampę znad stołu*. То же самое с аналогами наших предлогов **перед**, **между** и др.

Но в русском языке выход этих предлогов из такой системы употребления произошел только в литературном и нормативном языке⁹. В речи естественного общения такие употребления еще встречаются: *Я знаю, в чём разница между кунницей и сободем. Интересно, если*

⁹ См. интерпретацию из словаря XVIII в. **ИЗ-ПЕРЕД**, предлог с род. п. Употр. при обозначении предмета, от которого удаляется то, что находится непосредственно перед ним.

смотреть на мир *из-над соболиного меха*. Фирма ставит на стадионах навесы *из-над ярусами*. Самый эффективный способ охладить салон — «выгнать» горячий воздух *из перед поездкой*. Подскажите, из-за чего при торможении идет стук *из перед* колеса и бьет руль. Tallink запускает судно *из между* Хельсинки и немецким Ростокom. Величина данного предела соответствует процентному содержанию воды в грунте, в момент его перехода *из между* двумя консистенциями. *Изпромеж* листочков выбежал стебелёк с почкой.

Таких реализаций достаточно много (см. [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014]), их употребление не всегда понятно, но то, что они еще есть в речи, хотя в нашей грамматике их нет, — это деграмматикализация, процесс выхода определенных единиц из языка.

Вместе с тем появляются и новые реализации, воспринимаемые пока далеко не всеми: *Передача файлов **вмежду** компьютерами*. В этом качестве «ИС» позволяет оптимизировать решение задачи построения сетей передачи данных в центрах УВД *вмежду* источниками и потребителями. *Вылетел через встречу в лес, два раза кувыркнулся и встал **вмеж** двух сосен на колеса*. Будут ли они грамматикализированы, пока решить трудно.

В южнославянских языках все три варианта употребляются с Р, т.е. предложения о лампе (даем кальку) в сербохорватском звучат одинаково: *повесить лампу из-над стола, лампа висит из-над стола, снять лампу из-над стола*.

Такие процессы идут на наших глазах, и наблюдать за ними и необходимо, и интересно. В польском языке предлоги *из* и *с* уже давно слились в один *-z/ze* (это, скорее, наше *с*), функционирующий во всех значениях наших обоих предлогов. Такой же процесс буквально на глазах прошел в украинском. В начале 1970-х годов я держала в руках две консервные баночки со сгущенным молоком, выпущенные на Украине. На обеих была помета, что молоко с сахаром, но на одной было *с цукром*, на другой — *из цукром*. Сейчас употребляется только *из* и с Р, и с Т. Значит, в украинском деграмматикализация предлога *с* в норме закончилась.

6. Проблемы грамматики в теории и практике преподавания. Язык постоянно изменяется — это его развитие. Но в нашей грамматике до сих пор не проанализированы типы этих изменений. А знать и понимать это лингвистика должна. И в грамматике, написанной не для школьников, а для собственно лингвистики, это направление должно быть. Покажем место и значение некоторых известных категорий именно в нашей модели, покажем грамматические явления, не получившие должного представления в нашей официальной грамматике, но принципиально важные для нас.

6.1. Актуальное членение, или категория предикации. В числе бесконечно важных категорий главной оказалось актуальное членение (АЧ), открытое чешским русистом В. Матезиусом в 1946 г., с которым наши русисты познакомились фактически в 1976 г. после выхода работы [Ковтунова, 1976]. Многие наши фонетисты и сейчас не признают этой категории. Но еще в конце 1960-х годов нашим преподавателем Е.А. Брызгуновой были выявлены интонационные конструкции (ИК), как теперь оказалось, маркирующие только рему (Р) и тему (Т). АР и Т — это составные члены категории предикации (не предикативности, выделенной раньше В.В. Виноградовым), или предикцирования, т.е. конкретизации в рамках предложения смысловых компонентов «о чем говорим» и «что говорим», представленные в начале 1970-х годов в работах [Кацнельсон, 1971; Лекант, 1974].

Наше постоянное «сотрудничество» с другими языками показало, что АЧ — лингвистическая универсалия, которая есть во всех языках. Но в славянских языках, в отличие от всех других известных мне языков, оно является главным после денотативного (содержательного) уровня, а во всех языках с грамматикализованным порядком слов (членов предложения — ЧП) вторым по значению является именно порядок ЧП. Как известно, Фр. Данеш, основываясь на теории Матезиуса, выделил в предложении три уровня в таком порядке: денотативный — формальный — коммуникативный (АЧ). Наш материал показал, в славянских языках следует выделить четыре уровня в следующем порядке: денотативный — коммуникативный — семантический — формальный. Важно, что если денотативный уровень нам задан объективным содержанием, коммуникативный определяется конситуацией, т.е. модусом-1 — нашей речью и внеязыковыми условиями ее реализации, то семантический уровень — это уровень нашего мышления, определяющий соотношение первых двух уровней с формальным, функции которого, как оказалось, принципиально отличаются от функций категории ЧП в языках с грамматикализованным порядком ЧП и отражают не роли участников ситуации (субъект и подлежащее, предикат и сказуемое в славянских языках суть единицы разных уровней), а их коммуникативную значимость, с точки зрения говорящего, в ситуации. Это, наравне с категорией предикации (АЧ), один из интерпретационных механизмов славянских языков [Всеволодова, 2016б: 595].

В нашей модели выявлены закономерности всех ИК, их роль в АЧ, а также введено понятие фокуса Т и Р, которые объясняют, например, перенос Р в начало предложения или усиление Т, которая в принципе в нейтральном варианте может и вообще не выделяться.

И сопоставление с корейским языком (и мы об этом писали, см. ранее) показало: в корейском языке Р независимо от ее места в предложении всегда маркирована послелогом *i/ki*, а само предложение в тексте, в речи обязательно кончается частицей *ta/da*. Но такое же предложение в номинализованной функции названия, подписи, надписи, как, например, название картины Саврасова «Грачи прилетели», не имеет в своем составе этих маркеров. Корейский язык показывает, что В.В. Виноградов выделил своей категорией предикативности собственно предложение, отделив этот уровень от уровня с/с, а категория предикации выделяет следующий уровень — уровень предложения-высказывания. Мы общаемся высказываниями, а не просто предложениями, и главным для славян является не порядок ЧП, а порядок собственно словоформ. Маркерами же Т и Р являются ИК — главный механизм АЧ. Различие в интонировании одинаковых моделей в разных функциях — это грамматика. Сравните интонирование: картина «Грачи прилетели»; и «Поздняя осень. **Грачи** улетели, лес обнажился, **поля** опустели» (Некрасов).

Примечание. Как отмечено в грамматике, когда предложение представляет собой только Р и состоит только из подлежащего и сказуемого, для него в нейтральном варианте нормативен обратный порядок слов с ИК-1 на подлежащем: *Идет дождь; Звонила мама; Пришел автобус*. Если нужно выделить фокус Р, подлежащее переносится в препозицию к сказуемому и выделяется ИК-1 **смысловым** (ИК-1с) — вариантом ИК-1, выявленным В.И. Бухариным [Бухарин, 1986]. В названии картины «Грачи прилетели» такого выделения нет, хотя оно подразумевается.

Интересно, что в позицию Т и Р могут быть поставлены даже предлоги, имеющие гласный, для чего их нужно поставить в постпозицию к существительному, ср.: *Работаю не только славы **ради*** (Т — ИК-1), *но и денег **для*** (Р — ИК-1с) (Е.А. Евстигнеев); *(Он сидел **двух дам меж** цвета беж*.

Но предлоги, для которых постпозиция — это норма, таких ИК на себя не принимают: ***Неделю назад** отмечали новоселье. **Неделю спустя** случилось нечто невероятное.*

Обучение русскому языку инофона, особенно живущего в русской языковой среде, без учета АЧ, равно как и описание самого русского языка, в частности, его синтаксической парадигматики не может быть успешным.

Но есть и другие важные аспекты современного уровня русистики. Обратимся к ним.

6.2. Некоторые аспекты современной Грамматики. Можно назвать некоторые авторитетные положения, с которыми подход к русскому языку в целях его анализа и описания для преподавания инофонам

оказывается неадекватным. От ряда таких теоретических положений лингвистика уже отказалась, другие действуют до сих пор. Но многие характеристики языка нам еще не известны. Назовем, в том числе те, которые выявились при анализе нами языкового материала и в практике преподавания русского языка инофонам различных специальностей, т.е. для моделей языка разных профессиональных стилей, и которые нужно принять в целях адекватного описания русского языка для нашей работы.

6.2.1. История языка и современный язык. Еще в 1970-е годы считалось, что лингвистические работы, включая дипломы и диссертации, должны представлять материал или только современного языка, или только истории. Но где кончается история языка? Некоторые изменения происходят, как показано выше, на наших глазах. Впервые я услышала: *Билеты будут продаваться по приходу автобуса* из уст кассирши автобусной станции в Нальчике в 1964 г. Все, кто употреблял предлог **по** в значении **после**, употребляли его с **П**: *по приходе, по приезде, по возвращении*. Но, пожалуй, ни одна кассирша того времени предлог **по** с **П** не употребляла. В том же 1964 г. вышла коллективная монография под редакцией В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой «Изменения в словосочетаниях XIX века», где в своем разделе В.А. Белашапова писала, что в XVII в. эти формы были синонимами. Сейчас практически вся молодежь снова употребляет предлог **по** в значении **после** с **Д**. Но интересно, что наш профессор, дочь одного из наших крупнейших лингвистов прошлого века, в нашем с ней разговоре заметила, что словоформа *по возвращению* для нее всю жизнь была нормативной. Ни в одном из наших академических словарей последних десятилетий нет предлога **касаемо**, только **касательно**. Я впервые в жизни услышала **касаемо** по ТВ в начале двухтысячных и была, честно говоря, в шоке. Но в словаре Ушакова 1933—1940 гг. **касаемо** и **касательно** даны как синонимы. Сейчас многие, в том числе и филологи-русисты, употребляют именно **касаемо**. И значит, выход в историю языка нужен, а иногда обязателен, к чему мы вернемся ниже.

6.2.2. Грамматическая синонимика. Данный выше материал показывает еще, что авторитетное в 1990-х и в начале двухтысячных годов утверждение, что в языке нет синонимии, абсолютно ошибочно. Язык богат синонимикой, и не только лексической, но и грамматической, поскольку это одно из условий его устойчивости. Мы показали это выше на парадигме предлога **близ**. Но эта же парадигма работает для всех предлогов с этим корнем: **близь, вблизи, близко, поблизости, в близости**, и все эти предлоги суть синонимы, с тем что словоформа **в близости** еще не до конца предложилась и допускает согласованное

определение: *в непосредственной/в некоторой/в определённой близости*. Мы уже писали о системной для русского языка синонимике одного предлога с разными падежами типа **в противоречие чего/чему/к чему/с чем, аналогично чего/чему/к чему/ с чем** [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014; Всеволодова, 2015, 2016а; Всеволодова, Виноградова, Чаплыгина, 2018]. И оказалось, что эти варианты системно функционируют в разных профессиональных стилях и не являются нарушением нормы, которую, пока не известно, кто и как у нас устанавливает.

6.3. Грамматикализация как механизм нормы и системы Языка.

Каждый язык уникален. Такими уникальностями русского языка, даже среди славянских, являются, помимо других, наличие форм **Р** ед.ч. после числительных *два, три, четыре* типа *двадцать два дома* и мн.ч. существительных мужского рода на ударное **а́** типа *дома́*. Это два специфических именно для русского языка грамматических последствия распада двойственного числа (дуалис). Уже в украинском, белорусском и, возможно, русинском, здесь другое, но тоже очень интересное соотношение соответствующих форм. Важно, что, если использование форм **Р** ед.ч. в таких квантитативах уже грамматикализовалось, то распространение форм **И** мн. ч. в словах мужского рода типа *дома́*, — это процесс грамматикализации, постепенно и пословно распространяющийся в современном русском языке до сих пор. И это не те изменения в языке, где синонимы время от времени сменяют друг друга, а те, которые входят в язык и остаются в грамматической системе языка. Судя по всему, это второй способ изменения нормы в языке. Представим наше понимание этих случаев.

6.3.1. Старая форма дв.ч. на -*а́* сохранилась и сейчас, но как Им.п. мн.ч., у существительных муж. р. — названий предметов, системно выступающих как парные: *глаза́, бока́, рукава́, берега́*. Ср. мн.ч. в устойчивом сочетании *руки в бо́ки*.

Примечание. Слово *глаз* как синоним слова *око* — тоже уникальность русского языка. Во всех славянских языках, включая восточнославянские, есть только *око*. Польский язык подсказывает, что первоначальное значение этого слова — камень. В польском языке *głaz* — это большой камень, валун, см. в популярной польской песне *Phynał strumyk przez zielony las, a na brzegu leżał stukilowy głaz* «Тёк ручей через зелёный лес, а на берегу лежал стокилограммовый валун». Вероятно, в русском языке этим словом называли маленький блестящий камешек, ср. *лазурь*.

У некоторых слов муж.р., но, возможно, и других родов, форма Им.п. дуалиса совпадала с формой **Р** ед.ч., например, *стола́, рукава́* (но ср.: *гла́за, бо́ка, бе́рега*). Распадение в языковом сознании категории дуалиса привело к пониманию формы **И** дв.ч. как формы **Р**

ед. ч., и в памятниках старославянского языка есть случаи употребления таких словоформ в позиции **Р**, хотя системой тогда это еще не стало. Как известно, когда дуалис начинает распадаться, сначала с ним системно сочетаются слова *два* и *оба*, не обязательные до этого. Этот факт отмечал еще Л.В. Щерба для серболужицкого языка, в котором, как и в словенском, категория дв.ч. работает еще и сейчас соответственно, выступали сочетания *два стола* и *три/четыре столы*. В процессе деграмматикализации дв.ч., в русском языке к *два*, *оба* присоединились *три* и *четыре*. А осмысление словоформ типа *стола́* как **Р** привело постепенно к изменению сочетаний с ними падежной формы всех слов, в том числе и исходных форм дв.ч. типа *оба гла́за*, *оба бо́ка*, *оба бе́рега*. В западно-славянских языках *два* присоединилось к *три*, *четыре*, ср. польск. *dwa stoły*. В украинском и белорусском *два*, *три*, *четыре столы/окны* (даем кальку) системно для слов муж. и ср. рода, а слова жен.р. выступают в **Р** ед.ч.

В русском языке сохранилось два слова, одно из которых всегда, а другое наряду с **Р** ед.ч. выступают при числительных два, три, четыре в форме двойственного числа: **два/три/четыре часа́** и **два/три, четыре шага́** (но и два ша́га). В падежной парадигме ед.ч. этих слов нет формы с таким ударением. Но в сочетаниях с определением уже возможны: В русском языке сохранилось два слова, одно из которых всегда, а другое наряду с **Р** ед.ч. выступают при числительных два, три, четыре в форме двойственного числа: **два/три/четыре часа́** и **два/три, четыре шага́** (но и два ша́га). В падежной парадигме ед.ч. этих слов нет формы с таким ударением. Но в сочетаниях с определением уже возможны: *два академических ча́са*, *три первых ша́га*.

6.3.2. Вторым наследием дуалиса в русском языке стало распространение форм Им.п. мн.ч. на — **а́** у слов муж.р. на согласный. В Грамматике М.В. Ломоносова представлено 16 таких слов. В Грамматике Российской Академии наук 1863 г. — 46. Еще в конце XVIII в. были *домы* и *города*. Словоформа *учителя* появилась в начале XX в., и в школах еще в 1930-е и 1940-е годы учили, что учителя работают в школах, а *Маркс*, *Энгельс*, *Ленин* и *Сталин* — это учителя марксизма. Словоформа *профессора́* появилась в 1940-е годы, и не все сразу отвыкли от словоформы *профессоры*. Судя по всему, в настоящее время появление и закрепление в языке этой формы происходит в первую очередь в профессиональных стилях. Все наши моряки употребляют форму *штурманá*, *катера́*. В профессиональных стилях астрофизиков, медиков, ботаников отмечена словоформа *слоя*: *Верхние сло́я звёзд ведут себя не так, как внутренние сло́я*; *Верхние сло́я роговицы глаза чувствительны к...*, *Дерево развивается изнутри, поэтому поверхностные сло́я дерева всегда менее плотные, чем внутренние сло́я*.

В техническом стиле системны словоформы *инженерá, токаря, слесаря*, которые не-которые словари уже дают как нормативный синоним словоформ на — *ы*, — *и*. Грамматисты, занимающиеся проблемами нормы, если такие есть, должны бы следить за этим процессом.

6.4.1. Некоторые проблемы категория управления. Важным и интересным оказался такой аспект управления, как частеречная характеристика управляемого слова. Как правило, существительные выступают в соответствующей падежной форме. Но личные и указательные местоимения часто переходят в определения. Остается ли при этом предлог предложом? Ср.: *Я взял нож и с помощью ножа открыл банку*; — *Я взял нож и с его помощью открыл банку*. *В качестве капитана футбольной команды назначили Иванова*; *Нужен был новый капитан футбольной команды, и в этом качестве назначили Иванова*.

Словоформы **с помощью чего** (но не *с помощью кого*) и **в качестве кого/чего** суть собственно вторичные предлоги. Операциональные методы показывают, что они изменили свою частеречную принадлежность, ср.: *Для меня важна помощь брата*; но не **Для меня важна помощь ножа*; *качество мяса*, но не **качество капитана*. Словоформа *с помощью* в первом случае не вышла из парадигмы существительного и сохранила свои синтаксические связи, например, с прилагательным: *Я с **посильной помощью** младшего брата передвинул шкаф*. Во втором случае такая сочетаемость невозможна, и значит, во втором случае — с неодушевленным существительным — это уже предлог.

О некоторых других интересных характеристиках предлогов мы уже писали, например, о возможности вариативного употребления падежных форм в квантитативе при наличии при базовом предлоге предлога-конкретизатора: [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014, Всеволодова, 2016a]: *поговорил с **порядка десяти** студентами/с **порядка десяти** студентов/с **порядка десяти** студентами*.

6.4.2. Несклоняемые существительные. Главной категорией существительных у славян является склонение. Вместе с тем в русском языке есть класс несклоняемых существительных. К собственно русским в норме относятся названия населенных пунктов типа *Пулково, Иваново, Бородино*. Но в речи естественного общения они часто склоняются. Интересно, что географические названия — существительные муж. и жен. р. в приименной позиции могут склоняться и не склоняться: *в городе Москва* — *в городе Москве*, *на острове Сахалин* — *на острове Сахалине*. Как это объяснить в рамках строгой грамматики? В английском языке в этом случае имя собственное стоит с предлогом *of*, что во многих случаях соответствует нашему **Р**. Ср. из работы африканского студента: *Моя родина* — *республика Бенина* (вместо

республика Бенин). К несклоняемым относятся появившиеся в прошлом веке сложные слова ср.р. типа *Мосэнерго*, *сельпо*, а также имена собственные (всех родов) организаций и обществ в приименной позиции типа команда «Спартак», магазин «Детский мир», которые сами по себе склоняемы. Имена собственные с одушевленными существительными, как известно, склоняются вместе с существительным во всех падежах (ЧП — так называемое «приложение»): *девочка Ира — с девочкой Ирой*, *кошка Мурка — у кошки Мурки*. В норме не склоняемы восточнославянские фамилии *Лукашенко*, *Яценко*. Это также и заимствованные из других языков неодушевленные существительные ср.р. типа *пальто*, *манто*, *кафе*, *кабаре*, *какао*, *сити*, *амбре*. Их принадлежность к ср.р. проявляется в согласовании с ними прилагательного: *новое пальто*, *шикарное манто*, *соседнее кафе*. Исключение пока составляет слово *кофе*: **черный кофе**, — очевидно потому, что изначально в русском языке использовали слово *кофий* (или *кофей*), которое некоторые употребляют и сейчас. Но уже отмечается, что в речи есть и *черное кофе*. Интересно работают иностранные имена собственные — географические названия, имена и фамилии лиц, для которых у нас учитывается категория пола. Возможно, есть несклоняемые научные термины в наших грамматиках эти классы в основном представлены, но интересно, что, например в польском, слова типа *пальто*, *кино* или склоняются по ср.р., или им соответствуют польские слова того или иного рода, ср.: *кофе — kawa*, *кафе — kawiarnia*, — слова жен.р. Несклоняемых существительных нет. И значит, грамматикализация проявляет национальный характер. В последнее время на наших улицах и в печати появилось много иностранных названий, и проследить, как это отразится на грамматике существительных, безусловно, необходимо. Русский язык открыт для заимствований. Ср., например, название одного из районов Москвы *Сити*. Есть языки, которые этого не допускают.

6.5. Категоризация числительных. Интересную группу представляют названные выше разряды комплексных числительных, обычно не выделяемые в наших грамматиках. Они, как сказано, системно выступают в **И** даже после предлогов и предложных единиц, требующих своего падежа, в частности **Р**. Повторим примеры: *частица с энергией **свыше** десять в двадцатой*; *раствор крепостью **не более один к трем***; *породы крепостью **порядка один — шесть по Боме***, *площадка размером **около три на пять метров***.

Все количественные числительные выступают в **И** после коррелятов предлогов — параметрических существительных типа *длина*, *высота*, *размер* и под., и, вообще при этих существительных (поскольку они даже в функции предлога не выходят из своего

частеречного класса), причем здесь важен порядок слов в квантитативе. При прямом порядке «коррелят + числительное + существительное» системён **И** числительного: *доска длиной два метра; камешек весом десять грамм; платье ценой две тысячи рублей*; при препозиции квантитатива чаще (но не всегда) выступает **Р** числительного: *доска двух метров длиной, камешек десяти граммов весом, но платье две тысячи ценой*. Эти и другие приведенные выше примеры специфики функционирования числительных в падежной системе иллюстрируют процессы грамматикализации категории числительного как ЧР, которая активно идет на наших глазах. В старославянском и старорусском языках, как известно, не было категории числительного. Еще в первой половине XVIII в. у нас тоже такой ЧР не было: *один — четыре* относились к адъективам, от *пять* и выше — к существительным, ср. в отчете слуги своему барину: *Купил другую тридцать коровъ* (1731 г. музей в храме Сольвычегодска). Такое же употребление отмечено значительно раньше, в новгородских грамотах: *пришли еще одну десять лососей*. Именно поэтому существительные при числительных от *пять* и выше выступают в **Р** мн.ч., что не свойственно ни одному из неславянских языков, имеющих категорию склонения. Все «неправильности» типа **шестиста, *двести пятидесяти, *больше две тысячи человек* и под., которые часто встречаются в речи даже и образованных людей, и дикторов на ТВ, суть процесс формирования в нашей грамматике самостоятельной ЧР.

В Интернете, как правильное, предлагается: *около тысячи **пятиста восьмидесяти** рублей*. Числительные *пятьсот — девятьсот* встречаются и как потерявшие склонение. Слова *двести*¹⁰ — *четыреста*, судя по всему, тоже теряют склонение. В одном высказывании встречаются оба варианта: *По данным ливийского правительства, это количество жертв куда **больше пятьсот человек** Приложением «Помощник Москвы» пользуется **больше двести тысяч** москвичей. Похоронено **от пятиста до восемьсот человек*** (ТВ и Интернет).

Если до конца XX в. при выражении даты порядковым числительным единственно возможным вариантом было с/с типа *в две тысячи триста пятидесятом году до нашей эры*, то после *двухтысячного года* XX в. появились и стали частотными образования типа: ***В двух тысяча пятом году** объем производства составил 56%. Скачать бесплатно игры на ПК, вышедшие **в двух тысяchi пятом году**. И даже **в двухтысячном пятом году*** (устная речь высокого чиновника по ТВ).

¹⁰ *Двести* — результат редукции окончания в форме дв.ч. — *двесте*, как *две окне*. В западных славянских языках здесь окончание -е, польск. *dwieście*, в сербохорв. -а. *двеста*, ср. наше *триста*.

Интересно посмотреть, как этот процесс идет в других славянских языках. В сербо-хорватском языке числительные уже не склоняются. В польском перестало склоняться и выступает только в форме **И** муж.р. числительное *один* в составных числительных, и, если при квантитативе типа *сто двадцать один/одна/одно* в позиции подлежащего у нас в норме существительное, определение к нему и сказуемое стоят в форме ед.ч.: *вышла двадцать одна новая книга*, то в польском сказуемое стоит в ср. р.: существительное в Р мн.ч. (даем кальку) *вышло двадцать один новых книг*; соответственно в косвенных падежах: русское нормативное *пришел с двадцатью одной новой книгой* и польск. *пришел с двадцати/с двадцатью один новыми книгами*. Но и в русском языке происходят изменения, которые мы уже не замечаем. Тот же квантитатив типа *двадцать один* отмечен в четырех реализациях, которые, судя по содержанию, нельзя отнести к просторечию: *Фокус с двадцать одной картой. Мы, фактически, имеем дело не с двадцатью одной цивилизацией, а только с одной-единственной. Вместе с теми двадцатью одной книгами, которые были написаны до нашего приезда, это составляет сорок пять книг. Число с двадцать одним нулей*. Ср. также: *Г.А. Рачинский остроумно указал, что тридцать один слог танки совпадают с тридцать одним слогом античного элегического дистиха; Меня задерживала группа СБУ из сорок одного человека*.

В одном и том же высказывании возможны разные варианты: *Семьдесят одна из ста трех ракет потеряны, недостача двух из сто пяти ракет выявлена*. Судя по этим примерам, у нас теряет склонение первое слово в составном числительном, а существительное при *один* в составном числительном и определение к существительному могут стоять и во мн.ч.

Разумеется, мы должны как можно дольше сохранять существующую норму. Но лингвистика следить за этим процессом должна: избежать этих грамматических трансформаций нельзя. Это процесс дальнейшего развития языка. Напомним, что в 1891 г. Российская Академия наук запрещала говорить *согласно чему*, а только *согласно с чем*.

Именно механизм грамматикализации создает уникальность каждого языка. Представим некоторые из таких уникальных категорий и покажем специфику нашего подхода к ним.

7.1. Полные и краткие прилагательные. Традиционная грамматика. Одной из уникальностей русского языка является категория полных и кратких форм прилагательных и причастий. Но прежде, чем их рассмотреть, вспомним, что наши прилагательные категоризируются по двум главным параметрам: 1) разряды — качественные, относительные и притяжательные; 2) полные и краткие формы (ПФ, КФ).

К качественным относятся прилагательные, имеющие степени сравнения, — *высокий, более высокий/выше — самый высокий/высший/высочайший/наивысший*. Ср. также: *Известный американский писатель Эдгар По сказал: «Поэт тем талантливее, чем более математичен его дар». Сегодня мы с вами совершим увлекательное путешествие в мир математики и выясним, кто же у нас самый математичный.*

В притяжательных, отвечающих на вопросы **чей? кому принадлежит?**, указывается, что они образуются только от одушевленных существительных: *Колин* (голос, костюм), *собачий* (лай, хвост). Остальные относятся к относительным. В морфологически отдельный разряд, выделяют прилагательные на — **ин** типа *мамин*. Они в **В** имеют не йотированные формы: *в мамину сумку, в мамыны письма*.

К ПФ относятся прилагательные, имеющие полную падежную парадигму. К кратким — не имеющие падежной парадигмы как, например, *рад*.

Но в нашей практике и, следовательно, в нашей модели, такая классификация вызывает недоумения.

1. Что касается классификации по разрядам, то относительно качественных наличие степеней сравнения действительно адекватно и абсолютно корректно.

2. Что касается притяжательных, то ограничения их категорией одушевленности сомнительно. Системны вопросы и ответы типа:

Чей остров Сахалин? Берега материка до границы Кореи и остров Сахалин принадлежат России. Сахалин — российский остров. Ср. также: *Конкурс «Чьи это листья?» Участникам дают листья липы, черемухи, малины, шиповника, дуба, клена, одуванчика, репейника и т.д. Теперь понятно, почему елкины ветки называют лапником.*

К этому параметру мы вернемся ниже. Если *уткины перья* — притяжательное, почему *елкины ветки* — относительное?

3. Что касается отнесения к КФ только прилагательных, не имеющих падежной парадигмы, то таким, собственно не изменяемым по падежам, является только прилагательное *рад*, вместо которого в косвенных падежах мы употребляем один из ЛСВ слова *радостный*.

7.2. Объективная категоризация. В нашей модели языка корректнее работают другие принципы категоризации и другой подход к категории ПФ и КФ. Представим их.

1) Как известно, в старославянском языке исходной была именно КФ, склонявшаяся по типу существительных. После присоединения к КФ местоимения с -j возникло понятие ПФ [Николаева, 2008]. За КФ закрепилось значение неопределенности, за ПФ — выражение определенности. Именно такая оппозиция сохранилась и сейчас в сербо-хорватском языке. Обе формы работают параллельно. В рус-

ском языке грамматикализация этой категории другая. Теперь для нас основной является ПФ, от которой образуется или не образуется КФ. И думается, что в нашей грамматике здесь есть дискуссионные вопросы. И первый — как определяются ПФ и КФ?

2) Само разграничение понятий ПФ и КФ. Если понятие ПФ связано с образованием йотированного компонента в исходной форме типа *новый* — *новая* — *новое* — *новое*, *белый* — *белая* — *белое* — *белые*, то именно такие реализации следует считать ПФ. Прилагательные, где муж. род оканчивается на согласный, — это первичная КФ.

Вместе с тем у нас краткими считаются такие прилагательные, у которых нет падежной парадигмы. Но кроме слова *рад*, у всех других типа *сыт*, *горд*, *виноват* есть полная падежная парадигма с так называемыми стяженными формами. В свое время в славянских языках в ПФ начало происходить выпадение интервокального -j-, и появились стяженные формы, причем в русском языке перед -j- сохранился гласный самого прилагательного, а, например, в польском, гласный местоимения, поэтому нашему дореволюционному *нового* соответствует польское *nowego*. Русский язык сохранил йотированные формы в **И** и **В** в муж. и ср. р. и во мн. ч. В жен. р. йотированные формы сохранились во всех падежах. Но очень интересно, что происходит в других восточнославянских языках.

«Пары адъективов на белорусском языке: *новы дом* — *новыя дамы*, *новая кніга* — *новыя кнігі*, *новае акно* — *новыя вокны*. В роли предикатов: *дом новы* — *дамы новыя*, *кніга новая* — *кнігі новыя*. *акно новае* — *вóкны новыя*. Иначе говоря, в предикатной функции белорусские прилагательные сохраняют ПФ. Под влиянием русского языка возможны некоторые прилагательные с семантическим сдвигом: *Будзь здароў!* Пионерское: *Заўсёды гатовы! Рад Вас бачыць / Рады Вас бачыць* (мн. ч.), но *Рада / Радая Вас бачыць* (оба варианта употребляются). Что касается примеров типа *Ураджай сабраны / План выкананы / Абавязацельствы прыняты*, то это уже стало нормативным газетным клише, хотя пассив не свойствен белорусскому языку. Ему более свойственны активные конструкции (в том числе неопределенноличные предложения): *Ураджай сабралі / План выканалі / Абавязацельствы прынялі*. Но наши журналисты пишут уже русифицированной речью, тем более что надо представить не процесс, а результат. В белорусском языке краткие формы прилагательных вообще не очень употребительны. В роли сказуемых, как правило, используются полные формы, причем чаще в именительном, а не в творительном падеже. *Усё тут нóва* скорее можно увидеть в поэтическом тексте, и здесь оно краткое прилагательное. Но в прозе правильное всё-таки *Усё тут новае; Усё тут цёплае, халóднае, яснае, дóбрае, уту́льнае* » (Профессор М.И. Конюшкевич, Гродно, личное письмо).

Как видим, в белорусском языке потерял йот, сохранив гласное окончание и, следовательно, принадлежность к ПФ, только **И** муж.р. в ед. и мн. ч. Другими словами, в муж. р. уже во всей парадигме выступает стяженная форма: *План выкананы* (план выполнен). КФ *план выканан* считается влиянием русского языка.

В украинском КФ уже отсутствует в принципе. Но покажем падежную парадигму с/с с прилагательными и сравним ее с русской и белорусской.

И *новій будинок* — *новá книга* — *новé вікно* — *нові́ будинки /книги /вікна*
Р *нового будинку* — *новóї книги* — *нового вікна* — *нові́х будинків/книг/вікон*

Д *новóму будинку* — *новій книзі* — *новóму вікну* — *новім будинкам/книгам/ вікнам*

В *новій будинок/нового героя* — *нову́ книгу* — *новé вікно* — *нові́ будинки/книги/ вікна* — *нових героїв*

Т *новім будинком* — *новóю книгою* — *новім вікном* — *нові́ми будинками/книгами/вікнами*

П *на/у новóму, новім будинку* — *на/у новій книзі* — *на/у новóму, новім вікні* — *на/у нові́х будинках/книгах/вікнах*

Как видим, в украинском, в отличие от белорусского, именно ПФ муж.р. сохранила в **И** и **В** ед.ч. j-форму, остальные представлены стяженными формами, а КФ уже нет¹¹.

В западнославянских языках во всей падежной парадигме выступает стяженная форма, которая, в принципе, является грамматической реализацией ПФ и, возможно, соответствующим этапом грамматикализации ПФ во всех славянских языках. Йотированную форму в польск.яз. сохранил жен.р. в **Р**, **Д** и **П** ед. ч.

3) Но здесь в русской грамматике встает еще один и в рамках нашей модели языка принципиальный вопрос. Если изначально КФ прилагательных в муж.р. кончалась на согласный, а ПФ появилась с присоединением к ней йотированного местоимения, то почему в современной морфологии на это различие не обращается внимания, а разграничение ПФ и КФ строится на наличии падежной парадигмы? К КФ относятся только прилагательные, у которых нет падежной парадигмы типа *рад*, поэтому прилагательные типа *уткин*, *мамин*, *отцов* относят к ПФ. Но, с другой стороны, считается, что КФ есть только у качественных прилагательных. Как тогда объяснить, например, различие форм прилагательных в случае: *Линии А–В и С–D — параллельные* и *Линии А–В и С–D — параллельны* — при их полной синонимичности? То, что у многих прилагательных в ПФ и КФ могут

¹¹ Я благодарю за предоставленный материал украинскую коллегу доцента А. Савчук.

быть и семантические различия — это другой вопрос: у многих слов разных ЧР есть лексико-семантические варианты (ЛСВ).

Категория ПФ и КФ прилагательных — категория функционально-грамматическая¹², и там есть случаи, когда употребление той или иной формы зависит от чисто грамматических факторов. Так, прилагательные *счастливый* и *счастлив*, *гордый* и *горд* в ПФ имеют значение постоянного признака, а в КФ — сиюминутного состояния: *Он счастливый*, у него замечательные родители, дружная семья, хорошее здоровье; и: *В этот момент он был счастлив*. Он — *гордый* и не согласится на твоё предложение; и *Он был горд*: его работу признали лучшей.

Но в копредикате с глаголом выступает только ПФ: *Он сидел счастливый*; *Ему вручали награду, и он стоял гордый и радостный*.

4) Соответственно, встает вопрос о принципах разграничения ПФ и КФ. Думается, что у нас еще не все прилагательные перешли в ПФ. Ранее сказано, что все изменения в языке идут пословно. И наша работа показала, что: 1) ПФ и КФ следует различать по наличию/отсутствию не падежной парадигмы, а йотированной формы хотя бы в **И** *сильный, дорогой, глупый, святой* — *силен, дорог, глуп, свят*; 2) КФ есть у всех разрядов прилагательных: см. приведенные выше качественные, у относительных: *Индивид, по Кьеркегору, самоценен и возвышен, но он же одинок и беспомощен в этом мире. Ворона перелётна*; см. народную загадку: *Поля стеклянны, межи деревянны* (окно).

5) Притяжательные прилагательные ПФ и КФ, как показано ранее, образуются не только от одушевленных существительных. Все прилагательные, отвечающие на вопрос **чей?** выражают категорию притяжательности: *университетское здание, библиотечные книги, пушкинские стихи, Пифагоровы тройки*.

Характерные для языка современной речи естественного общения КФ на **-ин** и **-ов** в подавляющем большинстве случаев не варианты ПФ, а исконные КФ, как правило, от имен родственников и имен собственных, но и от названий животных и растений, в том числе и в позиции определения: *мамина сумка, папин телефон, сестрины подруги, Колина книга, Ирино письмо, Петин словарь*. Но также и: *утка — уткин, улитка — улиткин, козявка — козявкин* и под. от слов на **-чка/-чек —зка/-зек, -шка/-шек** и т.п.: *ласточкино гнездо, березкины листики, девочкина мама, барашкины кудряшки, кошкино мяуканье*. Этот разряд по своей семантике в ядре категории изначально относился к определенным, почему и сохранил в косвенных падежах КФ.

¹² Эта ФГК в нашей модели выделена еще в [Всеволодова, Спиридонова, 1968]. Это грамматика функционирования ЛСВ, т.е. собственно грамматикализация (подробнее [Всеволодова, 2013]).

Снова **мамин** голос слышу. **Мамино** слово как песни капели. **А мамыны** глаза. **Мамина** кухня. Да я без **мамина** голоса и 2 дня не выдержу. Есть ли необходимость отлучить мою дочку **от мамыны** груди? Блины **по мамину** рецепту. **Про мамину** радость. **В мамине** животике растет детёныш. Зять — **дочернин** муж, **сестрин** муж, **золовкин** муж. **Отцов** дом цел. Прихожу, а он на порошках сидит **у отцова** дома. И я пришла, как блудный сын, **к отцову** дому. Прямо **в отцов** дом вернулся. Ребеночка одевали **в отцову** рубашку. **Катеринины** же думы **об отцове** работнике Семене. А глаза-то **братовы**! Озадачил мой приезд ужасно **братову** жену. А одна девочка **из братовых** друзей оказалась девочкой Машей, с которой мы ... Потом электруха ушла поиграть **к братовым** друзьям. **Братнин** дом. **Братнины** штаны. Как сиротеть без чудищ дому **братнину**? Взял оханку снопов из своей доли и отнес **на братнину** половину. Мужу **сестрину** — вино. Саша потерял **сестрину** ручку. Санька прячет в сундук **тёткины** вещи. Илона подняла **теткину** сумку, **Из теткина** сундука... Несколько месяцев назад жена **Мишина** друга погибла. Серега берет в руки **Мишину** книгу. Ср. частотные: **Из раздумий** меня вытащил **Дяди Мишин** голос. **Тети-Машина** дочка, видно, умела шить. Хоть ей давно минуло девяносто, судачили соседки у крыльца: — Кренка еще, и доживёт и до ста. Не видно **бабы Дунина** конца.

Пусть твои уста, как **ласточкин** клюв, беседуют с Кораном! По стволу смола стекает — **елочкины** слезы. Это **березкин** листик, я его сразу узнала! Ежик провалился в **волчью** (ПФ) **яму** и просидел там неделю. Его случайно нашла Белка: она пробежала мимо и услышала слабый **Ежикин** голос. Плыть было тяжело, ведь шикарный **рыбкин** хвостик то запутывался среди водорослей, то застревал между камнями. А может **редискины** листья мы должны есть в салате? Вот и чудно! — обрадовались **елочкины** друзья, — Мы ведь очень без тебя скучали! **Ласточкины** гнёзда — блюдо китайской кухни.

В грамматике такие прилагательные, как КФ не рассматриваются. Но в косвенных пп. в норме кроме КФ системны и стяженные (в косвенных падежах) реализации ПФ: **Простые рецепты** **маминой** **тетрадки**. **Из теткиной** сумки. **Вдобавок к теткиному совету**. У меня рядом **с отцовым** домом живет бабулька. Иванушка-дурачок и говорит **братниным** женам. Всякое утро утирать лицо **братниным** платком. Вдруг издали кто-то **дяди Мишиным** голосом ответил. Переночевать мы решили **в дедушкином** доме. Ср.: Во сне я собирала **в дедушкине** доме орехи.

Но в **В** и в этом случае в норме сохраняется КФ: Я слушал **мамину** сестру с интересом, **Отцову** сестру хоронить приехал. Роман про девушку которая влюбилась **в братова** друга; **Дедушкину** маму звали Аграфена Степановна. Рассказ про **дедушкины** санки и про свинью. А нынче при свете свечи влажными глазами читал **сестрино** письмо.

Впрочем, процесс грамматикализации ПФ, судя по всему, продолжается, ср.: *Дедовая борода. Отец мой старый слезы льет. А мать больна, про то не знает, Что сын ее отцовый дом покинул. Блин! И братовые штаны великоватые!*

В спонтанной и детской речи реализация j-формы системна: *Маминная тушеная капуста. Андрей у меня придумал «Асиная», «маминная», «папинная». Помню сумочку, маминую. Согласился помочь, полез в маминую сумку. У малыша папинная моторика. Ищем папиную тетю. Папиные дочери. Гоша: «И вообще, ты дядиная Вовиная!»* Данное полотно перекликается с полотном «Бабушкиный сад». Это дедушкиный ноутбук.

В случае наличия исходной ПФ и КФ типа *рыбий — рыбкин, кошачий — кошачин, собачий — собачин, еловый — елкин* вполне возможна сейчас оппозиция по значению «обобщенность» vs. «конкретность» обладателя. Но такого анализа пока не было.

Как показано, в белорусском языке нашему *рад* — *рада* соответствуют в норме ПФ: *рады — радая*. Интересно, что в нашей речи естественного общения эта форма тоже появляется и у слова *рад*, и у других прилагательных, сохранивших первичную КФ: *Я сильно радый. Мы радые предложить вам: талреп оцинкованный, талреп грузовой. Я такая радая! Тиффа, радое дитя! Так что мы обе правые получаемся, и я согласная насчет плюшек — не годятся. Да не виноватый я!*

Ненормативность, думается, есть показатель их вторичности, а тот факт, что у слов *прав, виноват, согласен, сыт* есть стяженные падежные формы типа полных, — это, очевидно, один из механизмов процесса грамматикализации, который, вероятно, может идти не только от исходной формы, но и от других членов парадигмы. Возможно, что в белорусском языке этот процесс прошел быстрее, чем в русском. Но, возможно, наличие самой ФГК ПФ и КФ повлияет на сохранение КФ в русском языке, хотя в других восточно- и западнославянских языках КФ фактически выходит или уже вышла из употребления.

8. Парадигма времени глаголов. Как известно, в славянских языках в парадигме глагольного времени собственно глагольные формы прош.вр. были заменены формами действительного причастия прош. вр. типа *захудалый, обветшалый* в исконной КФ. Само причастие имеет категорию рода, но не имеет категории лица, чем отличается от глагола. Грамматикализация причастия в парадигме категории времени у славян прошла по-разному. В южнославянских языках причастие, как ему и полагается, в функции сказуемого выступает с глагольной связкой, имеющей форму лица, ср. ст.-слав.: *есъм — еси — есть — есьмы — есте — суть*.

Ср. сербские реализации этой формы и реализации с прилагательными¹³: *Я читал* [*ја сам читао = читао сам*] — *Ты читал* [*ти си читао = читао си*] — *Он читал* [*он је читао = читао је*] — *Мы читали* [*ми смо читали = читали смо*] — *Вы читали* [*ви сте читали = читали сте*] — *они читали* [*они су читали = читали су*] *Я читала* [*ја сам читала = читала сам*] — *Ты читала* [*ти си читала = читала си*] — *Она читала* [*она је читала = читала је*]

Ми смо читале = читале смо; Ви сте читале = читале сте; Она су читале = читале су. Оно је читало = читало је; Она су читала = читала су; Ср. *Книга — новая* [*Књига је нова*], *Я высокая* [*Ја сам висока*], — *Ты — высокая* [*Ти си висока*].

В западнославянских языках причастие прош.вр. присоединило к себе в 1 и 2 л. ед. и мн. числа соответствующие форманты 3-го л. ед. ч. глагола *być* (*быть*)¹⁴ в наст.вр. *jest* (*есть*), выступающего и в функции связки, ср. польск.: *jestem — jesteś — jest — jesteśmy — jesteście — są* и: *byłem/byłam — byłeś/byłaś — byliśmy/byłyśmy — byliście/byłyście — byli/były*.

В восточнославянских языках сам глагол *быть* только в буд.вр. сохранил категорию лица. Форма наст. вр. 3-го лица *есть* фактически грамматикализовалась для всех лиц в обоих числах, хотя в 3 л. мн. числа иногда и выступает форма *суть*:

Начала, какие я предлагаю в этой книге, суть те самые истинные начала, с помощью которых можно достичь высшей ступени мудрости (а в ней и состоит высшее благо человеческой жизни). (Р. Декарт)

В прош.вр. ед.ч. сохраняется категория рода: *был — была — было*.

В русском языке грамматикализация этой связки пошла еще дальше. Во-первых, ее употребление связано с актуальным членением. Она в обычной речи в значении наст.вр. выступает как слово только в Р, часто будучи фокусом Р, часто с союзом *и*, с местоимением *это*, которые обычно усиливают ее интонационное выделение.

Закон есть закон. Мы, бездельники, и есть самые работающие люди на земле (О. Генри). *Самые простые чувства — это и есть самые сильные чувства.* (Эрих Мария Ремарк)

Во всех остальных случаях эта связка представлена нулевой формой (0-форме). Это тоже один из важных и системных для славянских языков механизм грамматикализации, ср.: *Она — студентка; Книга — новая; Улицы у нас широкие; Работы много; Домов — три.*

¹³ Я благодарю сербского коллегу, профессора университета в г. Нови Сад Слободана Павловича за присланные материалы.

¹⁴ Мы не касаемся здесь собственной польскому языку категории мужского лица, релевантной и для глагола.

В прош. и в буд. вр. связка выступает. Она сохранила категорию времени, в будущем времени лица и числа, в прошедшем — рода и числа. Но и в значении собственно глагола форма *есть* выступает для всех родов и чисел и не выражает категории лица и числа: *У нас есть работа; В городе есть большой стадион и несколько парков; Ты у меня есть, и это прекрасно. У них уже есть всё необходимое. Мы спокойны: пока у нас есть все вы, всё будет в порядке. У него есть дочь и сын. Я у тебя есть и всегда с тобой.*

Однако и полнозначный глагол *есть* может выступать в 0-форме. 0-форма и материализованная форма могут выражать оппозицию «все названные объекты vs. часть названных объектов», ср.: *В парке изумительные деревья — В парке есть изумительные деревья (но есть и обычные).*

Что касается связки в белорусском языке, то она, как и в русском языке, материально не выражена (нулевая) в настоящем времени¹⁵.

В украинском «связка сохранилась, это глагол “бути” в форме настоящего времени “є”». Возможны 2 реализации: 1) с нулевой связкой: *Дім новий, План виконаний*; 2) с формально выраженной связкой “є” и прилагательным в форме И или Т: *Дім є новий, Дім є новим; План є виконаний; План є виконаним*. В случаях с семантикой действия также употребляется глагольная форма на -но: *План виконано*»¹⁶.

9. Понятие нулевой формы. Говоря о грамматикализации глагольных форм и о специфике реализации глагола *быть* в русском языке, мы не могли пройти мимо понятия 0-формы. Это свойственная, по крайней мере, славянским языкам (а возможно, и другим), но пока не описанная явно грамматическая категория, хотя не все лингвисты это признают. В категории глагола она выступает в определенных синтаксических функциях. Но есть и другие аспекты её функционирования. Так, в категории наших предложных форм, все предлоги, имеющие в своем составе гласный, могут выступать с 0-формой управляемого слова в анафоре. В подобных случаях именно предлог является ремой, и значит, связан с АЧ. Как видим, АЧ теснейшим образом связано с грамматикой: *Что ты думаешь о новом плане? Ты за или против? — Я — за. Как ты пробрался туда? Там же канава. — Прыгнул через. Мне чай с сахаром, а ему — без.*

В других славянских языках есть другие случаи грамматикализации 0-формы. Так, в польском языке системна и в отсутствие

¹⁵ «Некоторые белорусские языковеды (например, Л.И. Бурак и др., включая школьные учебники, но не академическая грамматика!) ее не признают вопреки логике: *План выкананы* (это “простое именное сказуемое”, потому что выражено одним словом — причастием), а *План быў выкананы* — “составное именное сказуемое со связкой *быў*» (Из письма М.И. Конюшкевич).

¹⁶ Благодарю доцента А. Савчук за присланную информацию.

особых условий АЧ обязательна 0-форма подлежащего в **я-/мы-** и в **ты-/вы-** предложениях. У нас такие предложения возможны, как правило, в ответе на вопрос. В польском языке любая глагольная форма выражает категорию лица. И этого для польского языка достаточно. Нормальным являются предложения типа: *Wczoraj kupiłem ciekawą książkę* — *Вчера (я) купил интересную книгу. Jutro idziemy do teatru* — *Завтра (мы) идём в театр.*

Случаи возможного/обязательного употребления 0-формы еще предстоит выявить.

10. О категории словосочетания. В заключение приведем еще один случай грамматикализации, системный и в русском, и в других языках. Это проблема связана и с синтаксической категорией с/с, и с проблемой знаменательных и служебных слов. Как известно, В.В. Виноградов, выделив категорию предикативности, объяснил различие уровней предложения и с/с. Но к с/с он относил только с/с, состоящие из знаменательных слов, и только такие, где слова стоят в соответствующем порядке. Уже изменение словопорядка в данном типе с\с он считал их разрушением. Но дальнейшее развитие лингвистики, и в частности, введение в русистику в [Ковтунова, 1976] категории АЧ, а фактически категории предикации, или предикцирования [Кацнельсон, 1971; Лекант, 1974], показало, что не только знаменательные с/с, но и такие, где грамматически главное слово — служебное, являются в славянских языках одним из главных механизмов ее системного функционирования. И оказалось необходимым кардинально изменить взгляд на эту категорию, что не снижает роли В.В. Виноградова в исследовании с/с. Как оказалось, в языке системны и очень употребительны дескрипции (термин, подсказанный нам А.Е. Кибриком), где семантически главным является грамматически зависимая словоформа, а грамматически главное слово — семантически ослабленным, несущим чисто формальную функцию. Дескрипции — это своего рода развертки слова, когда значение одного слова выражается в с/с: *посоветовать* — *дать совет*; *идти быстро* — *идти быстрым шагом*, *отдыхать приятно* — *отдых* — *штука приятная*. Первыми были выделены и в определенной степени описаны так называемые описательные предикаты (ОП, термин В.А. Белашапковой, коллокаты у Ю.Д. Апресяна), *помочь* — *оказать помощь*, *гулять* — *совершать прогулку* [Канза Роже, 1991; Кузьменкова, 2000]. В нашей теории мы назвали эти служебные по своей функции, но в принципе имеющие самостоятельное значение слова экспликаторами. В каждом языке ОП выбирают свои экспликаторы. И, во-первых, они могут быть различными в разных функциональных стилях, ср.: *совершать молебен* в церковном стиле и *проводить молебен*

в речи естественного общения¹⁷; а во-вторых, при одном и том же зависимом слове вносить свой смысл, ср.: *ошибиться* и *сделать ошибку* — *допустить ошибку* — *совершить ошибку*. Грамматикализация здесь состоит в том, что знаменательное слово превращается в служебное и часто не соответствует своему словарному значению: *дать книгу* и: *дать совет, дать обещание, дать приказ*. ОП — лингвистическая универсалия, другие типы дескрипций есть не во всех языках. Например, в китайском языке нет обстоятельственных дескрипций типа *говорить громким голосом*.

Учет дескрипций, составных числительных и некоторых других типов синтаксических структур позволил создать в нашей модели языка интересную и адекватную для нашей работы категориальную систему словосочетаний [Всеволодова, 2012, 2015, 2016].

Обращение к категории грамматикализации позволяет нам понять механизмы функционирования и развития языка, с одной стороны, и понять специфику русского языка как в отношении славянских, так и не славянских языков — с другой. В результате можно сделать вывод, что грамматикализация в нашем понимании бывает двух типов: 1) язык сам вводит в свою систему те или иные формы и структуры, которые в рамках современного уровня языка грамматически объяснить трудно или невозможно; 2) практические потребности разных моделей и само развитие лингвистики подсказывают нам ту или иную структуризацию системы категорий данного языка, отличную от традиционной.

Список литературы

- Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 76–99.
- Всеволодова М.В. Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 1. С. 7–40.
- Всеволодова М.В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания. 2013а. № 6. С. 3–32.

---

¹⁷ В ходе передачи на радио по русскому языку, которую мне поручили провести, священник спросил меня: *Мы совершаем молебен, совершаем венчание, крещение. Почему мои прихожанки говорят провести молебен, ведь это неправильно?* Как выяснено, человек, “живущий” в своей профессии, использует специфику своего профессионального стиля и в речи естественного общения. В этой речи названия всех общественных мероприятий выступают с экспликатором *проводить: проводить/провести обсуждение, совещание*. Молебен и венчание для неслужителей церкви именно такое событие.

- Всеволодова М.В.* Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013b. № 6. С. 16–62.
- Всеволодова М.В.* Нормативная и объективная грамматика славянских языков // Мовний простір граматики: актуальні студії. Зб. наук. праць / наук. ред. М.О. Вінтонів. Донецьк, 2014. С. 9–17.
- Всеволодова М.В.* Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 6. С. 35–57.
- Всеволодова М.В.* Язык: система и объективная грамматика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 3. С. 3–37.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М., 2016b.
- Всеволодова М.В.* Славянские языки: объективная грамматика и категория грамматикализации // Лінгвістичні студії. Міжнародний збірник наукових праць. Випуск 34. Вінниця, 2017. С. 18–28.
- Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Кн. 2: А–В (объективная грамматика). М., 2018.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.
- Всеволодова М.В., Спиридонова Л.Н.* Употребление полных и кратких прилагательных. М., 1968.
- Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Канза Рोजе.* Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке: предикат со значением состояния человека: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Ковтунова И.И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кузьменкова В.А.* Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
- Мухин А.М.* Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964.
- Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971.

Судзуки Рина. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа: в зеркале японского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Maya Vsevolodova

SOME CHALLENGES OF MODERN RUSSIAN GRAMMAR AND A GRAMMATICALIZATION THEORY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with some facts of modern Russian grammar, which seem to break set functioning rules of language units at diverse levels. Nevertheless, they are quite system for the speech of natural communication, mass-media language and research literature. Moreover, these facts are not perceived as a norm violation. Some of them are if ever mentioned in grammars, some are treated as phraseological units. Furthermore, the author challenges the current dogmas about the lack of synonyms in language as well as about the contradiction of synchrony and diachrony, since the language is permanently evolving and it is essential for linguistics to know the ways and types of these changes.

The author presents a distinct from modern grammar structure of some categories such as full / short forms of adjectives, government, quantitiveness, zero form, and word-combination. Besides peculiar paradigms of prepositions and copulas are analysed. Every author's conclusion is exemplified and supported by comparative evidences. Such viewing of facts and their potential interpretation are related to theoretical linguistics.

The article introduces nontrivial, broad concepts of grammaticalization and degrammaticalization. Grammaticalisation is regarded as an adoption by the language of seemingly wrong forms as constituent elements of grammar. Relatively, degrammaticalization is a dropping of some units out of language grammar system.

Key words: language status; language models; functional-communicative model; fact-based (objective) grammar; grammaticalization.

About the author: *Maya Vsevolodova* — Dr. habil., Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mayya133@mail.ru).

References

Vsevolodova M.V. Polia, kategorii i kontsepty v grammaticheskoi sisteme iazyka [Fields, categories, and concepts in grammatical system]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2009, № 3, pp. 76–99. (In Russ.)

- Vsevolodova M.V. Slovosochetanie v novoi paradigme grammatiki [Word-combination in the new paradigm of grammar]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2012, № 1, pp. 7–40. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. O grammatike polnyh i kratkih form prilagatel'nyh i prichastii v russkom iazyke [Towards a grammar of full and short forms of adjectives and passive participles in Russian language]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2013a, № 6, pp. 3–32. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Kategorija kolichestvennosti v slavianskikh iazykah: chislitel'nye i kvantitativy [The category of quantitateness in Slavic languages: numerals and quantitatives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2013b, № 6, pp. 16–62. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Normativnaia i ob''ektivnaia grammatika slavianskikh iazykov [Normative and objective grammar of Slavic languages]. *Movnii prostir grammatiki: aktual'ni studii. Zbornik naukovykh ptats.* [Grammar language space: actual studies: A collection of articles]. Vintoniv M.O. (ed.), Donetsk, Donetsk National University Publ., 2014, pp. 9–17. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Iazyk: norma i uzus (podhody k sisteme iazyka) [Language: the norm and the usage (approaches to the language system)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2015, № 6, pp. 35–57. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Iazyk: sistema i ob''ektivnaya grammatika [Language as the system and problems of the objective grammar]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2016a, № 3, pp. 3–37. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. *Teoria funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment fundamental'noi prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka* [A theory of functional-communicative syntax. A fragment of applied (pedagogic) language model], Moscow, Editorial URSS, 2016b. 649 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Slavianskie iazyki: ob''ektivnaia grammatika i teoria grammatikalizatsii [Slavic languages: objective grammar and grammatical categories]. *Lingvistichny studii. Mezhdunarodnyi zbornik naukovykh prats* [Linguistic studies. International collection of scientific papers], Vinnytsia, Vasyly' Stus DonNU Publ., 2017, pp. 18–28. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Vinogradova E.N., Chaplygina T.E. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniya: Reestr russkikh predlozhnykh edinits. Kniga 2: A — V (ob''ektivnaya grammatika)* [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional-grammatical description of real usage: An inventory of Russian prepositional units. Book 2: A—V (fact-based grammar)]. Moscow, Editorial URSS, 2018. 800 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu*

- opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob''ektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhenykh edinit. Kn. 1* [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials for functional-grammatical description of real usage. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Book 1]. Moscow, Editorial URSS, 2014. 304 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Spiridonova L.N. *Upotreblenie polnih i kratkih prilagatel'nyh* [The use of full and short adjectives]. Moscow, Lomonosov State Univ. Publ., 1968. 64 p. (In Russ.)
- Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa* [An essay on functional syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 352 p. (In Russ.)
- Kanza Rozhe. *Opisatel'nyi sposob vyrazhenia semanticheskogo predikata v sovremennom russkom iazyke: predikat so znacheniem sostoiania cheloveka. Kand. diss.* [A descriptive way of semantic predicate expression in Modern Russian: a predicate of person's state. Cand. diss.], Moscow, 1991. (In Russ.)
- Katsnel'son S.D. *Tipologia iazyka i rechevoe myshlenie* [Language typology and verbal thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 216 p. (In Russ.)
- Kovtunova I.I. *Poriadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenia* [Word-order and actual division of the sentence]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 240 p. (In Russ.)
- Kuz'menkova V.A. *Tipologia opisatel'nyh predikatov i ih analogov v sovremennom russkom iazyke. Kand. diss.* [A typology of descriptive predicates and their analogues in Modern Russian. Cand. diss.]. Moscow, 2000. (In Russ.)
- Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozhenia v sovremennom russkom iazyke* [Syntax of a simple sentence], Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1974. 160 p. (In Russ.)
- Mukhin A.M. *Funktsional'nyi analiz sintaksicheskikh elementov* [Functional analysis of syntactic elements]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 242 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T.M. *Neparadigmaticheskaja lingvistika (istoria bluzhdaiuschih chastits)* [Non-paradigmatic linguistics (A story of wandering particles)]. Moscow, Iazyki slavianskoj kul'tury Publ., 2008. 376 p. (In Russ.)
- Skoblikova E.S. *Soglasovanie i upravlenie v russkom iazyke* [Coordination and government in Russian]. Moscow, Editorial URSS, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Sudzuki Rina. *Russkie atributivnye konstruktzii so znacheniem "parametricheskaja kharakteristika predmeta" i funkcionirovanie v nih komponentov predlozhnogo tipa: v zerkale iaponskogo iazyka. Kand. diss.* [Russian attributive structures with the meaning of "parametric object characteristics" and functioning of prepositional units within them. Cand. diss.]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Е.Н. Виноградова

**РУССКИЕ ПРЕДЛОГИ
В КОНЦЕПЦИИ М.В. ВСЕВОЛОДОВОЙ
(на примере одного «из»)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данной статье охарактеризованы некоторые особенности концепции описания предлогов, разработанной М.В. Всеволодовой. Работа выполнена на материале предлога **из** и предлогов, включающих **из** в свой состав, и состоит из четырех частей, каждая из которых отражает одну из отличительных черт рассматриваемого подхода.

1. Широкое представление об управлении как формальном способе включения имен существительных в синтаксические построения, а также выделение мотивированного, обусловленного и немотивированного типов управления позволяет корректно описать различные употребления и значения предлогов.

2. Детальная система бинарных оппозиций, категоризирующая структурные типы предлогов, дает возможность четко определить место той или иной единицы (в частности, различных типов немотивированных сложных предлогов, включающих **из**) в «групповом портрете» предлогов русского языка.

3. Понятие функционально-грамматического поля предлога объединяет для целостного исследования первообразные предлоги со всеми производными единицами, выполняющими функции предлога: как перешедшими в разряд собственно предлогов, так и находящимися на определенной стадии грамматикализации, как, например, мотивированные предлоги с **из**: **из границ чего, из области чего, из рамок чего, исходя из чего** и под.

4. При объективном подходе к языку оказалось возможным обнаружить ряд предложных единиц, которые не фиксируются нормативными грамматиками, но употребляются в речи носителей русского языка. Анализ корпуса предложных единиц позволил выявить целую сеть парадигматических отношений внутри функционально-грамматического поля предлогов. Системные связи между предлогами формируют грамматику предлога как части речи, которая, наряду с парадигматикой, включает и различные аспекты функционирования предлогов в дискурсе.

Виноградова Екатерина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekaterinavin@mail.ru).

Ключевые слова: М.В. Всеволодова; предлог *из*; грамматика; парадигматика; грамматикализация; управление; синтаксема

В начале нового тысячелетия М.В. Всеволодова увлекла славистов из разных стран идеей изучения предлогов, консолидировав работы по их описанию в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др., 2003; Коношкевич 2005]. Результатом этих исследований стала не только публикация ряда научных работ, а также словарей украинских, русских и белорусских предлогов [Загнітко и др., 2007; Всеволодова и др., 2014; 2018; Канюшкевич, 2008–2010], но и создание принципиально нового системного подхода к предлогу как части речи. Целью данной статьи является освещение ярких отличительных черт «предложной» концепции М.В. Всеволодовой на примере описания предлога *из* (а также производных предложных единиц, включающих данный предлог), которое было выполнено в ходе работы над проектом.

Как известно (см., например: [Исследования, 2001; Солоницкий, 2003]), проблема выделения лексико-семантических вариантов (ЛСВ) первообразных предлогов достаточно сложна в связи с их делексикализированностью. Так, для предлога *из* в МАС, СТС [Бурцева, 2010] перечислено по 10 значений, в БАС — 14, в СОШ — 7, в словаре [Ефремова, 2006] — 17, в [Лепнев, 2009] — 19 и т.д. При этом отмечаемые значения далеко не всегда совпадают по объему, пересекаясь и расходясь в разных источниках. Для решения этой проблемы М.В. Всеволодова предложила объединить представления о управлении как о формальном способе введения имен существительных в синтаксические построения [Скобликова, 2005] и концепцию свободных, обусловленных и связанных синтаксем [Золотова, 2001 — далее ССЗ]. Именно такой подход принят в [Всеволодова и др., 2018], где каждому ЛСВ предлога приписывается атрибуция, состоящая из 15 пунктов, отражающих его фонетические, стилистические, морфонологические, структурные, грамматические и текстовые характеристики.

1. Категория управления: мотивированное, немотивированное и обусловленное управление

Для предлогов, формирующих свободные синтаксемы, релевантно выделять различные значения именной группы, описывая отдельно каждый ЛСВ предлога. Это случаи **мотивированного** управления (именное примыкание в РГ–80), где управляющее слово мотивирует не предложно-падежную форму, а ее смысл, ср.: *вернулся* (откуда?) *из Твери, с дачи, от бабушки*, но *жил* (где?) *в Твери, на даче, у бабушки*.

Употребление предлогов, входящих в обусловленные синтаксемы, вызвано требованиями конструкции, следовательно, они должны быть интерпретированы с позиций синтаксических структур. Такие случаи относятся к **обусловленному управлению**: *Упасть есть машина «Чайка»* [НКРЯ¹]. *Дядя из него — отличный* [НКРЯ].

Наконец, **немотивированное** управление характерно для связанных синтаксем, форма которых обусловлена управляющим словом: *надеяться на память, ассоциироваться с памятью, изгладиться из памяти, вытеснить из памяти*. Соответственно, для них целесообразно не формулировать значение, а указывать группы или списки управляющих слов.

Продемонстрируем применение понятий мотивированного, обусловленного и немотивированного управления на материале предлога **из** + р.п.:

А) мотивированное управление:

— пространственные отношения (директив): *Выйти из дому* (СОШ); *Привезти из деревни* (СОШ);

— источник (сурсив): *Из альбома А.П. Керн* (Пушкин); *Из Байрона* (Пушкин);

— характеризационные отношения (фабрикатив): *Джем из абрикосов* (СТС); *Пальто из драпа* (СТС);

— причинно-следственные отношения (каузатив): *Сделать что-н. из зависти* (СОШ); *Молчать из осторожности* (СТС); *Выйти замуж из благодарности* (СТС);

— отношения части и целого (партитив): *Комиссия из пяти человек* (СОШ); *Обед из трех блюд* (СОШ);

— временные отношения (темпоратив): *Из огненного 42-го* (Правда, ССЗ); *Из прошлого* (Юность, ССЗ);

— целевые отношения: — *А теперь вон сколько подмастерьев шатается, из хлеба одного готовы работать* (Короленко, БАС);

— определительные отношения: *Первые ученики равно хорошо учатся и из математики, и из истории, сочиняют, чертят, рисуют и языки знают* (Гончаров, БАС).

— характеризационные отношения (высокая степень проявления признака): *И обувь легкая сжимает Две ножки, Чудо из чудес*² (Пушкин, БАС); *Нет, никто его не понимал, не только Варя, даже мама, любимейшая из любимых!* [НКРЯ]; — *Орлан был маг из магов, — задумчиво сказал Легиар* [НКРЯ].

¹ Примеры с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

² В данном случае предлог **из** управляет двумя припредложными формами. Подробнее о структурных типах предлогов см. ниже. А.В. Величко относит конструкцию **сущ. + из + сущ. р.п. мн.ч.** к синтаксическим фразеологизмам (класс структур не дифференцированной оценки) [Величко, 2016: 178–179].

Б) обусловленное управление:

— синтаксема, вводящая родовое понятие в различных конструкциях (ср.: *среди* + р.п.): *Из яств, кроме кутьи, было три-четыре блюда* (Достоевский, БАС); *А ведь, признайся, есть Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть* (Крылов, БАС); *Из овощных супов хорош свекольник ботвинка* [НКРЯ];

— синтаксема, обозначающая «характеристику лица, предмета по принадлежности к некоторой категории, совокупности лиц, предметов» (генератив) [Золотова, 2001: 59] в различных конструкциях: *Происходить из рабочих* (СОШ); *Володя Кривцов, талантливый парень из рабочих, а может быть, из крестьян* [НКРЯ].

— синтаксема, употребляющаяся в «модальных модификациях квалификативной модели субъект-носитель потенциального признака» [Золотова, 2001: 64], часто с фазисными глаголами-реляторами: *Из поселка вырос город* (СТС); *Я ведь говорил, что учитель из меня не получится* [НКРЯ].

— синтаксема, употребляющаяся в отрицательных модальных модификациях квалификативной модели субъект-носитель потенциального признака: *Из большого осла не выйдет слона* (посл., ССЗ). *Впрочем, большого писателя из Рогожина не получилось, имя его кануло в Лету* [НКРЯ].

— синтаксема, употребляющаяся в авторизационных модальных модификациях квалификативной модели субъект-носитель потенциального признака — *Товарищ Киселев, не делайте из подсудимого борца за мировую революцию!..* [НКРЯ]; *Не делайте из мужа идиота!* [НКРЯ].

— синтаксема, употребляющаяся в модели «Субъект и его качественная характеристика» с обязательным прилагательным аксиологической оценки: *Было заметно, что водитель из неё нукудышный* [НКРЯ]; *Дядя из него — отличный* [НКРЯ];

В) немотивированное управление:

— при глаголах и девербативах с приставкой *вы-*: *выбить из колеи, выбиться из сил, выбросить из головы, вывести из терпения, вывод из ситуации, выделить из общей массы, выжать из ситуации* (всё возможное), *вызволить из неволи, выйти из себя* (берегов, моды, положения, роли, строя, тупика, употребления), *вырасти из пеленок, вырвать из сердца, вырваться из объятий, высвободить из плена, выскочить из головы, вытеснить из употребления, вытечь из этого, вычест из пяти два;*

— при глаголах и девербативах с приставкой *из-/ис-*: *извлечь из запасников, извлечь корень квадратный из 25, извлечь урок из пережитого, изгладиться из памяти, изъять из обращения, испариться из*

памяти, *исключение из правил, исключить из рассмотрения, истекать из классических образцов, исторгнуть из груди (крик), исходить из предположения, исчезать из виду;*

— при числительных *один из...: один из ученых, один из лучших, трое из них;*

— при местоимениях *каждый, некоторые, многие / многое, все из...: некоторые из них, многие из нас, каждый из политиков;*

— при существительных со значением количества: *максимум, большинство из...: большинство из них, максимум из возможных;*

— при прилагательных в превосходной степени: *несчастнейший из смертных, наихудший из поэтов;*

— при глаголах *вернуться, возвратиться, воротиться, приехать, прийти* с событийными существительными: *Поздно ночью из похода Воротился воевода* (Пушкин, ССЗ).

— при глаголах *стать, заделаться*: *Барашки на вербах из белых стали желтыми и пушистыми* (Куприн, ССЗ); *... но глаза Клэр из серых стали почти чёрными* [НКРЯ].

Таким образом, подход к управлению как к трехчленной категории, включающей мотивированное, немотивированное и обусловленное управление, как представляется, позволяет корректно и непротиворечиво описать употребление и значение предложно-падежных форм в русском языке. Кроме того, некоторые случаи, например, *Чудо из чудес*, где предлог управляет двумя формами имени, заставляют задуматься о категоризации структурных типов русских предлогов.

2. Типология предложных единиц

М.В. Всеволодовой была разработана дихотомическая система оппозиций для описания структурного разнообразия предложных единиц³, как первообразных [Всеволодова, 2012a], так и производных [Всеволодова, 2012b]. Назовем некоторые структурные классы, в которых выступает, казалось бы, «простейший» первообразный (немотивированный в терминологии автора) предлог *из* + р.п. (схема):

1) **немотивированные моноксемные простые моносубстантивные предлоги:** *из дома, из шелка;*

2) **немотивированные моноксемные простые бисубстантивные предлоги,** управляющие двумя припредложными формами (предлог — в интерпозиции между ними): *чудо из чудес, глупец из глупцов;*

³ Термин «предложные единицы» был также предложен М.В. Всеволодовой для обозначения как собственно предлогов, так и единиц, функционирующих в качестве предлогов в определенных условиях.

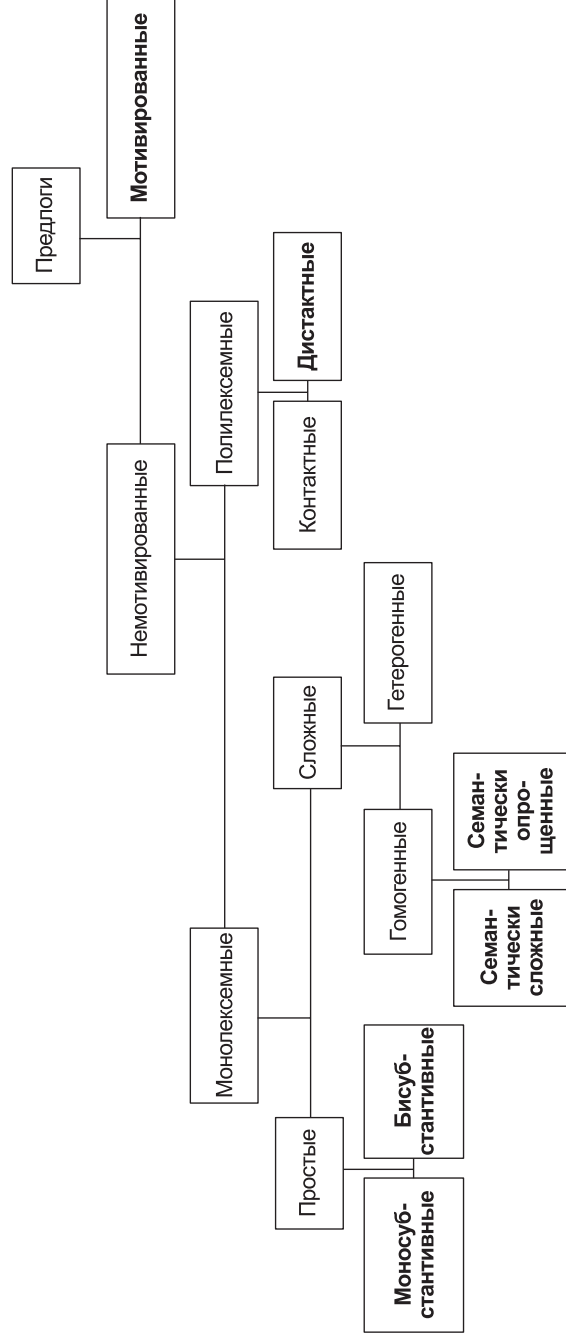

Схема. Структурные типы немотивированных предложений, включающих предлог «из» (фрагмент дендрограммы структурных типов предлогов М.В. Всеволодовой)

3) в составе **немотивированных молексемных сложных гомогенных семантически сложных предлогов**: *из-за* (в пространственном значении), *из-под* и нек. другие (см. п. 4 «Объективная грамматика»);

4) в составе **немотивированных молексемных сложных гомогенных семантически опрошенных предлогов**: *из-за* (в причинном значении);

5) в составе **немотивированных полилексемных дистактных предлогов**: *из* + р.п. *в* + в.п. Дистактные предлоги могут быть так же описаны с вышеизложенных позиций категории управления. Так, для дистактного предлога *из* + р.п. *в* + в.п. выделяются:

А) случаи мотивированного управления (свободные синтаксемы):

— пространственные отношения: ... *как бы опровергая радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву»* ... Пушкин пишет свое «Путешествие *из Москвы в Петербург*»... [НКРЯ]; ... *вчера — это бескрайние поля ледников на Алтае или экспресс из Венеции в Милан...* [НКРЯ];

— временные отношения (регулярная повторяемость), со словоформами одной лексемы: *Работать надо из года в год, из дня в день, из часа в час!* [НКРЯ]; *И пошло из книги в книгу, из пьесы в пьесу: «Я бы с ним не пошел в разведку!..»* [НКРЯ];

— пространственные отношения, со словоформами одной лексемы: *Иван Иванович прошелся в волнении из угла в угол* (Чехов, БАС); *Я всю Россию из края в край прошагал* (Горький, БАС).

Б) случаи обусловленного управления (обусловленные синтаксемы):

— *в* + в.п.: *Так что Сережа потом в одночасье из доктора тоже превратился в пациента* [НКРЯ]; *Из царя — в пленника*, сданного победителю собственным войском [НКРЯ];

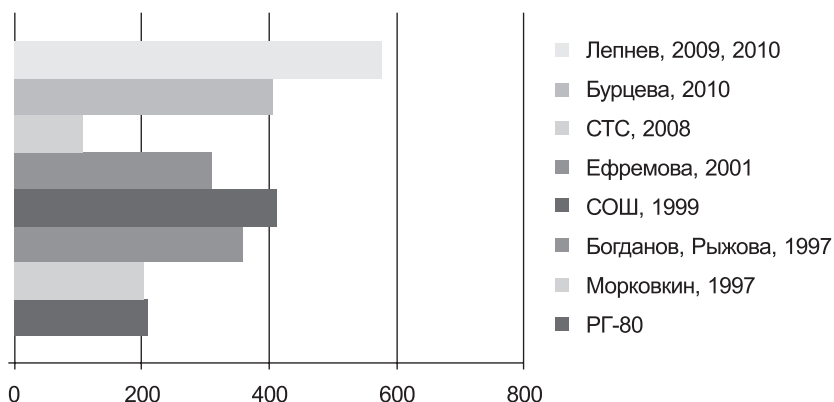
— *в* + и. / в. / превратительный п.: *Из дебютантов в чемпионы* (Правда, ССЗ). *Из горилл — в офицеры* [НКРЯ];

6) в составе **мотивированных (производных) предлогов**, как отыменных: *из власти, из глубины, из границ, из зоны, из канвы, из области, из пределов, из рамок, из расчета (на), из русла, из ряда, из среды, из сферы, из числа* и под., так и отглагольных: *исходя из*. В современной русистике актуальным является вопрос о статусе подобных единиц: объем производных предлогов в русском языке по-разному интерпретируется лингвистами.

3. Функционально-грамматическое поле предлога и грамматикализация

Анализ грамматик, словарей и лексикографических изданий [Виноградова, 2017] позволил выявить, что понятие предлога в настоящее время достаточно туманно, ср., например, количественные

данные по числу предлогов в лингвистических трудах после РГ-80 (рисунок). Лексикографы и грамматисты причисляют к данной части речи очень широкий круг единиц, при этом достаточно трудно объективно решить вопрос об окончательной «определенности» относительно целого ряда единиц. Некая эфемерность предлога вполне закономерно вызывает протест целого ряда ученых например, [Шмелев, 2002; Шереметьева, 2008], выступающих против «размывания» понятия предлога. Так, Д.Н. Шмелев пишет: «если встать на путь причисления к предлогам всех сочетаний существительных с предлогами, которые способны выражать некоторые обобщенные отношения, то самое определение предлога, как «служебного слова», которое «не имеет самостоятельного лексического значения» окажется посторонним для данной группы слов» [Шмелев, 2002: 342].

Рисунок. Количество предлогов, маркированных в словарях и грамматиках за 40 лет

Одним из удачных решений является, на наш взгляд, представление о предлогах как о полевой структуре. Идею такого функционально-грамматического поля предлога, позволяющего объединить как собственно предлоги, так и еще не до конца грамматикализованные единицы, предложила М.В. Всеволодова [Всеволодова, 2010]. Если в ядре поля находятся непроеизводные предлоги, то периферию составляют единицы, в определенных условиях функционирующие как предлоги. Для многих «периферийных» единиц идет активный процесс грамматикализации⁴, связанной с «большим или меньшим ослаблением лексического значения одного из компонентов словосочетания, с последовательным превращением

⁴ Другими словами, идет пословное движение предложных единиц с периферии функционально-грамматического поля предлога в его центр.

его из лексически значимого слова в полуслужебное или служебное» [Жирмунский, 1965: 12]. При этом процесс перехода существительных в предлоги идет, с одной стороны, пословно, а с другой — представляет собой некоторый континуум, в котором сложно провести четкие границы и однозначно определить окончательное «превращение» конструкции в предлог как часть речи. Действительно, каков статус производных единиц, включающих в свой состав предлог *из*: *из ареала, из ареалов, из арсенала, из атмосферы, из ведения, из вида, из видимости, из власти, из виду, из глуби, из глубин (ы), из границ, из дали, из зон (ы), из канвы, из контекста, из круга, из кругов, из лона, из недр, из областей, из области, из обстановки, из окружения, из плоскости, из поля, из породы, из пределов, из района, из районов, из рамки, из рамок, из расчета (на), из режима, из роли, из рук (и) (у), из русла, из ряда, из рядов, из системы, из соображений, из состава, из состояния, из союза с, из среды, из стадии, из стана, из статуса, из стен, из структур (ы), из сфер (ы), из тисков, из тьмы, из уст, из фазы, из форм (ы), из формата, из центра, из цепей, из цепи, из цикла, из череды, из черты, из числа, из чувств (а), из эпохи, из эры?* Ответить на этот вопрос могут помочь операциональные методы категоризации предложных единиц, некоторые из которых продемонстрированы в [Всеволодова, 2011; Виноградова, 2016]. Кроме того, в этом свете становится актуальной задача инвентаризации единиц, способных выступать в роли предлога.

4. Объективная грамматика и грамматика предлога

Сегодня, как кажется, у большинства лингвистов не вызывает сомнений необходимость объективного подхода к языку, учета всего языкового материала. Идея объективной грамматики [Всеволодова, 2015; 2016] позволила обнаружить в поле предлога целый ряд предложных единиц, обычно не фиксируемых грамматиками, причем это не только производные предлоги, но и сложные немотивированные (первообразные): *извне*⁵, *изнутри*, *из-меж*, *из-между*, *из-над*, *из-перед*, *из после*, *из-промеж*, *из-промежду*, *из среди* (подробнее о выходе подобных предлогов из грамматики, но употреблении в речи естественного общения см. в статье М.В. Всеволодовой в настоящем номере, с. 206).

Более того, оказалось, что грамматика «живет» и в самой категории предлога как части речи. М.В. Всеволодова показала, что функционально-грамматическое поле предлога пронизывает

⁵ Отметим, что орфографическое представление подобных единиц (вероятно, в силу отсутствия их в словарях) может быть различным: слитным, раздельным и через дефис.

(и организует) множество различных системных парадигматических отношений, а это и есть грамматика предлога. Назовем лишь некоторые парадигматические связи, характерные для рассмотренных предлогов.

1) лексические синонимы (для каждого ЛСВ): *из чего* (обусловленная, родовое понятие (*из супов*)) — *среди чего*, *из чего* (цель) — *за что*, *из границ чего* — *из пределов чего*, *из области чего* — *из сферы чего*, *из породы кого* — *из кого*;

2) лексические антонимы (для каждого ЛСВ): *из чего* (директив) — *во что*, *извне чего* — *из (в)нутри чего*;

3) морфонологическая парадигма: *из* — *изо*;

4) морфосинтаксическая парадигма:

— по падежу управляемого существительного: *из-между чего* — *из-между чем* — *из между чем и чем*;

— по наличию первообразного предлога в постпозиции к предлогообразующему существительному: *из видимости кого* — *из видимости для кого* — *из видимости у кого*, *из рук кого* — *из рук у кого*;

— по первообразному предлогу, входящему в состав мотивированной предложной единицы: *из расчета на что* — *в расчете на что* — *с расчетом на что*, *исходя из чего* — *исходя от чего*;

— по числу предлогообразующего существительного: *из ареала чего* — *из ареалов чего*, *из глубины чего* — *из глубин чего*, *из области чего* — *из областей чего*, *из сферы чего* — *из сфер чего*;

Отметим также системные употребления предлога *из* с конкретизаторами типа *около*, *порядка*, *(не) более*, *не (менее)* и под.: *Система получилась очень сложная: таковы египетские иероглифы, состоящие из около трех тысяч знаков* [НКРЯ]; *Птичий рынок попал в черный список, состоящий из порядка 80 предприятий и организаций, которым жить в Центральном округе Москвы не по чину* [НКРЯ]; *Если цепочка составлена из более ста аминокислот, это настоящий белок* [НКРЯ]. Подобные сочетания предлогов с конкретизаторами также входят в функционально-грамматическое поле предлога и подлежат изучению и описанию.

Идея создания грамматики предлога представляется очень актуальной. Подчеркнем, что в данной статье мы указали лишь на некоторые типы парадигматических отношений, грамматика же предлогов включает и другие аспекты их функционирования, например, их употребление с анафорой (ср.: *из дома* — *из него*, *из состояния аффекта* — *из этого состояния*, но *из ненависти* — **из нее*), способность к формированию союзных средств (ср.: *сапоги из кожи* — *сапоги из того, что было...* — *кожа, из которой...*; *молчать из осторожности* — **молчать из того, что...* — **осторожность, из*

которой...), возможность употребления 0-формы: *Ты в лес или из? Лишь тогда, когда перестали доноситься всякие звуки извне, гость отодвинулся от Ивана и заговорил погромче* [НКРЯ], возможность употребления с прилагательными — именем актанта: *из глубины веков — из вековой глубины* и т.д.

Думается, что «предложная» концепция, разработанная М.В. Всеволодовой, является эффективным инструментом системного и исчерпывающего исчисления предложных единиц, который позволит создать фрагмент объективной функциональной грамматики русского языка (и не только), актуальной как для традиционных описаний языка, так и для прикладных, в особенности для преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
- Богданов С.И., Рыжова Ю.В. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб, 1997.
- Буцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2010.
- Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М., 2016.
- Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016, № 1. С. 25–50.
- Виноградова Е.Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017, № 5. С. 56–74.
- Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4. С. 3–26.
- Всеволодова М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–136.
- Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы — немотивированные (первообразные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012а. № 5. С. 30–78.
- Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2: Фрагмент системы — мотивированные (вторичные) предлоги // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012б. № 6. С. 9–51.

- Всеволодова М.В.* Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 6. С. 35–57.
- Всеволодова М.В.* Язык: система и объективная грамматика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 3. С. 3–37.
- Всеволодова М.В.* Категория управления в современной русистике и проблемы изучения падежной системы русского языка в иноязычной аудитории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 4. С. 151–187.
- Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 3. С. 17–59.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.
- Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Кн. 2: А–В (объективная грамматика). М., 2018.
- Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
- Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006.
- Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов / Под ред. В.М. Жирмунского, О.П. Суника. М.; Л., 1965. С. 5–57.
- Загнітко А.П., Данилюк І.Г., Ситар Г.В., Шукіна І.А.* Словник українських прийменників. Донецьк, 2007.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд. М., 2001.
- Исследования по семантике предлогов. Сб. статей / Под ред. Д. Пайара, О.Н. Селиверстовой. М., 2000.*
- Канюшкевіч М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна, 2008–2010.
- Конюшкевич М.И.* Русские и белорусские предлоги: списочный состав, закономерности образования, первый опыт сопоставления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 4. С. 64–78.
- Лепнев М.Г.* Словарь непроизводных предлогов современного русского языка. СПб, 2009.
- Лепнев М.Г.* Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб, 2010.

- МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1980–1984.
- Морковкин В.В. (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.
- РГ–80 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 2005.
- Солоницкий А.В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток, 2003.
- СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
- СТС — Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. М., 2008.
- Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.
- Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

Ekaterina Vinogradova

RUSSIAN PREPOSITIONS IN M. VSEVOLODOVA'S THEORY (a case study of preposition «из»)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the systemic approach to describing prepositions which has been elaborated by Maya Vsevolodova, Professor of Lomonosov Moscow State University, and employed in a series of preposition-focused dictionaries. Outlining some of the essential features of the prepositional theory in four parts, the article aims to describe the Russian preposition “из” (*from*). The first part talks about the category of agreement (including three subtypes) as a tool enabling the researcher to give a correct description of Russian (especially primary) polysemantic prepositions. The second part discusses a detailed system of binary oppositions designed to categorize structural types of Russian prepositions. The third part provides a better understanding of the functional-grammatical field of prepositions by presenting an integral description of primary prepositions alongside with derivative prepositional units which are grammaticalized or semi-grammaticalized. As a part of speech, the preposition in contemporary Russian has been understudied and the potential of its semantics is yet to be discussed. It is still challenging to find the right criteria for distinguishing between prepositions and non-prepositions. The fourth part delves into various paradigms viewing interaction between prepositions as parts of communicative grammar.

Key words: M. Vsevolodova; preposition *uz*; grammar; paradigm; grammaticalization; agreement; syntaxeme.

About the author: *Ekaterina Vinogradova* — PhD in Linguistics, Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekaterinavin@mail.ru).

References

- BAS — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tt.* [A dictionary of Modern Standard Russian in 17 vols.]. Vol. 5. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Science publ. 1950—1965. 1918 p. (In Russ.)
- Bogdanov S.I., Ryzhova Yu.V. *Russkaya sluzhebnyaya leksika. Svodnye tablitsy* [Russian auxiliary words. Synoptic tables]. St. Petersburg St. Petersburg Univ. Publ., 1997. 169 p. (In Russ.)
- Burtseva V.V. *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [A dictionary of Russian adverbs and auxiliary words]. Moscow, Drofa Publ., 2010. 750 p. (In Russ.)
- Velichko A.V. *Predlozhenia frazeologizirovannoi struktury v russkom iazyke. Srukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [Phraseologized structure sentences in the Russian language. Structural-semantic and functional-communicative study]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)
- Vinogradova E.N. Grammatizatsia v russkom iazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k prelogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalization in Russian: From noun to preposition (a case study of body part names)]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2016, № 1, pp. 25—50. (In Russ.)
- Vinogradova E.N. Problemy leksikograficheskogo i grammaticheskogo opisanii predlogov v sovremennom russkom iazyke [Prepositions in modern Russian: lexicography and grammatical description]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2017, № 5, pp. 56—74. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinits: tipologii, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii [Some grammar aspects of Russian prepositional units: typology, structure, syntagmatic and syntactic modifications]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2010, № 4, pp. 3—26. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. K voprosu ob operatsional'nykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinits [Revisiting operational methods of prepositional units categorization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2011. № 3, pp. 103—136. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ia 1. Fragment sistemy — nemotivirovannyye (pervooobraznyye) predlogi [The system of morphosyntactic types of Russian prepositions. Article 1. A fragment of the system — unmotivated (primitive) prepositions].

- Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State university Bulletin. Series 9. Philology], 2012a, № 5, pp. 30–78. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ia 2. Fragment sistemy — motivirovannye predlogi [The system of morphosyntactic types of Russian prepositions. Article 2. A fragment of the system — motivated (derived) prepositions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2012b, № 6, pp. 9–51. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Iazyk: norma i uzus (podhody k sisteme iazyka) [Language: the norm and the usage (approaches to the language system)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2015, № 6, pp. 35–57. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Iazyk: sistema i ob'ektivnaya grammatika [Language as the system and problems of the objective grammar]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2016, № 3, pp. 3–37. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V. Kategorii upravleniia v sovremennoi rusistike i problemy izucheniia padezhnoi sistemy russkogo iazyka v inoiazychnoi auditirii [The category of government in modern Russian language studies and the problems with learning of the Russian case system in a foreign speaking audience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2017, № 4, pp. 151–187. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Klobukov E.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. K osnovaniyam funktsional'no-kommunikativnoj grammatiki russkogo predloga [Towards the bases of functional-communicative grammar of Russian preposition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2003, № 3, pp. 17–59. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinit. Kn. 1* [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials for functional-grammatical description of real usage. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Book 1]. Moscow, Editorial URSS, 2014. 304 p. (In Russ.)
- Vsevolodova M.V., Vinogradova E.N., Chaplygina T.E. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Reestr russkikh predlozhnykh edinit. Kniga 2: A–V (ob'ektivnaya grammatika)* [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional-grammatical description of real usage: An inventory of Russian prepositional units. Book 2: A–V (fact-based grammar)]. Moscow, Editorial URSS, 2018. 800 p. (In Russ.)

- Efremova T.F. *Tolkovyĭ slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [A defining dictionary of Russian auxiliary parts of speech], Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2001. 854 p. (In Russ.)
- Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovui slovar' russkogo iazyka* [A modern defining dictionary of Russian]. Vol. 1. Moscow, AST, Astrel, Harvest, Lingua Publs., 2006. 1168 p. (In Russ.)
- Zhirumsky V.M. Ob analiticheskikh konstruktsiiah [On analytical structures] in: *Analiticheskie konstruktsii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical structures in languages of different types]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 5–57. (In Russ.)
- Zagnitko A.P., Danyljuk I.G., Sytar G.V., Shhukina I.A. *Slovnyk ukrai'ns'kyh pryjmenykyv* [A dictionary of Ukrainian prepositions]. Donetsk: TOV VKF «BAO» Publ., 2007. 416 p. (In Ukrainian.)
- Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [A Syntactic dictionary: a repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, Editorial URSS, 2017. 440 p. (In Russ.)
- Issledovaniya po semantike predlogov. Sb. statei* [Studies in the semantics of prepositions. A collection of articles]. Paillard D., Seliverstova O.N. (eds.). Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2000. 376 p. (In Russ.)
- Kanjushkevich M.I. *Belaruskija pryznazowniki i ih analagu. Gramatyka rjeal'naga wzhyvannja. Matjeryjaly da slownika*. U 3 ch. [Belorussian prepositions and their equivalents. Real usage grammar. Materials for the dictionary. In 3 parts]. Grodno, GrDU Publ., 2008–2010. (In Beloruss.)
- Koniushkevich M.I. Russkie i belorusskie predlogi: spisochnyi sostav, zakonornosti obrazovaniia, pervyi opyt sopostavleniia [Russian and Belorussian prepositions; lists, ways of derivation, first experience of juxtaposition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2005, № 4, pp. 64–78. (In Russ.)
- Lepnev M.G. *Slovar' neproizvodnykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka* [A dictionary of non-derivative prepositions in Modern Russian]. Saint-Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2009. 176 p. (In Russ.)
- Lepnev M.G. *Russkie proizvodnye predlogi. Problemy semantiki. Slovarnye materialy*. [Russian derivative prepositions. Problems of semantics. Dictionary materials]. Saint-Petersburg, IP “Efimenko D.L.” Publ., 2010. 313 p. (In Russ.)
- MAS — *Slovar' russkogo yazyka: V 4 tt.* [A dictionary of the Russian language: In 4 vols.] Evgen'eva A.P. (ed.). Moscow, State Publ. of foreign and national languages. 1981–1984. (In Russ.)
- Morkovkin V.V. (ed.) *Slovar' strukturnykh slov russkogo iazyka* [A dictionary of Russian structural words]. Moscow, Lazur', 1997. 420 p. (In Russ.)
- RG-80 — *Russkaia grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N.Yu. (ed.). Moscow, Nauka Publ. 1980. 783 p. (In Russ.)

- Skoblikova E.S. *Soglasovanie i upravlenie v russkom iazyke* [Coordination and government in Russian]. Moscow, Editorial URSS, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Solonitskii A.V. *Problemy semantiki russkikh pervoobraznykh predlogov* [Problems of semantics of Russian non-derivative prepositions]. Vladivostok, Far Eastern Univ. Publ., 2003. 126 pp. (In Russ.)
- SOSH — Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed., enlarged. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (In Russ.)
- STS — S.A. Kuznetsov. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A modern defining dictionary of the Russian language], Moscow, Norint Publ., 2008. 960 p. (In Russ.)
- Sheremet'eva E.S. *Otymennye reliativy sovremennogo russkogo iazyka. Semantiko-sintaksicheskie etiuudy* [Denominative relatives in Modern Russian. Semantic-syntactic essays], Vladivostok, Far Eastern Univ. Publ., 2008. 236 p. (In Russ.)
- Shmelev D.N. *Izbrannye trudy po russkomu iazyku* [Selected works on Russian language]. Moscow, Iazyki slavianskoj kul'tury Publ., 2002. 888 p. (In Russ.)

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ И ЛОКАЛЬНОМ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

А.А. Зубов

К КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЖАНРОВ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В современных исследованиях (популярный) жанр — это тип социального действия и сиюминутно «исполняемая» стратегия социального и речевого поведения. Специфика жанра определяется не только его устойчивой семантикой, но и прагматикой, репертуаром типических форм адресации и ответного реагирования, связью с другими практиками повседневности, технологической и медийной средой функционирования. Культурная история, отказываясь от нормативного или дескриптивного подходов к изучению жанров, от производства надысторических универсалий и жестких дефиниций, предлагает рассматривать жанр как динамическую систему взаимодействия агентов, текстов, технологий и институтов. Статьи, составляющие блок, продолжают дискуссию о жанре в русле культурной истории и обращаются к вопросам о механизмах формирования жанров популярной литературы и их бытования в локальных и глобальных культурных контекстах.

Ключевые слова: культурная история; популярный жанр; социальное действие; «амурский текст»; Джон Ридер.

Жанровая идентичность художественного текста — один из дискуссионных аспектов бытования и функционирования литературы в социокультурном контексте. Текст, который позиционируется в социальном пространстве как «Литература», прочитывается и оценивается иначе, чем «жанровый» роман, предполагает иной вид диалога с читателем и занимает иное положение в культурной иерархии. Жанр нередко оказывается полем битвы за место в литературном процессе, а атрибуция текста тому или иному жанру — причиной

Зубов Артем Александрович — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

неразрешимых конфликтов¹. Для исследователей литературной культуры это напряжение становится поводом к постановке множества вопросов. Каков публичный статус литературного текста? Каковы механизмы локализации текста на «карте» литературы? Насколько зависимы эти механизмы от географического контекста? Поиск ответов на эти вопросы подразумевает анализ практик продвижения текста в социальном и литературном пространстве, стратегий распространения и горизонтов читательской рецепции и оценки в их исторической и культурной специфичности.

В современных дискуссиях жанр — это тип социального действия и сиюминутно «исполняемая» стратегия социального и речевого поведения. Специфика жанра определяется не только его устойчивой семантикой, но и прагматикой, репертуаром типических форм адресации и ответного реагирования. Исключительно важным в этом контексте оказывается и технологический, медийный аспект письма. Дифференцированная система популярных жанров не может возникнуть, если нет технологий относительно быстрого и недорогого производства литературной продукции, которая публикуется в дешевых журналах или в книгах в мягкой обложке и удовлетворяет запросы растущей аудитории грамотных читателей, обуславливая и ее внутреннее разделение на самостоятельные читательские сообщества.

Американский исследователь Джон Ридер, статья которого публикуется в этом номере журнала, рассматривает процессы становления популярных жанров в США на рубеже XIX–XX вв. Ученый показывает, как социальные, культурные, технологические изменения обуславливают трансформацию понятия «литература», которое из обозначения только лишь печатной продукции становится означающим для избранных текстов, «локусов культурного авторитета», вокруг которых выстраиваются учебные программы в школах и колледжах. Коммерческие популярные жанры в силу новизны и явной «товарности» (ориентации на определенные группы читателей) дистанцируются от заимствованных у классической риторики академических жанровых систем.

Отношения между академическими и коммерческими жанровыми определениями Ридер предлагает трактовать не в вертикальных

---

¹ Показателен в этом отношении спор о жанре (в 2015 г.) между Кадзуо Исигуро и автором фэнтези Урсолой Ле Гуин. В одном из интервью Исигуро прокомментировал свой роман «Погребенный великан»: «Поймут ли меня читатели, поймут ли то, что я пытаюсь сделать, или их отпугнет поверхностный слой романа? Скажут ли они, что это фэнтези?» [Alter, 2015]. Мир романа населен ограми и феями — существами, ассоциирующимися именно с этим популярным жанром. Ответ Ле Гуин на риторический вопрос Исигуро: «Да, вероятнее всего, они так и скажут. Но почему бы и нет? Создается впечатление, что для автора это было бы оскорблением. — А это уже оскорбление для меня» [Le Guin, 2015].

терминах высокого и низкого искусства, а в горизонтальных. Для академической системы характерны заимствование и скрещивание жанровых категорий, возникших в предшествующих социальных формациях с целью сформировать целостное представление о традиции; для коммерческой — связь с конкретной социальной формацией, в которой действуют свои логики распределения культурных ресурсов.

Системы популярных жанров транснациональны, их возникновение связано с повышением интенсивности авторско-издательско-читательских отношений и ускорением циркуляции литературной продукции в глобальном контексте. Бытование популярного жанра зависит от актуальной экономической логики и, следовательно, характеризуется повышенной подвижностью в культурном пространстве, определяемом оппозицией локального и глобального. Популярные жанры существуют в мировом контексте во множестве национальных и локальных вариантов. Их появление очевидно связано с развитием технологий передачи информации и массовым тиражированием художественных дискурсов, но также, на взгляд Ридера, развиваемый в его недавно вышедшей книге, с формированием «альтернативных модерностей»: «локальных и региональных интерпретаций идеологии модернизации и сопутствующих ей практик представления карты мира как зон неравномерного развития» [Rieder, 2017: 63].

В связи с этим возникает целый ряд вопросов, пока далеких от разрешения. Каковы локальные особенности бытования популярных жанровых систем? Как выстраиваются отношения между культурной «метрополией» и «периферией» с точки зрения популярного жанра и каковы признаки «метрополии» и «периферии» — всегда ли они очевидны? Как глобальные культурные практики тиражирования популярных жанров отражаются в культуре региона?

Анализируемый в статье Н.В. Киреевой материал своеобразен и одновременно показателен, он отражает динамику развития популярных жанров в советском и постсоветском пространстве. Исследовательница из Благовещенска рассматривает стратегии социального продвижения (институционального обеспечения) на материале «амурского текста» — сложносоставленного текстового комплекса, обладающего «семантической связностью», информативностью и целостностью. Фокусируясь на популярных романах «амурского текста», автор обращает внимание на механизмы взаимной конвертируемости эстетических, культурных и социополитических, коммерческих ценностей. Рассмотрен, в частности, процесс «формовки», а порой и реформирования жанрового профиля литературного текста на примере популярного коллективного романа начала XX в. «Амур-

ские волки», сочетающего приметы «бульварного романа» с локальным историческим материалом. Обращение авторов к конвенциям популярного жанра, утверждает исследовательница, способствовало распространению ключевых мифологем «амурского текста» («бренда» региона) в общероссийском культурном контексте.

Статьи, составляющие блок, представляют опыт современной культурной истории популярных жанров. Понятие культурной истории² охватывает широкий спектр подходов, методов и исследовательских оптик, объединенных общим интересом к изучению практик, институтов, связей. Отказываясь от нормативного или дескриптивного подходов к изучению жанров, от производства надысторических универсалий и жестких дефиниций, культурная история смотрит на популярный жанр как на динамическую систему, в которой агенты, тексты, технологии и институты взаимодействуют на равных. Эту многомерность исследовать сложно, но и увлекательно.

Список литературы

- Alter A.* For Kazuo Ishiguro, 'The Buried Giant' Is a Departure // The New York Times. Feb. 19, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/02/20/books/for-kazuo-ishiguro-the-buried-giant-is-a-departure.html> (дата обращения: 20.05.2018).
- Le Guin U.K.* "Are they going to say this is fantasy?" // Book View Café. March 2, 2015. URL: <http://bookviewcafe.com/blog/2015/03/02/are-they-going-to-say-this-is-fantasy/> (дата обращения: 20.05.2018).
- Rieder J.* Science Fiction and the Mass Cultural Genre System. Middletown, CT, 2017.

Artem Zubov

A CULTURAL HISTORY OF POPULAR LITERARY GENRE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Contemporary popular genre studies understand genre as a type of social action and an individual performative strategy of social and linguistic behavior. A genre is defined not solely by its semantics, but also by its pragmatics — as a repertoire of

---

² В отечественной научной традиции существует другой вариант перевода англоязычного термина "cultural history" — «культуральная история». Этот вариант, по-видимому, призван решить вопрос о существовании «некультурной истории». Схожим образом в свое время Ю.М. Лотман предлагал термин «структуральная поэтика», но закрепился вариант «структурная».

typified forms of address and response associated with other quotidian practices and performed in specific technological and medial environment. Cultural history sees genres as dynamic systems of interrelations between agents of cultural production, texts, technologies, and social institutions rather than descriptive and normative categories and tools of classification. The articles compiled in this block discuss genres from the perspective of cultural history and address the issues of emergence and functioning of popular genres in local and global cultural contexts.

Key words: cultural history; popular genre; social action; “Amur text”; John Rieder.

About the author: *Artem Zubov* — PhD, Teaching Fellow, Department for Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

References

- Alter A. For Kazuo Ishiguro, ‘The Buried Giant’ Is a Departure. *The New York Times*, Feb. 19, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/02/20/books/for-kazuo-ishiguro-the-buried-giant-is-a-departure.html> (accessed: 20.05.2018).
- Le Guin U.K. “Are they going to say this is fantasy?” *Book View Caf  *, March 2, 2015. URL: <http://bookviewcafe.com/blog/2015/03/02/are-they-going-to-say-this-is-fantasy/> (accessed: 20.05.2018).
- Rieder J. *Science Fiction and the Mass Cultural Genre System*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2017.

Дж. Ридер

СТАНОВЛЕНИЕ ПОПУЛЯРНЫХ ЖАНРОВ¹

Гавайский университет в Маноа

2500 Кампус роуд, Гонолулу, Гавайи 96822, США

Становление популярного жанра вызывает системные изменения в практиках производства, распространения и восприятия дискурсов, то есть, в сущности, трансформирует социальную функцию нарративных практик, а именно — способы их идентификации и оценки в их взаимосвязи с другими практиками. На рубеже XIX — XX вв. механика систематизации и классификации жанров — включая уже опознаваемые жанры детектива, научной фантастики, вестерна и новую версию «любовного романа» — переоформлялась с учетом возникающих тогда же новых форм производства и распространения культурных продуктов, ориентированных на формирующегося массового читателя. Реорганизация жанров была вызвана не только изменениями в способах массового коммерческого тиражирования, но также в практиках преподавания литературы и институционализацией понятия «литература» в системе образования. Отношения между жанровыми системами, используемыми на литературном рынке, с одной стороны, и в научном сообществе, с другой, не являются отношениями взаимного исключения или культурной иерархизации; их, скорее, следует рассматривать как производные от процессов перераспределения социальных функций литературы в «полях» преподавания, труда и потребления.

Ключевые слова: теория жанров; массовая культура; преподавание литературы; научная фантастика.

У жанров не может быть первоисточников по двум причинам: во-первых, жанр всегда интертекстуален; во-вторых, жанр всегда является частью системы. У жанра нет прародителя, поскольку жанры состоят из отношений между текстами, а следовательно, тексты не принадлежат к жанрам, а скорее используют их. Использование это не обусловливается логикой развития, заданной первоисточником, а рождается в ходе подражания, повтора, аллюзии, пародии и т.д. при производстве текстов, а также в процессе категоризации, обобщения, периодизации и т.д. при их интерпретации. Утверждать,

---

Джон Ридер — профессор кафедры английской филологии Гавайского университета в Маноа (e-mail: rieder@hawaii.edu).

¹ Предлагаемая статья — избранный и отредактированный автором фрагмент из книги: [Rieder, 2017: 35–43, 65, 163–64]. Перевод выполнили магистранты кафедры общей теории словесности М.А. Давыдова, А.С. Морева, Д.А. Ситникова.

что текст порождает жанр, значит неверно трактовать роль агентов литературного процесса, так как жанр формируется в процессе более поздних интерпретаций текстов и пересмотра более ранних. Закономерным следствием тезиса об отсутствии у жанров первоисточников становится критика «текстуалистского допущения» Джейсоном Миттеллом, который утверждает, что жанр определяется не столько по формальным и тематическим характеристикам текстов, сколько в ходе их классификации и категоризации — процессов, которые ученый называет социальным конструированием жанров [Mittell, 2004: 7–11]. Социальное конструирование жанров подразумевает помещение текстов внутри пространства ценностных отношений и, таким образом, указывает на вторую причину, по которой необходимо отказаться от поисков первоисточника жанра: динамические отношения внутри жанровой системы. Перепутать жанр с набором формальных признаков — все равно что перепутать слово со звуком. Формальные признаки текста необходимы для существования жанра, как звук необходим для существования слова, но звук становится частью слова, а текст — образцом жанра только в сочетании с другими звуками или текстами внутри языковой или жанровой системы. Более того, признавая ограничения этой аналогии, можно сравнить новый жанр не столько с новым словом, сколько с изменением в узусе или грамматике (скажем, с грамматической «ошибкой», которая со временем становится нормой); жанр нельзя выделить на основании одного примера: его необходимо рассматривать как часть устоявшейся практики. Популярный жанр, таким образом, складывается в результате внутрисистемных изменений в устоявшихся практиках рассказывания, распространения и осмысления историй. Это изменение происходит в социальном функционировании нарративных практик, то есть в том, как одни нарративные практики распознаются и оцениваются в соотношении с другими.

До недавнего времени попытки понять систематичность литературных жанров не рассматривались с точки зрения организации социальных функций нарративов. Наиболее значимая англо-американская теория системы литературных жанров, сформулированная в XX в. Нортропом Фраем в работе «Анатомия критики», не затрагивает вопросы социальной организации. Формальное, тематическое и стилистическое описание, предложенное Фраем, трактует литературные типы как всеохватывающие, надысторические категории, принцип организации которых заложен в логике и значении самой литературы. Таким образом, его жанровая система не имеет четких исторических границ и не привязана к конкретной социальной среде. В противоположность обобщающей теории Фрая, Ханс-Роберт Яусс в работе «Теория жанров и средневековая

литература» предлагает обстоятельное, погруженное в исторический контекст исследование средневековой жанровой системы и настаивает, что в результате исторических случайностей литературные жанры формировались по-разному для разных целей в зависимости от ценностей, характерных для того или иного времени и места. Он утверждает, что литературные формы не вырастают и развиваются одна из другой, и что описания формы, содержания и стиля недостаточно для объяснения неоднородности рельефа их истории.

Для Яюсса понятие системы жанров неотделимо от более широкой концепции горизонта ожиданий, который направляет рецепцию произведения таким образом, что «отношение между отдельным текстом и рядом текстов, образующих жанр, представляет собой непрерывное формирование и изменение горизонтов» [Jauss, 1982: 88]. Эти горизонты ожидания носят не только литературный характер: «произведение искусства [должно пониматься] как знак и носитель смысла социальной реальности, а эстетическое измерение определяется как принцип опосредования и способ организации внеэстетических смыслов» [Ibid.: 108]. И хотя реорганизацию жанровой системы, произошедшую в раннее Новое время, Яюсс связывает с возрождением научного интереса к античной литературе, он, рассматривая сдвиги горизонтов ожидания и организацию внеэстетических смыслов, мог бы в равной мере обратить внимание на влияние печатного станка или на изменения в отношениях государства и церкви в процессе перехода от феодализма к централизованным абсолютным монархиям. И то и другое способствовало секуляризации грамотности, которая все больше становилась востребована не только в церковной, но также в аристократической и капиталистической, финансовой и бюрократической сферах. Здесь резонно возникает следующий вопрос: как сдвиг в технологических и социальных горизонтах ожиданий повлиял на изменения в системе жанров?

Закономерно, что появление научной фантастики нередко рассматривается как реакция на трансформацию ожиданий, связанных с технологическими возможностями. Научная фантастика, согласно одному из популярнейших трюизмов, интересуется социальными последствиями технологических изменений и появляется в контексте промышленных технологических инноваций; вне всяких сомнений, причина столь частого повторения этой идеи заключается в том, что это чистая правда. Например, Роджер Лакхёрст в недавней работе, посвященной истории научной фантастики, одним из условий рождения этого жанра во второй половине XIX в. называет «контекст видимых трансформаций культуры под влиянием технологических и научных инноваций» [Luckhurst, 2005: 16]. Но Лакхёрст называет

также три других условия появления научной фантастики, особенно актуальных в рамках данной статьи:

1) распространение грамотности и начального образования среди большей части населения Англии и Америки, в том числе среди рабочего класса; 2) замещение старых способов распространения массовой литературы в форматах «страшной истории» (*penny dreadful*) и «десятицентового романа» (*dime novel*) новыми дешевыми журнальными изданиями, которые вынуждают писателей подстраиваться под новый формат и обуславливают изобретение современных жанровых категорий: например, детектива, шпионского романа и научной фантастики; 3) появление научных и технических учебных заведений, которые позволяют представителям мелкой буржуазии становиться научно-техническими специалистами, учителями и инженерами и создают противовес традиционным локусам культурного авторитета [Ibid.].

Для того чтобы ответить на вопрос, как новые журнальные издания «вынуждают писателей подстраиваться под новый формат и обуславливают изобретение современных жанровых категорий», необходимо обратить пристальное внимание на новые коммерческие возможности, появление которых связано с расширением представлений о публичности и с массовым тиражированием культуры, а также на новую бизнес-модель, в рамках которой идея публичности массовой культуры неразрывно связывается с рекламой. Жанры, которые формируются в новых условиях, поощряют и эксплуатируют привычное потребление — не потому, что так внезапно решили авторы, и не потому, что писатели, которых публиковали в журналах, все как один были бездарными, лишенными воображения писателями, а потому, что функция художественной литературы в контексте массовой культуры состоит в том, чтобы вырабатывать привычку к регулярному чтению серийной литературы у определенных групп читателей — целевой аудитории того или иного жанра массовой литературы. Неожиданность и новаторство были не нужны; ценилась предсказуемая привлекательность определенной тематики для определенной группы читателей. Отсюда возникают жанры, ориентированные на женщин, и жанры, ориентированные на мужчин; жанры, основанные на интересе к Дикому Западу и на интересе к преступлениям и работе полиции; жанры, целевая аудитория которых увлекается сверхъестественным или наукой.

Разумеется, все эти жанры не возникают из ниоткуда, равно как и массовая культура не отказывается от прежних модусов публичности или традиционных практик чтения. Новые средства распространения массовой культуры ухватились за существующие инструменты вроде сериального романа и гендерно-специфической адресации

женской сентиментальной прозы или приключенческой литературы для мальчиков. Механистическая эстетика массовой культуры нашла отклик в поле культурного производства, акцентировала внимание на ценности «искусства ради искусства» и, вероятно, сыграла важную роль в поощрении сложности и экспериментов с формой в наиболее ярких проявлениях высокого модернизма. Самое заметное, распространенное противостояние между практиками массовой и традиционной культуры, по моему мнению, наблюдается в учебных заведениях, в особенности в сфере высшего гуманитарного образования, противопоставившего «литературу» техническим дискурсам и локальным культурам.

Первое и третье условия Лакхёрста указывают на расширение читательской аудитории, которое происходит на двух уровнях образовательной системы. Наряду с распространением грамотности на самом базовом уровне — умения читать — происходит и более узконаправленное развитие в «научных и технических учебных заведениях» в области специализированных знаний, необходимых для решения технических и административных задач. Увеличение числа людей, получающих начальное образование, а также особое внимание к технической подготовке на профессиональном уровне необходимы для «видимых трансформаций культуры под влиянием технологических и научных инноваций» в той степени, в какой оба эти условия отвечают потребностям набирающей обороты индустриальной экономики. В то время как рост читательской аудитории, пожалуй, является одним из условий формирования массовой культуры в целом, Лакхёрст акцентирует внимание на обучении «научно-технических специалистов» и инженеров, указывая на возникновение аудитории, интересующейся научной фантастикой. Подобная связь жанра с определенным набором сюжетов и тем вполне типична для массовой культуры: научная фантастика специализируется на вопросах науки и технологии, равно как детективный жанр — на законах и работе полиции, вестерн — на освоении американского фронта, а любовный роман — на эмоциональной динамике любовных и сексуальных отношений [Attebery, Hollinger, 2013: xi].

Развитие профессионального научного и технического обучения происходит в рамках распространения высшего образования благодаря все большему влиянию «краснокирпичных»² университетов в Соединенном Королевстве и появлению первых крупных университетов в США. Эти процессы означают не только рост числа образовательных учреждений и их большую инклюзивность, но и

---

² Университеты из красного кирпича, «краснокирпичные» — шесть престижных британских университетов, первоначально основанных как колледжи прикладных или инженерных дисциплин (прим. переводчика).

модернизацию университетских учебных программ с включением в них широкого спектра негуманитарных дисциплин, а также переходом от изучения античной литературы к преподаванию национальных языков и литератур. В таком контексте категория «литературы», которая уже перестала обозначать просто печатную продукцию и превратилась в набор избранных текстов, изучение которых требует известного мастерства, в итоге оказалась своего рода сверхжанром, «граничным объектом», который помог выстроить учебные программы в соответствии с бюрократической структурой образовательной системы³. То, что в XVIII в. было курсом лекций по риторике и изящной словесности, преобразовалось в курсы по литературным формам (логику деления на которые задает триада поэзии, драмы и прозы) и национальным литературам; эти курсы, входя в индивидуальный учебный план, позволяли студентам вписаться в стандартизированную систему обучения, которая измеряется в кредитных часах, оплачивается в соответствии со временем, потраченным тьюторами, и используется администрацией для распределения ресурсов.

Таким образом, при переходе от классических к национальным языкам категория «литературы» помогает адаптировать академическую жанровую систему к ситуации, когда, по словам Лакхёрста, «поколение научно-технических специалистов, учителей и инженеров... созда [е] т противовес традиционным локусам культурного авторитета». Джон Гиллори, наблюдая за происходящим в XIX в. изменением исторических форм литературного канона, пишет, что «только произведения на национальных языках способны дать жизнь категории «литературы» в ее конкретных формах: поэзии, романах, пьесах и т.д. Границы, формирующиеся вокруг определенного набора жанров в настоящее время, все больше отделяют их, с одной стороны, от философских и научных работ, а с другой — от священных текстов» [Guillory, 1993: 76]. Эти представления о жанрах в рамках академического мира будут все сильнее разграничивать «литературу» и жанровую систему массовой культуры в целом на протяжении почти всего XX в.

Гиллори утверждает, что замещение античной литературы национальной «литературой» привело к изменениям в наборе канонических текстов, задействованных в академическом преподавании литературы, однако сохранило важнейшую особенность этого преподавания — феномен, который социолингвисты называют диглоссией. В строгом смысле, термин «диглоссия», введенный лингвистом Чарльзом Фергюсоном, относится к иерархическому распределению функций между простым разговорным языком и тем,

---

³ Об истории категории литературы см.: [Williams, 1977: 45–54]; о «граничных объектах» см.: [Bowker, Starr, 1999: 297–307].

который «усваивается в основном в процессе формального обучения и используется в большинстве письменных текстов и формальной коммуникации, будучи не востребованным в ситуациях повседневного общения» (цит. по: [Guillory, 1993: 69]). Гиллори расширяет концепцию диглоссии, включая в нее практики сохранения и распространения корпуса канонических текстов в учебных заведениях, направленных на углубление языковых навыков учащихся. Таким образом, разграничение, которое изначально было языковым, становится жанровым, а замена в университетских программах античной традиции национальными литературами как «локусами культурного авторитета» институционализирует «разнообразные практики внутри одного языка», которые помогают соотнести разные уровни образования с разными классовыми устремлениями» ([Macherey, Balibar, 1981: 47]; цит. по: [Guillory, 1993: 78]). Способность оперировать данным жанровым разграничением, в таком случае, — один из дисциплинарных механизмов, с помощью которых учебные заведения выполняют функцию «идеологических аппаратов государства», как называет их Луи Альтюссер в своем знаменитом эссе. Идеологическая самоидентификация, соотносимая с «литературой», предполагает полноценное развитие человека независимо от его классовой принадлежности (хотя, безусловно, глубокие литературные познания и вкус являются верными признаками класса), в то время как разнообразные технические тексты, исключенные из категории «литературы», напротив, являются чисто «практическими» и специфичными для определенных профессий, а значит напрямую определяют экономический статус. Нетрудно проследить, как эта дихотомия рифмуется с разрывом между модернистским экспериментом и более консервативными в плане формы реалистическими методами письма, характерными для массовой культуры.

Когда характерный для XX в. пересмотр давнего европейского разделения высоких и низких жанров и стилей мы рассматриваем как перераспределение грамотности и связанных с ней культурной компетенции и привилегий, мы тем самым дополняем и усложняем тезис о коммерческом производстве нарративов, выдвинутый Фредриком Джеймисоном в эссе «Реификация и утопия в массовой культуре». Джеймисон говорит о том, что дух коммодификации витает как над высоким модернизмом, так и над массовой культурой. В то время как продукты культурной индустрии открыто позиционируются как товар, а их производство намеренно выстраивается вокруг коммерческой деятельности, артефакты высокого модернизма, по Джеймисону, в той же степени определяют себя через отрицание своего товарного статуса. Нужно добавить, однако, что диаметрально противоположные практики высокого модернизма и массовой

культуры воспроизводят жанровое и дисциплинарное разделение между гуманитарными и техническими направлениями в учебных заведениях, а то, что Джеймисон вполне резонно расценивает как набор жестко ограниченных реакций на вызовы коммодификации, может также рассматриваться как последовательный прагматический подход к управлению лингвистическими ресурсами, который полностью соответствует этому разделению.

Отношения между коммерческими и академическими жанровыми системами не являются только исключаящими или иерархическими — они скорее подразумевают распространение социальных функций нарратива в поле образования, профессиональной деятельности и потребления. Классовое доминирование и сопутствующая ему борьба классов создает напряжение во всем поле. Умалять значение «культурной индустрии», считая ее лишь вульгарной формой более аутентичных традиционных культурных практик, значит вносить ложное разделение в культурный анализ, тем самым поощряя ностальгию и элитизм. В то же время, превознося массовую культуру в связи с ее открытостью для более широкой читательской аудитории, исключенной из элитистских практик высокого модернизма и высших уровней академической учености, мы рискуем принять консюмеризм за демократию.

Тем не менее вполне уместно обратиться к предложенному Антонио Грамши разделению между органическими и традиционными интеллектуалами, чтобы противопоставить органические и традиционные жанровые системы. Эта оппозиция не имеет отношения к политической деятельности вовлеченных интеллектуалов, а связана с институтами, в которых обычно задействованы жанровые системы, будь то академическая башня из слоновой кости или «плавильный котел», в котором производится массовая культура. Академическая система жанров, выстроенная вокруг категории литературы, заимствует и скрещивает жанровые категории, возникшие в предшествующих социальных формациях, а также опосредует их влияние на настоящее. Ее задача — помочь сформировать представление о традиции. Жанровая система массовой культуры возникает в результате распределения культурных ресурсов, а также неразрывно связанных друг с другом коммерческих и культурных стимулов, естественных для современной социальной формации, и ее задача — способствовать координации этих разнообразных ресурсов и стимулов. На данном этапе можно задаться вопросом, задействована ли — и если да, то в какой степени, — жанровая система массовой культуры в том, что Грамши называет идеальной социально-политической функцией органических интеллектуалов, а именно — в обеспечении своей социальной группе «однородности и осознания собственной

роли» [Gramsci, 1992: 5]. Во всяком случае, можно не сомневаться, что массовая культура продолжает неустанно бороться за то, чтобы диктовать нам, кто мы есть и кем должны стремиться быть.

Список литературы

- Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses: Notes Towards an Investigation // *Lenin and Philosophy and Other Essays*. N.Y., 1970. P. 127–186.
- Atebery B., Hollinger V.* *Parabolas of Science Fiction*. Middletown, CT, 2013.
- Bowker G.C., Starr S.L.* *Sorting Things Out: Classification and its Consequences*. Cambridge, Mass., 1999.
- Gramsci A.* *Prison Notebooks*. N.Y., 1992.
- Frye N.* *Anatomy of Criticism*. Princeton, 1957.
- Guillory J.* *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago, 1993.
- Jameson F.* Reification and Utopia in Mass Culture // *Social Text*. 1979. № 1. P. 130–148.
- Jauss H.-R.* *Theory of Genres and Medieval Literature // Toward an Aesthetic of Reception*. Minneapolis, 1982. P. 76–109.
- Luckhurst R.* *Science Fiction*. Cambridge, 2005.
- Macherey P., Balibar E.* *Literature as an Ideological Form: Some Marxist Propositions // Praxis*. 1981. № 5. P. 43–58.
- Mittell J.* *Genre and Television: From Cop Shows to Cartoons in American Culture*. London, 2004.
- Rieder J.* *Science Fiction and the Mass Cultural Genre System*. Middletown, CT, 2017.
- Williams R.* *Marxism and Literature*. N.Y., 1977.

John Rieder

THE EMERGENCE OF POPULAR GENRES

*Hawaii University, Mānoa
2500 Campus Rd, Honolulu, HI 96822, USA*

The emergence of a popular genre entails systemic changes in established practices of telling, distributing, and understanding stories. It is a change that takes place in the social function of narrative practices, that is, in the way various narrative practices are recognized and evaluated in relation to one another. In the late-nineteenth and early-twentieth centuries a system of genre categorization — including now-familiar genres such as detective fiction, science fiction, the Western,

and a new version of “romance” — coalesced around the new forms of publication and distribution associated with emergent mass culture. This reorganization of genres involved not only mass cultural commercial publication but also literary education, and specifically the status and make-up of “literature” as taught in the schools. The relation between the genre systems generated in commercial publishing and the academy was not one of simple exclusion or straightforward hierarchy, but rather involved a re-distribution of the social functions of narrative across the fields of education, employment, and consumption.

Key words: genre theory; mass culture; literary education; science fiction.

About the author: *John Rieder* — PhD, Professor, Department of English, University of Hawai‘i at Mānoa (e-mail: rieder@hawaii.edu).

References

- Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses: Notes Towards an Investigation. *Lenin and Philosophy and Other Essays*. N.Y.: Monthly Review Press, 1970, pp. 127–186.
- Attebery B., Hollinger V. *Parabolas of Science Fiction*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2013.
- Bowker G.C., Starr S.L. *Sorting Things Out: Classification and its Consequences*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999.
- Gramsci A. *Prison Notebooks*. N.Y.: Columbia University Press, 1992. V. 1–3.
- Frye N. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press, 1957.
- Guillory J. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Jameson F. Reification and Utopia in Mass Culture. *Social Text*, 1979, № 1, pp. 130–148.
- Jauss H.-R. Theory of Genres and Medieval Literature. *Toward an Aesthetic of Reception*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982, pp. 76–109.
- Luckhurst R. *Science Fiction*. Cambridge: Polity Press, 2005.
- Macherey P., Balibar E. Literature as an Ideological Form: Some Marxist Propositions. *Praxis*, 1981, № 5, pp. 43–58.
- Mittell J. *Genre and Television: From Cop Shows to Cartoons in American Culture*. London: Routledge, 2004.
- Rieder J. *Science Fiction and the Mass Cultural Genre System*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2017.
- Williams R. *Marxism and Literature*. N.Y.: Oxford University Press, 1977.

Н.В. Киреева

**«АМУРСКИЙ ТЕКСТ»: ПОПУЛЯРНЫЙ РОМАН
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
Благовещенский государственный педагогический университет
675 000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104*

В статье рассматриваются особенности продвижения к читателю одного из вариантов «амурского текста» — популярного романа — благодаря действиям литературных институций (издательств, писательских союзов, премий, литературных изданий, музейных и исследовательских центров). Анализируются механизмы, обеспечивающие успех произведений, которые репрезентируют особенности культуры и истории Приамурья и могут способствовать включению «амурского текста» в общероссийский культурный контекст. Объектом исследования становятся популярные романы, создававшиеся в период с начала XX в. по начало XXI в. на основе жанров бульварного романа, шпионского романа, детектива.

Ключевые слова: литература Приамурья; «амурский текст»; литературные институции; массовая литература; жанр; бульварный роман; детектив; шпионский роман; Андрей Головин; Станислав Рем; «Амурские волки»; «Тыл-фронт»; «За тихой и темной рекой»; «Пропавшая экспедиция»; «Принимающая во внимание».

Американский литературовед Джон Ридер в статье «Становление популярных жанров», вошедшей в данную подборку, предлагает подход к изучению жанров массовой литературы, позволяющий уберечься как от «ностальгии и элитизма» (что происходит при умалении значимости «культурной индустрии»), так и от превозношения массовой культуры, при котором «мы рискуем принять консюмеризм за демократию». Он призывает обратиться к оценке функций, выполняемых популярными жанрами в культуре, к анализу бытования институций, поддерживающих жанровую систему массовой литературы, к осмыслению практик производства, распространения и восприятия литературных текстов. Предметом исследования в рамках такого подхода могут стать как литературные процессы глобального масштаба, так и факты локальной литературной истории — например, литературного процесса Приамурья как одного из отдаленных регионов России, занимающего положение своего рода «литературной

Киреева Наталия Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет (e-mail: stonerker@mail.ru).

провинции». В связи с этим возникает ряд вопросов, в том числе, что такое «амурский текст»? Как он создается и меняется ли во времени? Какую роль в его формировании играет популярный роман?

Понятие «амурский текст» как «совокупность мифологем и художественных стратегий, характеризующих амурскую литературу в ее историческом развитии» [Красовская, Оробий, 2013: 41] создается по аналогии с «петербургским текстом», который, по мысли В.Н. Топорова, обладает свойственными любому тексту особенностями — в первую очередь «семантической связанностью», информативностью и целостностью [Топоров, 1995: 279]. Можно предположить, что ценность популярного романа в составе такого текста определяется не его эстетической составляющей, которая может быть ничтожна, но его информативностью и способностью создать семантически связанный, эмоционально емкий образ. В современном культурном пространстве, формируемом двойным процессом, — эстетизации мира и коммерциализации литературы как института — образ, создаваемый «местным текстом», все шире начинает цениться как брэнд. По ходу этих процессов художественно незначимое произведение может приобрести *иного рода* ценность, не меняясь по существу — рост его значимости становится результатом активности различных агентов литературного поля, представителей его институций. В связи с этим, на наш взгляд, важно проанализировать роль, которую литературные институции Приамурья сыграли в продвижении к читателю популярных произведений амурских авторов, использовавших для создания своего варианта «амурского текста» элементы жанровой поэтики массовой литературы.

Ярким образцом такого произведения выступает роман «Амурские волки» (1912), созданный коллективом авторов — журналистов благовещенских газет. Роман появляется в период, когда только создается основа для формирования литературных институций в Приамурье. На рубеже XIX–XX вв. в регионе открываются типография канцелярии военного губернатора и частные типографии, и начинает выходить в общей сложности до 24 периодических изданий, имеющих в подзаголовке название «литературная (-ый)» (или «общественно-литературная (-ый)»). На страницах этих газет и журналов печатались произведения первых амурских литераторов, обсуждалась их деятельность, велась полемика вокруг их произведений. Именно в благовещенских газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро» в течение нескольких месяцев публиковался роман «Амурские волки». Кроме того, вскоре «Амурские волки» были трижды переизданы — «случай в издательской практике того времени уникальный» [Федотова, 1996: 6]. Огромная популярность романа у амурчан способствовала появлению его сценической версии, кото-

рая стала «главной сенсацией театрального сезона» 1914 г. и «имела оглушительный успех у зрителей» [Федотова, 1996: 10].

Создатели романа были представителями главных на тот момент литературных институций региона, вдохновителем проекта выступил скандально известный редактор и издатель «Амурского пионера» и «Благовещенского утра» А.И. Матюшенский, написавший большинство глав книги.

В романе можно обнаружить особенности, которые были сформулированы С. Красовской и С. Оробием в качестве «первомодусов» мифологизации «амурского текста» — мифологемы реки-границы и тайги, мотивы освоения новых земель, национальной и социальной пестроты, географической и политической отдаленности, экзотичности жизни, наличие оппозиций, среди которых ключевыми становятся оппозиции «свой / чужой», «Россия / не-Россия» [Красовская, Оробий, 2013: 41–42]. Описанные в романе события основаны на реальных фактах громких убийств, ограбления транспорта, перевозившего золото с Ниманских приисков, русско-китайского вооруженного конфликта 1900 г. и последующего разграбления имущества китайцев, изгнанных на правый берег Амура или утонувших при переправе, скандалов с поджогами пароходов владельцами ради получения страховки. Все эти события, по мнению действующих в книге беспринципных «амурских волков», становятся возможными потому, что «Тут не Россия. Тут и не такие дела сходят с рук» [Амурские волки, 1996: 296]. Убеждение в том, что «на Амуре все возможно» [там же: 299], питалось такими реальными факторами, как удаленность региона от центральной власти, необходимость ускоренного развития отдаленных территорий, а также притягательность «русской Калифорнии» для разного рода авантюристов и уголовников [Урманов, 2012: 25].

Несмотря на беспрецедентный успех у читательской публики, критика восприняла роман в штыки, обвиняя авторов в дешевой сенсационности, низком художественном уровне текста и в стремлении повысить тираж газет с помощью использования формул бульварного романа. А.В. Урманов выделяет в книге такие типичные для этого жанра элементы, как:

1) место действия (тюремные камеры, притоны, «весёлые» дома, игорные заведения, жилища новоявленных богатеев);

2) система персонажей (обитатели городского «дна», контрабандисты, старатели, бандиты (в том числе этнические — хунхузы), воры, блудницы, разбогатевшие на мошенничестве купцы, продажные чиновники);

3) событийная канва (хроника городских криминальных происшествий, финансовые и имущественные аферы, грабежи, убийства,

захватывающие погони, кипение любовных страстей, сводничество, коварные интриги) [Урманов, 2012: 20].

Примечательна последующая рецепция романа. Спустя сорок лет в альманахе «Приамурье» за 1956 г. были опубликованы несколько глав из «Амурских волков» с кратким предисловием Г.С. Новикова-Даурского. Ученый-краевед в предисловии охарактеризовал произведение как критический текст, обличающий мировой капитализм в его амурском варианте. Тем самым, Новиков-Даурский актуализирует идеологическую составляющую «амурского текста» в произведении, которое, по мнению краеведа, правдиво отображало «мораль и нравы дальневосточной буржуазии начала XX века» [Амурские волки, 1956: 120].

Однако в полном объеме в советское время роман не переиздавался. Новое возвращение его к читателю случилось в 1990-е годы. Сначала «Амурские волки» были перепечатаны в 1991 г. на страницах газеты «Благовещенск», а спустя пять лет вышла книжная версия, изданная немалым для постперестроечной отдаленной провинции тиражом в 10 тыс. экз., которые разошлись за три месяца.

Обратим внимание, что если в начале XX в. этот роман считался скандальной хроникой «из местной жизни», а в середине века воспринимался как антибуржуазная критика «звериной сущности известных амурских воротил» [Амурские волки, 1956: 120], то в конце XX в. он был признан особым, по-своему ценным социокультурным феноменом, позволяющим реконструировать происходящие в Приамурье начала XX в. события, портрет тогдашнего читателя и картину мира предков сегодняшних амурчан.

Эта трансформация оказалась результатом действий литературных институций рубежа XX–XXI вв. в продвижении книги к читателю. Полный текст романа был возвращен в контекст литературы региона благодаря усилиям заведующей литературного отдела Амурского областного краеведческого музея О.Ф. Федотовой, которая обнаружила произведение в Российской государственной библиотеке и заказала там микропленку текста. Следующим этапом стала первоначальная критическая рецепция «Амурских волков» в работах О.Ф. Федотовой и Н.А. Шиндялова, представляющих разные институции и исследовательские центры Приамурья. О.Ф. Федотова предложила воспринимать роман как «прежде всего литературный факт, как один из моментов нашей культурной истории, без которой <...> нельзя понять настоящее» [Федотова, 1996: 13]. Историк Н.А. Шиндялов рассмотрел книгу как документ, отражающий «колорит и нравы тогдашнего Благовещенска» [Шиндялов, 2006: 117]. Задачу изучения романа «Амурские волки» как общественного и социокультурного феномена удалось реализовать позже и более объемно А.В. Урманову, возглавившему центр литературного краеведения при БГПУ [Ур-

манов, 2012; 2013a]. Ученый предостерегал от прочтения «Амурских волков» исключительно как бульварного романа и предлагал взглянуть на книгу «как на зеркало, отразившее, пусть и в искривленном и утрированном виде, то, что реально происходило в начале XX столетия в Приамурье» [Урманов, 2012: 20]. Кроме того, он убедительно доказал, что знакомство с романом помогает современному читателю реконструировать сознание тогдашних амурчан: «Произведение показывает, чем, какими интересами и заботами они жили, к чему стремились, что обсуждали, как воспринимали окружающий мир и своих современников» [Урманов, 2012: 21–22].

Усилиями представителей литературных институций роман вошел в культурное сознание широкого круга читателей, которые не только опознают в нем элементы «захватывающего провинциального детектива» и авантюрного романа, отмечают увлекательность процесса чтения, но и воспринимают книгу как яркое художественное свидетельство жизни Приамурья в определенный период времени [Читательские отзывы на роман «Амурские волки»].

Если роман «Амурские волки» был «бестселлером начала века» [Федотова, 1996], то своего рода «бестселлером советской эпохи» стала эпопея Андрея Головина «Тыл — фронт» (1958–1960, 1963). В 1950–1960-е годы были созданы Амурское областное книжное издательство, литературное объединение амурских писателей, литературно-художественный альманах «Приамурье», центр литературного краеведения в Благовещенском государственном педагогическом институте. Одной из важнейших задач этих литературных институций стал поиск и продвижение к читателю произведений талантливых, хотя зачастую и непрофессиональных авторов. Именно таким проектом и явился роман «Тыл — фронт», издававшийся дважды.

Роман был написан автором, ранее не имевшим опыта литературной работы. Созданный с использованием богатейшего фактического материала, личных впечатлений и документов, «Тыл — фронт» открывал не только региональному, но и советскому читателю практически неизвестную сторону войны на Дальнем Востоке. Это в немалой степени объясняет огромную популярность романа у читательской аудитории.

Другая причина, на наш взгляд, связана с умелым совмещением в его структуре жанровых элементов соцреалистической военной эпопеи с формулами шпионского боевика, успешно осваиваемого советской литературой с начала 1930-х годов. В 1950-е годы и особенно в период «оттепели», появляются переводы «развлекательной» западной литературы, в том числе детектива и шпионского романа. Кроме того, сам писатель в годы Второй мировой войны участвовал в советско-японском противостоянии в качестве начальника раз-

ведшколы. Знакомство с канонами жанра шпионского романа и личный опыт позволили Головину включать элементы шпионского боевика в структуру эпопеи, в целом следующей в фарватере соц-реалистической эстетики. Игра со сформированными у советского реципиента «горизонтами ожидания» способствовала успеху романа «Тыл — фронт».

«Шпионская» составляющая книги связана с фигурой советского разведчика Вячеслава Любимова. Противниками Любимова и его товарищей выступают не только диверсанты из эмигрантских разведывательных школ и их японские кураторы, но и американский резидент Свенсон, успешно перевербовывающий и русских эмигрантов, и японских офицеров. Одним из сюжетных узлов книги, придающих происходящему особый драматизм и актуализирующих «шпионский» жанр, является описание деятельности печально известного японского «Отряда 731», в котором создавалось и испытывалось на людях бактериологическое оружие.

Примечательно, что обращение к формулам шпионского романа позволило Головину заострить такую свойственную «амурскому тексту» особенность, как реализация на разных уровнях художественной структуры оппозиции «свой / чужой». Зачастую в «амурском тексте» вторая часть этой оппозиции связана с Китаем и китайцами, но в романе Головина «чужими» являются в первую очередь Япония и японцы, изображенные как безжалостные и жестокие враги [Головин, 1963: 52, 367]. А пространство по обеим сторонам Амура воспринимается как «свое», населенное русскими и дружественными к ним китайцами, и его отвоевание у «чужих», завоевавших китайскую территорию японцев, становится сюжетным центром второй части романа. Китайские партизаны и крестьяне изображаются при этом как союзники и помощники [Головин, 1963: 324, 327, 718, 829]. А в первой части романа «чужими» выступают шпионы — жители СССР и белоэмигранты из Харбина [там же: 49, 236].

Несомненным свидетельством поддержки романа литературными институтами региона явилось его переиздание в 1963 г. тиражом в 100 тыс. экземпляров¹. Такие тиражи для провинциального изда-

---

¹ При этом, например, роман на относительно близкую тему — «На сопках Манчжурии» П. Далецкого (о событиях русско-японской войны 1904–1905 гг.) — был переиздан в 1953 г. Лениздатом тиражом 60 тыс. экз. В более крупном, чем Амурское — Хабаровское книжном издательстве — эпические полотна о героических страницах освоения Приамурья также издавались меньшими, чем «Тыл — фронт» тиражами. Например, роман «Амур-батюшка» Н. Задорнова в Хабаровском книжном издательстве в 1969 г. был переиздан тиражом 50 тыс. экз. «Амур — река подвигов» — уникальная документально-художественная хрестоматия, посвященная Приамурью и обращенная к самому широкому читателю всего дальневосточного региона, — была опубликована там же в 1970 г. тиражом 30 тыс. экз.

тельства были по-настоящему огромными, ведь население Амурской области во второй половине XX в. оставалось достаточно малочисленным. Так, по переписи 1939 г. здесь проживало 634 тыс. человек, а в 1970 г. насчитывалось 793 тыс. [Амурская область, 1989: 25]. Анализ издательской продукции, выпускаемой в Амурском книжном издательстве в 1950-е годы — предшествующие десятилетия, когда был переиздан «Тыл — фронт» — показывает очень большой разброс (от 1 000, 3 000, 5 000 до 15 000 и 30 000 экз.). Тираж выше 30 тыс. был исключительным явлением (одним из таких исключений стала шпионская повесть хабаровского писателя Г. Ланина «Синий тарантул», изданная в 1957 г. тиражом 90 тыс. экз.). Это позволяет предположить, что издательство, публикуя приключенческую литературу, стремилось максимально расширить читательскую аудиторию малонаселенного региона. Видимо, решение о переиздании в 1963 г. столь большим тиражом романа «своего», амурского писателя было продиктовано теми же соображениями, тем более успех первого издания книги подтвердил, что читателю интересен шпионский роман, созданный в соответствии с основными канонами соцреализма.

Для современного читателя это произведение своей значимости также не утратило: роман Головина остается в российской литературе фактически единственным эпическим полотном, обращенным к изображению советско-японской войны. Во многом по этой причине главы из 2-й книги романа Головина были отобраны для публикации в уникальном двуязычном сборнике «Наша победа», который объединил произведения российских и китайских писателей, посвященных разгрому Квантунской армии, и был издан в Благовещенске в 2015 г. на русском и китайском языках. Главы из романа открывают сборник, и вновь возникший интерес к сочинению Головина поддерживается как писательскими союзами и правительством Амурской области, спонсировавшим проект двуязычного сборника «Наша победа», так и работами исследователей [Гуськов, 2013; Киреева, 2017].

Если романы «Амурские волки» и «Тыл — фронт» пришли к современному читателю благодаря переизданиям и деятельности исследовательских центров, то для произведений современных амурских авторов используются более разнообразные механизмы поддержки и продвижения. Существенная трансформация литературного поля Приамурья в конце XX — начале XXI в. активизировала обращение амурских авторов к арсеналу жанров массовой литературы (детектив, боевик, фантастика, мелодрама, любовный роман, «роман карьеры», костюмно-исторический роман). Параллельно расширяется использование новых форматов распространения текста (электронная книга, чтение в режиме онлайн на специализированных книжных

сайтах, аудиокнига), активизация коммуникации между автором и читателем в пространстве Интернета и поддержка авторов литературными институциями, в том числе благодаря литературным премиям.

Среди писателей, работающих в поле массовой литературы, отдельного рассмотрения заслуживает фигура Вячеслава Рыбакова, который создает свои произведения под псевдонимом Станислав Рем. Писатель родился и вырос в Благовещенске, но в течение долгого времени живет вдали от своей малой родины, не теряя, однако с ней связи. В Приамурье издаются его книги, на страницах литературного альманаха БГПУ «Амур» печатаются очерки и мемуары, его творчество становится объектом исследовательской рецепции амурских краеведов [Урманов, 2013б; Kireeva, 2017].

Амурский материал был использован писателем при создании историко-приключенческих романов из серии «Провокация» — «За тихой и темной рекой» (2013)², «Пропавшая экспедиция» (2013), «Принимая во внимание» (2014), увидевших свет в московском издательстве «Вече». Хотя в соответствии с издательской политикой романы Рема были представлены как исторические, сам автор актуализирует в них формулы различных модификаций детектива³. В основу первого романа, написанного с использованием детективных и шпионских формул, легли реальные события российско-китайского вооруженного конфликта 1900 г. В романе «Пропавшая экспедиция» соединяются элементы фантастики и детектива, эпизоды советского прошлого переплетены с современностью. Политический детектив «Принимая во внимание» посвящен событиям в Благовещенске и приграничном с ним китайском городе Хэйхэ в марте 1969 г. — в период обострения отношений с КНР после конфликта на о. Даманский.

Автор не ограничивается включением в свои тексты различных жанровых элементов массовой литературы, но и направляет «жанровое» восприятие читателя в анонимных рецензиях на собственные книги. Мы провели сравнение рецензий, размещенных на разных интернет-сайтах, и обнаружили дословное совпадение в отзывах на книги этого писателя у пользователей «Владимир» и «ushakov»⁴

---

² Первый роман этой серии первоначально вышел в Благовещенске в 2009 г. под другим названием — «Простая шахматная доска».

³ И более того, прямо указывает в послесловии к первому роману: «Я задумывал не исторический роман, и уж тем более — не документальную повесть. Поэтому и решил позволить себе ряд неточностей и отступлений от подлинной исторической действительности» [Рем, 2013].

⁴ Здесь можно обнаружить также элементы игры с читателем, ведь Владимир Ушаков является одним из эпизодических героев первого романа из серии «Провокация» — «За тихой и темной рекой» (2013).

[Читательские отзывы на книги Станислава Рема]. Эти отзывы «подсказывают» читателю, с какой жанровой традицией стоит соотносить произведения Рема. Если авторы других отзывов характеризуют жанр книг односложно — «детектив», «фантастика», «приключения», то «Владимир»-«ushakov» дает более детальные жанровые определения («интеллектуальный детектив», «ретродетектив», «романтический детектив в духе Акунина», «политический детектив», «научная фантастика»). Кроме того, он настраивает читательское восприятие, помещая произведения Рема в типологические ряды популярной литературы — как советского времени (произведения Ю. Семенова, Л. Платова, В. Обручева, В. Каверина, Е. Парнова, Ж. Верна, М. Рида), так и современной (произведения Б. Акунина). Тем самым создаются определенные «горизонты жанровых ожиданий».

Внутри романов Рема «амурский текст» приобретает черты своего рода метатекста: в каждом из названных произведений содержатся аллюзии и реминисценции из произведений амурских авторов, а агенты литературного поля Приамурья — писатели, издатели, преподаватели, литературоведы — становятся прототипами героев романов.

Так, сюжетным узлом романа «Пропавшая экспедиция» является публикация в литературном альманахе «Амур» стихотворения, с которого начинаются невероятные приключения героев. Кроме того, одним из центральных персонажей книги выступает главный редактор этого издания и заведующий кафедрой филологии Александр Васильевич Урманский⁵, встречающийся на страницах романа с офицером УВД Александром Рыбаковым⁶ и его сестрой. В романе «Принимая во внимание» выведены фигуры реальных сотрудников кафедры литературы БГПИ, ставших первыми исследователями-краеведами Приамурья — А.В. Лосева и Б.А. Лебедева. В этом же произведении опубликовано стихотворение их коллеги Н.И. Вайсман.

Одним из героев романа «За тихой и темной рекой» является поручик Станислав Валерианович Рыбкин, прототипом которого был первый амурский поэт Леонид Волков. В романе цитируются тексты стихов и описываются реальные обстоятельства гибели и погребения этого воина и поэта. Кроме того, на страницах книги воспроизводится полный текст одного из первых произведений

---

⁵ Главным редактором альманаха «Амур» в реальной жизни является Александр Васильевич Урманов, зав. кафедрой русского языка и литературы БГПУ и глава центра литературного краеведения. Автор романа, не раз публиковавшийся на страницах альманаха, подарил экземпляр своей книги А.В. Урманову с дарственной надписью, начинающейся словами «Другу и наставнику».

⁶ Рыбаков — настоящая фамилия автора, пишущего под псевдонимом Станислав Рем.

амурской литературы — стихотворной сатиры «1859 год на Амуре», исполняемой кучером по дороге на пограничную заставу. Рем также активно использует разыскания, сделанные основателем литературного краеведения Приамурья А.В. Лосевым, и ссылается на его работы.

Метатекстуальность романа «За тихой и темной рекой» проявляется также в том, что здесь своеобразно сливаются две жанровые традиции, связанные с рассмотренными нами выше романами. «Амурские волки» дают Рему сюжетный материал — описание событий военного конфликта 1900 г., кроме того, писатель использует ряд образных ходов и мотивов, присущих бульварному роману. Роман «Тыл — фронт» угадывается через введение шпионской линии, связанной с деятельностью Фуццо Хаттори — резидента японской разведывательной сети «Черный океан», которая, «используя криминальный мир Китая и России, делает попытку пробиться в Петербург» [Рем, 2013]. Можно говорить о металитературности детективной линии романа, а также о диалоге с литературной классикой. Так завязка сюжета, описывающая прибытие Белого в провинциальный городок с инспекционной проверкой, напоминает ситуацию гоголевского «Ревизора», что становится предметом обсуждения у персонажей романа. А финальный поступок Белого, учинившего самосуд над Мичуриным, расценивается полицмейстером как «рахметовщина какая-то. Начитались Достоевского с Чернышевским» [там же].

Но ключевым текстом здесь, конечно же, является текст амурский. Не случайно роман предваряется эпитафией из письма А.П. Чехова, посетившего Благовещенск в 1890 г.: «...чрезвычайно интересный край, жизнь здесь кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют» [там же]. Традиционная для «амурского текста» оппозиция «Россия / не-Россия» реализуется через оппозицию «Благовещенск / столица» и мотив временного пребывания в «заштатном городишке», куда попадают либо по служебной необходимости, либо за какие-то прегрешения, и откуда стремятся вернуться на «Большую землю».

Многие герои романа (ссылные, чиновники, военные и даже губернское начальство) ощущают временность своего пребывания на амурской земле: «Всю жизнь мы в Благовещенске проживать не будем» (губернатор), надо «подумать о будущем <...> О будущем детей. Не век же им вековать на окраине государства российского» (полицмейстер), «Замуж бы тебя. <...> Да в столицу» (купец Мичурин дочери) [там же]. При этом жители города дают Благовещенску противоположные характеристики: «тут <...> окромя речки да ссылных морд, и смотреть не на что» (дочь Мичурина) или: «небольшой городок <...> оказался местом очень даже приятным и, что самое главное, свободолюбивым» (дочь губернатора) [там же].

Благовещенск изображается с точки зрения наблюдательного приезжего, присланного в Приамурье «с инспекцией», при этом восприятие города и региона в целом у столичного гостя (контрразведчика) меняется. Поначалу и Благовещенск, и река — как центральная мифологема «амурского текста» — воспринимаются негативно: «заштатный городок», «Амур не вдохновлял. Где могучая, мощная река, о которой он столько слышал в столице? Перед его взором был мелководный широкий ручей» [там же]. Но постепенно приезжий по секретному поручению герой все больше ощущает себя причастным к событиям амурской жизни и, в конце концов, «тихая, размеренная жизнь приамурского центра» начинает ему импонировать: «После головокружительного Петербурга, крикливой Одессы, самовлюбленного Бреста <...> Благовещенск выигрывал своей размеренностью, успокоенностью, устойчивостью» [там же].

В немалой степени изменению восприятия героя — а вслед за ним и читателя — способствуют элементы литературного «амурского текста», которые Рем последовательно включает в роман. Особое место занимает «эпическая составляющая» [Красовская, Оробий, 2013: 42], реализуемая при описании героической обороны Благовещенска в российско-китайском военном конфликте лета 1900 г. Эти события в произведении Рема изображены совсем по-другому, чем в романе «Амурские волки»: автор рисует благородство, патриотизм, слаженные действия власти и горожан по организации обороны города. В такой же тональности описывается и эпизод трагической «амурской утопии», когда подстрекаемые провокаторами напуганные горожане загнали в Амур живущих в Благовещенске мирных китайцев, а некоторых заставили вплавь добираться до китайского берега⁷. Рем не обходит молчанием это историческое событие, но значительно смягчает краски, снижает количество жертв инцидента и выводит на первый план бесстрашие сыщика Кнутова, спасающего китайцев, несмотря на угрозу собственной свободе. Постепенно в сознании читателя создается яркий и в определенной степени «рекламный» образ города и его обитателей, в жизни которых есть место не только предательству и трагедии, но и героизму, и романтике.

Подводя итоги исследования, можно заключить, что авторы проанализированных произведений использовали те жанровые формы массовой литературы, которые были наиболее привычны и интересны современному им читателю — бульварный роман в начале XX в., шпионский роман во второй половине столетия, различные модификации детектива и шпионского романа в начале XXI в. Раз-

---

⁷ Достаточно сравнить гл. 5 первой картины романа Рема с гл. 51 («За Амур или в Амур?») романа «Амурские волки».

ными были и формы воплощения «амурского текста», вплоть до создания «амурского метатекста» в романах Ст. Рема. Поддержка литературных институций региона (газет, издательств, писательских союзов, исследовательских центров) во многом обеспечила романам «Амурские волки», «Тыл — фронт» и серии «Провокация» высокий уровень популярности.

Специалисты, работающие с понятием «амурский текст», склонны думать, что «амурская литература до сих пор не создала представительного экспортного текста, выразившего бы ее своеобразие и глубину» [Красовская, Оробий, 2013: 41]. Не исключено, что такой «представительный экспортный текст» рано или поздно появится благодаря обращению к жанрам массовой литературы, способным обеспечить тиражирование и распространение ключевых мифологем «амурского текста» в общероссийском культурном контексте.

Список литературы

- Амурская область.* Опыт энциклопедического словаря / Науч. ред. В.В. Воробьев, А.П. Деревянко. Благовещенск, 1989.
- Амурские волки:* Коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996.
- Амурские волки:* Главы из романа // Приамурье: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. № 5. Благовещенск, 1956. С. 120—136.
- Головин А.* Тыл — фронт. Благовещенск, 1963.
- Гуськов В.В.* Головин Андрей Андреевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XXI веков. Благовещенск, 2013. С. 108—110.
- Киреева Н.В.* Тема освобождения Китая от японских захватчиков в русской и китайской литературе // Китай и Вторая мировая война / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. М., 2017. С. 227—263.
- Красовская С.И., Оробий С.П.* «Амурский текст» // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XXI веков. Благовещенск, 2013. С. 41—42.
- Рем С.* За тихой и темной рекой. М., 2013. 480 с. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=415623&pg=1> (дата обращения: 15.05.2018).
- Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259—367.
- Урманов А.В.* «Есть люди и нет их...»: Роман «Амурские волки» как литературный феномен // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 13—28.
- Урманов А.В.* (а) «Амурские волки» // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XXI веков. Благовещенск, 2013. С. 28—30.

- Урманов А.В. (б) Рем Станислав // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. Благовещенск, 2013. С. 320.
- Федотова О. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 5–13.
- Читательские отзывы на роман «Амурские волки». URL: [https://books.google.ru/books?id=YYcoAAAACAAJ&hl=ru&sitesec=reviews; http://soyuz-pisatelei.ru/board/42-1-0-106; https://www.livelib.ru/book/1002114698-amurskie-volki-kollektivnyj-roman-iz-zhizni-priamurya-aleksandr-matyushenskij](https://books.google.ru/books?id=YYcoAAAACAAJ&hl=ru&sitesec=reviews;http://soyuz-pisatelei.ru/board/42-1-0-106;https://www.livelib.ru/book/1002114698-amurskie-volki-kollektivnyj-roman-iz-zhizni-priamurya-aleksandr-matyushenskij) (дата обращения: 17.05.2018)
- Читательские отзывы на книги Рема URL: [https://www.livelib.ru/book/1000741038/reviews-propavshaya-ekspeditsiya-stanislav-rem, http://www.labirint.ru/reviews/goods/419150/, https://www.labirint.ru/books/379295/, https://www.labirint.ru/reviews/goods/447530/, https://www.livelib.ru/book/1000968752-prinimaya-vo-vnimanie-stanislav-rem](https://www.livelib.ru/book/1000741038/reviews-propavshaya-ekspeditsiya-stanislav-rem;http://www.labirint.ru/reviews/goods/419150/;https://www.labirint.ru/books/379295/;https://www.labirint.ru/reviews/goods/447530/;https://www.livelib.ru/book/1000968752-prinimaya-vo-vnimanie-stanislav-rem) (дата обращения: 17.05.2018).
- Шиндялов Н.А. История Благовещенска. 1856–1907: Очерки, документы, материалы. Благовещенск, 2006.
- Kireeva N.V. The Genre Topoi of the Mass Literature in the Amur Writers Works at the Turn of XX–XXI Centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2017, 10), pp. 685–700.

Natalia Kireeva

“AMUR TEXT”: A POPULAR NOVEL IN THE CONTEXT OF CULTURAL GEOGRAPHY

Blagoveshensk State University

104 Lenina str., Blagoveshensk, Amur Oblast, 675 000

The author of the article studies the problem of how to promote to the reader a popular novel of the “Amur text” type. Literary institutions (publishing houses, writers’ unions, literary editions, literary museums and research centers) have an important influence on this process. The author discusses what contributes to the success of works representing the culture and history of the Amur region and what makes them part of the “Amur text” within the Russian cultural context. The subject of study is a popular novel created in the 20th–21st century.

Key words: literature of the Amur region; literary institutions; mass literature; genre; pulp novel; spy novel; detective novel; Andrei Golovin; Stanislav Rem; ‘Amur Wolves’; ‘Rear — front’; ‘Over the Quiet and Dark River’; ‘Taking into Account’; ‘The Missing Expedition’.

About the author: *Natalia Kireeva* — Dr. habil., Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (e-mail: stoner@mail.ru).

References

- Amurskaia oblast': Opyt entsiklopedicheskogo slovar'ia*. Blagoveshchensk, 1989.
- Amurskie volki: Kollektivnyi roman iz zhizni Priamur'ia*. Blagoveshchensk, 1996.
- Amurskie volki: Glavy iz romana. *Priamurye*, 1956, № 5, pp. 120–136.
- Golovin A. *Tyl — front*. Blagoveshchensk, 1963.
- Gus'kov V.V. Golovin Andrey Andreevich. *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XXI vekov*. Blagoveshchensk: BSPU, 2013, pp. 108–110.
- Kireeva N.V. The theme of the liberation of China from Japanese invaders in the Chinese and Russian literature. *China and World War II*. M.: LENAND, 2017, pp. 227–263.
- Krasovskaia S.I., Orobii S.P. “Amurskii tekst”. *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XXI vekov*. Blagoveshchensk: BSPU, 2013, pp. 41–42.
- Rem S. *Za tihoi i t'emnoi rekoi*. M., 2013. 480 p. Available at: <http://readli.net/chitat-online/?b=415623&pg=1> (accessed: 15.05.2018).
- Toporov V.N. St. Petersburg and “Peterburgskii Text” v russkoi literature. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovania v oblasti mifopoeticheskogo*: Progress-Cultura, 1995, pp. 259–367.
- Urmanov A.V. “Est' liudi i net ikh...”: Roman “Amurskie volki” kak literaturnyi fenomen. *Filologicheskaiia regionalistika*, 2012, 2 (8), pp. 13–28.
- Urmanov A.V. (a) Amurskie volki. *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XXI vekov* Blagoveshchensk: BSPU, 2013, pp. 28–30.
- Urmanov A.V. (b) Rem Stanislav. *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XXI vekov*. Blagoveshchensk: BSPU, 2013, p. 320.
- Fedotova O. Bestseller nachala veka. *Amurskie volki: Kollektivnyi roman iz zhizni Priamur'ia*. Blagoveshchensk, 1996, pp. 5–13.
- Chitatel'skie otzvyvy na roman “Amurskie volki”*, available at: URL: <https://books.google.ru/books?id=YYcoAAAACAAJ&hl=ru&sitesec=reviews>; <http://soyuz-pisatelei.ru/board/42-1-0-106>; <https://www.livelib.ru/book/1002114698-amurskie-volki-kollektivnyj-roman-iz-zhizni-priamurya-aleksandr-matyushenskij-u/books?id=YYcoAAAACAAJ&hl=ru&sitesec=reviews> (accessed: 17.05.2018).
- Chitatel'skie otzvyvy na knigi Rema*, available at: URL: <https://www.livelib.ru/book/1000741038/reviews-propavshaya-ekspeditsiya-stanislav-rem>; <http://www.labirint.ru/reviews/goods/419150/>; <https://www.labirint.ru/books/379295/>; <https://www.labirint.ru/reviews/goods/447530/>; <https://www.livelib.ru/book/1000968752-prinimaya-vo-vnimanie-stanislav-rem> (accessed: 17.05.2018).
- Shindialov N.A. *Istoriia Blagoveshchenska. 1856–1907. Ocherki, dokumenty, materialy*. Blagoveshchensk, 2006.
- Kireeva N.V. The Genre Topoi of the Mass Literature in the Amur Writers Works at the Turn of XX–XXI Centuries. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2017, 5 (10), pp. 685–700.

РЕЦЕНЗИИ

А.И. Изотов

**Рецензия на кн.: Č E R M Á K F R . , H O L U B J .
SLOVNÍK ČESKÉ FRAZELOGIE A IDIOMATIKY 5:
ONOMAZIOLOGICKÝ SLOVNÍK. Praha: LEDA, 2016. 528 s.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В рецензии представлен пятый том подготовленного на материале Национального корпуса чешского языка монументального словаря чешской фразеологии и идиоматики, в котором данные вышедших ранее первых четырех томов (11 166 словарных статей) организованы в соответствии с ономасиологическим принципом. Ономасиологический принцип построения словаря, а также беспрецедентный охват материала делает его уникальным не только для чешской, но и для славянской, а возможно, также и для мировой лингвистики, в связи с чем он рекомендуется не только богемистам, но всем специалистам по фразеологии. Рецензия содержит также краткий обзор основных достижений корпусных исследований в Чехии в последнее десятилетие.

Ключевые слова: чешский язык; лексикография; корпусные исследования; фразеология; национальный корпус чешского языка.

Публикация рецензируемого ономасиологического словаря чешской идиоматики и фразеологии — очередное крупное достижение чешской корпусно-ориентированной лингвистики, ставшее возможным благодаря разрабатываемому с 1994 г. в Карловом университете Чешскому национальному корпусу, который сегодня бесспорно принадлежит к числу наиболее успешных проектов подобного типа в мире.

Уже в 2000 г. для всех заинтересованных лиц был открыт бесплатный онлайн-доступ к его первому крупному подкорпусу — референтному репрезентативному стомиллионному SYN2000, образованному современными письменными чешскими текстами. При этом, в отличие от Национального корпуса русского языка, который изначально был, по выражению одного из его создателей академика

Изотов Андрей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

РАН В.А. Плунгяна, «литературоцентричным» [Плунгян, 2005], доля художественных текстов в Чешском национальном корпусе была и остается принципиально иной. Составители SYN2000 исходили из того, что письменный текст не только **отражает** языковую действительность, но и **формирует** ее, звуча в сознании читателя всякий раз, когда им прочитывается (вслух или про себя), и тем самым непосредственно влияет на идиолект данного читателя, а через этот идиолект — и на прочие соответствующие идиомы национального языка. В связи с этим, опираясь на результаты специально проведенных социологических исследований, они включили в SYN2000 то, что граждане Чешской республики читали чаще всего в последнее десятилетие XX в. В результате 60% всего SYN2000 составляют газетные тексты, 25% — тексты всевозможных справочников, и только 15% — тексты художественные, причем не только оригинальные, но и переводные, а также тексты, написанные и изданные до 1990 г., если они продолжают пользоваться у современного чешского читателя популярностью.

В настоящее время в серию современных письменных текстов SYN входят также три стомиллионных референтных репрезентативных корпуса с иным процентным соотношением публицистических, специальных и художественных текстов (SYN2005, SYN2010, SYN2015), а также три референтных корпуса публицистических текстов (трехсотмиллионный SYN2006PUB, семисотмиллионный SYN2009PUB и девятисотмиллионный SYN2013PUB). Поскольку тексты, входящие в названные корпуса, не совпадают, возможно их объединение в один общий корпус с совокупным объемом **более четырех миллиардов** токенов. Все эти корпуса размечены, поэтому поиск в них возможен по словоформе, по лексеме, по грамматической матрице, а также по любой их возможной комбинации. Предусмотрена также возможность объединения в один любой комбинации названных подкорпусов, а также возможность формирования собственных корпусов из текстов, в данные подкорпусы входящих.

Кроме серии SYN, в состав Чешского национального корпуса входит еще два десятка подкорпусов, из которых половина — подкорпусы устной речи, например, Пражский разговорный (под) корпус, Брненский разговорный (под) корпус, (под) корпус публичных выступлений 14-ти чешских президентов от Эдуарда Бенеша до Милоша Земана, (под) корпус записи школьных уроков и т.д. В «письменной» же части Чешского национального корпуса нашлось место в том числе и для (под) корпусов квалификационных работ студентов-иностранцев или же школьных сочинений, написанных детьми представителей национальных меньшинств и детьми мигрантов.

Неудивительно, что корпусный материал используется современными богемистами самым активным образом. На ресурсе <https://www.korpus.cz/biblio> мы находим библиографические данные более двух тысяч научных публикаций, материалом для которых послужил Чешский национальный корпус, и этот список ежедневно пополняется. Именно на корпусном материале была подготовлена новая «Академическая грамматика литературного чешского языка» [Štícha, 2013] (в настоящее время составляется ее расширенный вариант в четырех томах), а также два тома «Грамматики современного чешского языка» [Svřček, 2010; Panevová 2014], «Новый энциклопедический словарь чешского языка» [Nový, 2016], новаторская «Стилистика устного и письменного чешского языка» [Hoffmannová, 2016], а также четвертый том монументального «Словаря чешской фразеологии и идиоматики» [Slovník, 2009d], посвященный предикативным фразеологическим единицам и включающий 4 910 словарных статей. При этом опубликованные еще в «докорпусную эпоху» (в 1983, 1988 и 1994 гг. соответственно) первые три тома «Словаря...» были капитальным образом переработаны и дополнены в соответствии с новыми корпусными данными и в соответствии с унифицированной методикой обработки материала, см. [Slovník, 2009a] (фразеологические единицы, в основе которых лежит сравнение — 1 031 словарная статья), [Slovník, 2009b] (неглагольные фразеологические единицы — 1 460 словарных статей), [Slovník, 2009c] (глагольные фразеологические единицы — 3 765 словарных статей).

В пятом томе «Словаря...» [Slovník, 2016] предпринята удачная попытка систематизации материала 11 166 словарных статей первых четырех томов в соответствии с ономазиологическим принципом, что позволяет читателю ориентироваться во всем массиве чешской фразеологии и идиоматики. При составлении словника этого пятого тома учитывалась частотность употреблений тех или иных фразеологизмов в метаязыке томов предыдущих (при игнорировании употреблений неполнозначных слов, а также глагольно-именных «квазифразем» типа *věnovat pozornost* ‘уделять внимание’), образующая континуум от самой частотной лексемы *být* ‘быть’ (6 754 употребления) до гапаксов типа *kazajka* ‘смирительная рубашка’. Наиболее частотными (от 6754 до 215 употреблений по нисходящей) оказались следующие 20 лексем: *být* ‘быть’, *mít* ‘иметь’, *u/dělat* ‘(с) делать’, *dát* ‘дать’, *dostat* ‘получить’, *stát* ‘стоять’, *dobře* ‘хорошо’, *moc* ‘очень’, *život* ‘жизнь’, *chodit* ‘ходить’, *mluvit* ‘говорить’, *dobrý* ‘хороший’, *vzít* ‘взять’, *nechat* ‘оставить’, *čas* ‘время’, *slovo* ‘слово’, *člověk* ‘человек’, *peníze* ‘деньги’, *přijít* ‘прийти’, *den* ‘день’.

Словарные статьи пятого тома расположены в алфавитном порядке. Поскольку в рамках одной статьи может происходить и, как

правило, происходит объединение материалов сразу нескольких предыдущих томов, используются пометы, указывающие на источники этого материала и эксплицитно обозначающие тем самым функциональный потенциал фраземы. Речь идет о пометах **PŘIROV** ■ — первый том (фразеологические единицы, в основе которых лежит сравнение); **NESLOVES** ■ — второй том (неглагольные фразеологические единицы); **SLOVES** ■ — третий том (глагольные фразеологические единицы); **VĚTNÉ** ■ — четвертый том (предикативные фразеологические единицы).

Заглавие словарной статьи может быть однословным, ср. в приводимом далее примере набранное полужирным шрифтом заглавное слово **bojovat**, материал к которому взят и из первого тома (текст за пометой **PŘIROV** ■), и из третьего (текст за пометой **SLOVES** ■). Когда же однословное заглавие оказывается недостаточным, то указываются и возможные частные значения, а замещаемое тильдой (~) заглавное слово дополняется набранным таким же полужирным шрифтом расширением, сама же приводимая далее фраза выделена маркером списка (•). У имеющих антонимы заглавных слов эти антонимы приводятся в скобках курсивом после знака умножения (×).

На страницах 11—13 пятого тома словаря приводится образец словарной статьи, наглядно иллюстрирующий сказанное (наш перевод на русский язык чешских фрагментов дается в квадратных скобках и в марровских кавычках), ср.:

NESLOVES ■ **boj** [‘бой; битва; схватка; сражение’], **válka** [‘война’], **zápas** [‘бой; состязание’] viz též spor, vojenství [‘см. также спор, военное дело’] • **boj na bodáky** [‘штыковой бой’], **boj o bytí a nebytí** [букв. ‘битва о существование и несуществование’], **boj na dvou frontách / na dvě fronty** [‘война на два фронта’], **boj muže proti muži** [‘рукопашная битва’], **boj na nůž** [‘ножевой бой’], **boj na život a na smrt** [‘битва не на жизнь, а на смерть’], **válečná vřava** [‘военная суматоха’], **boj o (holé) přežití** [‘борьба за (само) существование’], **bratrovražedný boj** [‘братоубийственная война’], **lítý boj** [‘лютая битва’], **nerovný boj** [‘неравный бой’], **válečný buben** [‘барабан войны’], **krvává daň** [‘кровавая дань’], **druhá fronta** [‘второй фронт’], **válečná jatka** [букв. ‘военная бойня’], **válečné jatky** [букв. ‘военная бойня’], **kdo s koho** [‘кто кого’], **válečná konflagrace** [‘пожар войны’], **krví a železem** [букв. ‘кровью и железом’], **krvává lázeň** [‘кровавая баня’], **válečná mračna** [букв. ‘военные тучи’], **na ostří nože** [букв. ‘на острие ножа’], **krvává oběť** [‘кровавая жертва’], **křížová palba** [‘перекрестный огонь’], **světový požár** [‘мировой пожар’], **přízrak války** [‘призрак войны’], **válečný stroj** [‘военная машина’], **válečná mašinerie** [‘военная машинерия’], **válečné šílenství** [‘военное безумие’], **křížové / křížácké tažení** [‘крестовый поход’], **křížová / křížácká válka / výprava** [‘крестовый поход’], **válečná trouba**

['военный горн'], frontální útok ['фронтальная атака'], blesková válka ['блицкриг'], zákon džungle ['закон джунглей'], zákon smečky [букв. 'закон стаи'], vlčí zákon [букв. 'волчий закон'], závody ve zbrojení ['гонка вооружений'], se zbraní v ruce ['с оружием в руках'], země nikoho ['межфронтовая полоса'], po zuby ozbrojený ['вооруженный до зубов'], neznámý bojovník / voják ['неизвестный солдат'], válečný mrzák ['инвалид войны'], potrava pro děla ['пушечное мясо']

PŘIROV ■ **bojovat** ['воевать, сражаться']

• bojovat jak lev, jako muž ['сражаться как лев, как мужчина']

SLOVES ■ **bojovat** ['воевать, сражаться'] (× *být pasivní, vzdát se* ['быть пассивным, сдаться']) viz též bránit se ['см. также защищаться, обороняться'] • pracovat polem [букв. 'ратно трудиться'], být na válečné stezce (s někým) [букв. 'быть на военной тропе (с кем-либо)'] ~ **proti něčemu** ['против чего-либо'] • nenechat to (jen) [букв. 'не оставить это (просто) так'] ♦ ~ **o existenci** ['о существовании'] • bojovat o bytí a nebytí (něčeho) [букв. 'бороться за существование и несуществование (чего-либо)'], hájit / uhájit (si) svou existenci ['защищать/защитить свое существование'], sotva se držet nad vodou ['едва держаться на поверхности'] ♦ ~ **za ideál něčeho** ['за идеалы чего-либо'] • bojovat pod praporem něčeho ['биться под флагом чего-либо'] ♦ ~ **za ideál společný** ['за общие идеалы'] • hájit čest praporu ['отстаивать честь мундира'] • ~ **do konce** ['до конца'] • bojovat / bránit se do posledního dechu / muže ['биться до последнего вздоха/человека'], bojovat do poslední kapky krve ['биться до последней капли крови'], draho / drazo prodat svou kůži [букв. 'дорого продать свою кожу'], prodat svůj život drazo ['дорого продать свою жизнь'], bojovat (s někým) na život a na smrt ['биться (с кем-либо) не на жизнь, а на смерть'] ♦ ~ **za svůj názor** ['за свою точку зрения'] • bojovat za své přesvědčení ['бороться за свои убеждения'] ♦ ~ **proti nepříteli** ['против кого-либо'] • bojovat s ďáblem [букв. 'бороться с дьяволом'] ♦ ~ **proti pomluvě** ['против клеветы'] • hájit svou / něčí čest ['отстаивать свою честь'] ♦ ~ **s problémy** ['с проблемами'] • zápasit s obtížemi ['бороться с трудностями'] ♦ ~ **s překážkami** ['с препятствиями'] • klestit si cestu (mezi) něčím / někudy ['прокладывать свой путь куда-либо'] ♦ ~ **s vývojem nepříznivým** ['с неблагоприятным развитием'] • rvát se / porvat se s osudem ['бороться с судьбой'], jít / plout proti proudu / větru ['идти/плыть против течения'], čurat / chcát proti větru [букв. 'мочиться / писать против ветра'] ♦ ~ **se zlem** ['со злом'] • odporovat zlému ['противиться злу'] ♦ ~ **čestně** ['честно'] • bojovat s otevřeným hledím ['биться с поднятым забралом'] ♦ ~ **krvavě** ['кроваво'] • skropit zem krví ['оросить землю кровью'], brodit se v krvi ['бродить по колено в крови'] ♦ ~ **nezištně** ['бескорыстно'] • bojovat pro / za čest a slávu (něčeho) ['биться во славу чего-либо'] ♦ ~ **otevřeně**

['открыто'] • jít čelem proti něčemu / někomu [букв. 'идти в лоб против чего-либо/кого-либо'] ♦ ~ **společně** ['совместно'] viz též podporovat ['см. также поддерживать'] • bojovat někomu po boku / s někým bok po boku ['биться бок о бок к кем-либо'] ♦ ~ **usilovně** ['с натугой'] • zoufale bojovat ['отчаянно биться'], rozdávat rány (na všechny strany) ['раздавать удары направо и налево'] ♦ ~ **proti dvěma** ['против двух'] • bojovat na dvou frontách ['сражаться на два фронта']

ВѢТНЭ **bojuj s krajností obdobně!** ['с крайностями борись соответственно']

• Extremis malis extrema remedia (Lat. Proti krajnímu zlu (je třeba volit) krajní prostředky ['лат. Против абсолютного зла (следует использовать) крайние меры'].)

ВѢТНЭ **bojuj statečně!** ['бейся мужественно!']

• Nepřátel se nelekejme / nelekejte, na množství nehleďme/ nehleďte! ['Не бойтесь/не будем бояться врагов, не смотрите/не будем смотреть на их число!'] • Vzhůru na nepřítel! ['Вперед на врага!'] • Tužme se! ['Мужаемся!']

ВѢТНЭ **bojujte za svobodu úplnou!** ['боритесь за полную свободу']

• Raději žalář a okovy nežli svobodu otroka ['Лучше тюрьма и оковы, чем свобода раба'].

ВѢТНЭ **bojujte za vlast!** ['защищайте Родину']

• Poutnice, zvěstuj Lakedaimonským... ['Путник, передай спартанцам...'] • Dost v zemi železa na dobré meče [букв. 'В стране достаточно железа для хороших мечей'].

ВѢТНЭ **bojuj vynalézavě ne však nečestně!** ['борись изобретательно, но честно']

• Přeskoč, přelez, jenom nepodlez [букв. 'Перепрыгни или перелезь, но только не подползай'].

Рецензируемый словарь является уникальным в своем роде в плане широты охвата языкового материала, самым добротным способом обработанного, в связи с чем мы горячо рекомендуем его всем богемистам, а также всем специалистам по фразеологии.

Список литературы

- Плунгян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. М., 2005. № 2. С. 296–308.
- Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny 1 / Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček, V. Kodýlek, M. Kopřivová, D. Kovářiková, P. Sgall, M. Šulc, J. Tábořský, J. Volín, M. Wacławicová. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.
- Hoffmannová J. et al. Stylistika mluvené a psané češtiny / J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Praha: Academia, 2016. 512 s.

- Nový encyklopedický slovník češtiny 1–2 / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: NLN, 2016. 2184 s.
- Panevová J. et al. Mluvnice současné češtiny 2 / Syntax češtiny na základě anotovaného korpusu / J. Panevová, E. Hajičová, V. Kettnerová, M. Lopatková, M. Mikulová, M. Ševčíková. M. Praha: Karolinum, 2014. 292 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 1: Přirovnání / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: LEDA, 2009. 508 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 2: Výrazy neslovesné / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: LEDA, 2009. 548 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 3: Výrazy slovesné / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: LEDA, 2009. 1248 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné / Ed. Fr. Čermák. Praha: LEDA, 2009. 1268 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník / Ed. Fr. Čermák. Praha: LEDA, 2016. 528 s.
- Štícha Fr. et al. Akademická gramatika spisovné češtiny / Fr. Štícha, M. Vondráček, I. Kolářová, J. Hoffmannová, J. Bílková, I. Svobodová. Praha: Academia, 2013. 972 s.

Andrey Izotov

Book Review: Č e r m á k Fr., H o l u b J.

SLOVNÍK ČESKÉ FRAZELOGIE A IDIOMATIKY 5:

ONOMAZIOLOGICKÝ SLOVNÍK. Praha: LEDA, 2016. 528 s.

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 199991

The review discusses the fifth volume of the Dictionary of Czech Phraseology and Idiomaticity. The data from the previous four corpus-based volumes (11 166 entries) were onomasiologically organized, making the Dictionary unique not only for Czech linguistics, but for international researchers as well. The Dictionary is recommended for phraseology experts. The review also contains a synopsis of major corpus-based studies in the Czech Republic over the past decade.

Key words: Czech language; lexicography; corpus based studies; phraseology; Czech National Corpus.

About the author: *Andrey Izotov* — Dr. habil., Professor, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

References

- Plungyan V.A. Zachem my delaem Natsional'nyi korpus russkogo yazyka? [Why do we make the National Corpus of the Russian language?] *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Moscow, 2005. № 2, pp. 296–308.

- Cvrček V. et al. *Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. V. Cvrček, V. Kodýlek, M. Kopřivová, D. Kovářiková, P. Sgall, M. Šulc, J. Tábořský, J. Volín, M. Waclawičová. Prague: Karolinum, 2010, 354 p.
- Hoffmannová J. et al. *Stylistika mluvené a psané češtiny*. J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Prague: Academia, 2016, 512 p.
- Nový encyklopedický slovník češtiny 1–2*. Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Prague: NLN, 2016, 2184 p.
- Panevová J. et al. *Mluvnice současné češtiny 2. Syntax češtiny na základě anotovaného korpusu*. J. Panevová, E. Hajičová, V. Kettnerová, M. Lopatková, M. Mikulová, M. Ševčíková. Prague: Karolinum, 2014, 292 p.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 1: Přirovnání*. Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Prague: LEDA, 2009, 508 p.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 2: Výrazy neslovesné*. Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Prague: LEDA, 2009, 548 p.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 3: Výrazy slovesné*. Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Prague: LEDA, 2009, 1248 p.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné*. Ed. Fr. Čermák. Prague: LEDA, 2009, 1268 p.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník*. Ed. Fr. Čermák. Prague: LEDA, 2016, 528 p.
- Štícha Fr. et al. *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Fr. Štícha, M. Vondráček, I. Kolářová, J. Hoffmannová, J. Bílková, I. Svobodová. Prague: Academia, 2013, 972 p.

Т.Д. Венедиктова

**Рецензия на кн.: З Е Н К И Н С.Н.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ.
М.: Новое литературное обозрение, 2018**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В учебном пособии С.Н. Зенкина *теория литературы* обсуждается как «уникальное историческое движение», расположенное хронологически между русским формализмом 1920-х годов и международным постструктурализмом 1970-х. В основе его лежит парадоксальное усилие: опираясь на транс-дисциплинарные методологические заимствования (из лингвистики, антропологии, социологии, психологии, других наук о человеке), исследовать «сущностные» свойства литературного текста. *Литературная теория* описывается как другой вид теоретической деятельности, приобретший влияние в последние десятилетия: она сосредоточена скорее на субъектности и контексте и «структурирует свой предмет не столько по литературно-художественным, сколько по социальным параметрам». В рецензии, с опорой на рассуждения С.Н. Зенкина, проблематизируется актуальное соотношение этих двух направлений в науке о литературе.

Ключевые слова: теория литературы; интеллектуальная история; история культуры; теория перевода; Сергей Николаевич Зенкин.

Фраза, открывающая введение к книге, звучит для учебника почти вызывающе — одновременно приглашает к чтению и ограничивает круг потенциальных читателей: «Эта книга — учебное пособие высшего уровня, предназначенное тем, кто уже...» Постепенно, продолжая читать, убеждаешься в том, что слово «высший» использовано автором в значении сравнительной, а не превосходной степени и отсылает не к подразумеваемо-элитарному уровню теоретического знания, а к его многоступенчатости и подвижности: над ступенькой уже достигнутой (с соответствующим, с нее открывающимся, полем обзора) всегда маячит следующая, до которой нужно тянуться — магистрантам и аспирантам, которым прямо адресовано пособие, и не

Венедиктова Татьяна Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

только им. Именно требовательный императив саморазвития мысли хочет разделить со своим читателем Сергей Зенкин. Его книга — плод долгого, последовательного и глубокого интереса к предмету, и подобный же интерес она предполагает в читателе.

Уже самые названия одиннадцати глав — «Критика», «Литература», «Автор», «Читатель», «Текст», «Жанр», «Стих», «Стиль», «Рассказ», «Референция», «История» — подразумевают обсуждение предмета «на уровне общих проблем» (с. 10). По поводу каждого из ключевых понятий разворачивается широкий спектр позиций, представляющих разные интеллектуальные традиции и культуры, — они как бы состязаются в убедительности, то поддерживая друг друга, то дополняя или оспаривая. Напряжение между общей категорией и дробной множественностью ее трактовок поддерживается искусно, и игра планами (довольно часто в повествование внедряются еще и врезки, предваряемые словом «Подробнее») не тормозит, а акцентирует динамику повествования. У читателя остается ощущение постепенно, аккуратно, «расчетливо» разжимаемой пружины.

Эффекта «взаимопроникновения мыслей излагаемого теоретика и излагающего его труд интерпретатора» (с. 9) временами избежать трудно, даже невозможно, — но собственная позиция автора книги и отвечающая ей система предпочтений не прячутся за разноречие чужих мнений. Наоборот, любой важный авторский тезис, будучи выдержан в их крепком «бульоне», получает дополнительную весомость, — будь то мысль о читателе как «образце свободного человека» (развиваемая в § 14 главы 4) или мысль о парадоксальной природе текста, всегда предельной, но всегда же открытой (§ 17–18 главы 5), или мысль о жестово-телесной природе художественного мимесиса (§ 35 главы 10). Зрелость, концептуальность видения и неотделимая от него «предвзятость» ощутимы на каждом шагу как несомненное достоинство и своего рода ограничение — приглашение думать вместе и/или думать против, что одинаково продуктивно.

Сочетание эстетичности с рационализмом («острый галльский смысл») также присуще стилю научного письма Сергея Зенкина, автора оригинальных и основательных исследований по истории французской литературы и философии. Нельзя не обратить внимания на то, что мысль его предпочитает разворачиваться посредством аккуратных и четких оппозиций — усмотрения, например, двух типов литературности, двух моделей литературной эволюции, двух типов текста, а в тексте — дескриптивного и мифологического, дискретного и континуального, семиотического и миметического и т.д. начал. Об условности, недогматичности этих бинарных конструкций автор также напоминает читателю, — «старый добрый» структуралистский

инструментарий используется им на зависть самокритично, что говорит о свободе отношения к предмету и ценнейшем для теоретика «чувстве игры» (*sens du jeu*).

Современная теория литературы — по определению международный проект. Работа в его рамках предполагает, помимо усилия мысли, еще и бережное усилие перевода, — ведь решительно все «ключевые слова», включая даже такие, как «критика», «филология» или «текстология», в их использовании на разных языках, похоже, значат существенно разное. Важно и ценно то, что рассуждения Сергея Зенкина опираются на его собственный опыт переводчика, на опыт плотной работы с языковой структурой теоретических высказываний. И то, что в его книге, при высоком уровне точности и сложности, «все понятно, все на русском языке», обеспечивает ей несомненную привлекательность — на фоне таких сильных «конкурентов», как Антуан Компаньон, Джонатан Каллер или Дорис Бахманн-Медик.

Обозреть великое множество поставленных в книге проблем в короткой рецензии заведомо невозможно, не буду даже пытаться. Остановлюсь лишь на самой большой, сквозной — связанной с позиционированием теоретико-литературных исследований в историко-культурном контексте, включая и актуальное его измерение.

Искусство художественно-экспрессивного использования слова в его письменно-печатных формах имеет долгую историю, но лишь начиная с XVIII столетия «литература» стала обрастать сложной системой отношений, превращаться в самостоятельный культурный институт и — в духе времени — породила науку о себе. В течение следующих двух столетий развитие европейской литературы происходит под знаком движения к свободе «от предзаданных установок восприятия» (с. 322), тяготения к нарастающей «структурной неопределенности»: «выделить главное из второстепенного, фигуру из фона становится все более головоломной проблемой, но зато тем более свободной и ответственной делается работа читателя» (с. 323). Для нас сегодня литература — творческая практика, связанная с экспериментальным производством-деланием не только текстов, но и субъектов, видов субъектности, к тому же явно склонная к рефлексии, созданию автометатекстов (текстов, которые сами описывают собственное устройство). Что до дискурсов о литературе, то их границы, подчеркивает С. Зенкин, исторически подвижны и пересматриваются то и дело; к тому же владение любым из этих дискурсов предполагает всегдашний риск — опасность слишком сблизиться с собственным объектом, подменить объективный анализ субъективным произволом-сочинительством, «выражающим

личную позицию интерпретатора или коллективный предрассудок, которому он незаметно для себя поддался» (с. 40).

В XIX в. наука о литературе стала престижной и общественно необходимой в роли хранилища сокровищ национального самосознания, воплощенных в языковом творчестве. В то же время литературоведение в своей преобладающей, позитивно-фактографической форме разучилось «любить слово», утратило чувствительность к собственно языковой ткани текста¹. Теория в XX столетии явилась, в каком-то смысле, реакцией на это «обессловеснивание» (с. 27), предложив новый основанный на структуралистской и семиотической логике альянс между знанием о литературе и знанием о языке. Это «уникальное историческое движение» заключено, по мысли С. Зенкина, между русским формализмом 1920-х годов и международным постструктурализмом 1970-х, — в промежутке расположились американская «новая критика» 1930–1950-х, французский и советский структурализм 1960-х, немецкая рецептивная эстетика 1970–1980-х годов и т. д. «Движение» обусловлено парадоксальным усилием: опираясь на междисциплинарные методологические заимствования (из лингвистики, антропологии, социологии, психологии, других наук о человеке), очистить литературный текст как предмет изучения от чуждых примесей, исследовать его в «сущностных» свойствах. Теория литературы утверждает себя как «наука о формальных условиях существования содержаний» (с. 36), она обращена к глубинным структурам и законам литературного творчества, на которых зиждутся частные смыслы и которые служат предпосылками их (смыслов) становления. При этом теория литературы благоразумно ограничивает себя «исследованием художественной словесности как таковой» (с. 37), — хотя ничто, разумеется, не запрещает ей распространять свой интерес на образования надтекстуальные (дискурсы) и внетекстуальные (контекст, «бытовые», поведенческие практики). Это — «край», которым, по выражению Шкловского, литература «растет», привлекателен для разработки, однако и рискован: теория литературы рискует тем самым оторваться от собственной почвы, каковой является «строго определенное понятие текста» (с. 85). Зато *литературная теория* — новый вид теоретической деятельности, распространившийся в академических практиках начиная с 1980-х годов, — на этот риск идет слишком

---

¹ Сегодня, отмечает С. Зенкин, сосуществование под одной факультетской крышей науки о литературе и лингвистики во многом превратилось в анахронизм, объясняющийся тем, что студентов, изучающих литературу, необходимо основательно обучать иностранным языкам. На деле практическим лингвистам редко требуются углубленные познания в литературе и, наоборот, историки литературы зачастую учат языки лишь для ознакомления с зарубежными научными публикациями.

даже охотно и зачастую «структурирует свой предмет не столько по литературно-художественным, сколько по социальным параметрам» (с. 335). Если теория литературы определяется стремлением думать о литературе и о художественной форме как о сущностях, то литературную теорию занимают скорее их разнообразные контекстуализации. Она озабочена, фактически, динамикой самопроизводства субъектов, в чьих отношениях с миром, самими собой и другими субъектами литературные тексты выступают посредниками, — а к таким традиционным задачам теории литературы, как экспертиза и селекция текстовых объектов, выработка на этой основе общих понятий и моделей текстовой деятельности, обнаруживает довольно явное равнодушие.

Смена приоритетов, описываемая Сергеем Зенкиным, не произошла, разумеется, в одночасье, случайно или по чьему-то произволу, — она вызревала исподволь в качестве тенденции или возможности, которая по разным (заслуживающим, бесспорно, обсуждения!) причинам на каком-то этапе взяла верх. Из рассуждений автора книги не очень понятно, как именно наука о литературе в пору своего расцвета во второй половине XX в. сочетала в себе два трудно примиряемых друг с другом направления — функцию властной директрисы автономного поля художественной словесности и функцию «неугомонного оппонента» (А. Компаньон), экспериментатора, гаранта читательской свободы. Не исключено, что именно невозможность их «окончательно примирить», соединить установку на эссенциалистское законотворчество с установкой на эксперимент как раз и превратила *теорию литературы* под конец XX в. в закрытый проект, между тем как ее сомнительная наследница, *литературная теория*, явно осуществляет экспансию — расширяет сферы своего влияния, получает все новые воплощения.

Расхожая, даже заезженная формула в названии академического труда — «...проблемы и перспективы», — в подзаголовке этой книги, однако, очень сознательно использовано другое расширение: «...проблемы и результаты». И здесь мне видится самая большая, хотя, пожалуй, и наименее очевидная проблема ценнейшего учебного пособия, обращенного к молодым российским ученым-филологам накануне третьего десятилетия XXI в. Спрашивается: где в нарисованной Сергеем Зенкиным картине-перспективе мы, — а также «они», наши студенты и аспиранты, — хотя бы потенциально? Якобсон, Тынянов, Эйхенбаум, Бахтин и Лотман, индивидуально и коллективно, сыграли свою роль в уже состоявшемся — и теперь подытоживаемом — теоретическом прорыве. Сегодня все они классики. Об актуальном положении вещей в отечественной литературной

науке и о возможных ориентирах ее дальнейшего развития в книге сказано вежливо и скудно. Именно: «российская наука о литературе до сих пор прочно и чаще всего неотрефлексированно держится принципов канона и эстетической специфики литературы» (с. 336). «Неотрефлексированно держаться принципов» — не сказать, чтобы привлекательная позиция, особенно для молодого исследователя. Но если все же думать о моменте движения, — каким оно может быть и куда? Если вдохновляться сегодня, то какими целями и задачами?

Авторитетный историк и теоретик Сергей Зенкин перспективы как будто не видит или не считает нужным ее обрисовать. Он лишь констатирует: в мировой теории наблюдается «безудержная тематическая экспансия», «структуралистский императив научной точности и основательности уступил место лихорадочной смене недолговечных исследовательских программ — ярмарке методов» (с. 336), из которых каждый отчаянно доказывает свою новизну (небескорыстно, поскольку новизна есть одновременно грантодостоинство). Происходящее — “не совсем научная наука” (с. 337) или, если говорить прямо, не наука вообще... «Такая ускоренная трансформация свойственна скорее литературным, чем научным школам» (с. 336). Получается, что литература как вид творчества и познания жизни, по-своему продуктивный, но не несущий ответственности перед объективирующей рациональностью, под конец XX в. победила науку о самой себе? И академической «научной науке» в этих условиях более пристало сделаться предметом критического и исторического самоосмысления: ее героический период прошел, пора вылетать сове Минервы...

Любопытно, что, вступая отчасти в противоречие с этим собственным, прямо заявленным тезисом, Сергей Зенкин обозначает все же в ряде глав траектории движения в будущее литературной науки. Например, в последнем, сороковом параграфе последней же главы — «От истории к географии» — он пишет о том, что последовательно примененный интертекстуальный подход, труднсовместимый с привычной, линейной исторической логикой, в перспективе открывает возможность «уже не эволюционной, а географической универсализации литературных штудий» (с. 334). Состоится ли эта альтернативная «универсализация», мы, конечно, не знаем, но можем наблюдать даже и «невооруженным глазом» процесс освоения теорией логики глобализационных процессов, — в частности, она становится как никогда прежде чуткой к проблематике перевода, трансмедийного и транскультурного трансфера, преобразования в нем как литературных текстов, так и их смыслов, и эстетических ценностей. Сохраняя интерес к форме, теория расширяет рабочее

представление о форме, и дополнительно к методикам «пристального чтения» вооружается количественно-статистическими методами. Происходят и другие любопытные процессы, вектор которых опять-таки еще не ясен.

В том, что *теория литературы* как «невиданный прежде род интеллектуальной деятельности» (с. 340) и по-своему неповторимое детище литературной культуры XX в. на сегодня исчерпала энергию развития, можно, пожалуй, согласиться с автором книги. Здравствует ли ее наследница, *литературная теория*, — в смысле: здорово или скорее болезненно то направление теоретической деятельности, что произошло из формалистической традиции, но в полемике с ней? — это вопрос для многих спорный. Утешает то, что здоровее всех в этой ситуации — сама литература, благополучно пережившая неоднократные оповещения об упадке, грозящем ей, якобы неминуемо, в визуально-цифровую эпоху. И если новые режимы теоретизирования окрашены — или запятнаны? — «литературностью», если они отступают порой далеко от традиционной модели научности, то еще вопрос: признак ли это вырождения теоретической мысли или издержки коллективного поиска, который может увенчаться открытием новых возможностей.

Продуцирование новых теоретических концепций за счет импорта в науку о литературе идей из других наук продолжается и сегодня — даже активнее, шире, чем когда-либо прежде. Импорт дополнился не менее активным экспортом литературно-теоретических идей, — на основе его уже сложились и продолжают складываться новые дисциплины и исследовательские программы: «культурология» (cultural studies), «постколониальные исследования», «гендерные исследования», «исследования идентичности», «цифровые исследования» и др. Встречно направленные потоки обмена содействуют преобразованию культурного ландшафта, каковое происходит на глазах, повсюду и довольно бурно, предоставляя ценнейший материал скорее наблюдателю, чем историку интеллектуальной культуры. Мы знаем Сергея Зенкина в обоих этих качествах, в обоих он более, чем убедителен, — поэтому в пару к рецензируемому учебному пособию «просится» продолжение от того же автора.

Список литературы

- Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017 (2006).
Зенкин С.Н. Теория литературы: Проблемы и результаты. М., 2018.
Каллер Дж. Теория литературы: Краткое введение. М., 2006 (1997).
Компаньон А. Демон теории. М., 2001 (1998).

Tatiana Venediktova

**Book Review: ZENKIN S.N.
THEORY OF LITERATURE. PROBLEMS AND RESULTS.
Moscow: New Literary Observer, 2018**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In Sergey Zenkin's conception, theory of literature is a "unique historical movement" located chronologically between the Russian formalism of the 1920s and the international poststructuralism of the 1970s. Relying upon transdisciplinary methodological traffic (importations from linguistics, anthropology, sociology, psychology and other human sciences) it was meant, paradoxically, to focus on the "essence" of the literary text. The literary theory that came to the fore in recent decades makes for a different type of theoretic activity, focusing rather on the subject and context, "using not so much literary and aesthetic as social parameters to structure its object". An attempt is being made to problematize the relationship of these two potentialities in the literary scholarship of today.

Key words: theory of literature; intellectual history; cultural history; translation theory; Sergey Zenkin.

About the author: Tatiana Venediktova — Dr. habil., Department of Discourse and Communication Studies, Professor and Chair; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

References

- Bachmann-Medick D.* Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kulture. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017 (2006).
Zenkin S.N. Teoriya literatury. Problemy i rezultaty. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
Culler J. Teoriya literatury. Kratkoe vvedenie. M.: Astrel; AST, 2006 (1997).
Compagnon A. Demon teorii. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2001 (1998).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.В. Князев

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФОНЕТИКЕ И ФОНОЛОГИИ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В Академии наук Латвии (Рига) прошла конференция, посвященная проблемам современной фонетики и фонологии, на которой обсуждались вопросы, связанные с новыми экспериментальными методами в фонетике и объяснительной силой актуальных фонологических теорий.

Ключевые слова: фундаментальная и прикладная лингвистика; экспериментальная фонетика; фонология; просодия.

17–18 мая 2018 г. в Академии наук Латвии (Рига) прошла юбилейная пятая Международная конференция «Современные исследования в фонетике и фонологии», организованная Латвийской академией наук и Латвийским университетом, на которой обсуждались вопросы, связанные с новыми экспериментальными методами в фонетике и объяснительной силой актуальных фонологических теорий.

На конференции с устными докладами выступили 36, а со стендовыми — 15 участников из Латвии, Литвы, Эстонии, России, Украины, Белоруссии, США, Португалии, Германии, Финляндии, Болгарии, Польши, Турции, Тайваня, Словакии, Бельгии, представлявшие ведущие университеты и другие научные центры Европы, Азии и Америки.

В рамках конференции было проведено одно пленарное и шесть тематических секционных заседаний.

Пленарное заседание в первый день работы конференции открылось докладом *Дзинтры Бонд* (университет Огайо, США), *Линды Шоки* (Ридинг, Великобритания) и *Даце Маркус* (Лиепая, Латвия), в котором были изложены результаты сопоставления реализации

Князев Сергей Владимирович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: skv11@yandex.ru).

контраста кратких и долгих гласных в латышском языке на материале латышских песен из звукового архива Гумбольдтовского университета в Берлине и чтения стихов; полученные данные показали, что физическая длительность не может служить надежным показателем противопоставления этих гласных в пении. Второй доклад пленарного заседания *Эйнара Мейстера* и *Лиис Мейстера* (Таллинский технологический университет, Эстония) был посвящен анализу реализации эстонских гласных в речи латышскоговорящих информантов; акустический анализ показал, что максимальная вариативность в этом случае фиксируется в произношении гласных, отсутствующих в латышском языке. Завершилось заседание докладом *Гийома Энгеара* (Орлеан, Франция) о некоторых проблемах формального описания языков в автосегментной метрической фонологии.

Первое секционное заседание, посвященное супraseгментной фонетике (преимущественно словесным тонам), началось с доклада *Савио Меголито Мейаса* (Лейпциг, Германия), в котором автор предложил новую фонологическую интерпретацию реализации слоговых тонов в одном из тибето-бирманских языков. *Эвалдас Швагерис* (Вильнюс, Литва) в своем выступлении представил результаты сопоставительного анализа словесных тонов в латышском и литовском языках в новой перспективе, а именно в терминах скорости тонального изменения. *Ранг-фу Чунг* (Тайнан, Тайвань) посвятил свое исследование актуальнейшей проблеме взаимодействия слоговых тонов и фразовой просодии на материале языка (по иной классификации — одного из диалектов китайского языка) хакка и вопросам адаптации современного стандарта для фиксации просодии ToBI к описанию тональных языков. *Владимир Филипов* (София, Болгария) рассказал о понимании интонации в трудах стоиков и об использовании в этой связи понятия “*lekton*” в их описаниях.

На втором секционном заседании в тот же день *Стефан Тобин* (Потсдам, Германия) проанализировал усвоение реализации английских глухих взрывных согласных в речи носителей с родным корейским и испанским языками. Доклад *Ларисы Тараненко* (Киев, Украина) был посвящен поискам меры энергетического потенциала и эмоционального состояния говорящего на основании анализа просодических характеристик высказывания. *Агнешка Брыла-Круз* и *Йоланта Шпыра-Козловска* (Люблин, Польша) в своем докладе рассказали об исследовании восприятия носителями польского языка разных типов иностранного акцента в английском произношении. В заключительном докладе секции *Динеш Рамо* (Мерсин, Турция) изложил результаты анализа фонологической маркированности на материале речевых ошибок в речи пациентов с афазией, говорящих на хинди.

Завершился первый день Конференции постерной сессией, на которой было представлено 11 разнообразных стендовых докладов, посвященных преимущественно экспериментально-фонетическим исследованиям.

Больше всего докладов, представленных литовскими фонетистами из Вильнюсского университета, было основано на материале литовского языка. *Юргита Ярославие* изложила результаты сопоставительного акустического анализа литовских монофтонгов в изолированном произнесении, в составе слогов и реальных слов и предложила знаки для их фиксации в международной фонетической транскрипции (International Phonetic Alphabet). *Эдита Ледичова* посвятила свой доклад результатам акустического исследования литовских лабиализованных гласных в изолированном произнесении и в контексте. *Йолита Урбанавичене* исследовала фонетическую аккомодацию в сочетаниях «согласный + гласный + согласный» и пришла к выводу о том, что в наименьшей степени коартикуляции в литовском языке оказываются подвержены палатализованные и глухие согласные. *Аста Лескаускайте*, проанализировав характер звуковых изменений в аукштайтском диалекте, выделила в нем на этом основании несколько субдиалектных зон.

В докладе *Ильзы Аузини* (Рига, Латвия) было показано, что русскоговорящие носители испытывают существенные затруднения в реализации контраста долгих и кратких гласных в латышском языке, особенно в безударном положении (в их речи соотношение этих гласных по длительности составляет всего 1,5 к 1 вместо 2,5 к 1 в речи носителей, для которых латышский является родным). *Яна Таперте* (Рига, Латвия) изложила результаты перцептивного эксперимента по восприятию позиционных вариантов бокового сонанта, а *Сольвейга Чейране* и *Инесе Индречане* (Рига, Латвия) — смычных согласных в латышском языке.

В докладе *Маргариты Спиричевой* и *Елены Риехакайнен* (СПбГУ, Россия) обсуждался вопрос о влиянии морфологических факторов на реализацию конечных заударных гласных после мягких согласных в русском языке. *Катерина Лайдлер* (Люблин, Польша) инструментальными методами исследовала адаптацию английских звонких аффрикат в словах, заимствованных в русский язык. *Микола Куценко* (Киев, Украина) свой доклад посвятил поиску фонетических (просодических) средств выражения симпатии в речи, выделив четыре основных интонационных способа выражения этой эмоции.

На фоне экспериментально-фонетических исследований особняком стоял доклад *Марека Радомски* (Люблин, Польша) об интерпретации заимствований в рамках фонологической теории оптимальности.

Первое секционное заседание второго дня работы конференции, посвященное фонетике пения и проблемам разного типа просодического выделения, открыли *Рената Тимкова* и *Юлиус Циммерман* (Кошице, Словакия), представившие анализ трудностей в постановке ударения в процессе изучения английского языка носителями словацкого. В докладе *Гьерде Балчитите-Куртиниене* (Вильнюс, Литва) речь шла об использовании музыки и пения в процессе обучения английскому языку как иностранному. *Моника Конарт-Панек* (Варшава, Польша) представила результаты инструментального исследования фонетической стилизации в поп-музыке на материале американизации английского произношения в пении.

Доклад *Елены Риехакайнен* (СПбГУ, Россия), открывавший второе секционное заседание, был посвящен методологическим аспектам в высшей степени актуального исследования редуцированных слов на материале корпуса детской речи и проблеме интерпретации этой редукации (Как часто редуцируемые в спонтанной речи слова хранятся в памяти ребенка, осваивающего язык? Каков их фонемный состав в этом случае?). В докладе *Даниэля Уильямса*, *Паолы Эскудеро* и *Адамантиоса Гапоса* (Потсдам, Германия; Сидней, Австралия) речь шла о методах разграничения дифтонгов и монофтонгов, являющихся в естественной речи дифтонгоидами, на материале перцептивных экспериментов по восприятию изменения спектральной структуры гласных. *Сергей Князев* и *Анастасия Красько* (МГУ, Россия) изложили новые результаты инструментального исследования коартикуляции по голосу в сочетаниях глухого заднеязычного согласного со звонким губным сонорным [v] на стыках слов внутри синтагмы в современном русском литературном языке. Доклад *Франсиско Мигеля Валады* (Брюссель, Бельгия) был посвящен фонетической реализации сочетаний esC, exC и (h)isC в португальском языке португальцев и изучающих португальский носителей английского языка, а также фонологической интерпретации этих кластеров. Завершилась работа секции докладом *Виктории Артёменко* и *Юриса Григорьевса* (Рига, Латвия) на актуальнейшую тему о прикладном применении фонетических знаний в медицине, в частности, о методах восстановления зубов с учетом характера артикуляции сибилантов в речи пациентов.

Заключительное секционное заседание открыла *Рима Бакишiene* (Вильнюс, Литва), посвятившая свой доклад проблеме фиксации фонетических особенностей литовских диалектов с использованием знаков международной фонетической транскрипции (IPA) на материале жемайтских субдиалектов. *Стефан Вернер* (Финляндия) говорил о проблемах создания скриптов для самой распространенной в настоящее время программы акустического анализа речи PRAAT и

о возможной альтернативе в виде системы EMU. В докладе *Анны Коломенник, Бориса Лобанова и Владимира Житко* (Минск, Белоруссия) была представлена компьютерная программа INTON@TRAINER, предназначенная для самостоятельной работы по овладению интонационной системой на материале русского языка. В заключительном докладе дня *Бистра Андреева* (Саарбрюккен, Германия) ознакомила присутствовавших с болгарской версией системы фиксации просодии ToBI (Tones and Breaks Indices), ставшей к настоящему времени международным стандартом для описания супrasegmentных фонетических явлений.

Конференция завершилась совместным ланчем и неформальной дискуссией участников и слушателей о судьбах фонетики и фонологии в современном мире.

К началу Конференции был подготовлен электронный сборник материалов, который выложен на сайте конференции по адресу <https://cripap.jimdo.com/program-and-abstracts/>.

Sergey Kniazev

**THE CHRONICLES OF THE V INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE ON CONTEMPORARY RESEARCH
IN PHONETICS AND PHONOLOGY: METHODS,
ASPECTS AND PROBLEMS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article embraces the scope of reports made at the 5th International scientific conference on Contemporary Research in Phonetics and Phonology: Methods, Aspects, Problems organized by the Latvian Academy of Sciences and Latvian University in the Akadēmijas laukums 1, Riga on May 17–18, 2018.

Key words: linguistics; applied linguistics; experimental phonetics; phonology.

About the author: *Sergey Knyazev* — Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Russian Language, Department of Theoretical and Applied Linguistics (e-mail: skv11@yandex.ru).

А.Ю. Сорочан

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЮНОСТЬ КАК СЮЖЕТ»

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
Тверской государственный университет
170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, 33*

В статье подводятся итоги работы конференции «Юность как сюжет», прошедшей 5–7 апреля 2018 г. в Тверском государственном университете. Исследователи обсуждали проблемы сюжетного потенциала индивидуального времени. Категория «юность» рассматривалась в связи с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем», а также с представлениями о «зрелости» и «старости», которым будут посвящены следующие конференции.

Ключевые слова: время; репрезентация; история литературы; юность; журнал «Юность».

5–8 апреля 2018 г. в Твери состоялась очередная конференция, посвященная проблеме художественной репрезентации времени. Конференция «Юность как сюжет», организованная кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета, была посвящена исследованию художественных стратегий одной из составляющих категории времени в литературе — сюжетного потенциала индивидуального времени. На предшествующих конференциях анализировались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов проекта. Категория «юность» связана и с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем», а также с представлениями о «зрелости» и «старости», которым будут посвящены следующие конференции. Выход за пределы масштабных линейных и циклических моделей позволяет рассмотреть значимые аспекты времени на микроуровне: сюжетная интерпретация движения времени в индивидуальной плоскости представляется достаточно сложной.

Уже традиционно открыл пленарное заседание конференции *В.А. Кошелев* (Арзамас) докладом «Студенческая кровь», в ко-

---

Сорочан Александр Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (e-mail: bvelvet@yandex.ru).

тором рассматривался феномен «студенческой юности» в русской культуре первой половины XIX в. Докладчик представил свою версию творческой биографии «образцового студента» русской литературы Н.М. Языкова и показал, как меняется представление о «юности» и статусе студента. В докладе *С.А. Васильевой* (Тверь) юность человека была соотнесена с юностью государства. Рассматривая представления о «юных нациях», зафиксированные в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», докладчик уделила особое внимание противопоставлению «юности» и «старости» в травелогах середины века. *А.М. Грачева* (Санкт-Петербург) рассказывала об иллюзиях юности, о том, как призраки молодости возникают в «Дневнике мыслей» А.М. Ремизова. Доклад *С.В. Денисенко* (Санкт-Петербург) был посвящен роману Дино Буццати «Татарская пустыня» и его экранизации (режиссер — Валерио Дзурлини). В книге Буццати юность ассоциируется с военной формой и комплексом представлений о воинском долге, при этом акцентируется асексуальность юношеских амбиций, которая парадоксальным образом усилена в фильме Дзурлини.

Пленарные доклады определили основные направления работы конференции. Первое секционное заседание было посвящено «социологии юности»; здесь рассматривались общественно-исторические контексты, в которые включается данная категория.

Т.И. Акимова (Саранск) рассказала об «авторских стратегиях Екатерины II в мемуарном изображении юной девушки». Изображение юности — важная сюжетная составляющая мемуаров Екатерины II. Писательница использует такую стратегию, как «галантный диалог», реализующуюся в обращении, помимо близкого окружения, к будущему юному читателю. Воспитательный потенциал мемуаров, по мнению докладчицы, выражается в утверждении личностной свободы, необходимости присутствия мудрого наставника, разумном распределении молодой девушкой личностного пространства (наличие будуара) и личного времени (чтение и письмо как обязательные элементы досуга) и проявлении ее «галантных» качеств (такта, остроумия, обаяния). Большой интерес вызвал доклад *А.В. Кошелева* (Великий Новгород) «“Юный губернатор”. О малоизвестной драме тихвинского купца Сергея Бередникова», в котором речь шла о том, как юношеские мечты вступают в конфликт с чиновничьим прагматизмом. Основной (и неразрешимый) конфликт в пьесе непрофессионального автора как раз и состоит в том, что энтузиазм юности оказывается губительным для «дела», тем самым торжество бюрократии становится неизбежным.

В докладе *А.С. Урюпиной* (Москва) «“Продукт здешний, парижский”: супруги Ремизовы о младшем поколении русской эмиграции первой волны» рассматривались воспоминания супругов Ремизо-

вых — уникальный источник сведений об образе жизни и характерах юных эмигрантов первой волны. Поэты Б.Ю. Поплавский, В.С. Варшавский и Н.Н. Берберова, писатели Н.Д. Городецкая и И.А. Шкотт (Болдырев), литературоведы Ю.П. Иваск и М.Г. Горлин, актер Б.А. Алекин и танцор С.М. Лифарь — все они удостоились развернутых характеристик. В неопубликованных дневниковых записях Алексей Михайлович и Серафима Павловна Ремизовы оценивают младшее поколение 1920–1930-х годов, названное впоследствии «потерянным» или «незамеченным», весьма оригинально и совершенно непредвзято. Юность воспринимается с иронией — и вместе с тем с сочувствием.

Доклад *С.Н. Еланской* (Тверь) получил название «Юноше, обдумывающему житьё»; в центре внимания исследователя — драма С. Соловьёва «Сто дней после детства», которую можно рассматривать и в контексте юношеского кино советской эпохи, и как универсальное произведение на вечную тему «воспитания чувств». В ироничном коллективном портрете поколения и индивидуальных подростковых метаниях возможно выявить своеобразие поэтического кино «самого молодого режиссера». Романтико-поэтические мгновения на лоне природы протекают в причудливом сочетании с советскими повседневными практиками пионерлагеря, слагая гимн юности и трепетно озаменовывая предчувствие юности.

В докладе *Б.Ф. Колымагина* (Москва) рассматривалась «религиозная юность андеграунда». Эскапистская стратегия игнорирования советского абсурда путем приобщения к духовности в андеграунде выглядела совершенно естественной. «Вторая культура» не стремилась к воцерковлению и ограничивалась юношескими вопросами: «Кто мы? Откуда? Зачем?» Андеграунд являет нам интересный ансамбль движений, соотнесенных с первоопытом веры. И в этом смысле он отличается и от дореволюционной религиозной поэзии, которая часто была погружена в обряд, и от поэзии постсоветской, тоже обратившейся навстречу надежно ритуализированному культу.

Логичным было сопряжение категорий «детства» и «юности»; этому была посвящена другая секция. Открыл заседание *А.А. Петров* (Тверь) докладом «Мотив юности в необрядовой лирике: по тверским материалам». В архивах фольклорной лаборатории ТвГУ достаточно материалов (в первую очередь записей жестоких романсов), позволяющих поставить вопрос о временной границе, разделяющей «детство» и «юность». Универсализация 17-летия как рубежа юности очевидна в текстах XX в.

В докладе *А.О. Шелемовой* (Москва) речь шла о детстве и юности в стихотворном рассказе Максима Богдановича «Вероника». Сюжет не соотнесен с биографическими событиями из молодости автора, он представляет собой ассоциативное повествование о счастливом

детстве и первой юношеской любви вымышленных лирических героя и героини. Вероника для поэта — идеал женской нежности, терпения и милосердия, прообраз будущего материнства.

А.П. Люсый (Москва) в докладе «Сквозь геопоэтическую юность: Проза Татьяны Хофман как “вечное возвращение” из детства в детство» представил «географическую» трактовку заглавных понятий. Эмиграция «на буксире родителей» из Севастополя в Берлин привела к потере Крыма как детства. Попытка сохранить идентичность в детских шалостях вроде переодеваний в турчанок оказывается пресеченной. Более успешной становится травестия языковая — «переоблачение» в новый язык, с повторным приобщением к детству с помощью сына. «Вечное возвращение» в романе Т. Хофман «Севастопология», словами М. Элиаде, заключается «в удалении значения истории». Сюжетно же роман сопоставим с повестью Элиаде «Без юности юность».

Е.И. Канарская (Нижний Новгород) рассмотрела две ранние пьесы Н.В. Коляды, содержащие нехарактерную для последующего творчества драматурга этическую «пороговую ситуацию»: если в более поздних произведениях Коляды персонажи изначально и независимо от их воли помещены в состояние аксиологического хаоса, то в анализируемых пьесах автор предоставляет героям очевидную возможность нравственного выбора, который, во многом благодаря «рубежному» возрасту всех действующих лиц, имеет ярко выраженный символический характер.

В секции «Иллюзии юности» прозвучал доклад *Д.Б. Терешкиной* (Великий Новгород) «Наставление отца к сыну: литературная традиция поучений “молодым”». По мысли докладчика, литературная средневековая традиция представляет юношество как объект воспитания, поучений и наставлений со стороны опытной зрелости или старчества. Мирская традиция поучения отца к сыну содержит обозримый круг предписаний в области военного (в том числе княжеского) дела, в сфере житейских навыков, почитания старших, стяжания добродетелей в глазах подчиненных, а также в сложной проблеме взаимоотношений с противоположным полом («беседа» отца с сыном о женской злобе составляет отдельную широкую ветвь традиции поучений «молодым»). Литературное средневековье представляет юношество прежде всего как объект, а не субъект изображения, причем не художественной, а дидактической словесности.

В этой секции сразу несколько докладов были посвящены творчеству Пушкина. В частности, *И.Л. Багратион-Мухранели* (Москва) обратилась к «Путешествию Онегина», в сохранившихся строфах которого юность представлена двумя ипостасями. Автор — беспечальный одесский житель, предающийся всем радостям бытия, изо-

бражение которых восходит к легкой французской поэзии; Онегин — байронический разочарованный молодой человек, ключевое слово в характеристике которого «тоска». В словаре автора-персонажа слово «тоска» существует в другом контексте («волшебная тоска»). Но в «Путешествии Онегина» Автор-персонаж отнюдь не забывает прошлого, синтезируя его с настоящим. Здесь тонко переплетаются мотивы ранних стихов, элегия и «вакхальны напевы» с новым стилем романа в стихах.

В докладе *О.И. Федотова* (Москва) речь шла о «мотиве возвращения к юности в ранней лирике Бродского»; докладчик проанализировал пять текстов Бродского, написанных в начале его творческого пути, развивающих мотив возвращения во времени (к юности) и пространстве (на родину): «Пилигримы», 1958; «Рождественский романс», 1961; «Воротишься на родину. Ну что ж...», 1961; «Стансы городу», 1962; «Стансы» («Ни страны, ни погоста...»), 1962. Параллельно рассматриваются особенности их стихопоэтики, благодаря которым иллюзорность возвращения обретает новые смыслы.

А.М. Лобин (Ульяновск) представил доклад на тему «Юность как жизненная позиция и функция сюжета в “Приключениях Эраста Фандорина” Б. Акунина». Он рассматривал систему персонажей в популярных ретро-детективах Б. Акунина. Объектом исследования стала и возрастная характеристика главных героев, и их сюжетная функция. По мысли докладчика, «юность» представлена Б. Акуниным как особая категория личного времени, которой свойственны наивность, активность и стремление к самопожертвованию. Эти качества положены в основу сюжетообразующих конфликтов, а «юные» герои выполняют функцию помощника сыщика Эраста Фандорина.

Секция «Эстетика юности» вызвала особый интерес — в докладах рассматривались не только литературные тексты, но и аудиовизуальные материалы, которые позволили представить некоторые новые аспекты художественного воплощения юности.

С.В. Фролов (Санкт-Петербург) изложил «Программу творческой личности М.И. Глинки». Юность первого великого русского композитора приходится на годы обучения в петербургском Благородном пансионе. Тогда были во многом предопределены основные модели его поведения, научные интересы, нравственные, политические и духовные императивы и, наконец, основы отношения к главному делу его жизни — к музыке. В определенном смысле все это может быть обобщено как своего рода «программа», заложенная судьбой на последующие годы его жизни; используя архивные материалы, докладчик продемонстрировал программные установки, очевидные в юности композитора.

Тема доклада *В.Л. Гайдук* (Москва) — «“Мы наш, мы новый мир построим”»: образ обновленной деревни в спектакле Государственного театра им. Вс.Э. Мейерхольда “Окно в деревню”». Здесь проблема юности была представлена в связи с антитезой нового и старого, одной из основных в культуре 1920-х годов. Чаще всего новый мир ассоциировался с индустриальным городом, но не с традиционной деревней. Мейерхольд к десятилетию Октября решил показать именно новый мир индустриальной деревни. Опыт оказался неудачным: спектакль запретили через год. Что же крамольного было в образе молодой и юной советской деревни? Калейдоскоп образов, созданный Мейерхольдом на основе внутренне противоречивых установок, никак не складывался в единую картину гармоничного «нового мира» — многие сценические решения прямо противоречили сюжетам отдельных сцен. Необычными по тематике и материалу были и доклады *А.А. Елкиной* (Тверь) «Между лагерем и бомбардировкой: травматология юности в Японии времен Второй мировой в литературе и на экране» и *О.С. Козловой* (Тверь) «‘Юность героя’ в видеоиграх: об особенностях сюжетной динамики». В первом из них сопоставлялись два текста об атомной бомбардировке Японии и их экранизации, а во втором речь шла о вариантах биографий героев игр, которые предлагаются разработчиками в качестве альтернатив для игроков.

И, конечно, разговор о «юности» требовал обращения к материалам одноименного журнала, занимающего совершенно особое положение в истории русской литературы. Заключительное заседание конференции было посвящено «Сюжетам «Юности»». Это заседание открылось докладом *Юми Чунь* (Корея) «Юность и время оттепели». Вполне логично связать появление журнала «Юность» со смягчением идеологических ограничений после смерти Сталина. «Юность» появляется в период оттепели и самим названием обозначает основную проблематику и определяет целевую аудиторию — советскую молодежь. На основе «оттепельных» публикаций в журнале «Юность» 1955—1964 гг. в докладе было дано представление об интерпретации юности и о проблемах молодежи в это время, обозначены актуальные авторы, обрисован круг тем и очерчен портрет молодого человека периода хрущевской оттепели.

А.М. Бойников (Тверь) рассказал об «аксиологии юности в лирике Эдуарда Асадова». Оказалось, что система ценностей, представленная в поэзии Асадова, актуальна не только для юных читателей, но и для молодых авторов, а обманчиво примитивная образная система позволяет актуализировать принципиально важные для поэта ценностные установки. Доклад спровоцировал бурную полемику,

поскольку для многих участников конференции стихи Асадова связаны как раз со значимыми моментами юности.

Материалом доклада *И.В. Мотейунайте* (Псков) «О юности в “Юности”» стала публикация в № 12 журнала «Юность» за 1958 г. «Писем о юности» А. Фадеева. Оформление публикации и стиль писем, явно рассчитанных на публичность, обнажают художественную рефлексию о юности, интересную тем, что она принадлежит одному из первых советских писателей, утверждавших каноны соцреализма. В юности Фадеев видит заверченный период жизни, отличающийся надеждами и опасностями, всегда счастливый; прежде всего это неиссякаемый источник воспоминаний о любви. При этом любовный дискурс, обобщающий и лишенный бытовой и психологической конкретности, заимствуется автором из позапрошлой эпохи. В юношеских чувствах подчеркивается неизбежность их потери, что для Фадеева проясняет доминирование идейных и рациональных характеристик человека над эмоциональными. Автор доклада также обратила внимание на различие между художественным творчеством Фадеева, в котором молодежь всегда выступает объектом идеологического воспитания, и описанием юности собственного поколения, самостоятельно увлеченного революционным движением и творившего историю.

А.Ю. Сорочан (Тверь) рассмотрел публикации фантастических произведений в журнале «Юность». Само понятие «фантастика» сопрягается либо с футурологией (и тогда речь идет в первую очередь о сюжетах), либо с поэтикой (тогда нужно говорить о модусе повествования). Если на сюжетном уровне четко прослеживается эволюция приоритетов (от космических ожиданий к космической эйфории, далее к космическому сотрудничеству, космической угрозе и концу космической эры), то на уровне поэтики ситуация оказывается сложнее. До середины 1960-х юность воспринимается как время обучения; соответственно, важен педагогический посыл истории будущего. Ключевым для этого периода фантастическим текстом становится «Сердце Змеи» И. Ефремова. Далее, примерно до конца 1970-х, юность в журнале осмысливается как время борьбы (идеалы сталкиваются с противодействием, чаще всего извне — со стороны «буржуазной» науки и «буржуазного» общества, как в повестях З. Юрьева). Задача фантастики в таком случае — обеспечить устойчивость в «пограничных зонах». А в 1980-х юность становится временем сомнений, которые кажутся все более универсальными. В связи с этим вполне логично появление именно в «Юности» перевода романа Ф.К. Дика «Помутнение».

Завершил итоговое заседание *С.И. Кормилов* (Москва) докладом «“Молодая проза” в критике 1960-х годов». В конце 1960 г. Ст. Рас-

садин в журнале «Юность» написал про «книги о молодом современнике» и впервые назвал своих сверстников “шестидесятниками”. После этого о «молодой прозе» высказались представители официоза (В. Озеров, Вс. Кочетов), «центрист» А. Макаров и покладистый при своей любви к спорам Л. Аннинский, будущий «ренегат» шестидесятничества Ф. Кузнецов, некоторые «новомирские» критики. Впоследствии «молодая проза» составила основу третьей волны эмиграции.

Всего на Конференции прозвучало 38 докладов; в нашем обзоре были отмечены выступления, вызвавшие наибольший резонанс.

«Юность» в классической литературе становится временем осознания, в литературе модернистской — временем протеста, в литературе постмодернизма — временем иллюзий. Условность подобных классификаций позволяет участникам Конференции предложить собственные трактовки и концепции.

Alexander Sorochan

THE CONFERENCE ON YOUTH AS A PLOT

Tver State University

33 Zhelyabova str., Tver, 170100

The article summarizes the results of the conference Youth as a Plot, held at the Tver State University on April 5—7, 2018. The researchers discussed representation of time in fiction. The category “youth” was considered in relation to the concepts of “moment” and “eternity”, “past” and “future”, “maturity” and “old age”, which are going to become topical at new conferences.

Key words: time; representation; history of literature; youth; magazine “Youth”.

About the author: *Alexander Sorochan* — PhD, Professor of History and Theory of Literature at the Tver State University (e-mail: bvelvet@yandex.ru).